

Лу Энн

Доно Заруны

книга вторая

С того времени, как Лана ступила на земли Заруны, прошло три года. Три года с мужчиной, которого очень любит и существом, которое никогда ее не оставит. Пусть теперь Забаву и не считают королевой, но все равно для Ланы она самый лучший и преданный друг. Да и на планете не все так гладко и хорошо. Прежние правители затаили злобу и готовят месть. Грядет война. Лана, Лахрет и их друзья находят так долго искомую книгу и обнаруживают скрытый путь в покинутый город. Город, где хранится тайна происхождения человечества на Заруне и, возможно, секрет того, как уничтожить извечных врагов людей, тараканов. Отыщут ли они его и что там найдут?

Часть 1. Сон памяти и Полет Забавы

Предисловие

Раголар стоял в зените. Я остановилась на середине поляны и, прикрываясь ладонью, подняла глаза, чтобы посмотреть на небо. Яркие лучи нещадно палили голову и увеличивали усталость в разы. Я изнуренно вздохнула и продолжила путь. Казалось, ему нет конца и края. С трудом продираясь сквозь непроглядные дебри тропического леса, насквозь пропитанного почти ощутимой влагой, я бежала что есть сил туда, где, как полагала, нас ждал катер. Мшистая почва пружинила под стопами, хоть как-то ускоряя тяжелые движения. Воздух с хрипом вырывался сквозь сдавленные бронхи. В черепной коробке все плыло и скакало. Дико колело в боку. Перед глазами веселились в безумном хороводе звездочки. В ушах громоподобно тукал пульс. Но безумный страх, отчаяние и жгучее желание жить гнало меня и мою крылатую спутницу вперед.

Забава, по рождению королева крылатого племени планеты Заруна, а по обстоятельствам простая нира, изо всех сил старалась не отставать от меня. Плотно прижимая к телу изорванное крыло и прихрамывая на левую лапу, она казалась бледной тенью. В нее полчаса назад метко попал дротик, наконечник которого был смазан ядом местных зловещих растений. Силы покидали ее пугающе быстро.

Я решила идти впереди, полагаясь на свою необученную интуицию и слабое чутье. Помочь нам моя спутница не могла. Сейчас белоснежно-серебристая ниясыть, верно следовавшая за мной по пятам, не могла быть хорошим проводником. Израненная, полуживая, изнеможенная, она старалась крепиться и хотя бы не упасть где-нибудь у необъятного ствола дерева-великана. Счет шел на минуты. Преследователи пугающе дышали нам в затылок. Даже природа казалась враждебной и постоянно создавала препятствия на пути: то в виде висящих вьющихся растений, то колючих кустарников, то глубокого оврага. А в сочетании с влагой и жарой — это казалось кошмарным сном наяву.

Задыхаясь от усилий и бега, я склонилась над единственной тропой, оставленной дикими зверями, и подолом вытерла грязный пот со лба. Длинное праздничное платье из синего шелка с безупречной ириданской вышивкой испачкалось от дороги и в некоторых местах из-за сучьев превратилось в бахрому. Ухватившись за подол, я разодрала его до самых бедер, чтобы облегчить движения. Позади с тихим стоном Забава бессильно рухнула на мягкий травянистый ковер. Я оглянулась на нее и ободряюще улыбнулась, заверив, что осталось совсем недолго. Но улыбка вышла очень натянутой и вымученной. Поверить ей мог только слепой. Все же внутри была слабая надежда, что мы доберемся первыми до спасительного места. Впереди уже слышался грохот падающей воды, значит, где-то недалеко находился водопад — верный признак того, что мы с Забавой на правильном пути.

Давая моей спутнице возможность немного отдышаться, я обернулась назад и напряженно прислушалась к звукам погони. Вдалеке, позади, слышался боевой клич местных жителей леса. Они не боялись быть услышанными. Они знали эти места, как свои пять пальцев. Это был их дом, а мы здесь — лишь незваные гости. Разве могут эти странные дикари страшиться раненой ниясыти и слабой женщины? Ведь я никогда не проходила военной подготовки и техники выживания в экстремальных условиях. Моим прямым направлением обучения в главном учебном заведении столицы являлось пилотирование

флайера (летательного аппарата) всех категорий. О выживании речь шла весьма посредственно и только в теории. И, конечно, я слушала в пол уха. Откуда я могла знать, что однажды мне придется продирается сквозь бурные заросли тропических джунглей диких земель, окружавших таинственные горы Градасса? Знала бы место, где упаду, соломку бы постелила. А что теперь жалеть об этом?

Говорили, что в окрестностях гор Градасса живут племена людей, не пожелавших пойти по пути прогресса, и остающихся жить по древним кровавым обычаям. Они не терпят чужаков и совершенно не боятся ниясытей. Но, в отличие от цивилизованных жителей Иридании, они не желают вступать с последними в какую-либо связь. Для них крылатые ящероподобные «правители» Иридании всегда оставались Парящей в небе Смертью. Не знаю, может, это отчасти было и оправданным верованием. Дикие ниясыти не переносили человеческих эмоций, особенно негативных, и агрессивно относились к их источнику.

Мой взгляд скользнул по гибкому силуэту Забавы, создания, который сильно напоминал мне драконов из древних земных легенд. У ниясытей, как называли их жители планеты, тоже были кожаные крылья, как у летучих мышей, длинная шея с клиновидной головой, фасетчатые глаза и длинный подвижный хвост с пушистой кисточкой на конце. Только вместо чешуи у них была шелковистая теплая кожа. Да и внутренний мир, характер, потребности и способности круто отличались от кровожадных драконов земной мифологии. То, что я узнала о них за те три с половиной года, что прожила на чужой планете, сильно потрясли мою фантазию и радикально перевернули мышление.

Подобравшись, глубоко вздохнув, я собралась с духом и поманила усталым жестом подругу:

— Нам надо идти дальше. Они уже почти догоняют.

Она с болезненным стоном поднялась на дрожащие лапы. Бока ее часто вздымались. Ей не хватало воздуха. Глаза затянула пелена боли. Забава уже почти ничего не видела перед собой. Яд проник глубоко в организм и с ускорением замедлял её нервную деятельность. Она уже была не в состоянии даже думать. Шла за мной скорее рефлекторно, чем осознанно, движимая больше инстинктом самосохранения, чем разумом. Мое сердце жалостливо сжалось от искреннего сочувствия. Однако сейчас не время для сантиментов. Это час, чтобы выжить и не стать жертвой.

Понимая, что нельзя останавливаться, мы снова продолжили путь. Каждый шаг давался с трудом. Заросшая дорога впереди петляла, как хвост взбесившейся змеи. Забава все-таки не отставала.

В какой-то момент, когда громopodobный рев водопада уже начал заглушать все возможные крики и возгласы погони да звуки живой природы, мы вырвались на поросший коротким дерном берег реки. Оглянувшись на белую пелену падающей воды, брызгами отлетающей от темных каменных глыб, я, хрипло дыша, уперлась в исцарапанные колени. Это тот самый водопад, о котором говорил Наран. Далее эта притока впадает в широкое русло единственной вытекающей из гор Градасса реки. Терро-Итар. Самая широкая река, протекающая почти по всей Нижней Долине и находящая свое устье на западном побережье океана Охор. Оставалось совсем немного.

Я на миг застыла, повернув голову назад и напряженно вслушиваясь в окружающие звуки. Но из-за рева падающей воды все сливалось в одну безумную какофонию неразборчивых звуков.

«Странно, — подумала я. — Почему они до сих пор нас не догнали? Не может быть,

чтобы мы двигались быстрее. Ведь это их дом...». Все же думать об этом не стала, поскольку это тоже требовало сил. Лучше поберечь их для бега (если наши с Забавой передвижения можно таковым назвать).

Проведя вспотевшей от страха рукой по измазанному липким соком растений и грязью лбу, я с шумом выдохнула и повернула вдоль бурлящего горного потока. Забава использовала каждую секунду, чтобы присесть на мгновение. Но я старалась не обращать на это внимания. Нельзя. Нельзя задерживаться ни на миг, чтобы не стать жертвой кровожадных дикарей — неожиданного контраста мира Иридании. Я знала, что там, впереди, в устье реки нас ждала спасительная защита турельных установок боевого катера Ира, снаряженного Нараном на экспедицию в поисках Зарнара, покинутого Древнего города...

Часть 1. Сон памяти

Этой ночью я видела сон...

Он был настолько реальным, что, проснувшись, не сразу поняла, где нахожусь. Все вокруг смешалось в пугающий винегрет мыслей. Часто дыша и обхватив влажными от страха ладонями голову, я села в постели. Смотрела и ничего не видела. Что же это было на самом деле? Сон или нечто большее? Только после долгих минут раздумий, я потрясенно осознала: ко мне вернулась память! Так внезапно и резко!

Просто в один момент, вдруг, уяснила, кто я и откуда пришла. И это меня ужаснуло. Ужаснуло настолько, что показалось полным и абсолютным безумием. Такого не может быть, просто потому, что не может и всё тут! Но то, что я вспомнила, было таким же реальным, как и то, что я — Лана Ноа, наездница нириты Забавы со способностями королевы и жена самого выдающегося и сильного человека Иридании (как, впрочем, и всей Заруны) Лахрета Ноа.

Однажды, много месяцев назад, я очнулась на опушке леса возле огромного поля сладковатой нравы. Встав на ноги, поняла, что ничего не помню. Ни имени, ни прошлого, абсолютно ничего. Мало того, не знаю даже языка, на котором разговаривало местное население. Потом мне крупно повезло, поскольку я сразу же встретила самых добрых людей Иридании. Стала их дочерью и сестрой. В то время, когда жила у них, я много узнала о правилах и законах, а также традициях и обычаях населения. Выучила язык.

Еще в самом начале я обратила внимание на то, что сильно отличаюсь ото всех. Отличаюсь не только языком, но и мышлением, возможностями и способностями. Например, я не умела говорить на языке мысли, или не обладала телепатией, как все остальные. Потом, у меня были светлые волосы, в то время как у всех жителей страны они были исключительно черными. Физически я была слабой и неподготовленной. Как бы ни старалась, но догнать в физподготовке даже при употреблении полезных напитков, не могла. По сравнению с остальными, я выглядела воробышком на фоне прекрасных орлов. Однако особенно я отличалась эмоциями, точнее их проявлением. Местное женское население, за редкими исключениями, было сдержано. Особенно сдержано в отношениях с мужчинами, так как их пристальное внимание причиняло женщинам физическую боль. Это было следствием некогда бушевавшей на планете много сотен лет назад эпидемии. В итоге, все, что во мне было сильным — это мои эмоции. В остальном я уступала окружающим.

Затем судьба привела меня в столицу страны и дала возможность пройти сакральную Церемонию Единения с существом, которое дает своему наезднику невероятную власть. Власть, связанную со способностями — ниясыти были способны перемещаться в пространстве за считанные секунды (другими словами телепортироваться). А так же

законную. По-сути, Ириданием, страной, где я очутилась, правили те, кто сидел верхом на этих крылатых созданиях. Конечно, я этой власти не хотела. Ее мне настойчиво навязали, так как я являлась наездницей ниясыти. Мало того, не простой ниясыти, а будущей матери рода. Я назвала ее Забавой. Она стала для меня самым лучшим, преданным и любящим другом. Это было невероятным даром, полученным при Церемонии. И потом я никогда не жалела об этом.

Некоторые могут подумать, что я поступила малодушно, по воле течения: куда река правит, туда и плот плывет. Что нужно было бы бороться и что-то доказывать. Но кому и что? Очнувшись с разумом, подобным чистому листу, пришлось только приспособливаться к обстоятельствам. Если не можешь что-либо изменить, измени к этому свое отношение. Да, во многих моментах я поступала по-детски, нерационально и до безобразия наивно. Да, общество, построенное на таких правилах, может быть подобно тоталитарному режиму. Да, мною воспользовались, защищая свои интересы. При всем при том, взамен это же общество подарило много хорошего. Нормы и правила, законы и традиции на Заруне руководят жизнью всех. Шаг вправо, шаг влево — гибель. Но благодаря этому порядку, оно смогло выжить. Выжить и найти путь к процветанию. Сопротивляться нет смысла. Как жить не по правилам? Хотим мы этого или нет, каждый день мы подчиняемся им. Например, дышим, кушаем, пьем. Эти потребности руководят нами, но мы же за это не обижаемся на организм? Мы понимаем, что это для нашего же блага.

Так вот, вообще, к чему это я? Я стала частью этой системы. Пусть и не боролась, поддалась установленным порядкам. Все же во всем этом научилась быть счастливой и извлекать хорошее из плохого. Даже то, что мне навязали маленькую ниясыть, заставив быть ее наездницей, не сделало меня несчастной. Не все рождаются с сильными характерами, но все могут побороть свои страхи и повернуть события так, чтобы радоваться жизни. Забава сделала меня сильной. Она научила меня быть смелее и увереннее в себе. Как можно этому союзу не радоваться? Пусть это влекло за собой некоторые неудобства, я никогда даже не допускала мысли, чтобы отказаться от этого союза.

После Церемонии я автоматически стала студенткой специального учебного заведения (атконнора). Там познакомилась с будущим мужем Лахретом Ноа. Он был Начальником Службы Безопасности страны, а на тот момент выполнял обязанности преподавателя атконнора. Это было необходимо в силу многовековых законов, существовавших в государстве, для того, чтобы передавать ценнейший опыт последующим поколениям. Особенно этого ожидали от Лахрета, так как он был выдающейся личностью и героем легендарной битвы при городе Ерноне, когда, наконец, были изгнаны с континента людей враги всего человечества. С самого начала я боялась, что человек, которого я выбрала себе в мужа (скорее, это он меня выбрал), хотел лишь власти. Что он был не искренен. Поэтому сомневалась во всем. Устраивала истерики. Как бы то ни было, искренен он был или нет в самом начале, Лахрет относился ко мне тепло и с уважением. А в какой-то момент я поняла, что он питал ко мне сильные и настоящие чувства.

В атконноре я узнала о страшной истории Иридании и о тех самых врагах — тараках. Эти существа похожи на двуногих ящеров. Были очень агрессивными и использовали людей, как генетический материал для особой процедуры очищения и обновления генома последующего поколения. Причиной такой их потребности являлось то, что они были гибридами людей и некогда существовавшей на Заруне расы разумных существ, похожих на прямоходящих ящеров с бежевой мелкой чешуей. Их называли гернами. До сих пор

появление тараков на Заруне являлось загадкой. Никто не знал до конца, что двигало гернами при их создании и почему сами создатели вымерли. Все же, как бы там ни было, теперь существование тараков на Заруне внушало всем людям панический ужас и держало в постоянном напряжении.

Однажды люди смогли изгнать тараков с земель родного континента, в тот самый памятный день при Ерноне. После этого они установили огромный энергетический барьер вокруг материка и обрели шаткий мир. Как долго он продлится, никто не знал, поскольку это поле было лишь экспериментальным и имело много недочетов. А в последнее время вышки, являвшиеся частью целой системы и создававшие это поле, начали загадочным образом выходить из строя. Те, кто знал об этом, хранили в сердцах страх о грядущем. Особенно тяжело было тем, кто видел времена вторжений тараков. Мой Лахрет был одним из них.

Ещё, через приблизительно полгода моего обучения в атконноре, я попала в плен к таракам. Этому поспособствовала тогдашняя правительница страны Мара Ниасу. Ею двигал гнев и подспудный страх, что Лахрет, который получил власть, когда женился на мне, мог забрать верховную власть у нее и ее мужа (скажу, это было вполне возможно, благодаря выдающимся способностям Лахрета и моей Забавы). В плену я познакомилась со странным существом Мэноной. Он был тараком. Но необычным. Среди тараков такие были не в почете. Их называли гадаками. Роль гадаков в таракском обществе заключалась в том, что они следили за генетической чистотой их расы и создавали всевозможное оружие. О Мэноне можно говорить много и долго, так как это была неординарная и очень человеческая личность. Когда меня спасли, то Лахрет решил забрать его с собой в Ириданияю, где гадак стал жить в одном из медицинских атконноров Ира, столицы страны.

Найти и спасти меня смогли благодаря нашей с Забавой особой связи. Все же вред, нанесенный мне в зловещих лабораториях в плену, был ужасающ. Одной из страшных последствий являлась болезнь Забавы и ее бесплодие. В результате, она лишилась всех привилегий, которые имела как королева, и стала обычной нирой, то есть бесплодной ниясытью. Но, скажу, что скорее привилегий лишились я и Лахрет, а не она. К ней крылатый народ продолжал относиться с глубоким почтением.

Но самым интересным и главным событием для меня стало обнаружение таинственной комнаты в подземном книжном хранилище атконнора. Наран, близкий друг Лахрета, верил, что существует некий источник знаний о Заруне, который он называл Зарунской рукописью. По его мнению, этот источник объясняет не только существование людей и тараков на планете, но и может подсказать, как навсегда покончить с их угрозой.

После тщательных исследований этой комнаты и ее интерьера, в которых участвовал еще один неординарный персонаж по имени Зунг (главный хранитель библиотеки и хороший знаток древнего языка), мы наткнулись на одно препятствие. Оно заключалось в особенной книге, которая была ключом к дальнейшим действиям. Скорее всего, она должна была открыть нам путь, где находится тот самый источник знаний. Мы никак ее не могли найти. Все усложнялось тем, что не знали даже, как она выглядит. Только ее размеры и толщина. А еще древность. Всё. Именно поэтому, уже два с половиной года, ответ на вопрос о том, где находится важное для Заруны место, остается такой же тайной, что и несколько тысяч лет назад.

Вслед за теми насыщенными событиями, в моей жизни все устаканилось. Прежних правителей, которые были виновны в моем пленении, судили и сослали в трудовое

поселение, лишив их не только всего, что те имели, но и власти вместе с привилегиями. Они затаились. Но Лахрет знал, что это лишь иллюзия. Тирет и Мара Ниасу, те самые правители, никогда не смиряются с потерей власти. Поэтому он следил за ними.

Я же продолжила учебу в атконноре. Лахрет вернулся после двух лет работы в атконноре в Главное Управление Службы Безопасности Иридании. В последнее время я его практически не видела, что страшно расстраивало. Он объяснял это тем, что много работы. Приходилось верить. Часто я проводила время только в компании Забавы и друзей. Постоянными гостями в моей комнате общежития атконнора были Март (сводный брат, сын семьи, что приютила меня в самом начале) и Лия, наездница ниры.

В общем, жизнь моя обрела относительный порядок. К нему я привыкла и уже не ожидала никаких изменений. Даже начало казаться, что так все и будет до конца моих дней.

И вот сегодня приснился этот сон. Сон, потрясший до глубины души и перевернувший с ног на голову сознание. Неужели он — предвестник грядущих перемен?

Я тряхнула головой, пытаюсь прогнать безумные мысли, но они стали моей частью и ничто этого уже не изменит! Я та, кто я есть — женщина из другого мира!

Таня Кравцова...

Так меня звали там... на Земле! В тот день, когда неведомая сила привела меня в мир Заруны, мне исполнилось ровно двадцать лет. Та девушка из прошлого была совсем другой, ранимой и нерешительной. Чуткой и тихой, почти незаметной. Было такое ощущение, что я увидела свою прошлую жизнь со стороны. Жизнь простую и ничем не примечательную. Так мне казалось всегда.

Родилась я в семье военного летчика-испытателя. Многие мечтали быть ребенком военного. А я вот, всегда это старалась скрыть. Нечем тут гордиться. Мама, работавшая заведующей в столовой при военном городке, очень сильно любила моего отца. Так любила, как только могла женщина любить мужчину. Никогда ничего не требовала от него, терпела грубый нрав и частые вспышки гнева. Молча, переносила долгие отлучки и командировки. Сопровождала во всех переездах и никогда ни в чем не упрекала. Разве так может любить женщина? Видимо, может.

Все же они расстались. Мне тогда исполнилось семь лет. Вот оно! Лопнувшее терпение. Она просто однажды собрала вещи и, забрав с собой маленькую меня, ушла. Ушла, потому что не могла терпеть лишь одного — бесконечных измен красивого и обаятельного мужа. Женщины липли к нему, как муравьи к меду, а он не очень-то и сопротивлялся. Первый раз он изменил маме, когда она была на шестом месяце беременности. Простила, когда он приполз к ней на коленях. А потом покатило, как лавина с горы. Одна измена за другой. И она прощала. Целых восемь лет прощала, а потом просто ушла, оставив на столе записку: «Я так больше не могу. Не ищи нас». Мне она говорила, что отец ее никогда и не любил. Что, жил с нами из-за меня, так как был глубоко убежден, что дети должны расти с двумя родителями. А то, что жена его страдала от бесконечных измен, его не волновало.

После ухода, она так и не вышла замуж. Она так и не смогла поверить мужчинам, как бы они не заверяли ее в великой и чистой любви. Помню к нам ходил очень долго один солидный мужчина, желая жениться на маме и даже удочерить меня, девочку-подростка. По правде сказать, он был весьма честный и уважаемый человек. Имел свой бизнес и очень хорошо относился к маме. Но она не смогла... Как говорят, обжегшись на горячем, дуешь на холодное. Жалела она об этом? Она говорила, что нет. Правда ли это? Не знаю. Мама всегда прикрывалась мною, что ей некогда этими «делами» заниматься. Но я думаю, она просто

никак не могла забыть отца.

Покинув военный городок, мы перебрались в столичный город Киев. Там мама открыла ветеринарную лечебницу, так как вторым ее образованием была ветеринария. И вообще, не знаю, каким образом ей удалось стать заведующей в столовой, да и еще такой молодой. Так что я росла среди кошек и собак, часто убеждаясь, что их общество намного приятнее компании многих сверстников, думающих только об одном — залезть под юбку. Мама, хотя и крепко любила меня, никогда не вмешивалась в мою жизнь и предоставляла достаточно свободы. Поэтому я сама выбрала, куда ехать учиться. Я решила, что менеджмент в техникуме — отличный вариант. Потом бы смогла, закончив обучение, помогать маме в управлении лечебницей. Она не возражала.

И еще... у меня была бабушка. Мамина мама. Такая добрая, заботливая и самоотверженная, что казалось, нет таких бабушек больше нигде на свете! Она жила недалеко от Киева. В трех часах пути. Я часто ездила к ней в гости, а летом, на каникулах, вообще пропадала месяцами. Помогала садить огород, следить за большим хозяйством. Бабушка всегда читала старинную книгу, называя ее Священным Писанием, и научила меня молиться. Я всегда уважала ее за это.

Так что я росла в любви и заботе, но без отцовской руки. Папу после нашего тихого «бегства» видела лишь однажды. Он все-таки приезжал навестить меня, а по пути назад попал в автокатастрофу и погиб. Вот так вот. Летал на самолетах, испытывал их, а погиб в аварии на земле. Такой вот парадокс.

Мама после этого много плакала по ночам, тайком от меня, чтобы я не видела, как ей больно. Больно от того, что она хотела изменить в жизни; от того, что так и не случилось в ней; от того, что хотела вернуть в свою жизнь моего отца. Я знала об этом и тоже плакала. Иногда у нее под дверью, прижав к лицу плюшевого мишку. Иногда у себя в постели, обхватив подушку. И очень сильно жалела мамину судьбу, ее несбывшееся счастье и разбитое сердце. Так как однажды уйдя от папы, она так и не ушла от любви к нему. В ее добрых и любящих глазах я часто читала грусть и тоску о человеке, которого она уже давно простила, но которого никогда не сможет вернуть в свою жизнь. Человеке, навсегда убившем в ней веру в мужчин.

В тот памятный день, когда мне исполнилось двенадцать, папа вошел в наш дом с огромным плюшевым медведем и букетом алых роз. Такой красивый и мужественный... именно таким он навсегда остался в моей памяти. Я помню разговор родителей. Папа молил маму простить и принять обратно. Но она отвернула от него полные слез серые глаза и лишь устало ответила:

— Оставь работу...

Он пообещал, что подаст в отставку, вернется к нам, и мы будем жить снова все вместе. Но этого так и не случилось... Поверила ли ему тогда мама, не знаю. Она об этом также не сказала. Но в ту ночь, когда он уехал с намерением исполнить свое обещание и, когда нам сообщили, что он в больнице и лежит в реанимации, мама, бросив все, опрометью помчалась к нему. На похоронах она не проронила ни слезинки, простояв с каменным лицом у гроба, а потом... Я слышала, как из ее комнаты всю ночь доносились всхлипы: она тихо плакала.

Слёзы мамы... что может быть больнее для любящей дочери? Мое сердце разрывалось на части, но я ничего не могла сделать. Я лишь потерянно села возле ее двери, обхватив подаренного папой мишку, и со слезами на глазах тоскливо гладила закрытую дверь

маминой комнаты. Не знаю, может, именно тогда, в далекие детские дни, внутри что-то сломалось. Я стала подсознательно бояться мужской любви. Тихое неверие мамы незримо передалось и мне. Будучи девушкой, учась в школе и техникуме, я гнала от себя всех, кто хоть как-то пытался за мной ухаживать. Всю свою любовь я отдавала животным в нашей ветлечебнице и питомнике. И была счастлива.

Эти детские воспоминания болью отзывались в душе. Я всегда гнала их от себя, заставляя себя поверить во что-то хорошее и надеяться, что в моей судьбе случится счастье.

А еще этой ночью я отчетливо увидела тот страшный день, когда попала в этот чудесный мир Заруны. И вряд ли его когда-нибудь забуду.

В тот черный день я приехала к бабушке на выходные в гости. Всего несколько дней назад я защитила диплом и хотела поделиться радостью со вторым самым любимым человеком на земле — бабушкой Таней, в честь которой я была названа. Она как раз кормила меня своими фирменными варениками, когда позвонил неизвестный номер. Я подняла трубку:

— Кравцова Татьяна? — послышался чужой голос.

Мое сердце испуганно сжалось в груди.

— Да, это я.

— Вас беспокоит фельдшер из скорой помощи. Мы вашу маму возим с острым приступом аппендицита. Случай очень запущенный и сложный. Угроза гнойного разрыва. Мы ее подобрали в супермаркете. Она дала ваш номер телефона как близкого родственника. Мы возим ее в Александровскую клиническую больницу, — сообщил обеспокоенный мужской голос.

Говорил мужчина быстро и громко, а на фоне был слышен вой сирены. Сердце пропустило удар и сперло дыхание.

— Хорошо. Я буду, — уронив руку на стол, ответила я.

— Что? — бабушка испуганно расширила глаза, припав к столу. — Что случилось? Ты так побледнела!

— Маму возят в скорой в больницу... — находясь в шоковой прострации, растянато ответила я. — Мне нужно ехать.

— Батюшки! — бабушка схватилась за сердце и с шумом грохнулась на стул. — Конечно, Танечка, езжай. Прямо сейчас езжай. А я завтра...

Она нервно теребила подол фартука и, распахнув рот, качала головой.

Как во сне, я медленно поднялась из-за стола, пытаюсь осмыслить услышанное, а потом, как укушенная, помчалась в свою комнату собирать скудные вещи. В голове назойливыми мухами кружились страшные мысли. Кое-как запихав в рюкзак пару кофточек, мобильный и паспорт с кошельком, я скоро выбежала в коридор. Бабушка встретила меня и протянула банку, закутанную в полотенечко с еще горячими варениками.

— Как доедешь, позвони, Танюша. Я буду переживать, — она прижала руки к пышной груди и глядела на меня уже тусклыми от старости любимыми глазами.

— Конечно, бабуль, позвоню, — чмокнув ее в морщинистую щеку, ответила я и нагнулась застегивать сандалии. — Все, пока. Я побежала. Люблю. И не волнуйся ты так. Простой приступ аппендицита. Все будет хорошо, — постаралась успокоить ее, не веря ни единому своему слову.

Она недоверчиво поглядела на меня из-под лба, покачав головой. Скользнула теплой рукой по моей щеке и махнула на прощание.

На дворе уже вечерело. Я бросила взгляд на развидневшееся после дождя небо, вдохнув влажный пропитанный озоном воздух, и посмотрела на время в мобилку. Мамочки! До последнего автобуса оставалось пятнадцать минут, а мне еще бежать до остановки не меньше двадцати. Я кинулась к калитке, проклиная все на свете возле тяжелого старого засова, который нужно открывать пять минут не менее. Руки трусились как у алкоголика. Когда спешишь, как же все нервирует! Закрывать за собой калитку даже не думала и со всех ног бросилась бежать в сторону остановки. А тут еще узкий сарафан мешает бежать. Я бесстыдно задрала его выше колен и побежала так, как не бегала даже в школе на физкультуре. Рюкзак неприятно хлопал по спине, подпрыгивая при каждом шаге. Ветер шелестел в ушах от скорости, резко закололо в боку и сперло в зобу, но я продолжала себя гнать что есть силы. Мне еще сосед что-то вдогонку кинул некультурное, но я не ответила, сохраняя силы для бега.

Вот выскочила на дорогу, ведущую к трассе Харьков-Киев. В поле зрения среди цветущих кустов сирени замаячила знакомая облупленная остановка. С непривычки зажгло бронхи, и с хрипом вырывался воздух из часто вздымаемой груди. На остановке никого не было. И тут завиднелся желтый силуэт автобуса «Богдан». Как кто сзади шилом кольнул, я прибавила ходу. Ору что есть силы, махаю руками, чтобы подождать, но трижды проклятые кусты скрыли меня из виду от водителя. Он промчался мимо остановки, даже не замедлив скорости. Поэтому там я увидела лишь задний обзор последнего автобуса на Киев.

Уронив в бессилии руки, я плюхнулась на лавочку, и очумело уставилась вслед уезжавшего «Богдана». Я не могла поверить, что опоздала. Через десять минут бестолкового сидения на полуразломанной лавочке поднялась на дрожащие ноги с твердым решением идти на трассу. Туда шлепать около километра. Но ничего. Дойду, а там поймаю попутку и доеду до Киева. А там все просто. По крайней мере, я так думала....

Вот тут и началась история моих постоянных кошмаров.

Передо мной вытянулась длинная темная дорога. Вдоль нее стена из зеленых рослых деревьев. Мокрый асфальт после дождя блестел в свете фар приближающихся машин. Они, слепя глаза водителей встречных автомобилей, с воем пролетали мимо. Гудя мощными моторами, проезжали огромные фуры. Солнце уже почти зашло за горизонт, опалая развидневшееся небо алыми красками заката. Я стою на краю дороги и машу рукой. От яркого света фар щурю глаза. Сердце в груди бешено колотится от волнения. Я не привыкла ездить попутками. «Пожааалуйста!» — почти пританцовывая, молю проезжающих. Уже столько времени пробежало, как пришла сюда, стало прохладно, и я зябко ежилась. Вот, наконец, остановилась одна. Жигули. Когда-то она явно была белого цвета, но из-за толстого слоя грязи и пыли, сейчас казалась серой. За рулем сидел лысоватый мужчина в очках и дополнительной подушкой безопасности в виде шарообразного живота. Рядом — худой и с усами.

— Садись деточка! — махнул рукой водитель.

— До Киева довезете?

— Чего ж нет! Довезем! Садись!

Они слащаво усмехнулись и кивнули на заднее сидение. Что-то было в их глазах. Подозрительное. Но мне некогда было об этом думать. Надо срочно ехать и я уже начала замерзать.

— Спасибо, — облегченно выдохнула я и захлопнула за собой дверцу.

— Дык чего нам? Не ногами же тормозили! — зареготал водитель и тронул машину с

места.

Уложив рядом рюкзак, я облегченно вздохнула и уютно уселась на сидении. В машине пахло бензином и изрядным перегаром. Не знаю от кого. То ли от соседа водителя, то ли от обоих. От этого сердце испуганно екнуло. Не попадем ли мы в аварию по нетрезвости водителя? Но ровная езда машины заверила меня, что водитель трезв, как стеклышко. А вот сосед! Язык у него оказался, как у коровы! Он постоянно острил, посылая в мой адрес пошловатые шуточки и делая непристойные намеки. Я пыталась гнать подозрения, отвечая кратко и стараясь быть вежливой, хотя неприятные намеки вызывали у меня исключительно приступы тошноты. Водитель постоянно осекал своего усатого дружка, что внушало мне надежду, что все-таки мы доедем без приключений к месту назначения. Они говорили о замужестве, о проститутках, о настоящих мужчинах. Через час я уже жалела, что села к ним в машину.

На улице уже стемнело, когда мы проезжали мимо хвойного леса. Водитель, назвавший себя Коляном, сообщил, что хочет «отлить» и, остановив у обочины машину, вышел. За ним вышел и усатый, по имени Вован. Я осталась одна. Внутри ядовитой змеей зашевелилось жуткое подозрение, что тут явно что-то не так. Было уже совсем темно и лишь фары проезжавших машин иногда освещали дорогу и часть леса. Благо на такой трассе даже ночью часто ездят машины. Поэтому я увидела то, что, возможно, и спасло мне жизнь. В один из моментов, когда мимо проезжала громадная фура, грозно рыча мощным мотором, на фоне яркого слепящего света ее фар я увидела два силуэта. Один, худой и высокий, стоял спиной ко мне, а второй, похожий больше на шар, стоял в пол оборота. В этот миг он повернул голову в сторону стоящей машины, и очки зловеще блеснули отражением от света фар. Они о чем-то договаривались. Желудок болезненно сжался в страхе, послав волну дрожи к рукам. Мозг красочно нарисовал возможные варианты дальнейшего поведения мужчин. Больше я не думала. Распахнув настежь дверцу машины, забыв рюкзак на сидении, выскочила из автомобиля и, что есть духу, бросилась в темноту леса.

— Куда ты, крошка?! — узнала я гнусавый голос Вована.

Быстро пришло понимание о правдивости моих догадок, от чего дикий ужас придал мне ускорения. Но они явно не хотели просто так сдаваться и оказались, не смотря на вес и возраст, удивительными бегунами. Кто знает, что их подгоняло? Похоть? Беспокойство, что жертва выживет и напишет заявление в полицию? Я об этом не думала. Просто бежала и боялась, что они вот-вот догонят и сделают страшное дело...

Ломясь сквозь бурелом и густые заросли молодняка, спотыкаясь, задыхаясь от дикого бега, я слышала позади крики и возгласы преследователей. Упала. Порвались одновременно обе застежки, и сандалии легко слетели с ног. Возвращаться за ними не стала и, вскочив со стоном на ноги и стиснув с силой зубы, прихрамывая, побежала дальше сквозь темноту леса. Еще раз двадцать споткнувшись, пару раз растянувшись во весь рост, я выскочила на высокий глинистый берег небольшой речушки. На небе появился серп убывающей луны, осветив желтым мягким светом спокойные воды. Активно заводили хоровод жабы, праздную свои свадебные церемонии. Ухал где-то высоко филин, но мне эта картина никак не казалась живописной. Молотом сердце отдавало в ушах, заглушая все окружающие звуки, а хриплое дыхание довершало шумовой эффект. Внизу в метрах трех искристым серебром блестела вода. Достаточно высоко, но не слишком, чтобы убиться. Что делать? Опасливо оглянулась, затаив громкое дыхание. Где-то хрустнули ветви бурелома, послышался стон и усталый храп. Они рядом! Я снова обратила взор вниз на речушку и остолбенела. Между

мною и водой что-то засветилось слабым голубым сиянием и показалось, словно воздух заволновался. Почудилось? Плод больного испуганного воображения? Иллюзия зрения? Долго думать не пришлось. Резкий звук сломленной ветви в нескольких шагах позади толкнул меня вниз и... яркая вспышка, затем пугающая темнота, ледящий кровь холод, словно мою голову клешнями медленно сдавливают невидимый титан. Миллион игл вонзился холодным металлом в мозг и всё. Пустота.

А потом мир вокруг изменился. Я изменилась. Жизнь изменилась.

Открываю глаза. Вижу новое небо, вдыхаю кристально чистый воздух и понимаю, что что-то не то. Ничего не помню. Не знаю, что делать дальше. Таким был мой последний день на Земле и таким был мой первый день на Заруне...

С тех пор минуло немногим более трех лет. Этот мир, взяв меня как чистый лист, написал мою новую историю. Он научил меня дышать зарунским воздухом, думать как житель Заруны и жить как ириданка. Я стала другой. Более решительной, смелой и уверенной в себе. Я обрела самых дорогих мне существ во всей Вселенной. Забава. Лахрет. Братец Март. Лия. Магон. Неугомимый и неугомонный Зунг, искатель древностей. Мрачный Наран. И даже этот мегащепитильный Мэнона... они стали частью моей истории. Они стали частью меня.

А теперь память вернулась. Кто же я теперь? Таня Кравцова или Лана Ноа?

Обхватив в безысходности голову ладонями и запутав пальцы в русых кудрях, я тихо застонала. Как теперь соединить воедино две совершенно разные личности? Как научиться жить с таким немыслимым прошлым? Мне же никто не поверит! Это же полный абсурд! Я — с другой планеты! Меня же на смех поднимут. А Лахрет... что он обо мне подумает? Стоит ли ему говорить правду? Просто невероятное безумие какое-то!!! Лучше бы я никогда не вспоминала прошлого. Ведь что я могу изменить? Как вернуться домой? И главное, хочу ли я этого?!!! Где теперь мой дом?

Я оглянулась на блестящую избела-серебряным глянцем громадину, развалившуюся просто на невероятно огромной кровати. Она сладко сопела в две дырочки, не подавая никаких признаков беспокойства, как это часто бывало, когда мне снились кошмары. Близился рассвет. Перед рассветом ее сон был особенно крепок. Забава. Моя драгоценная, преданная, неизменная Забава. Некогда бывшая королева, теперь нира со способностями королевы. Мне нравился ее настрой. Она совершенно не переживала, что не может теперь подарит миру Заруны детей. Для нее вся жизнь и будущее сходились на мне. Главное — что я рядом. Остальное не важно. Во всей Вселенной нет, и не может быть, преданнее существа, чем ниясыть. И она рядом со мной!

Грудь моя поднялась высоко в глубоком вздохе и я, счастливо улыбнувшись ее присутствию рядом, положила ладонь на морду Забавы. Все будет хорошо, пусть часто и не так, как хочется. Ведь она рядом...

Стянув с края кровати ватный халатик и накинув его на плечи, вышла на балкон-террасу. Поежившись от свежего влажного воздуха, я бесшумно подошла к перилам и уронила взгляд на предрассветный Ир. Высокие остроконечные здания, белыми пятнами вырывавшиеся из густоты зелено-бардовых насаждений, казались сейчас особенно сказочными. Легкий туман редкой дымкой стелился среди извилистых улиц города, скрывая первых ранних «птичек», вскочивших со своих постелей ни свет ни заря, чтобы вовремя прийти на работу. Среди густой листвы деревьев, сидя на корявых веточках, чудные утренние птички захлебывались в своей невыразимо сладкой песне, призывая красивых

партнерш на вечный танец любви. Где-то недалеко прогудел аэрокар, пролетая по тихим улочкам. Внизу кашлянул охранник, и гулкое эхо далеко унесло этот звук. Чудесное утро! Утро на планете Заруна.

И тут меня взволновала мысль о маме и бабушке. Как они там? Сделали ли маме операцию? Жива ли она? А бабушка? Что было с ними, когда они узнали, что я пропала? Сколько боли испытали их любящие сердца? Сколько слез они пролили, оплакивая меня? Сердце больно сжалось в груди от этих мыслей. Как же мне хотелось сообщить им, что я жива, счастлива и замужем. Судьба распорядилась так, что потеряв их, я обрела других родных. Мама! Бабушка! Я вас очень люблю! Не волнуйтесь! У меня все хорошо...

Непослушная слеза кривым ручьем заскользила по щеке, опалив ее неприятным зудом. Раздраженно стерев сырость с лица, я шмыгнула носом, и твердо приказала не позволять себе плакать. Однако сердце упрямо ныло в груди, сжимаясь в тоске по родным лицам. Я должна найти способ их найти и заверить, что у меня все хорошо!

Часть 2. Полет Забавы

Не знаю, сколько я стояла на балконе, в задумчивости глядя на предрассветный город. Из оцепенения меня вывела Забава. Она еле слышно прошелестела из комнаты и села рядом, положив подбородок мне на плечо. Поток ее ласковых мыслей и ощущение родного тепла вернули в действительность.

— Ты думаешь о своем сне? — ее мысли немного терялись в потоке моих.

— Угу... — я по привычке положила ладонь на ее надбровье.

— Я тоже его видела...

— Я знаю, — улыбнулась я, давно привыкнув, что мои мысли — мысли на двоих.

Заглянула в ее фасетчатый переливающийся глаз, приятно блеснувший в мягком свете восходящего Раголара, солнца Заруны. Забава уже выросла и размерами обогнала многих нир, ничем не отличаясь от остальных королев. Кто не знал подробности ее медицинской истории, легко путал с королевами.

После выздоровления, каждые два месяца мы с нею летали в медицинский атконнор, что в Небесном Ире, на профилактику и обследования. На этом настаивал Мэнона, по происхождению тарак, по духу — человек. Я знала, что гадак не оставлял надежды найти способ вернуть Забаве репродуктивные функции, во всем виня только себя. Он делал все возможное и невозможное. Пробовал разнообразные формулы, экспериментировал (в разумных пределах) над медицинскими растениями и препаратами. Улучшал и менял уравнения, усовершенствовал и адаптировал их под генном Забавы. Для него это стало целью жизни. Наверное, даже когда он спал, решал необходимые уравнения. Возможно, о физиологии ниясытей на Заруне уже никто столько не знал, сколько этот упорный тарак.

Всё же, несмотря на все его усилия, я не хотела лелеять иллюзий на этот счет. В глубине души, я уже давно решила, что Забава никогда не забеременеет. Что бы Мэнона не говорил, веры мне не прибавлялось. И летала туда только из-за необъяснимой привязанности к чудаковатому профессору-гадаку.

За те два года, что он провел в атконноре Небесного Ира, Мэнона очень изменился. Мне иногда казалось, что в этом неугомонном гадаке было больше человечности, чем в некоторых людях. Те, кто его хорошо знал и тесно с ним сотрудничал, проникался к нему неподдельным уважением. Конечно, у гадака были и неприятели, которые переносили его присутствие исключительно из-за его близких со мной отношений. Иначе где-нибудь уже давно задавили бы в темном переулке. Правда, Мэнона мало над этим заморачивался, будучи

поглощенной отчаянной идеей исцелить мою Забаву. Он просто жил в лаборатории. А на мои укоры, что он почти не отдыхает, он всегда отвечал, что рожден для этого места и другого себе не представляет. Приходилось лишь умиляться его неумной целеустремленности.

Просила остальной персонал во всем с гадаком сотрудничать и давать все, что он попросит. И они слушались. Слушались беспрекословно. Сначала я удивлялась такому почтительному отношению ко мне, потом махнула на это рукой и даже привыкла. Как бы там ни было, была Забава королевой или нет, все считали меня и ее героями. Ведь то, что я вернулась из плена тараков живой и невредимой, являлось колоссальным достижением. Люди, благодаря этой моей печальной эскападе, узнали об укладе жизни врагов то, что не удавалось узнать за сотни лет. Мало того, привела живого пленника. А ведь до этого тараки живыми в плен никогда не давались!

Было время, когда некоторые боялись, что Мэнона хочет украсть важные секретные сведения и удрать обратно на родину. Но когда его однажды обнаружили на пустой стоянке флайеров при разборке двигателя для доработки какой-то там нужной детали одного из медицинских сканеров, то поняли, что он даже не думает о побеге. Он тогда разобрал половину машины, прежде чем его обнаружили. А ведь, если бы он хотел сбежать, сделал бы это раз десять и никто бы не заметил. Тогда, возле флайера он еще громко возмущался, что ему не дали закончить начатое.

После этого многие успокоились и перестали смотреть на того искоса. А когда где-то находили разобранную технику, снисходительно махали в сторону гадака, и спокойно продолжали работу. Скажу, Мэнона не напрасно разбирал оборудование. То, что после он конструировал, становилось сенсацией года. За те короткие два года его работы, было создано такое количество нужного и интересного оборудования, что его мелкие «шалости» с разборами никого уже не раздражали. А у некоторых вызывали даже горячие споры о том, что в ближайшее время гадак наваяет. Кое-кто даже ставки делал.

Затем я подумала о времени, проведенном в книжном хранилище атконнора с Зунгом Тито, хранителем библиотеки. Мы продолжали лелеять надежду, что когда-нибудь все-таки найдем ту самую книгу, что идеально бы подходила под разъемы в пюпитрах в найденной мною комнате. Комнате, о которой мы втайне думали, как о пути к потерянной древней рукописи, открывающей тайну происхождения людей на Заруне. После того, как о существовании этой комнаты, которую мы называли Комнатой Древних, узнали, на некоторое время доступ к ней закрыли. Потом, благодаря влиянию Лахрета, к комнате проход вернули. Только это мало что изменило. К разгадке мы так и не приблизились.

Сейчас Комната Древних — еще одна страничка в истории Заруны, музейный экспонат (если так можно сказать), куда по определенным часам водили студентов и показывали историческое наследие. Никто не знал разгадки этой комнаты. Обнаружение ее не произвело большого фурора. Для большинства это было лишь еще одной археологической находкой Заруны, которых на ней оказалось немало. Так, мы часто вылетали на всевозможные исторические объекты и погружались в давние часы Иридании. Я любила бродить среди обветшавших развалин древних городов, поросших мхом и вьющимися растениями. Я часто представляла себе тех, кто когда-то строил их и жил там. Видела их истории, словно давно умершие возрождались в моей фантазии и ходили по узким брусчатым улицам, сидели в скверах, смотрели представления в амфитеатрах. В общем, я любила бродить среди молчаливого напоминания о забытых «страницах» блужданий

человечества в поисках счастья и гармонии.

Если говорить о политических событиях страны за эти прошедшие два года, то они были не так занимательны. Скорее тяжелы и невероятно сложны. После осуждения бывших правителей, Мары и Тирета Ниасу, лортом Ира (столицы) стал лорт Ханам Кос, муж Рири наездницы королевы Шимы. Высший Совет определил Шиму Старшей королевой, хотя ниясыти, всегда определявшие Старшую королеву, негласно смотрели в сторону Забавы (что вызывало массу недоумения со стороны людей). Шима ей всегда безропотно подчинялась. Пусть люди, следуя Своду Законов, не могли признать бесплодную ниясыть Главной, сам же крылатый народ думал иначе.

Кстати, сейчас в Гнездовье (так называется место, где королевы откладывали яйца) грелось на площадке Рождений двенадцать яиц. К сожалению, среди них королевского не оказалось, что очень огорчало всех. Причиной огорчению было то, что во всей Иридания насчитывалось всего лишь сто две королевы (правда недавно в одном из областных городов одна молодая королева подарила свету одну наследницу). Но этого было слишком мало на двадцать тысяч ниясытей. Печальное соотношение. А ведь еще сто лет назад Иридания насчитывала двести тысяч ниясытей и достойно боролась с таракской угрозой. Однако последняя война унесла слишком много Крылатых Спасителей Иридания. Слишком много... Так что двадцать тысяч — капля в море. И когда случилась беда с Забавой, мир скорбел.

Лахрета в последнее время я видела только на занятиях (он все-таки продолжал преподавать некоторые предметы, но не так, как раньше). Это сильно меня расстраивало. Я до сих пор не знала, замужем я или нет? Конечно, я понимала, что работа, забиравшая просто слоновую долю его времени, изматывала до изнеможения. Угроза таракков усилилась, и каждый наездник был на вес золота. Особенно мой Лахрет. Таланта организовывать, руководить и понимать суть вещей, у него было хоть отбавляй.

На рубежах не хватало опытных наездников. Муж сутками пропадал на границе. Эти скудные свидания — «Привет!» «Как дела?» — просто убивали меня. Близки мы были крайне редко, если это вообще можно было назвать близостью... Я с ума сходила! Сердилась на него. Не разговаривала. Объявляла бойкоты. Не помогало. А еще эта безумная мысль с ребенком! Я дико хотела родить Лахрету ребенка и жаловалась ему на это. Иногда он нервничал, говоря: «Я не Всемогущий!». А порой просто ласково гладил меня по голове и шептал: «Милая, ты же знаешь, что детское аро ниясытей подавляет все детородные функции наездников. Вот Забава вырастет, и тогда мы подумаем. Хорошо?» Я тяжело вздыхала и принимала все как есть. Детское аро ниясыти. Это такая их физическая защита. Они требовали всецелого внимания и не хотели его делить ни с кем. Так что до половозрелости Забавы я и думать должна забыть о ребенке. У меня самый главный ребенок — это Забава. Все остальное потом.

Мысли об этом забрали все утреннее время до полного восхода Раголара. Забава не мешала думать, поглощая мои мысли, как губка, и иногда делая поправки. Воспоминания о моем прошлом она восприняла совершенно спокойно, словно это так и должно быть. И ничего удивительного в этом нет абсолютно. Ну, есть во Вселенной планета Земля. Ну, пришла я оттуда. Ну, и хорошо. Пусть будет так. Она рада, что я пришла к ней. Зачем ломать голову о том, почему и как? Сокрушаться? Я все равно останусь для нее любимой Ланой. Откуда бы я ни пришла. Главное, что пришла!

— Люблю тебя, — нежно покосившись на покоившуюся на плече морду, шепнула я.

— И я тебя, — последовала пауза. — Мы сегодня летим в Небесный Ир?

— Да, дорогая. Вчера вечером звонил Мэнона. Напомнил об этом. Просил не опаздывать. У него там какая-то очередная сенсация. Так что я сейчас переоденусь и буду готова.

— Но прежде я хочу поесть!

— Ладно, тогда встретимся у входа в атконнор.

Она довольно уркнула и, легко перекинув через перила, полетела в сторону огромного ставка недалеко от атконнора. Там обычно кормились все местные ниясыги. В этот ставок регулярно поставлялось достаточно свежей рыбы, и никогда не было проволок. Забава уже давно кормилась там сама и в моем сопровождении не нуждалась, разве что для компании. Даже не помню, когда это случилось в первый раз. Проследив за ее легким и плавным полетом, я развернулась и отправилась за привычными утренними процедурами.

В столовой я оказалась одной из первых. Самой первой ласточкой был преподаватель военного потока, мастер боевых искусств. Нахмутив густые черные брови, он внимательно что-то изучал в своем коме, так что, когда я появилась в проходе, он не повел и глазом. Я заглянула на кухню. Повара, завязывая фартуки, сонно зевали и о чем-то друг с другом тихо переговаривались. На столе у входа стояли оставленные еще с вечера остывшие блюда. Но мне и этого было достаточно. Схватив тарелку с поджаренной рыбой, подвялый салат и, налив стакан сока, я быстро вернулась в главное помещение. Сидя у любимого столика и жуя холодный завтрак, я продолжала думать о своих воспоминаниях. А когда прожевала последний кусок рыбы, пришла к твердому решению никому ничего не говорить о том, кто я на самом деле. Смысл? Все уже давно привыкли ко мне такой, какой я стала. Незачем шокировать окружающих такой невероятной информацией. Для меня ведь ничего не изменилось. Ну, скажу всем, что я инопланетянка. И что дальше? Покрутят у виска и скажут, что Лахрет довел жену до сумасшествия.

Итак, с этим твердым решением я встала из-за стола и направилась к выходу. У лестницы атконнора меня с нетерпением уже ждала Забава. Уютно усевшись на ее теплой шее и привычно ухватившись за шейные складки, я послала свою «ниру» в Небесный Ир. Перед этим, конечно, ясно представила все необходимые для этого ориентиры, как учил меня Лахрет. Это необходимо так же, как для пилота внести данные о конечном пункте назначения автопилоту. Я представила утренний купол медицинского атконнора с четырьмя цилиндрическими башнями по углам, его бело-зеркальную поверхность и дивный ландшафт перед обрывом парящей глыбы. Забава понятливо крякнула, окутала нас защитным полем и вызвала перед нами вход в зияние, — так называемую прореху в пространстве (ниясыги без труда пользовались телепортацией), — легко нырнув в его объятия. Я помню, как однажды спросила у нее, как она это делает. Забава ответила что-то невнятное вроде того, что она просто хочет его увидеть, и оно открывается. Очень понятно, слов нет! Но я не настаивала на детальных объяснениях. Есть вещи, которые Забава просто не могла объяснить, так как делала это на подсознательном уровне. Нас окутал привычный фон радужного перламутра со смазанными разводами, потом десять секунд и мы парим над медатконнором.

Идя перед Забавой по гулким коридорам медицинского атконнора, я снова мыслями возвращалась к прошлому. Разве я могла тогда знать, что буду так легко преодолевать пространство, как сейчас? Я-то ведь и фантастику читала только в школе. Одна из них была о путешествии к Затерянному миру да Таинственный остров Жюль Верна. Больше что-то не припоминается ничего. А тут... с моей жизни можно писать фантастику.

В смотровом кабинете, пританцовывая от нетерпения, нас уже ждал Мэнона. Когда мы

вошли, он учтиво склонился передо мной, продолжая норовить грохнуться на колени в привычном приветствии своей повелительнице (сколько же мне стоило сил его от этого отучить!).

— Приветствую вас, моя хаягетта! — Мэнона уже давно свободно говорил на ириданском

Я коротко кивнула ему в ответ, проследив взглядом, как Забава привычно направилась к специально сконструированной для нее платформе сканера. Затем снова взглянула на гадака. Я давно привыкла к его «неординарному» виду: ящероподобное существо на двух лапах; белоснежные острые акульки зубы; зрачок узкой вертикальной полосой пересекает всю роговицу, за которой едва виднеется белок; ото лба до затылка выступает холмовидный нарост, соединяющийся двумя ветвями в один мыс и складка кожи на задней части толстой шеи. Раньше это вызывало во мне приступы панического ужаса, теперь же я совершенно не обращаю на это внимание. Мало того, настолько привыкла к виду гадака, что спроси, как он выглядит, я бы растерялась. В голове у меня лишь человеческий образ.

— Я вижу, ты уже нас ждал... — рассеянно протянула я, садясь на белый кожаный диван у входа в кабинет.

— Конечно, моя госпожа!

— Что ты сегодня придумал?

— О! — он восторженно выпучил глаза и подпрыгнул к монитору кома, набирая на интерфейсе ряд нужных команд. — Я мучился три недели над этой машиной! Мне вот только недавно доставили нужные детали, чтобы я мог дальше работать!

На Забаву тут же полился неяркий свет сканирующего луча.

— Теперь сканировать стало намного удобнее. Процедура длится несколько минут и видно все в трехмерном воспроизведении, — бубнил довольно гадак, продолжая что-то набирать на сенсорной панели управления.

На экране светилось трехмерное изображение моей Забавы. Рядом каждый орган отдельно, открываясь в отдельных окнах. А возле картинки органа бежали строчки данных о его состоянии. Гадак нажал еще пару иконок на интерфейсе, и из платформы выдвинулась рука-хват, легко коснувшись кожи ниясыти и взяв кровь на анализ. Забава даже не моргнула — ей уже давно не привыкать к иголкам и инъекторам. Мэнона листал окна, довольно кивая, как опытный хирург возле результатов сканирования пациента. Что-то угукал себе под нос, пока не дошла очередь до последнего и самого главного для Мэноны органа, и тут же озадаченно завис.

— Хм... странно... — почухал он подбородок, недоуменно вскинув некое подобие бровей.

— Что? — я тут же оказалась рядом, заглядывая через плечо на монитор кома.

— Не волнуйтесь, госпожа, у Забавы все очень хорошо. Она здорова. Даже атрофированный яйцеклад стал мягче. Но вот это... — он пальцем ткнул на изображение ее репродуктивного органа. — Этого тут не должно быть...

— Ты о чем? — я хмурилась и щурила глаза, будто от этого изображение станет более понятнее. — Я пока что ничего странного не заметила. Все как обычно.

— Не совсем. Вот, смотрите, — он ткнул уже прямо по экрану, и изображение мгновенно увеличилось, приблизив изучаемый орган. — Вот здесь хорошо просматриваются яичники Забавы... Они не развиты, и труба яйцеклада аномально тонка. Все, как и раньше. Но вот за яичниками что-то выступает...

— Что это?

Мэнона нажал пару команд, и изображение немного повернулось.

— Хм... Очень необычно... Похоже на второй яичник. Он сильно увеличен. Необычно увеличен. У нир его нет. Точнее он в рудиментарном состоянии. У других королей его почти не видно из-за развитого переднего яичника. Хм... Надо воспользоваться моим новым изобретением.

— Каким? — я удивленно перевела взгляд на бегающие пальцы гадака по интерфейсу кома.

Вскоре из-за стола, на котором стоял ком, выдвинулся небольшой проектор и испустил пучок света, превратившийся через секунду в трехмерное изображение яичника Забавы, словно он висел перед нами отдельно в воздухе.

Забава заинтересованно свистнула, моргнув двумя веками. До этого Мэнона не демонстрировал ничего подобного. Тот же, не обращая особого внимания на наши удивленные возгласы, держа ладонь возле подбородка, подошел к изображению так, что его нос уперся прямо в край изображения.

— Что это, Мэнона? — я стала за его спиной.

— Это я называю объемным изображением света! — горделиво покосился на меня гадак.

— Голограмма... — загадочно протянула я.

— Интересное название. Хорошо, я так и буду это называть.

— Что ты видишь?

— Вот, смотрите, — он засунул палец прямо в голограмму, чуть выше яичника, находящегося над трубой главного яйцеклада. — Этого я раньше не видел у нее. Я назвал этот отросток «второй канал». В книгах и файлах мало о нем говорить. Доктор Хоши говорил, что возможно, это запасной яичник. Он развивается у королей ближе к половозрелости. Но я не согласен с ним. Когда королева вынашивает в себе яйца... она иногда, может использовать оба яичника. Он у нее тоже развит, только не часто задействуется. Не знаю, от каких природных процессов это зависит, — Мэнона замолк на минуту, задумчиво продолжая чухать чешуйчатый подбородок. — Когда мне дали продиагностировать Шиму перед ее эээ... временем кладки, я не заметил, чтобы этот яичник был задействован. Он находился как бы в спящем состоянии.

— Ты можешь предположить, что это значит?

— Нет. Не могу. Но у Забавы он очень увеличен. Намного больше, чем у Шимы. Может, организм Забавы среагировал так на болезнь? Какая-то необъяснимая реакция на осложнения? Может, активировался резервный вариант? Сложно что-то сказать. Знаешь, как бывает, когда у кого-то отказывает какой-либо жизненно важный орган, например зрение, тогда другие обостряются, забирая некоторые функции неработающего.

— Это плохо или хорошо?

— Думаю, скорее хорошо, чем плохо, — протянул гадак, задумчиво посмотрев на озабоченную королеву-ниру. — Время покажет. Но ничего, что угрожало бы ее здоровью. Нет причин для паники. Кстати, — он повернулся ко мне лицом. — Я приготовил новую вакцину... улучшенная формула. Может, это что-то прояснит? Я работал над ее формулой пол года. Кое-что меня смущало, но вчера на меня снизошло озарение! — он расширил глаза, спародировав одного своего ассистента. Я весело улыбнулась мысли, что тарак старается быть похожим на человека. — Теперь я уверен на все сто! Можно я сегодня его введу в кровь

Забавы?

— Ну, раз ты уверен. Да еще и на все сто, — я пожала плечами и согласно кивнула. — Тогда действуй!

Он довольно передернулся и сразу же бросился к столу, где лежал уже готовый иньектор. Я проследила за суетливыми движениями гадака и перевела взгляд на голограмму.

— Слушай, Мэнон, а откуда у тебя этот голопроектор? Я такого в Иридании нигде еще не встречала.

— Это? — кинул гадак взгляд на голограмму забавиноного яичника, подходя к плечу Забавы. — А! я над ним работал уже давно. Еще в Акноре. Очень упрощает работу. Господин Хоши похвалил и велел мне создать чертежи. Я уже работаю над ними. Скоро будет готов опытный образец для новой лаборатории в западном крыле атконнора. Я буду учить других ими пользоваться, — я чувствовала, как он гордится этим достижением и своей нужностью другим.

Забава равнодушно проследила за вводимым в ее тело иньектором, давно привыкнув, что рядом копошиться гадак. Не помню, когда Мэнона сумел побороть природный страх перед ниясытиями. Но вот уже полтора года точно к Забаве приближался только он. Никого другого она к себе не подпускала, подозрительно косясь на всех. Удивительно это выглядело. Ниясыть и тарак рядом. Самые ненавистные враги Заруны.

— Вот, — похлопав по месту иньекции, выдохнул гадак. — Не мочить два часа. Завтра придете на проверку. Хочу проследить ее реакцию.

— Хорошо, — обреченно выдыхая, ответила я и направилась к выходу.

Забава что-то крякнула по привычке Мэноне, явно делая вид, что прощается с ним, и тоже посеменила к выходу. У двери я остановилась и оглянулась через плечо:

— Ты будешь сегодня с техниками работать?

— Да. А сейчас еще хочу сходить к Шуке, — сядясь возле монитора и вводя какие-то данные, протяжно ответил тарак.

Мэнона так и не перестал называть жену Нарана, друга Лахрета, Шукой. Как назвал ее, когда она была у тарак в плену, так до сих пор и называет.

— О! Кстати! Как там Ята?

— В последнюю неделю Шука начала, наконец, проявлять некоторые эмоции. Я думаю, она идет на поправку.

С того времени, как женщина вернулась в общество людей, мало что поменялось в ее состоянии. Как была она безэмоциональной куклой, так ничего и не изменилось. До сих пор оставалось пугающее ощущение полного отсутствия разума, когда она смотрела на тебя синими прекрасными глазами.

Я смерила ученого взглядом и задумчиво сощурилась. Этот гадак меня искренне удивлял. Казалось, он стремился решить все беды, обрушившиеся на людей по вине тарак. Будто он винил себя в том, что сделали его сородичи и искренне хотел помочь. Мэнона еще в самом начале своего появления в медицинском атконноре настаивал на том, чтобы лечить Яту. Он утверждал, что он единственный, кто знает, как это делать. Но Наран согласился перевести ее сюда только полтора года спустя, после безуспешного лечения в других атконнорах. Говорили, что случай слишком запущен. Ведь десять лет плена — это немалый срок. А здесь при конструктивном подходе гения-гадака Ята начала подавать надежды уже через месяц лечения. Труднее всего было Нарану. Он тяжело переносил присутствие гадака рядом со своей женой, продолжая презрительно называть его тарак. Я долго

«обрабатывала» друга мужа, да и его самого, чтобы убедить в благоразумности перевода Яты в атконнор Небесного Ира. Я утверждала, что тот, кто знает принцип процедуры внушения и потери личности, знает и пути реабилитации. В конце концов, удалось. Мэнона сочетал в лечении химические препараты и психологические тренинги. После этого она начала оживать. Как же тогда изменился Наран! Особенно его отношение к гадаку. Даже начал шутить с ним (чего удостаивались не все близкие, не то что недруги).

По возвращении жены Наран днями пропадал в лечебнице. Наблюдая за её плачевным состоянием, он ужасно осунулся, стал нелюдим. И до этого он был не особо общителен, а теперь... так вообще замкнулся в себе. Стал просто невыносимым. Даже Лахрету доставалось по полной. Однажды я стала свидетелем вспышки гнева: Лахрет не выдержал ворчливости Нарана и наорал на друга, сообщив, что с его тупостью и упрямством Яте станет только хуже. Затем ушел, громко грюкнув дверью. После этого фэгота (военный чин вроде майора) немного попустило и именно после этого случая женщина оказалась в Небесном Ире.

Прокрутив эти воспоминания в голове, я спросила у Мэноны:

— Ята у себя?

— Да. Я пойду к ней, когда уйдет ее муж, — при последнем слове гадак наморщился, выказав искренние чувства неприязни к ворчливому мужчине.

Усмехнувшись такой негативной эмоции довольно сдержанного существа (бедолаге доставалось от Нарана), я покинула кабинет и направилась в сторону, где находилась комната пациентки. Когда я подошла к двери, заметила, что та была приоткрыта. Тихо замерла у щели и заглянула.

Светлая комната Яты была просторной и ясной, обставленной очень просто и незамысловато. Узкая кровать. Стол. Стул. Прикроватная тумба и шкаф-пинал. Большое окно впускало много света в комнату. Ята еще спала, мило улыбаясь во сне. У ее изголовья, положив голову на руки, сидел Наран. Его взгляд был устремлен на её лицо. И в каком-то веке я увидела расслабленное спокойное лицо бывшего моего куратора. Ни капли напряжения, умиротворенность, теплота и нежность прямо-таки сочились из каждой черточки его красивого лица. Он любил свою жену. Любил до умопомрачения. Всегда. Все те десять лет разлуки никак не заглушили этого чувства к ней. Мне показалось, что сейчас перед его глазами проходили многие счастливые моменты их совместной жизни, где они вместе смеялись, преодолевали трудности, любили друг друга. А теперь он сидел рядом и совсем по-мальчишески любовался ею, будучи уверенным, что его никто не видит. У меня еще мелькнула мысль, почему он прячется за маской неприятной угрюмости, отталкивая от себя всех и всё? Ведь на самом деле он не такой. Совсем не такой. Преданный, любящий, заботливый.

Не посмеяв нарушить дивную атмосферу, я так и не решилась зайти в комнату. В другой раз. А пока надо идти назад к привычным для меня делам.

Вернувшись в атконнор, я велела Забаве лететь сразу на парфлет (специальная посадочная площадка на крыше атконнора), где с утра вся моя группа должна была собраться на приору (предмет, на котором мы учились использовать способности ниясытей). Это единственный предмет, где по-прежнему встречались после двух лет обучения те, кто со мной начинал учиться. Теперь мы учимся по разным направлениям. Меня, в результате тестирования, отправили на дальнейшее усовершенствование навыков пилотирования флайеров всех классов. В этом, как оказалось, я успевала лучше всего. А в остальном... что

ж. Хотя это.

Марта (сводного брата) от меня оторвали и направили на углубленное обучение программирования. Он имел колоссальные способности в области математики. Ему в нашей группе не было равных, как, впрочем, и во всем атконноре. Я гордилась им и искренне за него переживала. Конечно, он не оставлял меня насовсем. Как бы он ни был занят, каждую неделю Март вытягивал меня и даже иногда Лахрета на разные увеселительные мероприятия.

Так вот, когда мы подлетали к парфлету, где уже находились все кроме меня, я надеялась увидеть мужа. Каково же было мое разочарование, когда я поняла, что его заменяет Охор Бакст, фагот. Снова. В последнее время он делал это довольно часто. Где пропадал муж, не знала. Я его не видела уже четыре дня. Конечно, в том, что он меня любил, я не сомневалась, а вот работу его проклинала чуть ли не каждый день. Такое ощущение, что он был женат не на мне, а на работе. Стиснув зубы, старательно отучилась и этот день.

Сегодня я, почему-то, особенно много думала о своем браке. С мыслью о том, что у меня есть муж, я уже давно свыклась. Перед глазами пробежали минуты нашей первой встречи, мимолетной и ничего не значащей для меня. А вот для Лахрета тот день, когда он впервые меня увидел на Площадке Единения, остался в памяти навсегда. Он говорил, что именно тогда, когда увидел меня, взволнованную, растерянную и испуганную, понял, что я именно та, кого он ждал всю жизнь. Для такого человека, как Лахрет, самодостаточного, точно знающего чего хочет от жизни, прекрасно понимающего суть каждой вещи, было достаточно и одного взгляда, чтобы понять, кто я и чего стою. А после того, как меня выбрала в наездницы Забава, его мысль лишь утвердилась.

Я же помню другой момент, когда увидела его на кафедре в аудитории. Он переступил порог, прошелся легкой походкой и оглянул всех пронизательным, глубоким взглядом, такой красивый и мужественный, что меня словно током прошибло. Один его взгляд и мне стало понятно, что этот человек достоин всяческого уважения. Конечно, то, что я его люблю, уразумела лишь спустя много дней, после стороннего наблюдения и знаний, которые открылись об этом человеке. Полюбила, хотя и боялась, мучилась сомнениями. Думала, что такой мужчина никогда не посмотрит на такую «чуждаковатую» девушку, как я. Он же так не думал. Для него было все ясно, как день.

Особенно ярко в моей памяти отпечатался миг нашего первого спонтанного поцелуя. Тогда я еще не знала, как мужчины Заруны реагируют на женский поцелуй в губы. Просто я поддалась необъяснимому порыву, всеми клеточками тела понимая, что этот человек равнодушен ко мне и жаждет моего внимания. И потом все покатилося: нежность, признания, заключение брачного договора и первая близость — красиво, как в сказке.

Красивое начало. Мне казалось, что так будет всегда. Думаю, так думают почти все, кто страстно влюбляется. Однако потом начинаются будни, обязанности перед окружающими, быт. Быт у нас, конечно, был не такой, как у многих, но то, что повторяется изо дня в день, монотонный и рутинный порядок и есть быт, который тушит сильные чувства. Их надо поддерживать осознанно. А как поддерживать, если я почти не вижу его?

То, что однажды привлекло меня в Лахрете, и забрало его у меня. Лидер, глубокий и думающий человек, способный предвидеть и просчитать ситуацию на много шагов вперед, мужчина, готовый взять на себя всю ответственность за каждое принятое решение — все это нужно не только мне. Такие люди нужны целому миру. Будучи ятгором (военный чин, подобный генералу), начальником Службы Безопасности Иридании, Лахрет вынужден был

пропадать сутками на работе. Тем более, в настоящее время на границе обстановка очень напряженная. Его присутствие и обдуманные решения необходимы там как никогда.

Спасало меня от полного одиночества лишь неизменное присутствие рядом Забавы. Она никогда не покидала меня и даже не помышляла об этом. Она жила мной, моими эмоциями, мыслями. Причем это единение было настолько ненавязчивым и нейтральным, что совершенно не лишало меня ощущения свободы и воли.

Все же, понимание этих вещей меня не вдохновляло. Женский эгоизм требовал внимания мужа. А сегодня этот эгоизм был невероятно требовательным. Почему, я узнала много позже. А пока температура моего негодования росла по экспоненте. Так что ближе к вечеру, когда небо опалило красное зарево Раголара, я стояла на краю балкона своей комнаты и по-настоящему кипела. Кипела, что называется. Казалось, пар пойдет из ушей. Неожиданно откуда-то всплыли все обиды на всех (особенно на Лахрета) и переживания, а потом смешались с новыми для меня воспоминаниями. Я чувствовала, как бурлит в жилах кровь. Как негодует сердце и требует внимания близкого человека, а его нет рядом. Жару поддавали странные призывы Забавы.

Она сейчас парила над атконнором недалеко от нашего балкона, едва вздрагивая крыльями и опустив низко голову, словно что-то выскивая на земле. Каждое ее движение казалось отпечатком великолепия и изящества. Все, что когда-то давалось ей с великим трудом, теперь делалось свободно и легко. Многие королевы Ира уступали ей в благородности и грации, в легкости движений и неуловимом чувстве достоинства.

Она призывно протрубила, чего я совершенно не услышала, будто меня окутал кокон непривычных ощущений. В голове громким молотом о наковальню билась нарастающая с каждым ударом сердца обида на мужа, на его постоянное отсутствие. Я вдруг, решила, что устала от этого и должна обязательно что-то сделать, причем именно сейчас. Громко спрыснув и раздраженно оттолкнувшись от перил, направилась в комнату за коммуникатором, снова проигнорировав тревожный призыв Забавы.

Переступая порог балкона, я не заметила, как небо начало темнеть от блестящих глянцевых тел ниясытей атконнора. Не услышала низкого протяжного стога множества гортаней в унисон главной песни. Не услышала, как выделялась эта необычная и мелодичная песня парящей в небе королевы. Настолько необычная, словно в вышине выводила прекрасные рулады арабская певица. Не поняла, как повсюду засуетились ниры, прячась во всевозможные дыры и укрытия. Не увидела, как вокруг моей Забавы образовалось огромное завихрение из стальных тел. Они кружили в одном направлении, рисуя в воздухе удивительный танец. И, конечно, я не видела, как внизу, вокруг атконнора позадирали головы все, кто находился на улице, и как они распахнули рты в глубоком потрясении и восторге от волшебной мелодии с небес. Мне было не до этого. В голове царил гневный ураган и невообразимые ощущения, совершенно незнакомые мне, даже чужие. Вместо этого я взяла в руки коммуникатор и набрала номер мужа:

— Лахрет? — резко произнесла я в микрофон коммуникатора, с силой сжимая ни в чем неповинный предмет, когда услышала голос мужа.

— Лана, что-то случилось? — он явно чем-то был обеспокоен.

— Да, случилось! — грозно отрезала я, созерцая, как яркие мошки гнева лихорадочно пляшут в глазах.

— Лирит начал сильно беспокоиться и перестал отвечать мне. Такого никогда не было! Что в атконноре происходит? — он не уловил моего гнева. — Что делает Забава?

— Не знаю, что в атконноре происходит! Зато я знаю, что происходит между нами!!! Сколько можно?! Я тебя не видела и не слышала уже четыре дня! Я ужинаю одна, обедаю одна, завтракаю одна!!! — сердце в груди жестоко сжималось, посылая пожар во все части тела. — Я больше времени провожу с Зунгом и Мартом, чем с тобой! Я даже не знаю, зачем я вообще вышла замуж!

На том конце повисла пауза. Через минуту он отозвался:

— Лана, что происходит в атконноре? Лирит требует меня немедленно лететь в Ир и ничего толком объяснить не может.

— Ты вообще слышал, что я тебе только что сказала?!

— Слышал.

— И?!

— Ты же знаешь, что я на работе. Очень сложная обстановка на рубеже. Тараки начали собирать силы и подступать к Иридании. Поле слабеет. Лана, я не в игрушки играю!

— Я тоже не в куколки тебя зову поиграть! Твоя работа у меня уже в печенке сидит! Пусть она будет трижды проклята! — я сама не понимала, что говорила.

Руки дрожали в лихорадке, часто вздымалась грудная клетка, прерывисто выдавливая воздух. Одно слово за другим звучало обиднее и обиднее. И самое страшное, что это говорила не я. Ведь еще неделю назад я заверяла его в искренней поддержке и сочувствии. Со мной творилось что-то невероятное. Опять, словно в тяжелом сне, сквозь пелену сильнейших эмоций, я услышала призыв Забавы. Она настойчиво рвалась в мое сознание. И делала это с каждой секундой тверже и тверже, словно жаждала моего с ней единения. Но зачем? Особенно, когда я в таком истеричном состоянии? Понимая, что пусти ее к себе в голову, она усилит мои эмоции в сотни раз и обрушит их на остальных, я жестко поставила барьер и продолжила тираду мужу:

— Послушай! Лахрет! Я не шучу. Я устала от твоих постоянных отлучек! У меня нет мужа, которого я выбирала себе! Я хочу его всего и без остатка! А где ты, мне не известно! Если ты намерен дальше такое продолжать, я просто потребую отдельного жительства и велю Забаве не подпускать тебя ни на шаг! Я устала быть одна!!! — прокричала и сразу отключилась, уронив руку с коммуникатором вдоль тела.

И почему меня после этого не отпустило? Наоборот, сцепило и связало внутри в тугой узел.

— Лана! — услышала я снова настойчивый зов Забавы. — Лана!

Стиснув в раздражении зубы, я развернулась лицом к балкону и уставилась через прозрачную гардину на вечернее небо Заруны. Там творилось нечто неопишное. Ниясыти всех возрастов кружились вверху в завораживающем танце. И лишь Забава почти недвижимо висела перед балконом и смуро смотрела немигающим взглядом на меня. Ее почти прозрачные светлые перепонки крыльев, изрисованные тонкими прожилками вен, слегка трепетали в ровном потоке воздуха. Блеск почти исчез с серебристой кожи, превратив ее в матовый белоснежный комок напряженности. Она вновь издала мелодичную переливчатую трель, и я теперь отчетливо слышала многоголосый отзыв парящего в небесах хора. От этого звука мурашки галопом поскакали по спине, и свело в животе.

Что все это значит? Я непонимающе дернула головой и выбежала на балкон. Застыла посередине, заморожено уставившись на удивительный медленный танец крылатых Вершителей судеб Заруны. Сперва это мне показалось хаотичным метанием блестящих тел по небу, но потом я заметила в нем удивительно красивую закономерность. Каждый взмах

их крыльев был подчинен завораживающему ритму мелодичной песни. Эта потрясающая песня казалась шедевром талантливого композитора. Пусть некоторые призывные ноты постоянно повторялись звуком бамбуковой флейты, которой вторили ноты дудука и ритмичный бас барабанов да правильные хлопки крыльев, но эта невероятная мелодия выворачивала все внутренности наизнанку и потом не отпускала сердце ни на миг. А ведущей и самой выразительной «флейтой» была моя великолепная Забава. Неужели такое бывает??? Неужели ниясыги способны на подобное???

Тогда я ответила, наконец, Забаве:

— Говори...

— Ты мне нужна...

— Что происходит? — я взволнованно прижала ладонь к сердцу, ощущая, как медленно от меня отступает гнев, сменяясь недоумением и трепетом.

— Ты нужна мне... — снова повторила она и дернула головой.

— Что я должна сделать?

Огромный фасетчатый глаз загадочно блеснул золотом в свете заходящего Раголара и она повторила новый перелив «флейты».

— Лана, ты нужна мне...

Но я не могла понять, чего она хочет от меня, а ее повторения лишь углубляли мое недоумение.

— Я тебя не понимаю. Объясни, прошу!

— Где Лирит?

— Он с Лахретом.

— Я зову его. Он в зиянии.

— Что ты хочешь?

Она задрала голову и снова протяжно застонала. От этого меня накатило волной и знакомых и незнакомых ощущений. Я боялась признать то, что робко стучало в двери разума. Неужели наступил тот самый день?...

— Где Лирит? — повторила она.

— Забава, ты пугаешь меня. Скажи же, чего ты хочешь?

Она неожиданно прижала к телу крылья и торпедой устремилась вниз. Через мгновение она уже прильнула к перилам балкона, приблизив ко мне голову. От нее пахло жаром. Я поднесла инстинктивно руку к ее носу и удивилась непривычно высокой температуре Забавы. Она горела. Неужели ей плохо? Может, это лекарство Мэноны так действует? Может, надо срочно лететь к нему? Но зачем этот хоровод в небе? Только я хотела было взобраться ей на спину, чтобы срочно лететь к гадаку, как послышался хлопок и совсем рядом из зияния возник Лирит.

Забава резко повернула голову в его сторону и повторила свой зазывной перелив. Лирит тут же ответил басом. Словно ожидая этого, Забава круто прогнулась в спине, оторвалась от балкона и камнем ринула вниз. Прямо у самой земли она, играясь, распахнула полотно крыльев и вильнула вверх. Лирит быстро сгрузив своего наездника, молнией последовал за ней. Воздух содрогнулся от слившихся воедино голосов парящих в небе зрителей. Теперь на этом фоне ритмичного звукового сопровождения особо выделялось два голоса: «флейта» и «басгитара».

Я отшатнулась назад, взмахнув, как крыльями, руками. Тут же Забава с силой ворвалась в мою голову. Теперь я могла ощутить все переполнявшие ее страсти и до умопомрачения

дикое желание полета. Безумного, стремительного и необузданного полета. Каждая клеточка моего тела словно излучала энергию.

В глазах всё поплыло. Сейчас я видела только то, что видела Забава. Мощно работая крыльями, она взмывала вверх всё быстрее и быстрее. Позади послышался восторженный и долгожданный призыв, от которого сердце радостно сжалось. В висках пульсировала кровь, а ноги налились так, что стали как ватные. Мое тело уже мне не принадлежало. Я словно потерялась в пространстве, разрываясь на части. Больше вокруг себя я уже ничего не видела, только небо перед Забавой и безумное желание лететь вперед что есть сил.

Крепкие руки сжали мои предплечья и возле уха родной голос произнес:

— Ты чувствуешь ее?

— Как себя! — выдохнула я, не в силах обернуться.

— Будь с ней. Слейся с ней. Так ты придашь ей сил.

— Лахрет?

— Будь с ней, не отпускай Забаву.

— Что происходит?

— Настал день Забавы. Ее полет любви.

Порывисто вздохнув и быстро проморгавшись, я вернулась назад в реальность.

— Как? Ведь еще рано! Она ведь еще так молода!

Лахрет обошел меня и стал лицом к лицу, обхватив ладонями мои щеки. Сейчас в лице его было что-то новое. Глаза его горели знакомым желанием, и в то же время совершенно другим. На его губах играла улыбка, всегда сводившая меня с ума.

— Она уже выросла, милая моя. И это ее первый полет. Лирит уже летит за ней. Ты должна быть с нею рядом. Слышишь?

Я ощутила, как Забава снова настойчиво потребовала внимания, забирая мои мысли к себе в небо. Я глубоко вздохнула и шатнулась. Лахрет подхватил меня и страстно прижал к груди.

— Не противься, Ланочка. Ты очень ей сейчас нужна. Она все равно заберет тебя с собой, как бы ты не сопротивлялась. А я буду рядом. Я сделаю, что надо...

Его губы жадно прижались к моим, одарив сладостным дурманом, и тело тут же обмякло в его сильных руках. А мысли легко покорились настойчивым призывам моей королевы. Она завладела ими безраздельно.

Теперь я стала Забавой, и все остальное отступило на второй план. Теперь я знала, что надо делать. Надо лететь далеко, быстро и стремительно. Ветер небес наполнял широко расправленные крылья, сильные мышцы легко играли под белой кожей, сердце неистово колотилось в груди. Я ворвалась в пушистые невесомые облака. Вверх, вниз, в сторону. Стрелой прорвав густую пелену небесного пара, я помчалась вихрем над ними дальше, ведомая необъяснимой жадной скоростью. Казалось, я одна легко скольжу в необъятных просторах небес Заруны, пытаюсь догнать алый диск заходящего Раголара. Разреженный воздух верхних слоев атмосферы шелестел в ушах, врвался в могучие легкие, разливаясь свежестью по извилистым рекам вен. Краем глаза я заметила глянцевый блеск позади и оглянулась. Лирит. Он не отставал от меня ни на метр. Я узнала его по легким, благородным движениям, по высоко поднятой над телом головой. Он хороший. Он добрый. Он сильный. Но почему он запыхался? Зачем он летит за мной? Хочет поиграть? Хорошо. Поиграем.

Я резко остановилась, кувыркнувшись на месте. Он не ожидал этого финта и пулей пролетел мимо. Забарахтался в воздухе как маломесячный несмышлениш. Я насмешливо

протрубила и нырнула прямо перед его носом вниз, прижав плотно к телу крылья. Скорость с каждым мигом нарастала, оглушая своим диким безумием и нагоняя адреналина в кровь. Оглянулась. За мной по пятам мчался Лирит. Его промах был незначительным, и он легко исправил оплошность. Теперь он был готов к таким неожиданным поворотам. Но я тоже не промах. Резко распахнув крыло, я прервала стремительность падения и развернулась на кончике крыла, изменив направление. От изумления он вскинул голову и хаотично забил воздух крыльями. Это его немного затормозило, и нур отстал. Ха! И это он учил меня летать! Скорость, просто безумная, бешенная, головокружительная, лишала рассудка, вулканом кипятила кровь. Пусть теперь Лирит догонит меня, непокорную, гордую, неистовую!

Ворвавшись в густую пелену облаков вновь, я насмешливо протрубила, решив, что теперь-то он меня точно не догонит, потеряв в их пелене. Но это я так думала. Только я вырвалась из непроглядной белесой густоты пара, была захвачена в путы крыльев, лап. Через миг мою шею обвила его, лапы скользнули мимо брюха к спине, и я совсем потерялась в стремительности движений. Я растерялась и собрала крылья. В бешеном вращении мы полетели камнем вниз. Земля неумолимо приближалась с невероятной скоростью. Я слышала, как оглушительно громко бьется его сердце, как часто и шумно он дышит. Неужели мы разобьемся? И тут он, прямо за сто метров над поверхностью, расправил усталые крылья, и мы прервали наше дикое пике. А потом... почувствовала блаженное тепло, полившееся в мое тело от самого кончика хвоста до носа...

Я резко села и распахнула глаза. Что это было?! Вокруг все изменилось. Теперь все другое. Моя комната. Знакомый интерьер. Вещи, раскиданные по полу, а рядом лежит Лахрет и довольно улыбается.

— Что случилось? — я удивленно уставилась на мужа, прикрываясь одеялом.

— А ты еще не догадалась? — он закинул руку за голову.

Я прикусила губу и глянула на балкон. На нем неразборчивым нагромождением лежало два свившихся в клубок тела ниясытей. Где была Забава, а где — Лирит, разобрать практически невозможно. Затем повернулась снова к Лахрету:

— Догадываюсь. Но почему мы тут с тобой... кхм... вдвоем... в постели... Я не помню ничего, что было с нами. Только с Забавой...

— Это нормально. Особенно в первый раз. Женщины по-другому переносят брачный полет королевы... — его ладонь скользнула по моему плечу. — Зато я помню все до мельчайших подробностей... Ты была удивительно ласковой...

Я насупилась. Учítывая, что я наговорила ему всего лишь пару часов назад, завершение дня никак не вписывалось в мои слова. Я, как куколка, обернулась одеялом, и встала с постели. Подошла к окну и устремила задумчивый взор вдаль мимо белоснежного блестящего кома.

— Ты чем-то недовольна, — это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Скорее озадачена. То, что только что случилось... оно совсем не соответствует сказанным недавно словам.

Небо уже давно потемнело, и синева его была усыпана еще неясными искрами мерцающих звезд. Из полуприкрытой двери балкона заходил прохладный воздух, нагоняя на оголенные плечи орды мелких мурашек. Позади раздался глубокий тяжелый вздох.

— Ах, ты об этом... — он еще немного помолчал, и я слышала, как он нервно хлопает ладонью по постели. — Я буду считать этот разговор следствием твоего перевозбуждения от эмоциональной нестабильности Забавы. И не буду воспринимать его всерьез.

Я поглядела на него через плечо и сдержанно ответила:

— Лахрет, возбужденное состояние Забавы объясняет лишь мой непозволительно резкий тон. Но я все еще продолжаю обижаться на тебя. Мне и сейчас неприятна мысль, что тебя так часто нет рядом. Подумать только! Летя сегодня на парфлет, я гадала, увижу тебя или нет! Ты являешься передо мной, как ясно солнышко и тут же исчезаешь! Я — твоя жена! Но я не знаю, ни где ты, ни что с тобой! И мало того, жду свидания с тобой, как потрескавшаяся земля — влаги! Это не нормально! Разве мы — семья?

Лахрет сел и согнул ногу в колене, закинув на нее локоть. Нахмурился.

— То есть слова о раздельном жительстве ты говорила осознанно?

В его глазах в свете первой луны Заруны мелькнуло неясное разочарование. Я отвернулась, снова погружившись в чарующий мир ночного неба. Сквозь щель балконной двери кроме прохладного воздуха, в комнату заходили приятные звуки ночного города, смешанные с голосами ночных жителей парка атконнора. Эти звуки переплетались с мерным дыханием больших мехов-легких дремлющих ниясытей. Ответила мужу не сразу, прервав напряженное молчание низким измученным голосом:

— Я хочу, чтобы ты был рядом со мной всегда, как муж и друг. Проводил со мной время, делился своими переживаниями и чувствами. Доверял свои беспокойства и желал со мной близости. Таким я вижу брак с любимым человеком. А ты где угодно, только не со мной. Эти два года я гоняюсь за тобой, как нищий за милостыней. Ради чего? Ради того, чтобы ты прибежал, чмокнул в щечку и снова на работу? Если ты меня и любишь, я об этом не знаю. Ты не говоришь об этом. А моменты, когда мы с тобой были близки, можно посчитать на пальцах... — глубоко и устало выдохнув, словно скинув с себя тяжкое бремя, я оглянулась, желая видеть его лицо, и закончила: — Разве у нас семья? Если ты считаешь это семьей, то какая-то она неправильная... эта семья.

Сказала и вновь отвернулась. Он шумно вздохнул, горестно застонав. Затем встал с постели и подошел, обхватив меня за плечи. Горячее дыхание тяжело легло мне на макушку.

— Прости, что заставил тебя так думать... Мне и самому нелегко это переносить. Но я не думал, что тебе от этого тоже нелегко, — я ощутила поток его мыслей. Они были полны искреннего сожаления. Он до колик боялся слова «раздельное жительство». — Прости... Я действительно виноват перед тобой. Так сложились у нас с тобой обстоятельства. Ты с Забавой на учебе. Она тоже стала в последнее время все меньше спать и требовать твоего всецелого внимания. И моя работа... Понимаешь, то, что я делаю, имеет большое значение для всей Иридании. Мир наш очень шаток и существует угроза нападения таракков. Ты просто многого не знаешь.

— Конечно, не знаю! Откуда? Кто мне об этом говорит? Как же я смогу понять тебя?

Он неодобрительно покачал головой.

— Это секретная информация. Да и ты многого не поймешь.

— Мне не надо подробности. Но в целом...

— В целом я тебе и говорю. Когда считаю нужным.

— Уж слишком редко ты так считаешь, — я надула губы и шагнула в сторону, что вызвало на его лице болезненное выражение. — Мне неприятно, что тебя нет рядом. Выходя за тебя замуж, я думала, что ты будешь помнить о том, что я есть у тебя.

— А мне больно слышать твои слова о раздельном жительстве. Твои претензии необоснованны и резки. Ты знала, что я — начальник Службы Безопасности страны, когда подписывала брачный договор. И должна понимать, что это требует пропасть времени.

— Конечно-конечно! Ты самый нужный в мире человек! Кто я такая?! Разве я имею право тебя просить о том, чтобы ты проводил со мной время?! Пфф! — я в раздражении вскинула руками и одеяло легко скользнуло вниз.

Я вспыхнула и поспешила его подобрать, однако была поймана его руками и окутана объятиями.

— Конечно, имеешь... — взволнованно прошептал он на ухо, покрывая мое лицо поцелуями. — Имеешь на меня все права... прости, я совсем зашился и забыл о тебе. Мне нет оправданий! Прости... прости... я виноват перед тобой... виноват...

Нежные губы скользили от моего уха по шее до обнаженного плеча, вызывая одну волну тепла за другой. Я выдохнула и послушно прильнула к его сильному телу, чувствуя, как под ладонями напряглись его мышцы. И снова охватил голову волнующий дурман страсти, увлекший нас в мягкие объятия шелковых простыней...

*** **

Открыла я глаза лишь только после того, как сладко потянулась. Тело посылало отчет мозгу о приятной истоме. Встретилась взглядом с Лахретом. Он слегка навис надо мной, упершись на локоть, и внимательно разглядывал мое лицо. Ласковая улыбка коснулась его губ, сделав его мужественное лицо приятно нежным и притягательным.

— Доброе утро... — я снова сладко потянулась.

— Доброе. Но не утро, а день. Я думаю, он тоже должен быть добрым.

Я недоверчиво насупилась, пытаюсь сообразить, что он сказал. Потом, как укушенная, подскочила и ринулась было спешить собираться на учебу.

— Ты куда?! — Лахрет поймал меня за запястье и с легкостью уложил обратно.

— Как куда?! — удивленно уставилась я на него. — Так на учебу же пора! Сколько сейчас времени? Наверное, уже прогуляла пару уроков!!! — я снова попыталась встать, и вновь была прижата к подушке.

— Не торопись, глупышка. У нас с тобой сегодня законный выходной!

— Как выходной? Третий день недели!

— У всех наездников после брачного полета их ниясытей автоматически следующий день — выходной. Ты разве не знала? — его пленительный голос напомнил о прошедшей ночи.

— Нет. Не знала, — пауза. Я свела задумчиво брови в одну линию и поймала его черные глаза сосредоточенным взглядом. — Но мне все равно нужно собираться.

— Зачем? — он хитро улыбнулся и приблизился с явным намерением напомнить себе вкус моих губ.

— К Мэноне на осмотр... — вильнула я в сторону, — точнее Забаву отвести. Он вчера ей ввел вакцину и просил прийти сегодня на осмотр, чтобы проследить за ее действием.

Лахрет вздернул брови:

— Вакцину?

— Ну, да. Ты же знаешь, что Мэнона все никак не угомонится и мечтает исцелить нашу Забаву. Он вчера и ввел ей какую-то новую сыворотку. Говорит, это новая формула, над которой он работал несколько месяцев.

— Хм... — протянул задумчиво Лахрет и плюхнулся рядом, закинув ладонь под голову.

— Что «хм»? — теперь настал мой черед нависать над ним.

— Значит, это его сыворотка виновата...

— Ты о чем?

— Я уже битый час лежу и думаю, почему Забава поднялась в свой первый полет на несколько недель раньше положенного срока? Конечно, я думал, на это могла повлиять ее детская болезнь. Но все-таки... — он поджал губы и опять хмыкнул. — А теперь все стало на свои места. Всему виной жуткая гениальность твоего чудаковатого друга-гадака. Завтра полетишь. Забава все равно не в состоянии сейчас двигаться. Ты даже ее не разбудишь. Ничего не станет с твоим гадаком, если не прилетишь сегодня.

Я пожала плечами и осуждающе смерила его прищуренным взглядом. До сих пор в сердце Лахрета оставалась скрытая неприязнь к плененному тараку. Даже, скорее всего, не к нему лично, а тому роду, к которому он имел проклятие принадлежать. Я его не винила. Ведь он с самого рождения с молоком матери впитал ненависть ко всему, что имеет хоть отдаленное отношение к таракам. Он воевал с ними. Он без жалости убивал каждого таракана. Он сокрушал все их творения без зазрения совести и без желания сохранить их достижения. Для него все, что было с ними связано, считалось заклятым. А тут, в атконноре небесного Ира живет и здравствует существо таракской крови. Причем сохранить жизнь ему настояла его жена. Он терпел, но относился ко всему с глубоким и нерушимым скептицизмом. И я поверила в то, что он по-настоящему так никогда и не сможет питать к незаурядному и совсем нетипичному тараку хоть какие-нибудь теплые чувства. А теперь я говорю о его очередном эксперименте, да еще и ни с кем-либо, а с ниясытью его жены.

Глубоко вздохнув и выдохнув, я поправила растрепавшиеся волосы и сползла с постели. Осуждающе обвела взором бедлам, царивший в комнате. Где только вещи не валялись. Только что не на карнизе. Пообещав себе, что в срочном порядке обязательно произведу самую генеральную уборку, на какую была только способна, я направилась в ванную. Как же все-таки не хватает Фии. С тех пор, как мы лишились всех привилегий, каота (горничная) так же перестала быть моей личной. И со всем приходилось справляться самой.

Перед дверью ванной комнаты я резко остановилась. Неожиданно, яркой вспышкой в голову ворвалась мысль о моем земном прошлом. Я медленно повернула голову в сторону лежавшего на постели Лахрета и потрясенно нахмурилась. Он, поймав мой взгляд, тепло улыбнулся. Однако, я не заметила его улыбки, думая совершенно о другом. Теперь воспоминания настойчиво пытались увязаться с тем, что приключилось со мной здесь, на Заруне. Поскольку данная информация никак не вязалась друг с другом, внутри сотворилось что-то неопишное. Этот когнитивный диссонанс прошлого и настоящего затормозил меня во всем. И эту задумчивость Лахрет не мог не заметить. Поэтому, увидев, что я никак не отреагировала на его улыбку, он удивленно повел бровей и хотел уже было что-то спросить. Но не успел, так как я, вытянув озадачено лицо, тут же развернулась и вошла в ванную.

Стоя возле раковины, я смотрела не себя в зеркало и продолжала думать. Сейчас образы из прошлого особенно красочно всплыли в уме. Снова я увидела лицо мамы, бабушку в тот момент, когда убегала в последний день, и загадочные волнения воздуха, когда прыгала в воду, спасаясь от преследователей. От волнения на лбу выступила испарина, а сердце забилося быстрее обычного.

Кто же я на самом деле? Лана или Таня? Землянка или зарунянка? На девушку с планеты Земля я уже не была похожа. Только черты лица. А все остальное было другим. Волосы кудрявые. Чистая гладкая кожа. Выразительные ясные глаза. Здоровое тело благодаря оздоравливающему действию аро или пота Забавы. А здесь эти воспоминания...

Сказать ли Лахрету о вернувшейся памяти? Засмеет ли он меня? Поверит ли? В эти мучительных сомнениях я долго простояла перед зеркалом. Решение пришло не сразу.

Прошло более десяти минут прежде, чем я поборола внутренние сомнения. Сжав кулаки, оторвалась от своего изображения и вернулась в комнату.

Лахрет лежал в той же позе, в какой его оставила. Негромко шелестя шелковым подолом халата, я присела на край постели и задумчиво посмотрела на него. Он оторвал взгляд от окна и внимательно сощурил глаза, будто знал, что я хочу что-то сказать. Однако ничего не спросил. Только пристально смотрел. В тот же момент робость сжала горло и сдавила легкие. Трудно сказать любимому человеку то, что и сама считала полным абсурдом. Поэтому родилась долгая и выразительная пауза, в которой я безуспешно боролась с восстанием здравомыслия в голове. Наконец, прервал тишину Лахрет:

— Ты явно что-то мне хочешь сказать, но не решаешься. Тебя о чем-то спросить? Намекни.

— Я вспомнила прошлое, — одним выдохом выпалила я.

Он удивленно вскинул брови и подался вперед, сев так, чтобы лучше видеть мое лицо.

— Правда?

— Да... и это меня пугает.

Он недоуменно наклонил голову, выразив всем видом замешательство.

— Ты кого-то убила? Ты была замужем? Ты родом из диких племен гор Градасса?

Для него это казалось самым страшным, что могло бы случиться со мной в прошлом. Я прикусила губу и отрицательно качнула головой. Опять ужасно долгая пауза и раздражающая нерешительность. Каждое слово давалось с трудом. Он это чувствовал и поэтому не торопил. Накрыл ладонью мою и поправил прядь волос:

— Если не уверена, что хочешь говорить, не говори. Придет время, потом скажешь.

— Нет. Я должна сейчас это сказать.

— Хорошо. Говори. Или позволь прочитать тебя...

Я отрицательно качнула головой и произнесла:

— Пообещай, что не скажешь, что я сошла с ума. Я этого боюсь больше всего.

— Хорошо. Не буду. Итак...

— Я с другой планеты...

Сложно описать, как выразительно вытянулось его лицо. Чего-чего, а этого, конечно, он никак не ожидал услышать. Хмыкнул. Поднес пальцы к губам и с силой потер их. Внутренняя дрожь нарастала, и очень хотелось где-нибудь спрятаться, а он молчал. Потом еще пару раз хмыкнул, когда я снова заговорила:

— Я знаю, что это кажется невероятным, но я точно знаю то, что я вспомнила.

Лахрет сощурился, постукивая ладонью по согнутому колену, скрытому под тонкой шелковой простыней.

— Есть только один способ проверить, говоришь ли ты правду...

— Какой?

— Позволь заглянуть тебе в разум. Ты знаешь, как это происходит. Тебе лишь надо думать о том, что ты вспомнила, и я тоже это увижу, — в его глазах появилась искра доверия.

Я с загоревшейся надеждой в сердце схватила его ладонь и поднесла к вискам (так ириданцам легче читать глубинные мысли других). Он ободряюще улыбнулся и поднес вторую, приблизившись к лицу.

— Закрой глаза и думай, — ласково прошептал он и уперся лбом в мой лоб.

Я несмело закивала и зажмурилась. Потом начала думать. Думать о маме, папе,

бабушке. Картинками пробежали минуты последнего дня: бешеный бег по ночному лесу, преследователи и безумный страх, рожденный погоней.

Не знаю, сколько мы вот так сидели, но в какой-то миг я резко выдохнула, словно из меня вычерпали все, что можно, и быстро отстранилась. Он хмурил брови в замешательстве, не зная, что сказать. Мои глаза лихорадочно бегали по комнате, желая избежать его пораженного взгляда.

— Или ты в это искренне веришь, или это, действительно, правда... — наконец, сделал он вывод.

Потом задумался на долгие минуты. На мучительно долгие минуты. И пока он думал, я поднялась на ноги и подошла к окну, ежась от прохладного сквозняка. Перед окном мне всегда думалось намного проще и вид, открывавшийся перед балконом, всегда успокаивал встревоженное сердце. Мне тоже нужно подумать. Как бы там ни было, поверит он в мои слова или нет, я сказала ему то, что должна была.

Через время, я услышала, как он соскользнул с постели и остановился за спиной. Я не оглянулась, боясь увидеть осуждение на его лице. Теплые и нежные ладони ласково сжали мои предплечья. Я почувствовала теплое дыхание возле уха. А потом услышала задумчивый голос:

— Как называется твоя планета?

Он поверил мне!!! Сердце трепетно сжалось, и слеза облегчения скользнула по щеке. Я стремительно повернулась и утонула в любящих глазах. Я не сдерживала торжествующей улыбки. Сейчас я радовалась тому, что любовь и доверие превозмогли его здравый смысл.

— Земля... — как-то слишком хрипло и тихо получилось у меня.

— Земля... — словно смакуя на вкус, повторил он.

— Ты поверил мне?

— Это многое объясняет. Например, то, что ты очень эмоциональная и любишь ласку. Ты не такая, как все женщины Иридания. Ты абсолютно другая и я все никак не мог найти этому объяснения. А если ты с другой планеты, то ты можешь быть другой.

— А почему ты не спрашиваешь, каким образом я попала в твой мир?

— Ты не знаешь.

— Да. Не знаю.

— Вероятнее всего, через зияние. Есть теория, что между планетами нашей Вселенной существуют незримые ходы, возникающие в разных местах и времени. Их практически невозможно обнаружить или как-то вычислить. Они очень похожи на те межпространственные туннели, которые легко открывают ниясыти. И вопрос ни сколько в их существовании, сколько в их обнаружении. По великой и счастливой для меня случайности, ты сумела найти этот ход. И благое дело, ты осталась в живых. Кстати, проход через этот тоннель может объяснить и твою глубокую амнезию...

Его здравые слова придали спокойствия и твердой убежденности в правоте моих воспоминаний. Я нежно прижалась к его груди и уже не сдерживала потока слез облегчения. Теперь я знала точно, что рядом самый родной человек. Мы все-таки сможем справиться со всеми невзгодами, которые пророчит нам жизнь. Лишь бы не сломаться.

*** **

Ветер, тихо шелестя полусухими листьями болотной высокой травы, небрежно раскидывал черные волнистые пряди синеглазой красавицы. Она не обращала на них никакого внимания, устремив невидящий взор вперед. Ее мысли печально блуждали по

страницам славного и бурного прошлого, навевая черную тоску в уже давно разбитое сердце. Она не замечала вокруг себя ничего: ни пронизывающей сырости, ни неприятного запаха, исходящего мутной заводью, ни желто-оранжевого пейзажа раскинувшейся впереди до самого горизонта каменистой пустыни. Она недвижимо стояла на покореженном времени и стихиями деревянном помосте на самом его краю. Искривленное отражение слегка волновалось у ее ног, словно вторя ее внутреннему состоянию. Руки, полусогнутые в локте, в обманчивой расслабленности висели вдоль тела, крепко сжимая кулаки. А в синих как небо глазах горела обида и затаенная злоба, рожденная немногим более двух лет назад. Она всеми фибрами души ненавидела одну молодую и неразумную, но ужасно удачливую особу, которая однажды пришла в ее мир и разрушила все, чем она так сильно дорожила.

Та женщина забрала у нее все: власть, славу, положение и уважение в обществе. Она забрала ее жизнь! У нее, самой сильной и гордой правительницы Иридании, Мары Ниасу. Мара злилась. Ведь надо же было ей на кого-то злиться, чтобы найти виноватого в ее несчастной и горькой судьбе. Она понимала, что та дерзкая девчонка не виновата в самой большой трагедии ее жизни, в самой острой и извечной боли, терзавшей душу и сердце всю ее жизнь. Даже преданная любовь самого чистого и смелого существа на всей Заруне не смогла исцелить страдания от неразделенной любви. Да, любви. Она, Мара Ниасу, будучи одной из немногих женщин Иридании способных на такие сильные чувства и желания, полюбила. Полюбила когда-то от всего сердца того, кто так никогда и не смог ответить ей взаимностью. Кто всю жизнь любил другую, хоть всегда это и скрывал даже от самого себя. Что бы она ни делала, что бы ни свершала, чего бы ни добивалась, он так никогда и не смог ее полюбить. Да, она добилась его тела, его присутствия рядом, жарких ночей на мягком семейном ложе, но не его сердца. Даже сейчас, когда он был с нею и разделял суровость изгнания и лишения, плетя козни и интриги за спинами ятгоров и лортов Иридании, он не хотел ее любить. Конечно, Мара смирилась с этим уже довольно давно, родив ему последнего сына, Нарана. Но сердцу не прикажешь. Как своему, так и чужому.

Боль ее рождала ненависть к другим, кто был счастлив и имел все, что пожелает. Тарак их возьми! Она проклинала все и вся. Почему?! Почему она должна прозябать здесь, в каменных пустынных горах, защищая никчемных людишек, способных только на то, чтобы жать на кнопки умной машины и вести распутную жизнь преступников?! Ну, нет! Она не намерена провести остаток своей жизни вот так вот, без власти и свободы, единственного, что хоть как-то украшало ее жизнь. Они с Тиретом придумали план, как им вернуть потерянное. Пусть и пришлось пойти на сделку с совестью и с врагами людей. Она их не боится, ведь у нее есть Кара, королева, пусть и в изгнании, как и она. Но это ее козырь и спасательный круг. Она не будет упускать возможности. Правда придется действовать вприглядку с этим хитрым змеем Лахретом. Он слишком умен и постоянно дышит им в затылок. До сих пор им удавалось ловко подметать после себя следы, но всегда везти не может. Поэтому нужно сделать первым шаг до того, как они где-то проколются.

В голове еще мелькнула мысль об этой девке, жене Лахрета. До конца Мара так и не смогла раскусить ее. Вроде бы та всегда прикидывается наивной простушкой, но ее везде и всегда преследует просто мистическое везение. Подумать только! Она умудрилась даже подружиться с тараконком! И мало того, притащить его в Ир и сделать одним из ведущих специалистов в медицинском атконноре. Эта Лана даже не представляет, сколько силы в себе таит. Но, может, это и к лучшему, ведь тогда Маре точно не победить. Она не понимала, как эта неопытная и казалось бы глупая простушка добилась такого признания и власти над

своей ниясытью? До сих пор у нее не может уложиться в голове, что ее Кара больше не является Старшей Королевой. И что самое обидное и оскорбительное, что эту власть у ее королевы отобрала маломесячная королева-ниясыть, пусть и под управлением своей наездницы.

Поджав пухлые рубиновые губы, Мара постаралась утешить себя тем, что у нее есть небольшая страховка — свой человек среди приближенных этой негласной шиасу Ира. Даже закоулочный дворовой нхур (животное, похожее на пса) в каждом дворе Ира знает, что их городом правят за кулисами Лахрет и его жена. Пусть Лана и не до конца это осознает, но... Конечно, во главе стоит муж Рии, Ханам Кос, но тот до умопомрачения боится и уважает этого нурита (наездника нура, самца ниясыти) Лахрета Ноа. Он лишь тряпичная кукла в руках этого умелого кукловода. Все же она верила, что сумеет справиться. В этом им с Тиретом поможет многолетний опыт пребывания у власти и преданные друзья, которые продолжают им сочувствовать и поддерживать.

Тряхнув головой, Мара попыталась отогнать от себя эту назойливую как насекомое мысль о тех, кто навсегда испортил ее жизнь. Она была твердо уверена, что у них с Тиретом получится, и никто не помешает возвратить вожделенную власть. Даже их сын Наран.

Вспомнив о нем, бывшая шиасу не смогла удержаться от того, чтобы не вздохнуть глубоко и горестно. Наран был единственным сыном, который слишком сильно напоминал ей ее родного отца. Такой же упрямый и целеустремленный, такой же принципиальный и яростный сторонник справедливости. Память об отце всегда согревала ей душу и тут же ранила обоюдоострым мечом. Он всегда учил Мару всему, что она с вопиющей наглостью втоптала в грязь, сделав свой первый опрометчивый шаг в день, когда толкнула Лахию, мать Лахрета, с лестницы. С того момента вся ее жизнь полетела кувырком и по наклонной. Жалела ли она когда-нибудь об этом поступке? Что уж об этом говорить сейчас? Зависть и безответная любовь сыграли с ней злую шутку. Кто знает, возьми бы она эти гнилые чувства под контроль, была бы она счастлива по-настоящему с другим мужчиной?

— Ты здесь? — столь родной и любимый голос вывел Мару из водоворота размышлений о горькой судьбе и заставил вздрогнуть.

Она повернула к нему лицо. Тирет стал рядом, и, не глядя на нее, скрестил на груди руки.

— Я вижу, ты искал меня. Приятно польщена.

— Продолжаешь язвить?

— Что хотел?

— Сообщить кое-что.

— Говори.

— Мне удалось сегодня попасть за поле.

— Встречался с Азу?

— Нет. Она прислала своего хуна Азока и Задорга.

— Значит, до сих пор еще не доверяет.

— Не доверяет, — согласно кивнул Тирет и повернул лицо к жене. — К сожалению, это усложняет наши планы. Приходится пресмыкаться перед этими... — он презрительно скривил губы и гадливо сплюнул.

— Неужели она еще не поняла, что нам можно доверять? Столько вышек уже выведено из строя! — Мара возмущенно дернула головой.

Губы на лице бывшего лорта Иридания опущенной дугой красноречиво выражали все

недовольство положением, в котором они сейчас пребывали.

— Тебе никогда не доставало терпения... — меланхолично протянула Мара, безэмоционально уставившись вдаль, в сторону голубого горизонта.

— Мара, только вот не начинай опять! — его всего передернуло.

— А кто тебя заставлял так скоро продавать эту девку таракам?

— А кто знал, что Лахрет сумеет ее найти раньше, чем ее сделают куклой?

— А то ты не знал, что у нее есть иммунитет к таракскому внушению! — она злостно сверкнула глазами. — Я тебе говорила! Но ты же у нас самый умный! Тебе не нужно прислушиваться к мнению женщины!

Тирет зло цокнул уголком губ и отвернулся, процедив сквозь зубы:

— Я не мог знать... Хватит это опять жевать!

Лицо Мары озарила торжествующая улыбка. Ей всегда доставляло удовольствие, когда удавалось выиграть у мужа в споре. Поэтому она смягчилась:

— Ладно. Что удалось выяснить на встрече?

— Им удалось вывести из строя еще две вышки. Лахрет бегаёт, как ужаленный нхур. Все недоумевают, как же им удастся этого достичь? — он самодовольно вздернул волевой подбородок и покосился на Мару.

— Значит, всего уже пятнадцать вышек. Еще несколько и поле точно даст прореху, — она злорадно сощурилась.

Неужели день расплаты близок? Неужели она увидит, как никчемные лорты будут валяться у ее ног и молить о пощаде, чтобы спасти свои мягкие места от гибели. И тогда... ее воображение красочно нарисовало, как она и Тирет победоносно вновь спасают мир и прогоняют таракос восвосяи. От этого на лице ее заиграла улыбка предвкушения. Тогда все узнают, что ее, Мару Ниасу, нельзя вот так унижать и гнобить. А каждый, кто это посмеет сделать, должен быть наказан. Жестоко наказан.

— Лахрет, говоришь, не может понять причины поломок... — она довольно закивала головой.

— Не совсем... — недовольно скривился Тирет.

— В смысле?

— Последнюю вышку пришлось выводить нестандартным способом. Его люди могут догадаться.

— Ты думаешь, они вычислят систему?

— Не знаю. Я никак не могу подобраться к нему близко. Он умеет окружать себя верными людьми. Должен признать, у него в этом талант.

— Ничего, это ненадолго, — попыталась успокоить мужа Мара и легко коснулась его руки.

Он не отдернул ее, что было верным признаком, что он настроен дружелюбно и в добром расположении духа. А значит, можно действовать, тем более скоро ее Кара должна подняться в свой брачный полет...

*** **

— Да, Мэнона, Забава точно поднялась в брачный полет и еще лежит с Лиритом, а мы с Лахретом обедаем. Она не сможет сегодня прилететь к тебе на осмотр... Завтра постараемся с утра уже быть у тебя. Все, пока... Пока... — я отбила вызов гадака и положила коммуникатор на стол.

— Что твой гадак говорил? — тщательно пережевывая немного пересоленную кашу,

спросил Лахрет, сделав акцент на слове «твой».

Мы сидели в столовой у самого окна, вовремя подоспев к моменту, когда самое удобное место освободили насытившиеся студенты. Я спрыснула на замечание к слову «твой».

— Мой, — я в отместку подчеркнула это местоимение, — гадак очень переживает, что мы не прилетели утром на запланированный осмотр и хочет знать, что произошло. Когда он узнал, не знаю там от кого, что Забава поднялась в свой первый брачный полет, очень удивился. Ты бы слышал, как Мэнона там пыхтел от радости, — я округлила глаза, а Лахрет лишь иронично хмыкнул.

Я сделала вид, что не заметила его скептицизм и продолжила:

— Он очень просил, как она проснется, обязательно явиться к нему. Он хочет определить причину ее раннего полета. Как видишь, не только ты удивлен преждевременными сроками полета Забавы.

Лахрет слушал внимательно, довольно растягивая губы и любовно наклонив голову.

— Все-таки странная твоя любовь к этому... чешуйчатому существу с хвостом, — дернул он подбородком и запустил в рот очередную ложку каши.

— Это не странная любовь, а элементарная благодарность к тому, кто первым ко мне проявил доброту. И хочу заметить, Лахрет, до сих пор Мэнона не позволил сомневаться в своих мотивах. Он действительно очень добр и человечен. Даже больше, чем некоторые индивиды! — я сверкнула на него негодующим взглядом.

— Ладно-ладно! Сдаюсь! — вскинул он руки. — Верю и понимаю! И неплохо осведомлен о его поведении. Хороший, хороший твой гадак. Не спорю. Просто до сих пор в голове не укладывается, что тараканы бывают такими.

— Вообще-то, Лахрет, ты еще должен быть ему благодарен за важные сведения, которые он без обиняков тебе выложил.

— Ланочка, я же признал, что не прав... и полностью согласен с тобой.

Я сощурилась и с осуждением качнула головой:

— Не полностью...

— Мне даже страшно становится, когда ты на меня так смотришь, — делано скривился муж. — Ты одна можешь читать меня... ладно, я до сих пор не могу полностью принять, что ты испытываешь странную привязанность к этому существу. Для меня он все еще остается тараканом, как не крути. Но есть и прогресс! Меня уже от него не воротит. Разве не замечательно?

Я лишь недовольно прыснула на его оправдания и принялась усиленно жевать фрукт, похожий на земной персик. Наступила длительная пауза, в которую мы с Лахретом занимались перепалкой взглядами. Дожевывая обед, он откинулся на стуле, закинув одну руку за спинку, а другую небрежно расположив на колене. Глядя на его расслабленную позу, мне показалось, что этот человек считает себя хозяином жизни.

— Вот вы где! — рядом с нами откуда ни возьмись с раскрасневшимся от бега лицом возник Март и с грохотом плюхнулся на тут же подсунутый им стул.

Я ахнула от неожиданности. Любит же братец возникать столь неожиданным образом. Всё же мое возмущение было наигранным:

— А ты нас искал?

— Ага! — глаза его горели, и его явно распирала какая-то весьма важная информация. — И хорошо, что я вас обоих застал! Спасибо Забаве! — он скабречно подмигнул и без особой паузы продолжил: — А вообще, дело у меня, если честно, даже

больше к тебе, Лахрет.

Не помню, когда точно мой названный братец начал называть мужа столь фамильярно, но Лахрет проявлял крепкую снисходительность к наглецу и терпел все. А с того, как с гуся вода — беспардонно пользовался тем, что мой брат, и фамильярничал напропалую. Мне иногда казалось, это тешило его самолюбие — быть родственником самому ятгору Лахрету Ноа. Не каждый мог таким похвастать. Я догадывалась, что в глубине души, Март все-таки уважал моего мужа и тайно хотел быть похожим на него, как, впрочем, и быть ему полезным. Думаю, поэтому Март часами пропадал на учебе, чтобы потом, добившись немалых успехов и используя родственные связи, продвинуться по карьерной лестнице. Как-то раз он проговорился, что мечтает работать в Службе Безопасности Иридании под личным началом Лахрета (куда, отмечу, попадают только лучшие из лучших!).

Март осторожно положил на стол возле грязной посуды свой планшетный ком и выжидательно уставился на моего мужа. Тот хмыкнул, скрестив руки на груди, и кивнул:

— Ладно, выкладывай.

— У меня вот что, — Март подался вперед и поставил локти на колени, словно хотел посеCRETничать с ним. — Я недавно нарыл в инфосети одну вещицу... это правда, что уже пятнадцать вышек вышло из строя?

Лахрет все с той же ироничной ухмылкой вновь хмыкнул и повторил Марта, приблизившись к нему так, что их вообще было трудно слышать:

— И почему я не удивляюсь, что ты об этом знаешь? Не удивлюсь и тому, что ты это узнал точно уж не из общей инфосети. Базу данных Службы Безопасности небось опять хакнул? Март, я же тебе не раз говорил! — Лахрет угрожающе покачал пальцем.

Марту и отвечать не надо было, все на физиономии нарисовано. Мой муж сделал выразительную паузу. Отпустил тому подзатыльник со словами «Поганец эдакий!» и выпрямился в спине. Наглец состряпал вид лица подобный раскаянию, коего и в помине не существовало, особенно, когда дело касалось компьютерной области, и выжидательно замер. Лахрет же сделал вид, что поверил и кивнул:

— Ладно, говори уже...

Расцветши, как майский пион, компьютерный гений выпалил одним выдохом:

— Я обнаружил закономерность системы выведения вышек из строя!

Лахрет недоверчиво сощурился, выбивая пальцами дробь на столе. На короткое мгновение задумался. Видно было, что сейчас говорить о работе он был не настроен. Однако чисто из родственных чувств, проявил снисхождение и согласился обсуждать злободневную тему. Я же не сводила глаз с мужа, желая считать все, что творится в его голове. Конечно, это оказалось невыполнимой задачей. Единственное, что я поняла, так это то, что Лахрета раздражал этот вопрос. И не потому, что не хотел его обсуждать, а потому что до сих пор не мог определить причину поломок излучателей защитного поля.

Март буравил собеседника воспаленными глазами (небось, опять не спал ночью). Лахрет ожил лишь через минуту, неприятно нахмутив брови:

— Это не загадка. Это очевидный факт. Но я вижу, что не это ты хотел сказать. Что еще?

— Я придумал один алгоритм реверса излучателей, чтобы установить защиту на регулярные атаки. Я рассчитал частоту колебаний лучевых излучателей тараков, которые преодолевают на время поле, — отстрелял Март, торжественно сверкая глазами, и гордо, словно покорил Эверест, выпрямил спину.

— То есть, ты считаешь, что проблема в алгоритме самого излучения?

— Да... как только тараканы пробивают себе коридор, с этим алгоритмом что-то сразу случается. Это один момент, а другой — у меня есть еще одна мыслишка, но ее надо проверить только на самой вышке.

— Какая?

— Я считаю, что они используют этот временный коридор, чтобы залезть в программное обеспечение каждой вышки и что-то с ним сделать. Мне бы только взглянуть...

— Жаждешь доступа к интерфейсу вышек? Кишка не тонка, тянуть такую задачу? Силенок хватит?

— Обижает... я уже неделю этот вопрос изучаю!

— Ах, неделю! А мне все докладывают, что больно часто в систему в последние дни кто-то любопытный лазит. Все никак его не поймают. А это ты... «вопрос изучаешь»!

Март вспыхнул и отвел воровато глаза.

— Но это действительно может помочь!

Лахрет в сомнении вздернул бровей, играя салфеткой на столе. Потом обвел глазами опустевшие столы столовой. Видно было, что он боролся сразу с несколькими сомнениями. С одной стороны, он не решался подпускать Марта из-за его неопытности и горячности. С другой — работа была на самом деле ответственная и тяжелая. Справиться ли с ней юнец? В-третьих, не хотел толкать на передовую моего родственника — человека, который был мне очень близок. Кто знает, чем может обернуться очередной разбор проблемы вышек. Это, все-таки граница и место небезопасное. Как потом он будет смотреть мне в глаза, если с моим братом что-то случится? Сможет ли такой шалопай защититься сам и принять в нужный момент мудрое решение?

Лахрет посмотрел на меня, встретив в моих глазах лишь вопрос, и затем вернул взгляд на Марта:

— Ладно, показывай.

С триумфальным видом победителя Март вызвал на экран своего планшетника нужный файл и протянул его Лахрету. Тот принял гаджет и заглянул на дисплей. Довольно долго читал, листая выведенную информацию, и даже пару раз хмыкнул.

— И каков твой вывод? — муж протянул брату назад девайс, откинувшись на спинку стула.

— Я думаю, если меня пустить за пульт нужной нам вышки, я могу попробовать запустить этот алгоритм в работу.

— Пустить. За пульт. Не многого хочешь?

— Но ведь ты главный! К кому мне идти? Может это поможет! Так зачем обращать внимание на то, что я еще учусь и молод?

Лахрет не сводил пристального взгляда с раскрасневшегося от волнения лица Марта, задумчиво кивая головой.

— Может и поможет... — эхом протянул он. — В принципе, я могу тебе это устроить. Свежий взгляд, действительно, не помешает, — наконец, согласился Лахрет. — И еще, Март. В следующий раз, когда тебе вздумается «поинтересоваться» секретными данными, сделай милость, сообщи мне об этом. Тогда будет легче прикрывать твой... кхм... спину.

Март лишь невинно мигнул. Лахрет посмотрел на меня и учтиво спросил:

— Я должен немедленно покинуть тебя. Ты не против?

Я лишь пожал плечами. Раз обстоятельства поменялись, я должна смириться. Он и так

провел со мной столько времени, сколько за последние полгода не проводил. Целый день!!!

Лахрет встал, махнув мне на прощанье, и шагнул в сторону выхода. Март же продолжал сидеть, сохраняя вид совершенной невинности и провожая того довольным взглядом. Лахрет остановился возле него и похлопал по плечу:

— Чего сидишь? Идем. Или ты думаешь, что я сам справлюсь с твоим алгоритмом?

Март подскочил, как напружиненный. Надо было видеть его счастливое выражение лица. Он не мог поверить, что его слова, наконец, восприняли в серьез. И не кто-то там, а сам Лахрет Ноа! Прижав ком к груди, он бодренько порысил за ним.

Проведя их взглядом до двери, я тяжело вздохнула. Снова одна. И снова работа Лахрета забирает его у меня. Все же, после ночного разговора, меня немного попустило, и поэтому обижаться не стала. Но тогда чем же теперь заняться? Все равно выходной продолжается. Думала, думала и придумала: устроить генеральную уборку в своей комнате! Ничего примечательного. И очень даже не интересно, да только именно это решение определило дальнейшую мою историю. Кто знает, как бы все повернулось дальше, если бы ни эта банальная идея...

Зайдя в комнату, я обреченно выдохнула. То, что когда-то было аккуратным чистым помещением, превратилось в берлогу студента. Конечно, иногда я набиралась сил и смелости и даже разгребала завалы, но в последний раз это было довольно давно. Все же у меня есть оправдания! Я старательно учусь, и это забирает просто мамонтовую долю моего времени. С тех пор, как я потеряла привилегии кашиасу, каоты у меня нет. Спасибо, хоть оставили мои апартаменты. Поэтому убирать некому. А особенно генеральную уборку.

В общем, повздыхав немного над предстоящим перемещением хлама в менее заметные места, я отправилась в ванную, где были принадлежности для уборки.

Все как обычно. Сложила вещи, убрала в шкаф и комод, поменяла постельное. Потом прошлась с влажной тряпкой по всем поверхностям. Даже залезла под кровать! И вот, наконец, я добралась до дивана. Осмотрев его критическим взглядом и поборовшись с ленью, я решила впервые за все время моего здесь пребывания отодвинуть его от стены и помыть под ним пол. Задание оказалось не из простых! Сказать, что он был тяжелым — ничего не сказать. Я десять раз пожалела, что справилась с ленью. Она была довольно убедительна. Но решила, так решила.

Вначале отодвинула кресла, освободив к дивану подступ с флангов. Потом принялась за него лично. Тянула, толкала, но он только клацнул, сообщив, что тронулся и подвинулся ровно на миллиметр. Ничего не помогало: ни причитания, ни стоны, ни вздохи, ни крикновения. Возникла даже мысль оставить все как есть. Но природное упрямство обидно заныло в груди. Что ж это я начала и не закончила. Может, Забаву попросить? Но, глянув на спящую глыбу на балконе, попрощалась с этой идеей. Подойдя к быльцу дивана, я скрестила руки на груди и еще раз окинула его критическим взглядом. Увидев щель между стеной и диваном, я протиснулась в нее и, упершись в стену, принялась толкать ногами. Клац! Отклеился от пола и заскрипел к центру комнаты. Ура! Свершилось! Да здравствует упрямство!

О, небеса! Сколько там пыли и всякой дребедени! Я даже колготки нашла, которые месяц искала. И книгу... Что она здесь делает? Взяла ее в руки. Надписи не разобрать. Стерла тряпкой пыль и читаю: «Мифы и легенды Заруны». Хм. Откуда она? Наморщила лоб в раздумьях. Медленно в памяти начали всплывать картинки. Точно! Ее я принесла из библиотеки в тот памятный день, когда обнаружила с Забавой Комнату Древних!

Когда-то эта комната была тщательно скрываемой тайной. А теперь — это достояние всего общества. Так до сих пор никто и не разгадал ее загадки. Так и стоят пюпитры перед арками со странными врезанными по форме книги выемками. Зунг до сих пор не терял надежды найти подходящую книгу, но воз и ныне там...

Теперь я держала в руках обнаруженную под диваном книгу, которую в тот день использовала как прикрытие моего пребывания в библиотеке в урочное время. Помню, тогда Наран Ниасу, мой куратор, весьма разнервничался, что я шастаю по книжному хранилищу. Тогда, прижав к груди старинную книгу как щит, я убежала к себе в комнату и положила на спинку дивана. А потом забыла о ней. Напрочь забыла. Выходит, она упала за диван и тихо пролежала там все это время.

Нежно улыбнувшись воспоминаниям тех дней, я меланхолично погладила обложку и открыла на первых страницах. Какой необычный шрифт и стиль написания. На титульной странице напечатано следующее: «Точная копия издания 2 278 года по основанию». Ого! Надо же, какая древняя! Летоисчисление Иридания начиналось от основания первого города после эпохи кочевых блужданий освобожденных племен от рабства гернов. Легенды его называют Иридан. Именно от него и произошло название страны. Развалины этого древнего и славного города находятся недалеко от западного побережья Нодсрона океана Охор.

Сейчас шел 5 983 год. Выходит, если не учитывать, что это копия, этой книге пара тысяч лет! А насколько это точная копия? Я принялась листать ее. Текст поделен на два языка: карский, древний, на котором говорили до основания, и ириданский, но устаревший. Такие обороты речи уже давно не используют. Это похоже на русский и старославянский языки. Сейчас такие фразы, как «аки», «ланиты», «чресла», «зеница» не используются. Так и здесь. Читать невероятно сложно, поэтому я и не пыталась. Текст размещен весьма странно. Первая страница шла чисто карским языком, а следующая — ириданским древним. Затем через несколько страниц — на развороте только карский, а следующий разворот — опять ириданским. Смысл? Таких разворотов повторялось семь раз.

Я некоторое время задумчиво листала книгу и пыталась осмыслить значение этих странностей. Почему только сем раз повторяются развороты? И вообще, о чем эти мифы? Без специалиста не разобраться. Решила показать Зунгу, может, просветит. Поэтому, отложив в сторону книгу, продолжила уборку. Но загадочная странность ее так и не вышла из головы.

В размышлениях, возя тряпкой по древним залежам пыли, я не услышала, как в комнату кто-то вошел.

— Вот ты где!

Я как заору!

— Ты чего кричишь? — Лахрет отпрянул назад.

— Напугал! Чего кричу... — я недовольно насупила лоб.

— Ты что-то секретное делаешь?

— Да. Убираю. Ты только никому не говори. Засмеют.

Лахрет насмешливо фыркнул.

— Ты что, сама отодвинула диван?!

— Да. А что?

— С ума сошла? Он же неподъемный!

— А я и не поднимала. Только толкала.

Лахрет недоверчиво спрыснул и кивнул головой:

— Уже убрала?

— Да.

— Тогда отойди, я задвину его на место.

С какой он легкостью поставил мебель на место! Я потеряла дар речи. Что и говорить, мужская сила! Когда Лахрет двигал кресло, с его подлокотника с гулким хлопком упала найденная мною книга. Он подобрал ее и осмотрел критическим взглядом.

— Что это?

— Книга.

— Я вижу, что книга. Откуда она у тебя?

— Я ее принесла из библиотеки пару лет назад. Она упала за диван. Поэтому я про нее забыла.

Лахрет хмыкнул загадочно и, сев на диван, начал листать. Отставив все уборочные принадлежности, я подсела к нему и сообщила о странности книги. Он со мной согласился, продолжая перелистывать и озадаченно хмурить лоб.

— Ты мерила ее размеры? — неожиданно спросил он через минут десять листаний.

— Нет... — я расширила осемено глаза. — Неужели ты думаешь, что это и есть та самая...

— Да. Я на глаз вижу, что размеры подходят и древняя очень. Говоришь, она находилась прямо перед входом в Комнату Древних?

— Да.

— Хм... Что-то в этом есть...

— В смысле?

— Ключ не должен лежать далеко от двери... понимаешь?

— Угу, — не мигая, кивнула я.

Лахрет покрутил книгу в руках и положил на журнальный столик.

— Надо будет завтра проверить. Зунг как раз будет в библиотеке. А пока, — он лениво потянулся, — я в душ. Устал страшно.

Я провела мужа задумчивым взглядом. Неужели это и есть та самая книга, которую мы с Зунгом искали два года?! Не может быть! Я вновь взяла ее в руки и принялась перелистывать. Но ответов все же так и не нашла. Надо бы действительно проверить, но на улице было уже темно. Книга ждала много лет. Подождет и еще одну ночь.

Сегодня Лахрет никуда не ушел...

Часть 2. Дар Забавы

Часть 3. Дар Забавы

Март с лицом измученной сосредоточенности склонился над дисплеем управляющей консоли одной из вышек-излучателей защитного поля Иридании. Вот уже битый час он вместе с Одором Кзо, начальником комитета по ликвидации неисправностей излучателей, бился над очередной загвоздкой в согласовании его алгоритма и главной системы работы процессора кома управления вышкой. Бодрой походкой шагая сюда вслед за Лахретом, глубоко в душе Март лелеял мечту, что вот он явится, как свет в черном небе, и быстро решит главную проблему излучателей. Тогда все будут восхищаться его гениальностью и сразу же примут с распростертыми объятиями в свои ряды защитников кордонов Иридании. Тогда он, Март Арамс, докажет всем, что не зря усердно учился и долгими часами корпел над экранами комов атконнора. Тогда Лахрет, наконец, не будет над ним насмехаться и относиться как к маленькому мальчишке, постоянно журуя и называя поганцем. Примет его и будет считаться с его мнением, прислушиваться, спрашивать советы и, наконец, забудет, что он всего лишь сводный брат его жены. Он мечтал быть нужным и важным. Он жаждал признания самого уважаемого человека в Иридании, Лахрета Ноа. Март никогда не хотел признавать этого, но этот молчаливый и проницательный человек всегда вызывал в его душе глубокое и неподдельное чувство восхищения и желания подражать ему во всем. Поэтому стремился, во что бы то ни стало, доказать ятгору свою необходимость.

Лахрет приставил его к гениальному программисту Одору в надежде, что выведенный Мартом алгоритм сможет работать с уже существующими программами вышек. Одор оказался невероятно умным человеком и Март был вынужден признать, что на его фоне все достижения молодого любителя выглядели детским лепетом. Каково же было его удивление, когда Одор с непритворной заинтересованностью отнесся к его расчетам и с активностью безумного профессора принялся адаптировать их к программному обеспечению вышек. Тот все бурчал себе под нос, что очень интересное решение, довольно нестандартное и гибкое. Это польстило Марту, и он с еще большим энтузиазмом принялся за работу. Но, видимо, голого энтузиазма было слишком мало. Пока что они безуспешно топтались на месте.

— Слушай, Одор! — похоже, Март не собирался ни к кому обращаться по чину и с почтительностью. — Я думаю, волна высчитанной амплитуды алгоритма не когерентна колебаниям волн излучателей...

— Да, я только что тоже это заметил, — кивнул Одор, устало потеряв красные от недосыпания глаза. — Смотри, излучатель комбинирует несколько фаз колебаний, а ты рассчитал лишь одну. Видишь, только мы настраиваем одну программу, вот эта команда переводит колебания в новую фазу и все соскакивает... надо просчитать все вероятности и связать их воедино... И еще надо скомпилировать этот фрагмент твоего алгоритма в эту подпрограмму...

Март запустил пятерную в заросшую копну черных волос и скривил озадаченно губы. Это представилось ему невероятной задачей, но Одор не обратил на это особого внимания и принялся стучать по командной строке сенсорной панели, углубившись в расчеты и язык программирования. Март страдальчески выдохнул и попытался повторить действия напарника, но движения его от многочасовой работы стали вялыми и неточными, так что он

совершал ошибку за ошибкой. Одор смуро покосился на молодого человека и поймал за руку:

— Стой, это лишняя команда. Оно застопорит весь процесс... — программист недовольно свел густые брови и окинул взглядом осунувшееся лицо Марта. — Слушай, может, тебе пора пойти и хорошенько выспаться? На тебе лица нет, а твоими ведрами под глазами можно воду носить. Ты, вообще, когда в последний раз спал?

Март упрямо передернул плечами, и хотел было проигнорировать своевременное замечание программиста, продолжив водить дрожащими пальцами по теплой консоли управления. И опять был легко остановлен.

— Полушай, ты уже здесь восемь часов без перерыва. Ночь на дворе. Ты просто должен выспаться. Это приказ! — Одор вскинул палец вверх, остановив всякие возражения. — И раньше обеда чтобы здесь не появлялся. Иначе будешь говорить со своим зятем. И позволь тебе заметить, не уверен, что ты победишь в споре...

— Да уж, на это способна только моя сестрица, — Март шумно выдохнул и встал на ноги.

Мало кто знал, что прежде чем являться на глаза Лахрету, решая алгоритм, Март не спал двое суток. Поэтому были вычерпаны все ресурсы его организма, как, впрочем, и таланта. Ноги предательски дрожали и норовили в любой момент согнуться. До сознания дошел призыв его Нука. Нур очень беспокоился за физическое состояние своего наездника и постоянно звал домой, чтобы тот отдохнул. На этот раз Март откликнулся и велел тому подлететь ближе к вышке.

— Пока, — махнул рукой Одор и погрузился в работу, мгновенно забыв о еще не ушедшем молодом человеке.

Понимая, что нет смысла ни с кем спорить, изнеможенный и гордый за себя молодой нурит послушно повернулся в сторону выхода. Махнув ответно рукой и пару раз проморгавшись слезящимися глазами, он покинул рубку управления вышкой через люк в полу.

Теплый ночной воздух немного привел в чувства. Март устало потянулся и поглядел на усыпанное звездами небо. Сегодня они ему показались необычно яркими. Ветерок легко трепал его слипшиеся волосы, освежая покрасневшее лицо. Тихий шелест накатывающих на щербистый берег волн услужливо убаюкивал отключающуюся голову. Прожектор вышки освещал лишь небольшой участок берега, оставляя в тени черные контуры прибрежных скальных глыб. Март оглянулся в поисках своего нура. Еле слышный шелест кожаных перепонок крыльев слева привлек внимание молодого человека. Он повернулся к нуру и ласково улыбнулся. В свете прожектора вышки здоровая шкура зверя ярко блестела стальным черно-белым гляncем.

— Что, увалень! Хочешь домой? — насмешливо потрепав друга по плечу, спросил молодой человек.

— Я бы не отказался, — фасетчатый глаз нура сверкнул золотом в свете прожектора.

— Какой же ты у меня стал большой! — горделиво усмехнулся Март и обхватил шею друга. — Скоро будешь такой, как Лирит.

Нук ничего не ответил, но довольный рокот сказал Марту за него. Нур любил похвалу и всегда проявлял особую благодарность за нее.

— Я и, правда, хочу дико спать... Прямо здесь готов заснуть! — едва внятно пробубнил молодой человек и оторвался от своего Нука.

Вот он уже вознамерился залезть нуру на спину, но тут его заставил замереть чуть слышный шорох щебня позади. Он резко обернулся.

— Что, студент, справился? — насмешливый женский голос из тени вышки заставил его прищуриться.

На свет вышла гибкая фигура наездницы, обтянутая в лётный кожаный черный костюм. Благодаря этому камуфляжу, она почти не отличалась от темного фона ночного побережья. Лишь белизна овала лица и кистей рук выдавали ее присутствие. Наездница ниры. Ее лицо было Марту до боли знакомо. Где он мог ее видеть? Этот вопрос вырисовался у него в глазах.

— Меня зовут Фиона Матхур, — она насмешливо растянула тонкие губы, а в больших карих глазах заплясали огоньки интереса.

— Точно! — Март выпрямился и повернулся всем телом к собеседнице. — А я думаю, что за сказочная фея явилась мне? Не сон ли вижу наяву? Ты, верно, была одно время телохранительницей моей сестры?

— Да. Было дело. Но сейчас появились более важные дела... Я видела, ты прибыл с ятгором Лахретом Ноа.

Март с подозрением сощурился, настороженно дернув плечом. Он не раз слышал о том, что у Мары с Тиретом есть свои уши и глаза во всех уголках Иридании. Не эта ли девушка пособничает им? Что она здесь делает? Не связана ли она с отключением вышек? Он тут же дернул головой, отгоняя глупые подозрения уставшего мозга. Как эта девушка, когда-то охранявшая его сестру, и преданно следовавшая за Лахретом, может быть предательницей и шпионить ночью у пострадавшей вышки?

— Я сегодня ночью несу вахту, — шелковистым голосом развеяла она подозрение юноши. — Уже как год к каждой вышке приставлен круглосуточный караул. Это слишком важный стратегический объект для страны. Поэтому господин Ноа усилил охрану этих объектов. Так что не удивляйся. На каждой вышке дежурит два наездника — нурит и нирита. Проверяются все, кто входит и выходит в вышку и из нее. Это стандартная процедура.

— Ясно, — не отрывая угрюмого взгляда от карих глаз девушки и засунув руки в карманы, протянул Март. — А чего ты от меня хочешь?

— Тебя проверяет сейчас моя Брина. Сам понимаешь, безопасность превыше всего.

— А ты меня отвлекаешь, чтобы я не расстраивался?

— Можно и так сказать, — она снова насмешливо усмехнулась. — Не больно?

— Хе... — Март вздернул подбородком и пренебрежительно повернулся к Нуку. — Ты же видела, что я с Лахретом сюда прилетел. Значит, он мне доверяет. Зачем проверять? Я ничего не вынес и не внес в рубку вышки.

— Доверяй, но проверяй. Это моя прямая обязанность, — она слишком кокетливо повела бровью, чтобы быть лишь простой строгой мимикой охранницы важного объекта.

Марта почему-то расстроил этот упомянутый факт, так что он не заметил игривого огонька во взгляде девушки. Он недовольно нахохлился, мрачно глядя на глазастую нириту с точеной фигурой в виде гитары.

— Ладно. Что твоя Брина говорит? Я не опасен?

— Да, как и твой нур, — она смирла его блестящим взглядом и шагнула в сторону. — Теперь можешь лететь, куда собирался.

Март стиснул зубы, так что выдулись недовольные желваки, и положил ладонь на шею настороженного Нука. Почему-то ему не понравилось подобное подозрительное отношение. Можно было и не демонстрировать так явно эти подозрения. Девушка держалась свободно и

легко, в движениях ее читалась хищная бдительность, и за нею Март не разглядел простого женского любопытства, особенно присущего ниритам. Все знали, что девушки, прошедшие обряд единения с ниясытями становились много эмоциональнее и отзывчивее, чем простые женщины Иридании. Об этом сейчас Март меньше всего думал, уязвлено лелея разыгравшиеся фантазии о вселенских заговорах и тайных интригах. Сказалось долгое недосыпание.

Юноша возмущенно отвел взгляд в сторону вышки. Белый цилиндр основы, увенчанный шестигранной рубкой, поднимался над берегом метров на десять. А на самой ее крыше гнездилась тарелка волнового излучателя поля, направленная в сторону океана. Когда он поглядел вновь на место, где стояла девушка, там уже никого не было. Внутри все похолодело.

Он когда-то слышал, что те, кто работает в службе начальника Внешней Безопасности Иридании, проходили особую подготовку и были так поднатасканы, что внушали благоговейный страх на каждого жителя страны. О них ходили легенды. Рассказывали, что агенты ятгора Ноа могли проходить сквозь стены и растворяться в воздухе. Конечно, это все были простые байки, не имеющие ничего общего с реальностью. Но в чем-то были и правы. Люди, работающие в Службе Безопасности Иридании, во главе которой стоял Лахрет, были идеальными воинами, ищейками и агентами. Лахрет славился всегда тем, как правильно и мудро умел подбирать кадры для работы в столь нелегкой службе и как умело ими руководил. Его все боялись и глубоко уважали. Стоило ему только посмотреть кому-то в глаза, как любой легко и безропотно подчинялся.

Единственная, кого это не касалось — была его сестренка Лана. Она всегда каким-то образом спокойно справлялась со всякими попытками этого мужчины повлиять на нее. Март сам не раз был свидетелем того, как наоборот Лана легко манипулировала ятгором и заставляла делать то, что просит. Она единственная, кого Лахрет действительно слушался и боялся. Но боялся не физически. Ему вряд ли найдется достойный противник. А вот обидеть ее, разгневать, причинить боль — Лахрет боялся этого больше любого физического вреда. Он лучше бы страдал где-нибудь в пещере или от сильных ран, но не это. Только в глазах жены вздрогнет слеза, как он тут же таял и покорялся любому ее капризу.

Иногда Марту было до коликов смешно, когда его упрямая сестренка, вбив себе в голову какую-то дикую идею, заходила убеждать мужа. Такая маленькая в сравнении с ним только ставила руки в боки, как высокий, крепкий мужчина с огромной волей быстро сдавался и уступал. Ей даже удалось оставить в живых тарака, самого ненавистного врага каждого ириданца. Мэнона до сих пор работает в небесном медицинском атконноре и при этом счастлив и здоровствует. Кто бы мог себе позволить сохранить жизнь такому существу? Позволил бы этому случиться Лахрет, если попросил бы об этом кто-нибудь другой? Вряд ли. Он бы задавил тарака и не моргнул бы ни на чью просьбу. Только не на просьбу жены. Она лишь составила бровки домиком, и тарак остался жив. Однако такие вещи с Лахретом могла проделывать только Лана.

Задумавшись о своей сестре, Март не сразу взобрался на спину Нука, продолжая стоять у его груди. Как же он был благодарен судьбе, что когда-то она привела в его отчий дом эту удивительную и незаурядную девушку. И подарила ему ее доверие и дружбу. Лана даже сама не понимает, насколько огромной властью обладает. Именно это всегда придавало ей особого шарма и очарования.

Затем он все-таки забрался на спину Нука и велел лететь в атконнор Ира, где он все еще

проходил обучение и жил в отведенной комнате. Перед тем, как уйти в зияние, Март последний раз кинул отрешенный взгляд на белую колонну вышки, и через миг мир озарился перламутровым переливом подпространства.

*** **

Крепко прижимая к груди увесистую книгу, аккуратно обернутую непрозрачной бумагой, я быстро шагала по узкому белому коридору медицинского атконнора Небесного Ира. Гулкий звук от моих шагов, переплетаясь с мягким шелестом от движений Забавы, эхом отражался от белых стен. В смотровом кабинете нас с нетерпением ожидал взволнованный Мэнона. Вчера он посвятил целый день очередным глубоким исследованиям строения мочеполовой системы ниясытей. Поднял некоторую древнюю литературу и усиленно искал ответ на вопрос о дополнительном, якобы рудиментарном, отростке яичников королев. Он поднял на уши всех специалистов, даже не сильно питавших к нему симпатии, точнее, имевших к нему выразительную неприязнь. А сегодня с утра прибыл уже немолодой специалист, профессор из провинции. О нем Мэнона узнал совершенно случайно из слов его нынешнего ассистента. Старый профессор был его учителем. Гадак искренне думал, что, может быть, он прольет свет на странности организма Забавы. Профессор посвятил всю жизнь изучению строения организма ниясытей.

Я шла быстро, но не замечала дороги. В голове снова кружились воспоминания о прошлом. Сегодня я проснулась в горячем поту. Мне опять снился этот сон. Точнее последний день моей жизни на земле и это начинало сильно напрягать. Когда же это прекратится?!

С Лахретом я не успела перекинуться даже парой фраз. Он быстро встал. Принял душ и скоро убежал, чмокнув меня в лобик, когда я еще спала. Именно когда он ушел, мне приснился этот сон. А когда он рядом, мне спокойно и хорошо.

Так что я проснулась в одиночестве и с неприятными ощущениями. Забава уже успела к тому времени слетать на пруд и опустошить, небось, половину водоема, чтобы насытить зверский голод. Лирит улетел вместе с Лахретом.

В кабинете Забава спокойно проследовала на привычное для нее место и ожидающе повернула к нам голову, даже не обратив внимание на то, что кроме меня и Мэноны ее осматривать будет еще несколько человек. Рядом с гадаком стоял уже седой, но с молодой кожей, мужчина с глазами, глубина которых терялась в бездне ума и вдумчивости. Его сразу представил ассистент Мэноны. Профессора звали Адит Меронот. За его спиной робко топталась молодая девушка, явно только что закончившая учебу в конноре, и с опаской косилась на Мэнону. Мужчина часто на нее поглядывал и утешающее поглаживал по плечу. Девушку старик называл Ади, и она была очень на него похожа. В ее глазах я увидела неприкрытый страх. Она до ужаса боялась гадака, чего нельзя сказать о Адите. Он вел себя весьма раскованно и спокойно.

Мэнона почтительно меня поприветствовал и начал задавать вопросы о состоянии Забавы. Ничего ли у нее не болит? Не колит ли внизу живота? Ни давит ли нигде? При этом он порхал когтистыми пальчиками по консоли кома. Все привычные процедуры были проведены с быстрой точностью. Все просканировано. Выведено на экран и уже через минуту перед нами явилась голограмма забавиногo яичника. Профессор с гадаком тут же очутились рядом возле мерцающего трехмерного изображения и начали по очереди хмыкать и дакать. Ассистент Мэноны, молодой человек лет тридцати, по имени Вико, несмело пристроился со свободной стороны. В итоге, я уже ничего не видела, кроме спин ученых

мужей. Девушка взволнованно вздохнула, и устало села на кресло возле стола гадака. Страх вытягивал у нее все силы. Ее можно понять. Она с детства приучена бояться тараков. Для нее это ужас, ночной кошмар, страшилка, которой пугали с самих пеленок.

Тем временем ученые мужи начали спорить о чем-то. А профессор изрядно удивляться и нести что-то невыговариваемо-ученое. Я села на диван у выхода и откинулась на спинку, продолжая пристально наблюдать за мужским трио и положив книгу на сидение дивана. Профессор, после пары неудобовразумительных фраз, хлопнул гадака по плечу и уверенно кивнул.

— Неужели это правда?! — глаза таракана торжественно блеснули в свете комнатного светильника.

— Что там такое? — я не заметила, как оказалась рядом и сразу же дернула Мэнону за локоть, но он не реагировал на мои телодвижения, продолжая удивленно таращиться на профессора.

— Я более чем уверен! — кивнул немолодой мужчина.

— Меня вообще кто-нибудь слышит?! — я возмущенно вскинула руки.

— Она беременна! — широко раскрыв глаза и повернувшись вполоборота, ответил профессор Адит.

Ассистент удивленно свистнул и громко хлопнул в ладоши. Я распахнула рот, да так от потрясения и не смогла захлопнуть его еще минут пять. Мэнона находился не в лучшем состоянии. Но в его глазах читалось ликование, а у меня шок. Я уже давно похоронила эту мысль и то, что только что услышала, было громом среди ясного неба. Я поднесла ладонь ко рту и тихо прошептала «беременна», пытаюсь на ощупь свободной рукой найти место, куда можно бы сесть. Ассистент гадака услужливо направил меня к дивану. Пораженно переводя взгляд то на голограмму, то на Забаву, я пыталась прийти в себя и осмыслить сказанное.

— Но как? — был следующий мой вопрос.

— Понимаете ли, госпожа Лана... — заговорил профессор, ибо Мэнона погрузился в изучение данных со сканера в коме. — Согласно моим последним исследованиям... кхм... — он смущенно отвел глаза. — В общем, я недавно сделал заявление, что вот этот вот отросток яичника, — Адит ткнул пальцем в то место, на что еще позавчера обратил внимание Мэнона, — на самом деле не рудиментарный отросток, а... — он еще раз смущенно кашлянул, — я назвал его «королевским яйцеводом»!

Я от удивления хекнула и покосилась на гадака. Тот оторвался от кома и пару раз согласно кивнул. А профессор продолжил:

— Я обратил внимание на одну особую деталь... А благодаря последним данным в этом твердо убедился. Так вот, постараюсь объяснить доступным языком. Кхм... У ниясытей органы размножения немного отличаются от человеческих. Но у них тоже, как и у женщин, парные половые железы. В них созревают половые клетки, далее они превращаются в яйца в заранее подготовленном месте, яйцеводе... Во время развития, организм молодой королевы все силы направляет на формирование главного яйцевода. Он отвечает за созревание основной силы ниясытского рода, то есть за нурув и нир. Поэтому результаты сканирования всех королей показывают именно его развитым. А вот вторая ветвь яичника формируется почти перед самым ее половым созреванием. И она отвечает... — Адит сделал многозначительную паузу, — за королевские яйца! Он задействуется крайне редко и не известно по какой причине. У вашей Забавы он полноценно развит и! — профессор поднял вверх указательный палец и покосился на голограмму яичника Забавы, — хочу сказать,

аномально развит! — в момент кульминации он выпучил глаза для выразительности слова.

— И... — я подняла брови, призывая продолжать дальше.

— Он выпустил не одну зрелую клетку! А... — он повернулся к Мэноне.

— Пять! — глаза у гадака реально увеличились в два раза.

— Невероятно!!! — Адит подскочил к Мэноне и заглянул на экран кома. — Ваша Забава беременна! И носит в себе пять королевских яиц!!! Это просто невероятно! Никогда за всю историю Иридании королевы не приносили столько королевских яиц сразу! — он сунул нос прямо к экрану, считывая данные. — Я полагаю, что виной этой аномалии ее детская болезнь. Вполне вероятно, из-за того, что организм не тратил силы на формирование атрофированного вследствие болезни главного яичника, он бросил их на создание придаточного... Эта новость будет сенсацией не только в сфере науки, но и во всем обществе Иридании! — Адит выпрямился во весь свой немалый рост и всем телом повернулся ко мне, устремив на меня осененный взгляд: — Позвольте вас первым поздравить с восстановлением в чине кашиасу... Нет! Шиасу! Вы по праву заслуживаете это звание! Забава принесет Заруне пять молодых королев сразу! Это потрясет все общество! Весь мир! Это же надежда для всех людей, которую мы так долго искали! — он еще говорил тучу подобных торжественных и восторженных слов, но я их уже не слышала.

Я подошла к изумленной королеве и положила ладонь ей на переносицу. Голова закружилась от ошеломляющей новости. Надо же, моя малышка скоро будет мамой, да еще особенной мамой — матерью многих королев Заруны. «Милая моя, хорошая моя...» — я гладила ее нос, надбровья, шею, плечи и снова и снова повторяла ей эти слова. Забава, конечно, удивилась этому, но приняла как должное. Ведь она — королева!

— Господин Адит, — я повернулась к профессору, бубнящему что-то возле экрана вместе с Мэноной, с дикой мыслью, которую решила озвучить: — Я попрошу вас пока об этом никому не говорить.

Профессор резко повернул лицо в мою сторону и шокировано распахнул рот, не зная, что сказать. Лица ассистента и девушки вытянулись в подобном изумлении.

— Это касается и вас, — я обвела и их строгим взглядом. — Я не хочу объяснять причины. Лишь скажу, что ситуация в стране сложная и...

— Поэтому всем нужна надежда! Такая, как эта! Тогда в сердцах многих появятся силы для дальнейшей борьбы! — Адит недоуменно качнул головой и подошел к нам с Забавой. Затем он, не боясь ниясыти, совсем по отцовски погладил меня по плечу и продолжил: — Людям необходима эта новость.

— И они ее получают! — вспыхнула я. — Но сообщить ее я хочу сама, когда посчитаю нужным. Если вы с этим не согласны, я позволю себе воспользоваться моим положением и потребовать от вас молчания, — я сурово свела брови. — Пожалуйста, не спорьте со мной. Я должна эту новость сперва обсудить с мужем. Я думаю, вы догадываетесь, что будет, если вы позволите себе заговорить раньше меня...

— О! — профессор вскинул руки к потолку в значении, что сдается. — Это ваше право, госпожа! Я не смею спорить с Вами! Но, пользуясь своим правом возраста, хочу посоветовать вам — не тянуть с этим. Подарите людям надежду. Прошу вас! Она нужна нам как воздух, особенно в свете того, что творится на границе с вышками излучателя поля. Нет-нет! Не возражайте. Я знаю, что там происходит, хоть это и стараются держать в секрете! — качал головой пожилой мужчина. — Именно поэтому я молю вас подарить людям такую замечательную надежду!!! Пять королев сразу! Да это же просто невероятно!

Это потрясающе! Это свет в ночи! Это ВЕЛИКИЙ дар миру Заруны! Это так необходима надежда для всех нас!

Я внимательно всмотрелась во взволнованные глаза профессора. Он был прав. Мир Заруны висел на тоненькой ниточке и готов был оборваться в любую минуту. Именно поэтому люди нуждались в какой-нибудь надежде. Пять молодых королев — это немало. Ой! Как немало! Не знаю, почему я так решила, но что-то внутри подсказывало, что все-таки с объявлениями нужно было повременить и, действительно, посоветоваться с Лахретом. Он лучше знает, когда и как можно воспользоваться этой информацией.

— Уж поверьте, господин Адит, когда Забава отложит свое первое яйцо, вся Иридания узнает об этом. Не переживайте! А пока, я должна все обдумать, — поймав взглядом покорное кивание профессора, я перевела взгляд на притихшего у кома гадака и обратилась к нему: — Я думаю, ты счастлив, Мэнона? Наверняка, это следствие твоих кропотливых и неустанных стараний. Спасибо тебе, — моя улыбка была для Мэноны, как елей на душу.

Он выпрямился, став выше, чем обычно, и радостно улыбнулся, смешно оголив ряд острых зубов. Он был доволен собой и поистине счастлив, что его похвалила его «хаягетта». У них в улье это было самой высшей наградой.

Поулыбавшись ему еще с полминуты, я оторвалась от королевы и шагнула в сторону выхода, поманив ее за собой.

— Если это все, Мэнона, я бы хотела удалиться. Всем до свидания. И помните мою просьбу.

Присутствующие здесь свидетели чудесного открытия пребывали немного в пространной задумчивости. Каждый принял к себе мое указание и пытался переварить все произошедшее в кабинете. Поэтому в ответ на мое прощание они лишь заторможено забубнили что-то невнятное. Лишь Мэнона лихорадочно закачался как болванчик:

— О! Да, моя хаягетта, не смею вас более задерживать. Забава не нуждается ни в каких медицинских вмешательствах. Только было бы хорошо, чтобы ты иногда заглядывала сюда для наблюдения. Это для того, чтобы проследить за ходом ее беременности и предотвращения неожиданностей, — склонился Мэнона, благо что не до земли.

— Понимаю! — махнув всем на прощание рукой, я покинула кабинет.

Легкая чуть слышная позади поступь подсказывала, что Забава шла за мной почти впритык. Теперь мой путь лежал в атконнор. Прижимая к груди книгу, я постоянно косилась на молодую королеву, стараясь понять ее настроение.

В пути Забава большей частью молчала. Она тоже была потрясена, не меньше моего. Поэтому нам двоим было о чем подумать. У атконнора она пожелала побыть немного наедине. Подумать. Она ведь уже давно смирилась с тем, что не будет иметь детей. Всегда тешилась тем, что я буду всегда рядом, а все остальное — не важно. Проведя ладонью по горячей гладкой коже, я отпустила ее.

Спустившись в книжное хранилище, еле отыскала Зунга. Он как всегда рылся на пыльных полках старинных книг. Когда я тихо подошла, он даже не заметил и продолжал листать одну из них. Вид его больше походил на нахохлившегося попугая, чем на человека. На голове царил классический беспорядок ученых мужей, скорее всего созданный активным мыслительным процессом с употреблением массажа головы. Улыбнувшись встрепанному виду занятого друга, я замерла у стеллажа и принялась ждать, когда он поймет, что уже не один.

Минут через пять Зунг хмыкнул над чем-то прочитанным. Потом потер пальцами нос,

выдохнул шумно и захлопнул книгу. В этот момент он удосужился повернуть голову в мою сторону и резко дернулся. Схватился за сердце и испуганно вытаращил глаза, словно увидел привидение.

— Делаете что-то предосудительное? — съерничала я.

— Фух! Лана! Ты напугала меня! Просто не ожидал никого увидеть. Добрый день! Давно тут стоишь? — взгляд его коснулся книги. — Чем обязан? Пришла помогать?

— Нет, — качнула я головой и развернула книгу. — Я хотела показать тебе ее. У нас с Лахретом возникла надежда... — после этих слов я протянула ему принесенный предмет.

Он, продолжая вопросительно смотреть на меня, принял и покрутил в руках. То, что происходило на его лице, сложно описать. Поначалу оно приняло вытянутую задумчивость, затем удивленное прозрение, а далее — торжество и потрясение.

— Где?!! — больше он не смог ничего из себя выдать.

— У себя в комнате. Она лежала у меня под диваном.

— Но как? Я думал, что она навсегда исчезла! Я даже не помнил, что с ней произошло.

— Помнишь, тот день, когда я нашла тайную комнату? — он, сведя сосредоточенно брови, кивнул. — Я тогда взяла с собой книгу...

— Так это была она?

Я согласно опустила голову. Зунг широко распахнутыми глазами осмотрел еще раз книгу, понюхал и начал листать, бубня себе под нос, что она соответствует по размеру и содержанию подходящее.

— Ты ее на зуб еще попробуй, — хихикнула я.

— Ты измерила ее? — не обратил он на насмешливую фразу никакого внимания, продолжая листать книгу.

— Да. Подходит. И еще. Меня озадачило, почему в ней семь раз повторяются развороты на карском, в то время, как остальные — поочередно? На одной стороне на древнем, а на второй стороне разворота — на более современном.

— Я думаю, этому есть объяснение. У меня есть догадка. Но мы должны проверить ее в комнате.

— Я тоже так думала. Она сейчас свободна?

— Да. Должна быть. Следующая экскурсия вечером.

— Там кто-то есть?

— Да. Туло. Он сегодня несет вахту.

— Тогда пошли? Тебе же ничего не надо сейчас делать?

Зунг быстро закачал головой с горящими глазами, полными нетерпения.

— Нет-нет! Это много важнее!

У двери комнаты действительно стоял только Туло, огромный увалень с габаритами шкафа, охранник. Мне он нравился тем, что, несмотря на его габариты, сердце у него было очень добрым. Завидев нас, он растянул губы до ушей и мило раскланялся, что-то бубня про то, что рад видеть нас.

— Туло, можешь нас пропустить? У нас есть важное дело.

— Для вас, господин Зунг, все без вопросов. И для вас, госпожа Ноа... — он кинул на меня липкий взгляд, от чего неприятно сжался желудок.

Никогда не любила, когда на меня смотрят, как на гамбургер. И почему на меня так реагируют мужчины? Я же вообще не красавица.

— Нечего таращиться, давай открывай! — поторопил его хранитель. — Нам срочно. И

еще. Никого не впускать. Мы закроем дверь и, когда надо, сами выйдем. Понял?

Тот неохотно кивнул и легко отворил дверь уже знакомым мне методом. Недавно, правда, над замком поколдовали специалисты, и теперь замок имеет усовершенствованный интерфейс с привычным сенсором и светящимися символами.

Тем временем я набрала мужа. Он быстро ответил:

— Да, малышка...

Сердце нежно сжалось в груди. Он меня в последнее время стал часто так звать, когда я называла его имя. Мне это так нравилось, что я называла его чаще, чем то было нужно, по имени. Он улыбался и повторял: «Что, малышка?» Я пиццала от удовольствия и ласково прижималась к широкой груди. Услышав снова это любимое обращение, я захотела снова назвать его по имени, но сдержалась.

— Мы с Зунгом уже в комнате Древних (так мы иногда называли ее, чтобы отличить от других).

— Ясно. Я скоро буду.

— Как хочешь. Мы только проверим. Может, тебе и не надо будет сюда лететь.

— У меня есть пара свободных минут. Я буду. Не уходите.

— Хорошо, — я удивленно уставилась на коммуникатор, когда он отбился.

Странно. То не дозовешься его. Весь такой занятый. А тут... «Я скоро буду». В его голосе было столько уверенности. Пожав плечами, я зашла в комнату за Зунгом. Он сразу же привел замок в действие и затворил дверь. Теперь мы были здесь одни и могли говорить, не таясь, как и проводить наши эксперименты. Он прямым ходом направился к первому ближайшему пюпитру и положил книгу в разъем. Потом довольно присвистнул.

— Что? Подходит? — я очутилась с другой стороны пюпитра.

— Идеально! — не сдержал восторга Зунг и благоговейно выдохнул. — Я не могу поверить! Неужели мы сегодня разгадаем тайну древних?

Я тоже не могла поверить глазам. Книга лежала в разъеме, как влитая. Словно она здесь находилась всегда. Зунг развернул ее, и она легла точно по контуру. Сердце ускорило свой бег. Я даже затаила дыхание, боясь спугнуть правду, будто книга, вырастив ноги, вскочит и убежит.

— И что дальше? — я перевела взгляд на собеседника.

Он задумчиво забарабанил пальцами возле книги, второй рукой поправив беспорядок на голове. Вдвоем уставились на лежащую в родном разъеме книгу в глубоком замешательстве. Мы об этом друг с другом не говорили, но где-то глубоко в душе мы верили, что если положить нужную книгу в положенное место, то задействуется какой-то таинственный механизм и что-то произойдет. Но ничего так и не произошло. И то, что мы таращились на нее расширенными глазами, так ничего и не изменило. Зунг ушел в себя. Я же принялась листать книгу, будто надеялась, что это как-то повлияет на тот самый тайный механизм комнаты. Засветиться спрятанная лампочка и укажет нам на ключ к разгадке тайны. Ничего. С какой бы скоростью не листала.

Зунг обвел задумчивым взглядом комнату.

— Лана, что ты видишь в этой комнате такого, что связывает этот пюпитр и все остальное?

Я пожалала плечами.

— Тут все связано тем или иным образом.

— А напрямую?

— Разве что через пол, — я обреченно выдохнула и села на выступ внизу арки.

— В тот день, когда мы вошли в эту комнату первый раз, что в ней было?

— Да, все так же, как и сейчас, — снова передернула я плечами. — Только... — я оглянулась на нишу в центре арки.

— Что? — он нахмурился. — Ты можешь привести нас на какую-нибудь идею?

— Я помню, здесь лежал подсвечник. Где он сейчас?

— Точно! — в глазах Зунга точно сверхновая взорвалась.

Он сначала посмотрел на нишу, скрытую наполовину ажурной решеткой, а потом быстрее ветра помчался куда-то, повозившись с раздраженным нетерпением возле дверного замка.

— Ты куда?

— За подсвечником!

Я озадачено хмыкнула и принялась ждать. Глаза бездумно заскользили по уже изученным до дыр картинам.

Так я сидела, пока дверь опять не зашелестела в сторону библиотеки. На пороге появился не Зунг, как я ожидала.

— Лахрет? Ты пришел!

— Привет, — он был весьма сдержан, а лицо хранило отпечаток нервного напряжения. Его явно что-то беспокоило. — Ну что? Я вижу, книга подошла под углубление!

— Привет... — я поднялась на ноги, и подошла ближе к пюпитру, где мы и встретились с мужем. — Как видишь.

— И что?

— Я тоже это спросила. Как видишь, ничего не изменилось.

— Вижу. А где Зунг?

— Побежал за подсвечником.

— Каким?

— Помнишь, когда мы сюда первый раз вошли, на одной из арок лежал подсвечник?

— Помню.

— Почему-то слова о ней навели Зунга на какую-то мысль.

Лахрет перевел взгляд на арку за моей спиной и задержал его на нише. У него в глазах вспыхнул тот же огонь, что и у хранителя. Я озадаченно повернулась в том же направлении, но там все было по-прежнему.

— Что ты там увидел? Зунг тоже туда посмотрел, прежде чем убежал, как укушенный.

— Я помню, подсвечник идеально подходил размерами под эту нишу, словно его нужно ставить именно туда. Но, после нескольких разов эксперимента, когда мы ставили его в нишу, ничего не происходило. Зунг имел одну теорию... говорил, что из ниши должен литься свет. Он еще тогда вставлял в подсвечник свечу. Зажигал ее и помещал в нишу. Интересно, что в ней есть система зеркал и когда свет от свечи попадал на них, они усиливали его в несколько раз и, пробиваясь сквозь щели решетки, узором ложились на пюпитр. Причем, только на углубление в пюпитре. Если там должна быть книга, то в этом есть смысл.

— Точно! — теперь и до меня дошло. Я поглядела на указанное углубление, — выходит, что, если положить книгу сюда, а в нишу свечу, то свет укажет нам... — тут я осенено перевела взгляд на последнюю арку. Над ней были слова, что свет укажет нам путь. — Выходит, последние слова...

— Да, это подсказка. Узор падающего света должен помочь нам прочесть нужный текст в книге, когда она будет лежать в разьеме. Видимо, Зунг тоже это понял и побежал за свечой, — прочитав мои мысли, кивнул Лахрет.

Его ладонь нежно накрыла мою. Он хотел привлечь внимание. Я подняла на него вопросительный взгляд.

— Как визит в медатконнор? Что сказал твой Мэнона? Там же был профессор Адит?

Я кивнула, в очередной раз поразившись его осведомленностью. Его вопрос привел меня в замешательство, напомнив об утреннем потрясении. Сказать ли ему? Он должен знать!

— Он сказал, что Забава беременна...

Брови мужа стремительно взметнулись вверх, образовав на лбу пораженные морщины. Этого он меньше всего ожидал. Несколько раз проморгавшись, он наклонил недоверчиво голову:

— В смысле?

— А разве в беременности бывает двойкой смысл? Забава скоро на свет приведет деточек. Молодых ниясытей... так тебе понятно? — я насмешливо усмехнулась.

Теперь его брови выровнялись в одну сомневающуюся линию.

— Как такое возможно? Ведь все результаты твердо говорили, что яичник и яйцевой канал атрофированы!

— Профессор сказал, что у королев есть два яичника. Один отвечает за образование яиц, из которых вылупятся ниры и нуры. А второй, — который развивается уже на самом позднем этапе созревания королевы, — яйца, из которых рождаются молодые королевы. У Забавы он аномально развит. У других королев он часто находится в спящем состоянии. Профессор Адит глубоко ошеломлен этим, так как не знает, что стимулировало работу этого яичника. Мэнона предполагает, что это защитная реакция организма на детскую болезнь. Вот... Все что я поняла.

Лахрет изумленно молчал. В таком состоянии я его видела крайне редко. Видимо он задумался не только об интересном положении Забавы, но и о том, что это с собой несет. Я молчала, ожидая его реакции и слов. Но так ничего и не услышала от него, так как в этот момент открылась дверь, и в комнату вошел Зунг. Он держал подсвечник, в который уже была установлена свеча. В его глазах горел огонь жажды открытий.

— О! Господин Лахрет! Я рад вас видеть! Вы как раз вовремя! — произнес хранитель, протиснувшись между мною и аркой. — Я думаю, что сейчас мы будем свидетелями разгадки самой туманной тайны Заруны! Ну, или пути к ней... как вариант.

Я вежливо отошла в сторону, уступив место «открывателю», не отрывая глаз от подсвечника. Мужчина суетливыми движениями подпалил фитиль свечи и поставил ее в нишу. Воск с пламенем скрылись за решеткой и тут же полился свет, мягкими очертаниями ложась на пожелтевшие страницы книги. Зунг тут же оказался рядом и быстро открыл ее на первом развороте с карским текстом. Замысловатым рисунком свет ложился на отдельные фразы. Хранитель сразу же начал читать то, что получалось благодаря указанию, вода дрожащим от возбуждения пальцем по строкам. Лахрет, заложив руки за спину, угрюмо следил за нервными движениями языковеда.

— Ну, что ты прочитал? — взволновано прошептала я, словно громким голосом я могу спугнуть торжественность момента.

Зунг напряженно морщил лоб, а губы медленно двигались, тихо озвучивая древний

забытый язык. Ответил он не сразу:

— Очень запутанно и двусмысленно. Дословно перевести сложно. Вот, например, вот это слово «кодос», — он ткнул в одно из первых выделенных слов, — может переводиться как «искать», так и «копать». Я так думаю, что древние отождествляли поиски с копанием. А «раге» переводиться как «знания» или «информация». Но если перед ним стоит частичка «ет», тогда оно означает «обращение к кому-то, кто хочет что-то знать». Можно сказать, что это слово переводится как «знай».

В то время как ученый муж разглагольствовал на тему значений слов, Лахрет нервно постукивал носком по полу. Когда тот вздохнул, чтобы набрать воздух для следующего потока «интересных» подробностей перевода, он быстро вставил:

— Я так понимаю, что тебе нужно время для перевода?

Я удивленно посмотрела на напряженное лицо мужа. У него явно хорошее настроение нервно топчется в углу, хотя он всячески старается это скрыть за приветливой улыбкой.

— Да. Да. Надо. И чтобы никто не мешал! — кивнул Зунг, а в его глазах появилась немая просьба.

— Ладно, — кивнул Лахрет. — Я прикажу охране, чтобы никого сюда не пускали, и отменю все экскурсии. Делай, что тебе необходимо. Сколько тебе нужно времени, чтобы все перевести?

— И возле других арок? — встретив смурый взгляд ятгора, Зунг в замешательстве стушевался. — Я не знаю. Может, день. А может, и неделя.

— Даю тебе три дня.

Тот озадаченно сглотнул.

— И скоро к тебе прибудет Наран. Он тебе поможет. Со всеми вопросами к нему. Теперь для тебя это первостепенная задача. Понял? Для него тоже.

— Хорошо.

Лахрет повернулся к выходу и бросил на меня тяжелый взгляд:

— Ты пойдешь? Или хочешь здесь остаться?

Я не знала, что и сказать. Что повлияло на его настроение? Может, то, что я ему сообщила о беременности Забавы? Когда он вошел, был более расположен. Я подняла на него вопросительный взгляд. Мне хотелось остаться с Зунгом и помочь ему с переводом. Я вот уже год учила язык древних, и многое уже понимала. Лахрет кивнул мне в сторону выхода. Я не решалась, покосившись на склонившегося над книгой хранителя библиотеки. Затем снова на Лахрета. Настроение Лахрета вызывало страх. Конечно, мне уж точно ничего плохого не грозило, но его угрюмый взгляд способен был напугать и смелого.

— Я пойду, Зунг, — тихо попрощалась я с ученым мужем.

Лахрет одобрительно кивнул и сделал жест, приглашающий меня идти вперед. Зунг провел нас до выхода и вновь склонился над книгой, достав из кармана небольшой планшетник.

Я пару раз оглянулась на молчаливого Лахрета, идущего немого позади. Ненавижу, когда он со мной обращается, как с подчиненной. Но спорить с ним не стала. Наверное, его ошеломила новость о Забаве. Спрошу его об этом, но чуть позже. Пусть переварит информацию. Но что меня ввергло в замешательство так это то, что его взволновала больше новость о том, что Забава беременна, чем то, что мы, наконец, нашли нужную книгу.

Всю дорогу до лифта мы оба молчали. Лахрет молчал, думая о своем. Я не издавала ни звука, так как не решалась заговорить, когда он вот так вот хмурит брови. Возле лифта лицо

Лахрета немного смягчилось, что дало знак говорить:

— Что ты думаешь о новом положении Забавы?

Он покосился на меня, продолжая стоять лицом к дверцам лифта.

— Я думаю, хоть это и действительно радостная новость, но не для других ушей.

— Почему?

— Ситуация на границе Иридании с каждым днем накаляется. Мир шатается на своих основах. Я должен быть там и решать проблему непосредственно. Если все узнают, что Забава по-прежнему королева, мы снова будем вынуждены взять на себя обязанности кашиасу и лорта. Тягомотина, в которую затянут нас формальности и бюрократия, будут сильно мне мешать. Поэтому, я думаю, будет лучше, если мы будем скрывать это до тех пор, пока нас не вынудят к этому обстоятельства или положение Забавы, когда ей нужно будет откладывать яйца. Тогда уже мы не сможем молчать.

Я рассматривала его серьезное лицо и пыталась понять его мысли. Он их высветил довольно ясно, но за словами стояло еще что-то. Что — я не поняла.

— Хорошо. Как скажешь.

— Скажи это и Забаве.

— А Лириту ты скажешь, что он скоро станет отцом?

Он удивленно повернул в мою сторону лицо. Видимо скажет. Я глубоко вздохнула, представляя себе будущее. О нем я думала и в лифте, и по дороге к аудитории, где проходило программирование, идя на урок. Лахрет, попрощавшись со мной у двери лифта, поехал дальше на парфлет. Его уже ждал Лирит. Время покажет, что будет дальше.

*** **

Мара не сводила пристального взгляда с лорта Хережа Расо, правителя города Замбы. Еще когда судили ее и Тирета, Хереж выступал в их защиту. И, хотя решение приняли в согласии с волей большинства, этот человек продолжал поддерживать их во всем и был одним из первых, кто прибыл сюда, в место их заключения с искренними заверениями в полной и преданной поддержке.

Сегодня он прилетел с вестью. Недавно Хереж встречался с союзниками и теми, кто испытывал сочувствие к ним и их политике. Говорил мужчина с Тиретом, но Мара не упускала ни слова.

— Серет, Гор, Мегорд, Бас, Комор, Ветер, Сила, Голош и еще десятеро с нами и подписали наше соглашение. Теперь мы все на одной стороне. Осталось только назначить дату, — его голос немного дрожал от волнения, и он опасливо оглядывался по сторонам.

Излишняя нервозность союзника раздражала, но Мара давно уже привыкла к этому и старалась больше обращать внимание на слова. Сердце трепетало от страха и волнения, от того, что надвигалось на Ириданию, виновниками чего являлись она, Тирет и их сообщники. Государственный переворот...

Уже более двух лет они старательно и скрупулезно прорабатывали план. Для его реализации требовалось подготовить и продумать множество мелочей, которые, исполнившись в разных сторонах, создавали бы один мощный эффект, одну взрывную волну по всему континенту. Чтобы Лахрет не успел сообразить и вовремя среагировать, им нельзя допускать ошибок. Продумать надо было все, до самой маленькой мелочи. Иначе нынешний ятгор Службы Безопасности быстро поймет, откуда растут руки, и найдет способ им помешать. Он слишком умный и могущественный, чтобы его недооценивать.

Нужно равномерно распределить силы нападения по всем крупным городам, а основной

удар нанести на Ир. Мару радовало то, что у них был козырь — союз с тараками. Пусть и шаткий, хрупкий, но союз. Договор между нею и ними определял действия и награду. Со стороны тараков ожидался синхронизированный удар со стороны границы. С ее — обеспечение им прорыва через поле. Тогда Лахрет будет вынужден стянуть все силы на защиту границы. А в городах останется совсем мало охраны. В этот самый момент они и нападут. Лахрет не сможет биться на двух фронтах с таким слабым количеством наездников. Так что беда Иридании о малом количестве Небесных Стражей играет мятежникам на руку. Подмяв под себя власть в городах, ей и ее союзникам будет легче напасть с тыла. Оказавшись в тисках, Лахрет будет вынужден встретиться с нею и Тиретом. Тогда она с гордым презрением посмеется над ним и заставит отдать власть. А чтобы он меньше сопротивлялся, она постарается надавить на самое его больное место — безмерную любовь к жене. Воспользовавшись своим шпионом, она намерена захватить Лану и шантажировать ею. Это уже пройденный этап. Смогла один раз, сможет и второй. Конечно, в связи с этим пунктом много «но», но разве Мару пугали когда-нибудь трудности? А что касается тараков... Пожертвовав сотней-другой человеческих ресурсов, она отправит их восвояси и снова закроет границу. А затем победоносно вернется, как великая спасительница Иридании, в свой родной Ир. План до безобразия прост. Все остальное — детали.

— Так, когда мы выступаем? — вопрос Хережа вывел ее из торжествующей задумчивости.

— Вчера Кара поднялась в свой брачный полет, — заговорил ровным тоном Тирет, слегка покосившись в ее сторону. — По закону Мара через несколько дней должна вернуться в Ир, в Гнездовье. На границе все идет по плану. Восемнадцать вышек выведено из строя. Предположительный срок — через месяц. Может, и раньше. Все зависит от обстоятельств. Мара будет нашим глазами в Ире.

Хереж сощурился и пристально поглядел в лицо бывшего правителя. На тонких губах немолодого союзника заиграла зловещая улыбка предвкушения.

— Ясно. Тогда позвольте откланяться, чтобы проработать оставшиеся нюансы нашего плана, — лорт Замбы учтиво склонился и стремительно вскочил на спину своего нура.

Еще через миг небо опустело после легкого хлопка, всегда ознаменовывающего вход и выход через зияние. На небольшой каменистой площадке, окруженной голыми скальными глыбами да синим небом, остались только Мара и Тирет. Они довольно переглянулись и позвали своих ниясытей, нетерпеливо ожидавших их на неудобных скальных выступах.

*** **

Стиснув челюсти так, что на щеках выдулись желваки, Лахрет напряженно всматривался в быстрые движения пальцев программиста над панелью управления вышкой излучателя поля. Очередная вышедшая из строя вышка. Восемнадцатая. Он уже давно понял, что выходят они из строя не случайно. И вина тут не в тараках. Кто-то сливал важные коды и систему работы врагам. Сливал тот, кто близко соприкасается или соприкасался с их работой. Тот, кто знает ее вдоль и поперек. Да так хорошо знает, что даже самые лучшие специалисты не могут найти какой-либо зацепки, чтобы найти концы виновника. Таких людей Лахрет знал только десять. И их он проверил в первую очередь. Но никто не был замешан в этом. Или же скрывается так умело, что даже его талантливые агенты не могут докопаться. Таких способных людей он бы посчитал по пальцам одной руки. Но это вряд ли. Они слишком преданы своей стране, чтобы решиться на такой жуткий шаг — продать таракам.

Вывод он сделал только один. Явился новый гений. И этот гений, очевидно, не желает о себе давать знать. Он как-то связан с Тиретом и Марой. Причины связи могут быть разные. От шантажа до полной преданности политике бывших правителей. Исключать ничего нельзя. В том, что головой всего происходящего здесь на границе были заключенные бывшие правители, он не сомневался. Доказательств не хватало. И хоть к этим людям он приставил самую надежную охрану, но проследить за всеми передвижениями наездников просто не реально, что бы он ни делал. Согласно решению Верховного суда Иридании, раз в месяц и Мара и Тирет имели полное право вылетать из зоны Рудников на короткое время. К вечеру они должны вернуться. Лахрет был против этого решения, но ничего не мог поделать. Суд учитывал «смягчающие обстоятельства». Но были ли они на самом деле «смягчающими»? Многие присяжные поверили Тирету, что его действия в отношении Ланы оправданы желанием добыть важную стратегическую информацию о враге. И это ему удалось. Ведь Лана выжила. И мало того добыла все необходимое. Поэтому им поверили.

В голове активным строем митинговали мысли. Он пытался построить логическую последовательность и совместить все, что имел. Вышки ломались с устрашающей закономерностью. Аналитики уже просчитали, что если так будет продолжаться и дальше, в поле возникнут по всему периметру множественные бреши уже через месяц. А это значит, что будет война. Согласно данным со спутников, тараки медленно стягивали силы к границам поля. Там шла полномасштабная подготовка к боевым действиям. Лахрет тоже не расслаблялся. Он понимал, что может быть, поэтому уже сейчас по всему периметру поля распределил основные военные силы Иридании. Каждый солдат понимал, что предстоит, и изо дня в день велась усиленная подготовка новобранцев. Катастрофически не хватало наездников. Он был вынужден задействовать всех, даже кадетов и тех, кто только стал на крыло.

Проблема выхода вышек была ни сколько в самой ее поломке, сколько в том, что восстановить ее работу просто невозможно. Программисты говорили, что после прекращения ее работы все программное обеспечение превращается в бесполезный хлам и чтобы исправить работу, требуется замена почти всей аппаратной начинки. Причем так, только они проводят полностью апгрейд всей системы, она через считанные часы снова летит. Недавно Март предположил, что возможно, что в систему заносится какая-то вредоносная программа, поражающая всю работу основного процессора. Где она находится, никто не знает, поэтому это остается всего лишь теория, которую Март продолжает активно отстаивать. Где он ее взял? Лахрет не имел понятия.

Но больше всего его пугала мысль о том, что будет, если тараки ворвутся на территорию людей. Снова. Ведь повториться все, что он вспоминал с дрожью в коленях. Пострадают в первую очередь приграничные земли. Тараки заберут многих. Поэтому он распорядился о масштабной эвакуации мирного населения в центральные части материка. Потом последуют крупные города. Набеги будут повторяться не регулярно и не часто, но будут. Пострадают больше всего те места, которые не защищены наездниками. Многие бросят привычную работу и насиженное место и уйдут в города в поисках защиты. Производства станут. Пострадает сельское хозяйство. Страна войдет в период голода прежде, чем возобновится прежняя система обработки земли. Однако самое главное для него было благополучие его упрямой и непредсказуемой жены. Что будет с ней, если он погибнет где-нибудь, защищая кордон? Кто о ней позаботится? Нет, конечно, рядом с ней будет Забава, что очень утешало его, но кто еще захочет ее оберегать так, как это делал всегда Лахрет?

Он вспомнил последний миг, когда она уходила от него. Ее упрямое лицо, надутое очередной придуманной проблемой. Эти серые любящие глаза. Нежную улыбку. Ласковые ладони. Почему-то, когда он вспоминал ее, на лице у него всегда появлялась рассеянная глупая и весьма неуместная улыбка. Как сейчас. Хорошо, что он стоял ко всем спиной. Мысли о жене всегда Лахрету придавали сил и решимости бороться во что бы то ни стало, чтобы обеспечить ей мирное будущее. Ей и их детям. Детям... Мысли, к стати, тоже не уместные в данный момент, о детях отвлекли его от тягостных и не решаемых дум. Как Лана переживала о том, что не может забеременеть. Он скрывал от нее, но желание иметь от этой невероятной женщины детей было самой заветной его мечтой. Как часто он представлял себе маленькую сероглазую девчушку, тянущую к нему маленькие пухленькие рученки и называющую его «папой». Правда Лана мечтала о мальчике, таком же сильным и смелым, как и он. В принципе, ему было не важно, в итоге, кто же у них будет. Главное, что их ребенок, их кровь, плод их сильной и страстной любви. Как-то раз они пришли к выводу, что придется родить двоих, иначе никак.

Сердце больно сжалось от мысли, что же будет с нею, если его не будет рядом. Нет! Надо гнать от себя их. Он должен остаться в живых и заботиться о ней. Быть рядом, любить, защищать. Лахрет недовольно тряхнул головой, отгоняя назойливые мысли и сосредоточился на насущном.

— Одор, что с алгоритмом Марта? — спросил он главного программиста.

— Сэр, она гениальна, но возникли некоторые осложнения в ее интеграции в главную системную оболочку. Я сидел, писал подпрограмму, когда тараканы атаковали эту вышку. Всё то же самое, что и на остальных вышках. Схемы, диаграммы, командные коды словно сошли с ума, а потом все выключилось. Я пытаюсь переустановить основную операционную систему, но все снова повторяется. Я вынужден все-таки согласиться с теорией Марта. Такое ощущение, что где-то в системе находится вредоносная программа, которая тут же запускается и выводит все из строя, — мужчина с глазами, красными от напряженных и недоспанных ночей, устало потер переносицу.

Только Лахрет набрал в грудь воздух, чтобы ответить, как люк в полу поднялся и в кабину управления вышкой залез Март. Лахрет резко и удивленно выдохнул, вскинув озадачено брови. Молодой человек шумно дышал от быстрого бега. Лицо пунцовое и потное казалось сейчас засветиться как лампочка. Позади послышались озадаченные возгласы спутников Лахрета. Март, не успев отдышаться, быстро выпалил:

— Я понял, в чем проблема!!!

Его слова привели присутствующих еще в большее недоумение, чем его неожиданное появление.

— Говори, — Лахрет напряженно свел брови, не обращая внимание на возмущение присутствующих о наглости молодого человека.

Сейчас важна была любая полезная информация, от кого бы она не звучала.

— Теперь я могу доказать на все сто процентов, что виной всему вирус!!!

— Вирус?! — теперь это был голос Одора.

— Да! — глаза Марта ничем не отличались по красноте от его лица, а мешки под ними обрели синюшный оттенок. — Эту идею мне подала Ланка!

— Как же она попала в главный компьютер вышки? — Одор повел недоверчиво бровей.

— Через брешь, созданную в поле. Это вирус, созданный тараканами. Его программные коды совпадают с нашими и, зацепившись за любой программный носитель, он изменяет

работу всей системы!

— Но почему он не удаляется с системы, когда мы ее полностью стираем и устанавливаем новую?

— Потому что она небольшая и ей не нужно много места! — Март подошел к панели управления и взял в руки коммуникатор Одора. — Она создает себе резервные копии где угодно. Вот ваш коммуникатор вы перезагружали во время переустановки операционной системы? Нет? А зря. Я, когда пришел к себе домой, положил коммуникатор возле своего планшетника, когда начал работу над доработкой алгоритма и заметил странности в работе планшетника. Тогда я и нашел ее. Вот! — пальцы Марта запорхали по панели управления, и на мерцающем экране появилась командная строка с набором бегущих всевозможных символов.

— Это не наш код... — нахмурился Одор.

— Это таракский.

— Ты его понимаешь?

— Да. Мэнона объяснил... — лицо главного программиста недовольно вытянулось при упоминании подопечного Ланы, однако никто не посмел сомневаться в правоте слов этого гадака и молодого человека. — Правда я не все понимаю и поэтому не могу запустить антивирус.

— Антивирус?

— Тоже идея Ланки. Не знаю, откуда она такое вдруг придумала, — передернул он плечами.

— Но...

— Я знаю, это дикая идея, но ведь в Иридании прежде никто не создавал таких программ. Зачем себе создавать лишние проблемы?

— Что вы предлагаете? — Одор выпрямился в спине, словно от этой информации в нем появились новые силы.

— Мне кажется, что с этой проблемой должен разобраться тот, кто знает программный язык таракков лучше, чем я... — Март оглянулся на Лахрета.

Наступила всем понятная пауза. Лицо Лахрета почернело от недовольства. От мысли, что самую страшную проблему всей страны он должен доверить тому, кого так и не научился уважать. Он терпел его лишь из-за жены, хоть и не мог не признать успехов пленного таракана в области лечения Забавы, как, впрочем, и в области медицинских технологий. Чего стоит только его голопроектор! На его висках надулись вены от напряжения. Он боролся в себе со здоровыми словами Марта и врожденной неприязнью к гадаку. Впустить его сюда для Лахрета значило довериться ему. А, значит, признать правоту Ланы в том, что она верно сделала, сохранив жизнь гадаку. Он день и ночь боролся с желанием его удавить, пока она спит. Сколько восторга так часто он видел в глазах жены в отношении пленного, сколько доверия и любви. Позволить ли этому случиться?

— И что это даст? — озадачено чухая подбородок, спросил Кроф, стоявший за спиной Лахрета.

Его осунувшееся красивое лицо сейчас походило больше на лицо великомученика, чем на привычное лицо оптимиста.

— Тогда мы сможем перезапустить снова все вышки!!!

Лахрет шумно, с видом полной обреченности, подчинившись голосу разума, выдохнул и хрипло произнес:

— Ладно. Будет здесь твой Мэнона. А ты — немедленно в постель!!!

— Но... — начал было возражать молодой человек, но встретившись взглядом с глазами, против которых нет смысла бороться, опустив плечи, с сомнениями повернулся к выходу. Потом, у самой дверцы люка он попытался повторить попытку сопротивления: — А может все-таки...

В голове молодого человека плясал вопрос о том, почему он, автор идеи о вирусе, не имеет право разрабатывать ее дальше?

— Нет! Спать. Ты на себя вообще в зеркало смотрел? — толкая шурина в открытый люк к лестнице, бросил Лахрет. — На тебе лица нет. Ты когда спал в последний раз? И как тебе Нук это позволил?

Тот, недовольно бурча себе под нос неясные возмущения, полез по винтовой лестнице вниз. Ятгор замер у выхода и оглянулся на присутствующих:

— Я ухожу. Кроф, будь здесь. Никого не впускать, пока не прибудет кто-нибудь с гадаком. К тому приставить тщательный контроль. И еще, не позволяйте никому его унижать. Это приказ. Не хватало мне потом выслушивать за это... — он позволил себе расслабиться и упомянуть о напряженной обстановке у него с женой, когда речь заходила о гадаке. Поняв свою оплошность, он тут же умолк и, бросив суровый взгляд на помощника, пошел прочь. Здесь от него не было пока никакого проку.

Кроф пробубнил что-то согласное и затворил за ним люк. Так что наверху остались только Кроф, Одор и двое офицеров.

На улице царил полдень. Раголар нещадно палил песчаный пляж, слепя глаза. Сильный ветер поднимал высокую волну, закручивая ее в метровые буруны, и ударял об одиночные глыбы, выступающие из воды редкими зубами. На миг Лахрет задержал на волнах взгляд. Как же ему иногда хотелось плюнуть на все и, отрыв в закромах давно заброшенную доску, оседлать волну и промчаться на ней, ощутив весь драйв от скорости и ощущения свободы. Прогнав очередные отвлекающие мысли, он покосился на садящегося на спину нура шурина. Тот еле двигался. Пораскинув немного мозгами, он решил парня отправить не домой, а в другое место, более надежное. Там он уж точно крепко поспит.

— Лирит, вели Нуку следовать за нами, — похлопав друга по подставленной шее и забираясь к нему на спину, шепнул Лахрет.

— А куда мы?

— Летим в поместье Ноа.

— Ясно. Хочешь его поручить маме? Хорошая идея. Нук говорил, что сильно переживает за Марта. У твоей мамы он сможет выспаться.

— Какой же ты у меня догадливый... — усмехнулся ятгор, подставляя лицо ветру.

Как же он был рад тому, что у него такой верный и понимающий друг.

Двухэтажный особняк Ноа возвышался на каменном обрывистом берегу самой широкой реки Иридании, Терро-Итар. Эта река брала начало в заснеженных вершинах гор Градасса и протекала извилистым руслом почти по всему материку. Многие города были построены именно на ее обрывистых берегах.

Лахрет с высоты птичьего полета критически осмотрел дом. Высокие белокаменные гладкие стены по полукружью опоясывал балкон-терасса. Балясины перил балкона выделялись замысловатым филигранным узором по его краю и были архаичным отголоском неизменной любви архитекторов к древностям. Уголки квадратной заостренной крыши упрямо тянулись к небу, а бутыльчатые колонны, подпирающие узкий навес крыльца,

придавали дому античную прелесть веков.

Лахрет давно привык к изысканной роскоши особняка, зато лицо Марта, созерцавшего его с высоты, виртуозно вытянулось, соединив в себе удивление, недопонимание и восторг ребенка. Усмехнувшись потрясению молодого человека, мужчина велел Лириту снижаться.

На балкон выбежала тонкая стройная фигурка женщины. Ее шелковые воздушные одеяния, волнуясь в такт движений и порывам ветра, казались совсем невесомыми, неощутимыми. Когда лапы нуров коснулись пола балкона, она уже стояла почти рядом с гостями. На милом белоснежном лице горели румяна, а черные, как уголь глаза сияли как две ярких звездочки.

— Лахрет! Ты прилетел! Как я рада! И Март! Очень приятно тебя видеть, — ее голос напоминал звон колокольчиков.

— Здравствуй, мама, — обнимая женщину за тонкую талию и целуя в обе щеки, произнес сын.

— Ты просто так?

— Нет. По делу.

Она вопросительно вскинула брови и отстранилась от сына. Потом покосилась на едва стоящего на ногах родственника.

— Ну что же мы тут стоим на ветру! Давайте пройдем в дом! — она жестом поманила прибывших зайти.

Март вытянул шею и заинтересованно крутил головой во все стороны, пытаясь взором охватить всю ту удивительную красоту, которую дарил вид дома — восхитительного шедевра архитектурного искусства. Лахия мило улыбнулась неподдельному восторгу гостя и направилась в сторону входа в дом. Март колебался.

— Чего стал? Тебе особенное приглашение надо? — обхватив шурину за шею, тепло спросил Лахрет.

— Мне? — нахохлившись как воробей, возмущенно спросил Март. — Нет. Просто я здесь первый раз. Хочу все осмотреть.

— Идем. Еще насмотришься.

Внутри особняк не уступал в роскоши домам индийских раджей. Белые колонны, широкая лестница наверх, шикарная мебель светлых тонов и ковры — все лишь подчеркивало изысканность строения и изумительный вкус хозяйки.

Лахия подозвала девушку, вытиравшую пыль с прозрачных столешниц прихожей, и велела ей принести закуски. Та поклонилась и быстро исчезла в дверях коридора, ведущего на кухню.

Когда, усевшись на мягких диванах, они пригубили прохладного напитка, Лахия спросила:

— Так что же за дело вас сюда привело.

— Хочу, чтобы этот парень отоспался.

— Я? — возмущению Марта не было предела.

— Этот? — женщина кивнула на молодого человека.

— Мам, да ты посмотри на его мешки под глазами! В них же зерно можно хранить! — Лахрет постарался сделать лицо более суровым, но в глазах явно читались забота и искреннее переживание.

— Нормальные у меня мешки под глазами! — Март возмущенно вытянул лицо.

— Угу, — Лахия критично осмотрела молодого человека. — Мешки... под глазами...

Лахрет, да он не спал суток трое как минимум!

— Да сплю я! — выпученные испуганные глаза Марта возмущенно таращились на мать и сына.

— Мам, я помню, ты раньше занималась лечебными травами. Ты не могла бы быстренько сообразить что-нибудь для него, чтобы он смог как следует отдохнуть? Он мне нужен свеженьким. Не хочу раскидываться полезными кадрами. И не спорь со мной! — Лахрет вскинул палец и с укором им покачал в сторону возмущенной персоны.

Тот набычился, обиженно высунув нижнюю губу, и скрестил недовольно руки на груди. Взъерошенные волосы на голове словно зашевелились, выражая безмолвное неодобрение. Лахия тихо хмыкнула, поднялась с дивана и произнесла:

— Пойду что-нибудь соображу...

— Да послушайте же! Со мной все в порядке! — Март не переставал храбриться.

— Март! Ты же не хочешь проблем со своей сестрой? Она, когда увидит тебя, без анестезии уложит спать. Причем, не кригом... — Лахрет не сдержал насмешливой ухмылки. — А я буду выслушивать лекцию о том, что совсем не забочусь об обездоленных родственниках.

Март приник, возмущенно заморгал веками. Упоминание о сводной сестре возымело действие. Все знали, когда молодая женщина в приступе заботы начинает действовать, остановить ее не может даже Лахрет. Потом покорно встал и спросил:

— Куда мне идти?

Лахрет довольно растянулся в улыбке. Оказывается, Ланой запугать можно Марта так же легко, как и его самого.

— Иди на кухню, — кивнул в сторону важной комнаты всех домов Лахрет. — Мама там. Она тебя и отведет.

Тот послушно кивнул и исчез в том же направлении, что и Лахия. Лахрет, устало уронив на спинку дивана голову, не стал его провожать взглядом. Вместо этого он прикрыл веки и погрузился в мир пустоты. Ему тоже срочно нужен покой и тишина.

— Я вижу, не один Март нуждается во сне? — голос матери вывел Лахрета из мира дум.

Лахрет нехотя открыл глаза и навел резкость на матери. Она присела рядом на кресло и уперла локти на колени, приблизившись к сыну.

— Не сейчас, — покачал он головой. — Слишком много работы.

— Ее у тебя никогда не было мало, Лахрет, — покачала головой Лахия, и положила ладонь сыну на колено. — Послушай маминого совета, отдохни и ты. Не все ж тебе работать.

— Ты мне Лану напоминаешь. Она мне тоже говорит, что работа не волк, в лес не убежит... — Лахрет устало потер лицо.

— Кто такой «волк»?

— Не важно. Зверь какой-то, — он шумно выдохнул и уронил руки на колени.

Лахия задумчиво всмотрелась в изнеможенное лицо сына. Поправила отросшую прядь челки со лба и произнесла:

— Я тебя никогда не спрашивала... А сейчас хочу спросить, пользуясь правами той, кто родила и растила тебя... Можно?

Лахрет настороженно нахмурился и наклонил вопросительно голову:

— Если это не связано с государственной тайной...

— Это личное.

— Ладно...

— Скажи, Лана сердиться на тебя за то, что ты не до конца открываешься ей?

Лахрет оторвал затылок от спинки дивана и повел бровей:

— Откуда ты знаешь? Небось, она пожаловалась уже?

— Нет. Она не говорит. Но я вижу, что Лану что-то волнует, когда речь заходит о тебе.

— И?

— Как-то раз, я случайно заметила, что она думает о Маре, когда я обращаю внимание на то, кем ты являешься на самом деле.

— Ты говоришь о моей эмпатии?

Лахия удивленно дернула подбородком. Это первый раз, когда Лахрет так просто и вслух упомянул о своих способностях.

— Да, об этом, — Лахрет выжидающе свел брови, поэтому мать продолжила: — Я спросила ее о том, что ей сказала Мара в тот самый день... ты понимаешь, о чем я. Так вот, она все думает о том, какой секрет хранят все эмпаты...

Лахрет напряженно выровнялся и подался вперед так, что лицо матери видел почти вплотную.

— Мама...

— Я знаю. Ты боишься показать ей свои страхи, свои глубинные эмоции... Думаешь, что ты ее так защищаешь. Но пойми, мальчик мой, она не такая, как все. Она другая. Она живет эмоциями. Лана понимает их даже лучше, чем ты. Разве она может тебя за них осудить? Я понимаю, ты не хочешь, чтобы она видела, что ты можешь чего-то бояться, что подумает, что ты не сможешь ее защитить от угроз всего мира, и покинет тебя. Но и ты пойми, хороший мой, таким образом, ты ставишь между собой и ею огромную стену и лишаешь себя настоящего счастья. Счастья, которое она может подарить тебе с избытком. Откройся ей, и ты увидишь, сколько она тебе даст. Ведь если много даешь, то много и получаешь. Это закон Вселенной, — Лахия нежно улыбнулась и ласково провела тыльной стороной ладони по его щеке.

Лахрет отодвинулся, с подозрением покосившись на доброжелательное лицо матери. Он и сейчас боялся, но не хотел себе в этом признаться. Как же часто его мать была права, особенно, когда это касалось чувств. Но он молчал. На его лбу прорезались морщины напряженной борьбы рассудительности и сомнений.

— Лахрет, — продолжила свою тихую речь Лахия, — ты женился по любви. По взаимной любви. Ты — настоящий счастливчик. Не многие, поверь мне, удостоиваются такой чести в нашем мире. У тебя настоящая семья. Поэтому пользуйся этим. Не отказывайся. Если ты сомневаешься в этом, то подумай хотя бы о той, кого ты любишь. Ведь Лана станет тоже счастливой. Она поймет, что ты ее действительно любишь. Любишь от всей души и по-настоящему.

Лахрет упрямо скрестил руки на груди и отвел взгляд. Лахия с укором поджала губы, не сводя взгляда с напряженно-задумчивого лица сына.

— Мама, Лана бывает иногда просто невыносима, когда ей взбредет в голову какая-нибудь бредовая мысль! Если я впущу ее в себя однажды, то, как я выдержу ее перепады настроения? — через несколько минут размышлений, ожил Лахрет.

— Ты забыл? Она ведь это тоже будет чувствовать.

Лахрет изумленно нахмурился.

— Мам, я защищаю ее. А не отгораживаюсь. Ведь, если она будет знать, что у меня в голове! Это же... немисливо! Это я сам едва выдерживаю, а что тогда говорить о ее хрупкой

психике?!

— А разве она будет знать твои мысли?

— Конечно! Я не могу ее обречь на то, что не дает покоя мне.

Лахия выдохнула и на миг задумалась.

— Послушай, Лахрет. Я знаю одно, что надвое разделенная беда, становится в два раза меньше, а надвое разделенная радость — в два раза больше. Не лишай себя дара этой женщины. Ты же сам знаешь, чем обладает она на самом деле.

— Нет, — покачал он головой. — Я не знаю. Никто не знает. И меньше всего она.

Мать снова коснулась его щеки и прошептала:

— Какой же ты у меня удивительный получился. Я всегда думала, что мне нужно было выйти замуж за твоего отца уже только потому, чтобы у меня родился такой сын, как ты. Ты стал великим человеком, Лахрет. И я горжусь тем, что я твоя мать, — Лахрет удивленно воззрился на мать и тронуто свел брови домиком. — Да-да, я говорю искренне. Ты — дар Иридании. Такой же упрямый и умный, как отец. И такой же добрый, как мой отец. Я уверена, ты сможешь защитить нас от таракнов. А Лана тебе поможет. Она — дар тебе с небес. Цени это. Не отгораживайся от нее.

— Ладно, я подумаю над этим, — хлопнул он себя по коленям и встал. — Мне надо идти.

— Хорошо. Привет Лане.

— Передам. И проследи, чтобы этот парень хорошо выспался, — ответил он, обернувшись через плечо на пороге.

— Обязательно, милый.

*** **

Я медленно брела по коридору, устало повесив руки вдоль тела. Мне даже махать ими не хотелось в такт шагу. Последний урок практики был для меня явно лишним. Как же я изнервничалась, когда вырубивала флайер между пиками и скальными солончаковыми навесами горы Гухо, что находилась ближе всего к Иру. Говорят, это самая экстремальная гора Иридании после горного массива Градасса. А мне сегодня пришлось там летать, бороться с турбулентностью, с воздушными ямами, вихревыми потоками и тому подобным, да еще огибать каменные глыбы невероятных форм и изгибов. Я совершенно обессилена.

У самых дверей я вдруг задумалась о том, где сейчас Лахрет? Страшно хотелось в этот миг прижаться к нему и отключиться от мира. Когда я открыла дверь, радость пришла в мое сердце. Он стоял спиной к выходу в дверном проеме балкона и смотрел на красное зарево Раголара.

— Ты пришла? — оглянулся он через плечо.

Больше ни о чем не думая, я быстро подошла к нему и обхватила со спины за талию. Как это здорово — вот так вот прижаться к нему и почувствовать его силу, уверенность, спокойствие.

— Что с тобой? — повернулся он всем телом и обхватил за плечи. — Устала?

— Угу, — я уронила ему на грудь лоб и зажмурила глаза, — Тахур заставил меня сегодня кружить над хребтом Гухо. Я думала, у меня руки отвалятся от напряжения и страха. К чему он меня готовит? Хочет сделать воздушным акробатом? Или жаждет убить позамудрёней?

— Такова учеба, милая, — глядя меня по кудрям волос, тепло ответил Лахрет.

Что-то было сейчас странное. Непривычное, что исходило от него. Я не сразу это

поняла. Раньше такого я не ощущала. Сейчас, стоя совсем рядом, мне, внезапно, показалось, что я коснулась чего-то глубокого, сокровенного в душе Лахрета.

— Я люблю тебя, — словно слыша мой вопрос, ответил над ухом муж и поднял мое лицо. — Я хочу тебе сейчас кое-что сказать. Ты должна внимательно выслушать и потом решишь, что делать дальше.

Я удивленно подняла брови и распахнула рот. Мне даже стало немного стремно от этих слов, но перебивать его не стала.

— Помнишь, в тот день, когда Забава стала Старшей Королевой? — я понятиливо кивнула. — Мара тогда кое-что тебе сказала...

— Ты о секрете эмпатов? — насторожилась я и во мне взорвалось давно скомканное желание узнать правду об этом.

— Да, о нем. Мало кто знает ответ. Мы это скрываем... Кхм... — Лахрет бережно поправил непокорный локон на моем лбу и продолжил: — Понимаешь, мы имеем одну слабость. Наши эмоции. Наши чувства. Мы можем быть зависимыми, если сливаемся с кем-то эмоциями. Настолько зависимыми, что теряем над собой контроль и вкус к жизни, если лишаемся этого источника.

— Как это?

— Мы становимся слабыми и нами можно управлять. Через наших близких. Я не хотел так поступать с тобой, потому что боялся, что тогда потеряю себя. Тогда другие могут воспользоваться этим и контролировать меня. Меня — того, кто руководит одной из самых уязвимых и стратегически важных систем Иридании — ее безопасностью. Я стою на рубеже мира Иридании. И если кто-нибудь получит к этому доступ, то мира на Заруне не станет.

Его лоб прорезала напряженная морщина. Он глубоко вздохнул и провел мягкой ладонью по моей щеке.

— Но ты стала моей слабостью намного раньше, чем я бы хотел себе это позволить. Даже не впустив тебя в себя, я стал зависимым от тебя... я не хотел себе в этом признаться. Я... — его голос дрогнул и горячие губы коснулись моего лба. — Мне не надо быть эмпатом, чтобы стать зависимым от тебя... — эти слова больше звучали, как оправдание, чем объяснение.

Я ощущала его дрожь, глубокое волнение и поток сильнейших эмоций, которых никогда не знала. Сердце переполнили чувства. Не мои. Его. Я вскинула взволнованные глаза, слыша, как шумно вырывается с моих губ учащенное дыхание.

— Я сегодня хочу тебе открыться... позволь... разреши ощутить всю тебя... без остатка... я больше не хочу бояться...

— Лахрет... — удивленно выдохнула я, пытаюсь осознать сказанные им слова, но его губы сомкнули мои в тот момент, когда хотела возразить.

И тогда я забыла все, что хотела сказать... Невероятным потоком нахлынули на меня сильнейшие желания, эмоции. В голове засверкали фейерверки, зарябило в глазах, а в животе запорхали бабочки. Сердце забилося канарейкой в клетке, желая вырваться из груди. А потом сознание отказалось отдавать себе отчет и понеслось куда-то в небеса, к белым воздушным облакам. Душа запорхала разноцветным мотыльком у палящего огня. Нежные руки мужа заскользили вниз по плечам к кистям, сжав их в больших ладонях. А потом из его уст полились самые ласковые слова, которые только можно сказать тому, кого любишь до последней клеточки, до кончиков волос.

Я растворилась в нем, я потеряла себя в нем, в его бескрайнем океане чувств,

переживаний и горячих желаний. В водовороте страсти казалось, меня затянет в бездну, куда я продолжала падать и падать, проваливаясь без желания остановиться.

— Ты мой океан и я в тебе утонул... — слышала я у груди и трепетала в его ласках. —

Ты мой свет, мой мир, мой воздух, моя жизнь...

*** **

Придя в себя от агонии любви, я заглянула Лахрету в лицо, склонившись над ним. Я ничего не спросила, но он ответил, словно знал мой немой вопрос:

— Я никогда в жизни не ощущал такой легкости. Будто всю жизнь на плечах носил невероятную тяжесть, а сейчас она с шумным грохотом рухнула на землю.

Я сладко улыбнулась и провела пальцами по его скуле до подбородка, а он продолжил, прикрыв от блаженной истомы глаза:

— Я даже сейчас ощущаю тебя каждой фиброй своего тела... это, правда, невероятно! Ланочка...

Я счастливо тихо засмеялась и уронила голову ему на грудь. Сегодня случилось что-то действительно удивительное. Такого я никогда не ощущала. В один страстный вихрь слились наши желания, и я не могла разобрать, где мои, а где — его. Все, что было до этого — ледяные ветры и метели в сравнении с вулканом. Теперь я смело могла сказать, что мы стали одним целым.

Его пальцы воздушными движениями скользили по моему плечу, когда он вдруг сказал:

— Роди мне дочь...

Я даже села, недоуменно уставившись на мужа. Он усмехнулся и ответил на немой вопрос:

— У вас на Земле, наверное, такого нет, а здесь, на Заруне, мужчина знает, когда его женщина зачала... — он поймал мою руку и прижался к ней губами.

Если бы это было возможно, то мои глаза точно вылезли бы на лоб. Его улыбка стала еще шире и теплые пальцы привычным жестом смахнули непослушные пряди с моего лба:

— Какая же ты у меня еще несмышленная...

— Я не знаю, что мне сказать.

— Не говори. Я чувствую тебя все равно. Ты же хотела, чтобы у нас были дети...

— Но я...

— Забава уже перешла этот рубеж. Она не будет тебе мешать. Она же сама ждет потомство... так что, — Лахрет пожал плечами и уронил руку на постель.

Я глубоко и надолго задумалась. Среди потока озадаченных мыслей я почувствовала мысли Забавы. Она проснулась и заинтересованно следила за моими душевными трепыханиями. Ей понравилась мысль, что у меня будет ребенок. А вот у меня в голове это не укладывалось. Лахрет лишь любовно наблюдал за изменениями моей мимики и широко улыбался.

— Но как?

— Тебе объяснить, как женщина беременеет?

— Да нет же, — я свела брови. — Как вы это понимаете?

Он передернул плечами:

— Не знаю. Это где-то на подсознательном уровне, — его забавляло мое замешательство.

— Не понимаю...

— Это, может быть, связано с тем, что мужчины больше заинтересованы в потомстве,

чем женщины.

— Ну, — смиренно вздохнула я и сжала его ладонь, — тогда, господин Лахрет Ноа, позвольте вас поздравить. Через девять месяцев ты станешь отцом.

— Девять?

— Да. А что?

— Женщины Заруны носят детей одиннадцать месяцев... Ты чего?

— Плачу...

— Уф... не надо... милая, ты не перестаешь меня удивлять. Чего ты плачешь? — он прижал меня к груди и начал успокаивающе гладить по волосам.

— От счастья.

— Я уже и забыл, что ты у меня можешь плакать из-за счастья... землянка моя...

— Скажи еще... — всхлипнула я у него на груди.

— Что?

— Землянка...

— Земляночка моя... любимая моя... Я так благодарен судьбе, что забросила тебя сюда, на Заруну. И я смог испытать самое большое счастье в этом мире для мужчины — быть любимым женщиной...

И тогда поток слез из моих глаз хлынул нескончаемым ручьем. Вот так вот я реагирую на счастье, которое захватывает так, что спирает дыхание!

Часть 3. Тайна приоткрыта

Часть 4. Тайна приоткрыта

— Ты уверен? — этот вопрос Лахрет задал просто так, чтобы задать.

Ответ на него он уже давно знал. Просто хотелось, чтобы кто-то его озвучил.

— Да, на все сто, — Краф оперся кулаком о стол начальника. — Шпионы каждый раз разные и каждый раз они ускользали прямо из-под носа. Это не профессионалы. Лишь исполнители. Ими явно руководит кто-то один. Их задача только скачать новые коды. Они это делали на удаленном доступе. Как? Не известно. А потом быстро исчезали верхом на ниясытях. Их кто-то подвозил. Ниры охраны не успевали опознать. Всякий раз они улетали раньше, чем их засекали. Парень, которого мы поймали четыре часа назад, выкрикнул: «Мир Иридании!», — и выпил яд из перстня на руке. Никакого девайса у него не обнаружено. Наездника, который его предположительно должен был ждать, нигде не нашли. Мы облетели весь периметр вокруг. Никого. Видимо, тот, заподозрив неладное, немедленно ушел в зияние, — Краф раздраженно выдохнул.

На лице его читались безысходность и отчаяние. Второй помощник начальника СБ Иридании начал терять терпение. И его можно было понять: восемнадцать вышек вышло из строя. Если выйдет еще одна в радиусе полумок, то прорыва поля не избежать.

Лахрет раздраженно выстукивал пальцами быструю дробь. Всё. Война не минуема. И он прекрасно понимал, что за всеми этими событиями стоят Мара и Тирет Ниасу. Но как? Кто их связной? Где они прячут свой штаб? Кто их прикрывает? У него так и чесались руки прилететь к бывшему лорту, да хорошенько потрясти того, чтобы получить нужную информацию (под словом «потрясти», имеется в виду проявить некоторую фанатичность в допросе). Но разум подсказывал всю тщетность подобных действий. Такое могло бы расколоть многих, но не Тирета. Конечно, Лахрет уже давно не спускал глаз с Хережа Расо, близкого друга Тирета и главного подозреваемого. Однако тому удавалось часто ускользать от слежки. Он был одним из лучших. Да и проследить за перемещениями ниясыти в гиперпространстве — высший пилотаж. На это способна только королева. А таковых на службе в распоряжении у него не имеется. Лану с Забавой задействовать для него было последним делом. Что угодно, но рисковать жизнью жены и ее королевы он никогда не будет.

Лахрет устало перевел взгляд на начальника Управления Науки и Прогнозирования, находившегося, как и Краф, сейчас в кабинете.

— Что скажешь, Арогот? Какой прогноз? Что будет, если выйдет из строя следующая?

Худосочный мужчина с янтарным взглядом цепких глаз, скрестив руки на груди, мрачно всматривался в профиль молодого фагота Крафа Элогира. Энергичный молодой человек когда-то занимал высокий пост в Министерстве Юстиции Иридании, но год назад решил присоединиться к СБИ под началом Лахрета. Услышав свое имя, прогнозист медленно перевел взгляд на начальника. Ответил не сразу, задумчиво потерев подбородок тонкими и длинными пальцами.

— Если падет вышка, возле которой был найден этот шпион, произойдет перенапряжение соседних рабочих вышек. Тогда в поле в трех местах... — мужчина подошел к карте, высвеченной проектором на стене, — в этом... этом и этом... — он указывал

пальцем поочередно места на западном побережье, — на протяжении нескольких километров возникнут незащищенные бреши.

Лахрет поднялся со своего кресла и, заложив руки за спину, подошел к карте. Внимательно посмотрел на указанные места и понимающе хмыкнул:

— Очень удобные места. Хороший обзор и есть возможность без оглядки высадить на места много воинов... можно также посадить и летательные аппараты... — хотя Лахрет и не показывал страха, но играющие желваки на щеках выдавали внутреннее волнение.

Все присутствующие понимали всю серьезность надвигающихся событий. Каждый знал, насколько свирепы и беспощадны тараканы. И насколько искусные воины.

— Необходимо срочно подтягивать на западное побережье уоты! — занервничал Краф. Лахрет покосился на молодого мужчину через плечо, задумчиво хмуря черные брови.

— Надо продумать возможные движения противника и просчитать ходы, а потом направлять туда уоты, — ожил Наран, все это время молчаливо сидевший около широкого окна кабинета.

Краф повернулся на него всем телом с лицом, выражавшим недоумение в стиле «это и слону понятно!». Наран лишь хмыкнул и перевел взгляд на ятгора. Тот сосредоточенно всматривался в карту, не обращая внимания на некоторые препирания подчиненных.

— В бухте Агур, что в Ровке, — он постучал пальцем по одному из указанных Ароготом мест, — неплохая возможность расположить уот на горном массиве вокруг пляжа. Пехоте негде разместиться, а с воздуха у нас преимущество. Будет разумно пехоту перекинуть на Таранский район, здесь более равнинная местность... — он с силой потер подбородок и перевел взгляд на другое место. — А вот Вихорское побережье почти все ровное... горы находятся очень далеко от пляжа... рядом только небольшие холмы.

— Зато дальше вглубь материка почти непроходимые джунгли. Они сломают себе ноги, пока доберутся до населенных мест, — произнес почти рядом Наран, который успел за полминуты подойти к карте.

— Или их задавят цветки Менолы Грено... — злорадно хмыкнул Краф, пристроившись за спиной ятгора.

— Думаю, они будут готовы к такой «сладкой» встрече... — уныло протянул Арогот, заглядывая через плечо Нарана в карту. — Им ли привыкать к Меноле?

— Ну, это хотя бы их немного задержит... — пожал плечами Краф.

— Думаю, что в этом месте их лучше встречать у подножия горного массива Лапр. Нет смысла сражаться на ровной местности. Тараканы любят ближний бой... — Лахрет бросил быстрый взгляд на прогнозиста.

— Да... — удрученно кивнул в ответ Арогот, — их искусству борьбы с боевыми топорами нет равных... Но, думаю, все-таки их не стоит пускать вглубь континента. Джунгли им не помеха, а родная стихия.

— Надо, как и раньше, упор делать на воздушную оборону... — протянул Краф, вытирая об штаны вспотевшие от страха ладони.

— С этим надо быть осторожными, — качнул головой Наран. — У них появилось новое оружие. Мы уже успели его испытать на острове Акнор. Их наш гадак, по-моему, называл ЗЕМО-9?

Лахрет обернулся на друга и коротко закивал.

— Ладно... Нечего сейчас строить гипотезы. Нужно созвать военный совет. Завтра же. Этим займешься ты, Краф. Должны быть созваны все лорты областных городов и их

помощники. Арогот, — ятгор повернулся к прогнозисту, — проработаешь подробные сценарии о вероятных действиях противника, и предоставишь их на совете. И еще... Мне нужно будет подробное сообщение о состоянии нынешних перемещениях тараков вокруг Иридания. Организуй мониторинг их передвижений в реальном времени через спутники. Немедленно займитесь этим, — он проследил за тем, как упомянутые лица послушно откланялись и быстро покинули кабинет. Затем он повернулся к Нарану: — Как идут дела в Комнате Древних?

— Мы уже почти все перевели. Я как раз прилетел сообщить об этом. Ты должен это увидеть лично, — в глазах друга впервые за эти два года загорелся огонь.

Лахрет с сомнением качнул головой:

— Ты, действительно, думаешь, что это нам хоть как-то поможет в борьбе с таракками?

— Это мы узнаем только тогда, когда найдем Зарунскую рукопись. Но я почти уверен, что мы получим ответ на вопрос о происхождении тараков. Может быть, даже о том, как их уничтожить. У меня есть все основания предполагать, что история тараков начинается с истории появления этой Зарунской рукописи.

— Ты так считаешь? — Лахрет сузил глаза и поджал задумчиво губы. — Тогда это для нас, возможно, одно из важных дел. Но нельзя забывать о нынешней угрозе. Тараки слишком близко подошли к границе.

— Не кажется ли тебе, что все уж очень вовремя происходит?..

— Кажется. Я даже больше тебе скажу. Я более чем уверен, что нападение тараков и одновременный выход из строя вышек — часть неплохо продуманного плана хорошо известных нам людей.

Лахрет внимательно всмотрелся в лицо друга, понимая, что Наран давно вычеркнул из жизни тот факт, что Мара и Тирет были его родителями. Тот согласно кивнул:

— Мара и Тирет притаились, но Верховный Совет оставил им слишком много свободы. Это дает им возможность собраться с силами и продумать стратегию. Я уверен, что они не успокоятся, пока не вернут власть. Нам просто необходимо добраться до Зарунской рукописи... Хотя...

— Что-то не так?

— Нет, все так. Я думаю о том, что на самом деле Зарунская рукопись — это не буквальная рукопись... После тщательного изучения полученной из найденной книги информации, это скорее какой-то электронный источник знаний, а не написанный, необходимый нам, чтобы узнать правду о происхождении людей и о том, как побороть тараков.

— Это уже интереснее... — Лахрет заинтригованно кивнул и засунул руки в карманы брюк. — Но сейчас я думаю о другом.

— О чем?

— О том, что в данной ситуации, учитывая странную закономерность выхода вышек из строя и движений тараков у границы, есть угроза удара в спину.

— Кто это может сделать?

— Хереж...

— Лорт Замбы? Он первым тебе вонзит нож в спину, ты прав, — кивнул Наран. — Есть доказательства?

— Нет. Он слишком хорошо обучен. Никто не может проследить за его перемещениями в гиперпространстве.

— Да уж, гоняться за ним — преследовать ветер. Нам нужна помощь королевы...

Лахрет окинул друга сомневающимся взглядом:

— Я не буду рисковать Ланой.

— Может...

— Другие королевы? Кто?

Наран пожал плечами. Он понимал, что в нынешней ситуации обращаться за помощью к другой королеве опасно, так как нет гарантии сохранности секретности. А утечка информации может еще сильнее насторожить мятежников и сделать их более осторожными.

— Нам нужен «козырь» в рукаве, — задумчиво поджал губы Лахрет.

— «Козырь»?

— Так Лана называет запасной выигрышный план.

— Я думаю, этим «козырем» будет для нас Зарунская рукопись. Нам надо ее найти, во что бы то ни стало.

Лахрет задумчиво промолчал в ответ, повернув голову в сторону окна. В этот момент кто-то тихонько постучался в дверь.

— Да! — оглянулся Лахрет, озадаченно сведя брови.

Он никого не ждал.

В кабинет, чуть слышно отворив дверь, скользнула стройная фигурка нириты.

— Рита? Докладывай, — Лахрет повернулся к ней всем телом.

— Мара прибыла в Ир. Кара уже готовится к гнездованию, — доложила агент.

Лахрет шумно выдохнул и покосился на друга. Оба понимали, что события начали развиваться очень быстро.

— Значит, время уже близко.

— Да, если за всем стоят Мара и Тирет, — кивнул Наран. — Ты говорил, что Лана планировала вечером в Гнездовье...

Лахрет мрачно кивнул, вспомнив, что Лана собиралась провести нынешнюю Старшую Королеву Шиму, которая недавно вывела дюжину малышей. Причем его жену позвала не Рия, настоящая шиасу, а сама королева. Его до сих пор продолжала удивлять ланына искренность и привязанность к этой королеве, как, впрочем, и наоборот, чужой королевы к другой наезднице. Лана была воистину Главной Королевой ниясытей! Стоило ей улыбнуться и протянуть руку к любой ниясыти, как та послушно отзывалась на ее призыв и беспрекословно подчинялась воле женщины. От того становилось даже страшно. Быть мужем Повелительницы ниясытей. Стоит ли этим гордиться или бояться? Он по сей день так и не решил.

В итоге, прогнав бесполезные мысли из головы, он взял в руки коммуникатор и набрал номер жены:

— Мара уже там? Давно? Я сейчас буду, — ее удивленная интонация вызвала на лице ятгора улыбку.

Лахрет представил себе картину того, что могло произойти, когда Лана столкнется с бывшей шиасу, правительницей Ира. Он искренне надеялся, что жена поведет себя сдержано, и не будет поднимать шумихи. Потом повернулся к выходу, обратившись к девушке-агенту:

— Рита, отправляйся на рудники, в Ши, и не своди глаз с Тирета. Он должен скоро активизироваться.

— Слушаюсь, — она коротко кивнула и исчезла в проеме двери.

— А ты лети в Комнату Древних, и постарайтесь с Зунгом закончить перевод как можно быстрее. Выходит, это наш единственный козырь... Я скоро буду.

Наран кивнул и последовал за девушкой из кабинета. Лахрет мысленно позвал Лирита и вышел вслед за фаготом. Девушке-секретарше он кинул на ходу, что уже не вернется. Та учтиво кивнула и продолжила заниматься своими делами. Лирит уже ждал на посадочной платформе, когда Лахрет почти бегом вышел из здания Службы Безопасности.

Когда нур его поднимал в воздух, Лахрет успел бросить короткий взгляд на высокое монолитное здание. Оно нерушимой блестящей глыбой возвышалось над невысокими белесыми и замысловатыми строениями Ира. Намного возвышаясь над городом. Оно казалось символом нерушимости и оплота мира Иридании. Именно здесь, за закрытыми дверями, решались многие военные вопросы страны, обеспечивающие защиту и процветание народа. Затем Лирит создал биополе вокруг себя и вошел в подпространство через зияние, прекрасно зная, куда они летят.

Когда Лахрет встретился с Ханамом у входа в здание Гнездовья, не удивился. Присутствие Мары на площадке Рождений обязательно должно вызвать возмущение Ри. Нынешняя правительница Ира до ужаса боялась бывшей шиасу и тихо ее ненавидела. Поэтому обязательно должна была позвать мужа.

Ситуация была бы равно напряженной, если бы на площадке появилась другая королева. Присутствие посторонней королевы в Гнездовье всегда вызывало у гнездившейся гнев и жажду защищать свое потомство. Но Кара... Шима никогда не питала теплых чувств ни к бывшей Старшей Королеве, ни к ее наезднице. Вследствие этого можно было даже не представлять, к чему может привести данный конфликт. От этого у любого наездника возникнет ощущение неминуемой беды. Тем более у ятгора. Поэтому Лахрет понимал как никто другой, насколько важно было решить эту ситуацию как можно скорее, чтобы защитить неокрепшую психику малышей.

Лахрет понимал и то, что Мара явилась на площадку Рождений с Карой с какой-то определенной целью. Если бы речь шла о другой женщине, то можно было бы приписать недопонимание или упрямство, либо незнание. Но Мара... Она знала все досконально. Поэтому ее появление здесь являлось не только актом агрессии, но и частью хорошо продуманного плана. Лахрету надо было решить положение дел как можно скорее так, чтобы указать на ее место и заодно понять подтекст ее действий. Она знает, что делает. Скорее всего, она ищет доступ к важным системам города. Иначе, почему она так рано прибыла? В последнее время они с Тиретом уж слишком притихли.

Пока Лахрет летел, он уже решил, что сделает, поэтому успел прозвонить нужным людям, чтобы они подготовили изолированное место для размещения Кары и Мары в атконноре до момента кладки. До этого времени королеве не обязательно находиться на площадке Рождения. И еще один момент. Его Лана. Если она сейчас не успела еще натворить невесть что со своей Забавой, ее надо чем-то занять и пресечь возможные необдуманные шаги. Она не должна вмешиваться в эти интриги. Это слишком опасно. И то, что она находится в этот момент на площадке, — не желательное событие. Тем более ее присутствие рядом Лахрета всегда выбивало из равновесия и сильно отвлекало. Как бы он не хотел этого признавать, но ее наличие вблизи всегда мешает мыслить рационально и объективно. Самым главным для него становилась безопасность жены. Особенно сейчас, когда она носит под сердцем его ребенка.

Каково было его облегчение, когда, ступив на песок площадки Рождений, он обнаружил

довольно спокойную обстановку. Утешило и то, что никто еще никому не «повыдергивал» волосы. Лана благоразумно осталась в стороне. Единственное, что удивило, так это то, что вокруг жены собрались все малыши Шимы. Она их гладила по очереди и что-то тихо нашептывала. Лахрету еще никогда не приходилось видеть проявление массовой детской любви к человеку до времени выделения фермента. Но сейчас не время думать об очередной изумительной черте Ланы. Потом.

Ханам прямым ходом отправился успокаивать разнервничавшуюся жену. Ее эмоциональный фон зашкаливал, что было весьма удивительно для этой молодой женщины. Мара сохраняла выдержку и собранность. Он уловил край ее мысли о том, что еще не время. Не время чему?

Присутствие Ланы Лахрет ощутил еще, когда только подлетал к Гнездовью. Она была очень взволнована и насторожена. Понимая, что свои мысли лучше держать от нее подальше, дабы обезопасить жену, он наставил вокруг себя множество эмоциональных блоков. Сейчас ему нужно трезво мыслить. Конечно, она обидится на его резкость, но это лучше, чем если бы эта ситуация решалась ее эмоциями. Потом лучше попросить прощения. Он знал, она простит. Попылит немного и простит. Такая уж она.

Теперь надо быстро оценить обстановку. Он верно предполагал. До их с Ханамом прибытия женщины явно повздорили, но вовремя сообразили, что психика малышей важнее. Теперь же они притаились в ожидании, напряженно следя друг за другом. Правда, Рия вся извелась и довела себя до грани, так что может в любую секунду сорваться. Но с ней Лахрет справится. Хорошо, что не Лана, а то тогда бы никакие блоки не спасли.

Поэтому он решил отправить жену в атконнор. Как же он был благодарен, когда Лана отнеслась с пониманием и покорно покинула помещение. Она мудреет на глазах.

*** **

Всю дорогу до книжного хранилища Лахрет задумчиво молчал. Я чувствовала его внутреннее напряжение. Он что-то анализировал, сравнивал, прогнозировал в голове. Что именно, конечно, не знала. Опять по привычке отгородился от меня. Но я знала наверняка, что он предчувствовал беду и хотел ее предотвратить.

Следуя за ним чуть позади, держась за руку, я шагала следом все в том же молчании, что и когда мы вышли в холл Хранилища. Лахрет любил меня везде брать за руку и вот так, как малое дитя, водить за собой. Поэтому сейчас я видела только часть его профиля. Мягкий, не раздражающий свет Библиотеки падал не его белую кожу, а мягкие тени лишь подчеркивали его мужественность. Что же его так беспокоит? Не говорит. Старается меня оградить. Защитить. Выведывать нет смысла. Уйдет от ответа. Я знаю.

Когда он пришел через час после события на площадке Рождений в столовую, где я его послушно ждала, на дворе уже наступила ранняя ночь. Звезды начали усыпать темную синеву неба, но яркости своей еще не набрали. Я сидела за столом, перекусив на ужин салатиком, и глядела в небо. Думала о том, что грядет. То, что Мара явилась в Гнездовье, ничего хорошего не сулило. Она явно что-то замыслила. И Лахрет об этом догадывался. По его лицу я еще там поняла, что он не намерен меня посвящать в свои догадки. Это немного задевало, но когда он вот так упирался, добиться от него было чего-то крайне трудно и иногда бессмысленно. Если я закатывала истерики и предъявляла требования, он чаще всего замыкался в себе еще сильнее, следуя каким-то своим личным принципам. Я уже давно научилась ждать удобного момента, чтобы выведать нужную информацию. Поэтому и сейчас решила занять выжидательную позицию.

Еще в столовой я не раз прокручивала в голове все снова и снова ситуацию в Гнездовье. Не скажу, что явление Мары меня выбило из колеи, но не обрадовало, уж точно. В памяти всплыло лицо Рири. Ее неистовая ненависть к бывшей шиасу так и бушевала не только в глазах, но и во всех движениях. Когда я вошла на площадку Рождения, ситуация уже накалилась. Мое появление лишь раззадорило Мару. Конечно, она сумела сдержать себя в руках, но по лицу было видно, что меньше всего бывшая шиасу ожидала в этот момент лицезреть меня. Звонок Лахрета озадачил, но потом даже обрадовал. Когда он прилетел и расставил все на свои места, стало легче дышать. Однако эта ситуация была предвестником чего-то нехорошего. Лахрет это прекрасно знал. И то, что он со мной там строго разговаривал, было лишь отголоском его беспокойства о моей безопасности.

Наблюдая за ним сейчас, я понимала, что единственное, чего он жаждет — защитить меня. Нет никого для него в мире среди людей ценнее меня. И все его холодные приказы и замечания — это следствие стремления именно обезопасить меня. Сколько раз за нашу совместную жизнь я убеждалась в том, что за его сдержанными и, казалось бы, резкими замечаниями скрывалось понимание сути вещей. Он почти всегда оказывался прав. Особенно, когда он на чем-то настаивал, выходило так, что это было лучшим решением.

Я до сих пор училась понимать его. Понимать, где лучше промолчать, а где — можно и покапризничать. Я знала, что часто он носился со мной и моими чувствами не по своему твердому характеру. По натуре Лахрет скрытен и замкнут, часто тая мысли за теплой и приятной улыбкой, вежливыми словами и упрямым взглядом. Но когда находился со мной рядом, он снимал маску, и я видела глубокого, умного и пронизательного человека с всезнающими черными глазами. За эти два с половиной года я научилась доверять его дальновидному взгляду. Конечно, успевая пообижаться на форму, в которой он иногда «выражает» свои просьбы.

И вот теперь мы шли в Комнату Древних в молчаливом настроении. Когда вошли, миновав добродушного здоровяка Туло, нас встретили усталые, воспаленные взгляды ученых умов. Наран стоял у последней арки и озадаченно листал книгу. Зунг сидел за круглым столом и что-то старательно выводил на бумаге.

— Наконец! — подчеркнуто недовольно буркнул фагот вместо приветствия.

— Добрый день! — хоть и приветливо, но утомленно протянул хранитель библиотеки.

— Скорее уже ночь, — я доброжелательно растянула губы в улыбке.

— Ночь? Как же быстро время летит! — покачал головой Зунг.

— Докладывайте, — Лахрет решил сразу приступить к делу.

В голосе мужа звучали командные нотки ятгора. Зунг принял это как должное. Подвелся на ноги и взял в руки кипу исписанных листов бумаги (хранитель принципиально отказывался вести записи в электронном устройстве). Затем, он с торжественным видом протянул их Лахрету с фразой: «Вот!». Лахрет принял их. Покрутил перед собой, явно с трудом разбирая, с какой стороны нужно читать. Похмурил брови, поподжимал губы. После минуты безуспешных стараний он недовольно сунул их обратно:

— В своих каракулях разбирайся сам. Читай!

Зунг без тени обиды забрал обратно бумаги с выражением лица в стиле «а что здесь непонятного?» и сунул в них нос. Я покосилась на Нарана. Полуприкрытые усталые глаза выдавали бессонную ночь, а всклокоченные волосы — тяжелые муки переводческой работы. Я догадывалась, что он на грани. Фагот шагнул к столу и с шумным выдохом сел на незанятый стул. Лахрет подошел так же к стульям и, освободив от сложенных книг два из

них, пригласил сесть меня. Садясь сам, он повернул лицо к бубнящему Зунгу и оформил на нем выжидательное выражение. Библиотекарь начал читать, но слова его были невнятные, и он проглатывал окончания:

— Тяжело было переводить из-за древности и редкости некоторых фраз... Я постараюсь так, чтобы фразы как можно точнее подходили к современному стилю, — он сделал выразительную и многозначительную паузу, желая подчеркнуть свой действительно титанический вклад в перевод, потом спешно продолжил, упершись глазами в недовольно-выжидательный взор Лахрета: — У первой стойки вот что было записано: «О, ты, ищущий правду! Знай! Дорога к ней нелегка! Она была сокрыта Уходящим, чтобы не нашел ее Случайный!» Вот здесь я долго не мог понять это последнее слово... — начал было расшаркиваться Зунг.

— Давай без подробностей процесса перевода... Выкладывай результат. Время бесценно, — постно скривился Лахрет. — Читай один текст. Потом пожалуешься на трудности перевода.

— Хорошо-хорошо! Дальше: «Он сокрыл ее за семью печатями. Лишь тот, кто найдет тайный их смысл, сумеет пройти...» — здесь Зунг перекинулся и покрутил листы бумаги. — А это словно я не знаю точно, как лучше перевести. Оно имеет несколько значений. «Трудность, тернистость, извилистость, опасность».

— Я думаю, что больше здесь подходит «опасность», — вставил Наран.

— Ну, если так, то тогда это звучит так: «...сумеет пройти опасный путь!» — библиотекарь осторожно глянул на Лахрета.

Последний смотрел куда-то вдаль, медленно постукивая пальцем по столу, всё же угрюмо возмутился:

— Я же сказал без трудностей перевода. Прочитай все целиком.

— Да-да! Конечно-конечно! Здесь записано: «О, ты, ищущий правду! Знай! Дорога к ней нелегка! Она была сокрыта Уходящим, чтобы не нашел ее Случайный! Он сокрыл ее за семью печатями. Лишь тот, кто найдет тайный их смысл, сумеет пройти опасный путь!»

Зашевелилась я:

— Значит, здесь говорится о каком-то пути. Куда?

— Путь правды? — пожал плечами Наран, поставив локоть на стол и уперев в сжатый кулак щеку.

— Мне кажется, что здесь говорится о буквальной дороге, — предположил библиотекарь.

— Да? А «правда» тогда — это Зарунская рукопись?

— Вполне возможно, — кивнул Зунг.

— И она сокрыта за семью печатями... надо понять их смысл... — я закатила глаза к потолку, как ученик, пытающийся найти там ответ на закрученный вопрос учителя. — А кто эти «Уходящий» и «Случайный»?

— В остальных арках говорится о них? — спросил Лахрет.

— Не совсем, — качнул головой Зунг.

— Ладно, читай дальше.

Библиотекарь продолжил:

— Вторая стойка: «Путь этот простирается чрез Великую Реку. Она одна приведет тебя в Зарнар. Воздух дрожит, не пускает. Первую печать хранят темные воды. Знай! Ключ скрыт ниже, чем видишь, глубже, чем кажется», — Зунг замер, подняв на нас недоуменный взгляд.

В его глазах горело лишь одно недоумение. Такое лицо бывает обычно у тех, кто прочитал иностранные слова знакомыми буквами. У нас лица не слишком отличались от него. Я почувствовала, как вспотели ладони. Когда Зунг читал слова со второй арки, я смотрела на ее картину. Множество людей идет на гору. Их путь пролегает вдоль обрыва над широкой рекой с зеленоватой водой.

— Интересно, о какой Реке здесь идет речь? — задумчиво протянула я, не отрывая глаз от картины.

— Она названа Великой, — передернул плечами хранитель.

— А какие реки в Иридании считаются Великими?

Через длительную паузу твердо ответил Лахрет:

— Терро-Итар. Это самая большая и длинная река Иридании. И она единственная, что берет начало в горах Градасса и считается самой полноводной. Она пересекает почти весь континент с востока на запад.

— А мы считаем, что Зарунская рукопись именно на территории гор Градасса?

— В другом месте быть не может. Это единственное место на Заруне, куда не может до сих пор ступить нога человека. Уже испокон веков эти горы считаются священным местом покоя ушедших в последний путь. Здесь, согласно легендам, зародилась жизнь на Заруне, — покачал в ответ головой Наран и глубоко выдохнул. — Лоно Заруны... так называют люди эти горы.

Его веки непослушно смыкались, желая хозяина погрузить в долгий покой. «Лоно Заруны»... Как символично и ярко прозвучали эти слова. Я чувствовала, как внутри нарастало глубокое ощущение некой сакральности и благоговения.

— А что это такое «Зарнар»?

— Наверное, так здесь называется Покинутый Город Предков... — предположил хранитель библиотеки.

Я восторженно расширила глаза и посмотрела на мужа. Тот внимательно всматривался в кипу бумаг, дрожавших в руках Зунга, словно там был ответ.

— Значит, Терро-Итар...

— Но что значит: «Воздух дрожит, не пускает»? — Зунг озадачено поджал губы.

— Это такая же загадка, как и дальнейшие слова, — обреченно вздохнул Наран.

Его голова готова была вот-вот соскользнуть с кулака на стол, а веки уже почти сомкнулись, оставив узкую щель.

— Горы Градасса веками были защищены неизвестным энергетическим полем. Через него не могут пролететь даже птицы. Когда подходишь к нему вплотную, воздух словно начинает дрожать. Вполне возможно, это и есть ответ на этот вопрос, — немного отрешенно ответил Лахрет.

— Тогда слова о ключе, это подсказка, как его преодолеть? — я не удержалась и хлопнула в ладоши от возбуждения.

— «...Знай! Ключ скрыт ниже, чем видишь, глубже, чем кажется»... — эхом продолжил меня Наран, но так тихо, что почти не было слышно.

Казалось, что он уже заснул, но мозг все еще продолжал сопротивляться давлению утомленной плоти. Лахрет задумчиво покосился на засыпающего друга, вздохнул и повернулся снова к хранителю:

— Ладно, читай дальше

А библиотекарь, казалось, потерял всякий интерес к отдыху, с одержимостью

погрузившись в разгадку тайны Древних, продолжив чтение:

— «Каменист путь и крута дорога. Пусть будет молчание твоим другом. Оно спасет тебя. Верный путь — прямой путь. Пусть глаз не обманывает тебя. Лишь вера откроет вторую и третью печати».

— Чем дальше, тем непонятней, — покачал головой Лахрет.

— Да, уж, — согласилась я. — Причем здесь глаза и вера? Мне кажется, эту загадку можно решить только тогда, когда столкнешься лицом к лицу с самой трудностью. Только когда мы ступим на эту дорогу, сможем понять смысл этих слов.

— Я согласен, — вставил Зунг. — Нам надо сделать первый шаг — сесть на корабль и поплыть в сторону гор Градасса. Там на месте будет проще разобраться!

— Интересно, а там, за границей поля смогут нас понести наши ниясыти? Тогда, может, и не надо будет преодолевать все эти трудности?

— Да, действительно, интересный вопрос, — улыбнулся Лахрет и положил ладонь мне на колено. — Тогда было бы все намного проще.

— А существовали в то время уже наездники, когда был покинут этот город?

Лахрет лишь пожал плечами и бросил взгляд на фагота. Наран сумел ответить довольно внятно:

— История покорения ниясытей весьма размыта... В любом случае, они существуют на Заруне очень давно. Почти столько же, сколько и человечество.

— Зунг, что там дальше? — выдохнул Лахрет, понимая, что строить догадки — пустое дело.

Хранитель библиотеки покорно выдохнул и продолжил:

— «На пороге четвертой печати стоит тот, кто не знает страха. Он велик и страшен. Шкура его из стали, а пасть полна острых зубов. Берегись! Помни, что есть лишь одна сила против него. Как малое дитя покорится он и отворит тебе дверь. Что сильнее огня и смерти? Что покоряет, когда нет надежды? Что делает Великих слабыми?»

— Мне страшно даже подумать, что это может быть... — едва слышно прошептала я, расширив глаза.

Лахрет кашлянул, что тут же разбудило уже было задремавшего фагота. Тот всполошился и взбудоражено оглянулся. Это рассмешило меня и отвлекло от пугающих фантазий. Сделав вид, что ничего не заметил, Лахрет жестом велел Зунгу читать дальше. Комментировать эту подсказку никто не захотел.

Тот продолжил:

— «Пятая печать таится очень глубоко. Не ищи ее. Она сама придет к тебе, когда поймешь, что есть преградой к истинному процветанию».

Я возмущенно фыркнула как лошадь, чем привлекла к себе удивленные взоры.

— Чем дальше, тем закрученнее!

— Я уверен, на месте все станет понятнее, — Зунг не унывал.

Глаза хранителя горели сердечным оптимизмом. Он был готов хоть сейчас отправляться в путь. Даже пешком.

— Дальше, — махнул ладонью Лахрет, уложив расслаблено локоть на стол.

Я еще подумала о том, куда же он так торопится? Нет, чтобы посмаковать каждую загадку.

Зунг глубоко и шумно вздохнул и опустил глаза к своим письменам:

— «Шестую печать хранят те, кого ты не знаешь. Они удивят тебя. А если удивишь их

ты, они откроют тайну шестой двери. Их страшит последний Страж. Верную службу несет он подле последней двери. Только одно спасет от гнева его. Что стоит перед сердцем, умом и душой? Что предшествует прощению? Если ты знаешь, увидишь Свет и постигнешь забытую Правду Заруны!» Это все.

— Да, уж. Мне ясно, что ничего не ясно, — разочарованно пробубнила я.

Лахрет насмешливо покосился в мою сторону и вдумчиво сощурил глаза. Когда он так делал, я знала, он уходил в себя. Наран со свистом тяжело вздохнул и с усилием потер лицо обеими ладонями. Зунг положил на стол бумаги, и устало опустился на стул рядом.

— Я думаю, Лахрет, — в голосе Нарана слышалась легкая хрипотца, — медлить не стоит. Чем быстрее мы соберем экспедицию, тем лучше... Ты знаешь, почему я так говорю.

Я встрепенулась, как воробушек, и изумленно оглянулась на фагота. Еще один загадками начал говорить! Это случайно, не заразно? Почему надо так спешить? Что случилось такого, чего я не знаю? Лахрет, молча, закивал головой и продолжил смотреть куда-то вдаль. Расспрашивать о причине спешки я не стала, а вот выразить свое решительное желание быть среди первых добровольцев в экспедиции, посчитала необходимым:

— Я поплыву!

— Нет! — тут же, не думая, отрезал Лахрет.

— Это почему же?! — у меня даже глаза высохли от потрясения.

— Не в твоём положении рисковать собой, как, впрочем, и Забавой! — его тон был тверже стали.

— Каком положении? — удивился Зунг, крутя головой, как попугай, но никто не обратил внимания на его вопрос.

Со стороны Нарана тоже послышалось удивленное бормотание.

— Я поплыву и все! — я даже вскочила на ноги.

— Это не обсуждается, Лана! — потемнел лицом Лахрет.

— И что ты мне сделаешь? Привяжешь к кровати?!!

В ответ он недовольно вскинул брови и произнес тоном, не терпящим возражений:

— Лана!

— Что «Лана»?!! Я уже давно «Лана»!

— Если надо будет, привяжу! — он тоже встал на ноги.

— Начинай! — я воинственно согнула руки в локтях и отшагнула назад. — Неужели ты думаешь, что я буду спокойно сидеть здесь и ждать, когда все самое важное во всей истории Заруны будет вершиться в это время на реке Терро-Итар?!!

Лицо мужа стало чернее тучи, а взгляд тяжелее горы. Мало бы кто посмел спорить с Лахретом, доведя его до такого состояния (скажу честно, обладала возможностью довести его с пол оборота именно до такого состояния только я, и довольно легко). Лахрет славился большой выдержкой. А с меня как с гуся вода! Я уперто вставила руки в боки и направила на него самый сердитый взгляд, на который была только способна. С боку послышались пораженные возгласы, но я не обратила на это внимания. Сейчас я была намерена выдержать схватку и победить, во что бы то ни стало! Схлестнувшись с ним взглядом, я непоколебимо хмурила брови. Несколько минут стояла гробовая тишина. Даже Наран пришел в себя, настороженно таращась на нас и переводя округлившиеся глаза с меня на друга и назад. Лахрет приблизился. Схватил за предплечья и выдвинул недовольно нижнюю челюсть.

— Какая же ты упрямая!!!

— Уж, какая есть! — я попыталась не подавать виду, как больно было мне от его

хватки.

Он нервно сглотнул, его ноздри раздраженно раздулись, а губы вытянулись в негодующую линию. Я с силой стиснула зубы и сжала кулаки. Нет! Я обязательно должна участвовать в экспедиции! В этом решимости во мне было, хоть отбавляй. Вдруг, словно почувствовал мою безапелляционность, Лахрет расслабился и отступил на шаг, ослабив хватку. Понял, что необходимо менять тактику. Уже опытный.

— Ланочка, как же ты не понимаешь, что эта затея очень опасна, — теперь его голос был мягок, что пугал еще сильнее. — А что, если с тобой в дороге что-то случится? Это же не игра! Ты можешь погибнуть! Ты что, не слышала, о чем читал Зунг? Это же не шутка! Я не могу тебя потерять! Слышишь?! Не могу!

Убедительности у него было жуть сколько! Все же я тоже оказалась не лыком шита, и так же поменяла линию поведения: подстроилась под его тон, захлопав невинно ресницами:

— Не потеряешь! Ты же будешь рядом!

Он на мгновение замер, потом, качая головой, ответил:

— Буду ли? Лана, грядет война. Я должен быть на границе. Тараки подступают. И вопрос не в том, нападут ли они, а в том, когда они это сделают?

— Война?!?! — послышался со стороны потрясенный возглас Зунга, но снова никто на него не обратил внимания.

— Так ты думаешь, здесь, в Ире, мне будет безопаснее?! — не знаю, почему я спросила именно так, но от этого вопроса Лахрет, внезапно, опешил.

Затем оглянулся на Нарана и резко отпустил меня. Я отшатнулась, но не перестала упрямо всматриваться в лицо мужа. В его лице, как и в настроении, что-то резко поменялось. Посверлив пару секунд глазами друга, он еще раз бросил на меня короткий взгляд и спросил фэгота:

— Наран, сколько тебе нужно времени, чтобы подготовить все для экспедиции?

— Не знаю, — пожал тот плечами, явно чему-то удивляясь. — Может, неделю...

— Постарайся быстрее. Нужен катер. Желательно военного типа. Горное снаряжение. Оружие. И достаточно провизии, — отчеканивая каждое слово, командным тоном произнес Лахрет.

Потом он обратился к хранителю библиотеки:

— После хорошего сна... — и бросив быстрый взгляд на Нарана, — вас это обоих касается! Так вот, после хорошего сна продумайте дорогу. И еще. Сохранять секретность. Чем меньше глаз и ушей знает об этом, тем лучше. Зунг, тебе я пришлю Фиону для охраны.

— Для охраны? — выпучил глаза хранитель.

— Да, для охраны. И для связи. Лучше, если катер будет где-то вдалеке от населенных пунктов и достаточно вместительный. Подумайте о подходящем месте для сбора. Возможно таком, чтобы туда можно было добраться только по воздуху.

— А я? — я не поняла изменения в поведении мужа, продолжая возмущенно циклопить мужа.

— Что, ты? — он обреченно вздохнул. — Летишь ты, летишь.

Я тут же приободрилась и расцвела, как одуванчик.

— Да?!! Что мне делать? Может, я чем-то могу помочь Зунгу?

— Ничего, — пристально посмотрел на меня муж. — Жди. Главное, никому не рассказывай. Никто не должен знать об этом. Поняла?

— Поняла, — кивнула я с готовностью пионера, улыбаясь на все тридцать два.

Наран шагнул в сторону выхода, загадочно покосившись в мою сторону и по пути захватив пару бумажек со стола:

— Ладно, завтра после Военного Совета сразу же займусь поиском катера и всем необходимым.

— А я тогда еще кое-что пересмотрю завтра в переводах, — как-то смущенно замаялся Зунг и начал рыться в бумагах на столе, — пока Наран не справится с кораблем. Потом присоединюсь к нему. Надо будет достать карту и продумать дорогу... — бубонение хранителя превратилось в неясное бормотание.

— Группу составлю я, — кивнул согласно Лахрет, следя за мышинной возней хранителя.

Я тоже задумчиво следила за движениями библиотекаря. А внутри было чувство, что Лахрет еще не закончил со мной разговор и ожидает, когда мы уединимся. Словно о чем-то догадавшись, Зунг быстро схватил стопку бумаг и быстро поспешил вслед за Нараном, кинув у выхода прощальные слова. Проведя взглядом хранителя, я глубоко вздохнула, чувствуя, как медленно усталость ложилась и на плечи. Последний бой с мужем вытянул остаток сил.

Лахрет дождался, когда уйдет Зунг, и повернулся всем телом ко мне, положив руку на плечо:

— И почему ты у меня такая упрямая? — большой палец его руки нежно скользнул по моему подбородку.

Я удивленно взвела брови, подозрительно скосив глаза:

— Если ты будешь меня уговаривать отказаться от этой затеи, то я лучше пойду!

— Нет... не буду.

— Что тогда?

Он лишь хмыкнул и загреб в охапку, что вызвало у меня еще большую озадаченность. Что могло поменять так резко его настроение? Еще минуту назад он был решительно настроен меня привязать к кровати. Может, придумал план, как меня оставить не у дел?

— Ты была права... — тихо прошептал над ухом он.

— В чем?

— В городе тоже может быть не безопасно. У меня есть подозрения, что тебе могут причинить вред. Поэтому, возможно, экспедиция, на самом деле, — выход и возможность тебя обезопасить от более страшной беды...

Я на время притихла, слушая мерное биение его сильного сердца и пытаюсь проанализировать его слова. Хотелось все сложить в ясную картину, но пазлы лихорадочно скакали в мозгу, оставляя лишь неясное предчувствие беды.

— Спасибо тебе... — поднеся к губам согнутые пальцы и поёрзав лицом по жесткой ткани его кителя, прошептала я.

— За то, что разрешил?

— Да...

— Пожалуйста. Ты была убедительна. Однако я хочу тебя кое о чем попросить...

— О чем?

— Будь добра, в эти дни находишься больше с Забавой. Ты же знаешь ее состояние... Она должна отложить яйца через три недели. Но мы обязаны хранить это в тайне. В экспедиции найти гнездовье будет сложно. Но Забава сама решит, что делать. Тебе лишь нужно будет слушать ее. Так поступают все королевы. Они знают свое время и где привести своих малышей. Однако мы не должны пренебрегать ее пожеланиями.

— Тогда почему Мара прилетела так рано в Гнездовье? — спросила я, но Лахрет ничего

не ответил.

Поэтому я продолжила:

— Она точно что-то удумала, ведь так? Именно поэтому ты согласился на мое участие в экспедиции? Ты боишься, что она и Тирет поднимут мятеж? Или отомстят мне? Именно поэтому я должна быть подальше от Ира? Не так ли?

— Почему ты так решила?

— Когда мы были на Площадке Рождений, Забава сказала, что Кара что-то скрывает. Что-то нехорошее. Так именно поэтому?

— Поэтому.

— Поняла. Как ты думаешь, мы успеем до гнездования Забавы найти Зарунскую Рукопись?

— Мы обязаны. Иридация не выдержит долгой войны. Нужно решить этот вопрос одним махом. По мнению Нарана, Зарунская Рукопись даст нам ответы и подсказку, как справиться с тараками. Но даже, если не успеем ко времени ее гнездования, ты в любой момент можешь с Забавой уйти в зияние и найти необходимое место. Это не проблема. Кстати, королевы могут задерживать сроки кладки на неопределенный период, особенно, если ей угрожает опасность. Это не станет, думаю, нам препятствием. Но стоит поспешить.

— Ты думаешь, война начнется уже совсем скоро?

— Если не завтра... — Лахрет свел брови. — Лана, ты должна быть очень осторожной. Ты же ведь... — он сглотнул, боясь вслух продолжить о том, что так сильно тревожило его.

Я жду малыша. От этой мысли сердце боязливо екнуло, но я заставила себя отодвинуть эту мысль в сторону, поддавшись жгучему желанию участвовать в экспедиции. Лахрет продолжил:

— И еще... Ограничь общение со всеми и не подавай виду, что ты что-то знаешь. Не вмешивайся в дела Гнездовья Ира. Это опасно. Лана, пообещай мне.

— Хорошо. Обещаю.

Лахрет облегченно вздохнул и еще сильнее прижал к груди. Как сложно все осмыслить одним днем. Однако обстоятельства требовали быстрых решений.

Я вздохнула вслед за ним и повернулась в его объятии так, чтобы освободить лицо. Тогда мой взгляд упал на последний пюпитр у седьмой арки. На нем еще лежала развернутая книга в выемке, а за ажурной ширмой арки пряталась догорающая свеча. Фитиль уже почти погас, и огонек предсмертно дрожал над подсвечником. Рассеянный свет, отражаясь от системы зеркал, через замысловатые прорези хитроумным сплетением падал на раскрытый форзац, где была изображена карта. Не знаю, специально ли она была открыта на этом месте или ее так случайно оставили, но это привлекло мое внимание. Некоторое время тихо стояла и глядела на рисунок. Потом в голове сверкнула одна идея, и, высвободившись из плена сильных рук, как зачарованный мотылек, я направилась к пюпитру.

— Что-то увидела? — догадался Лахрет.

— Странно, — протянула я чуть слышно.

— Что?

— Смотри, — я ткнула пальцем на карту в месте, где река проходила мимо подножия гор Градасса. — В этом месте свет особенно собран, как яркая точка...

Лахрет подошел и склонился над картой.

— И вправду в этом месте ярче...

— Что бы это могло значить?

— Если связать то, что мы услышали сегодня от Зунга и это указание, то мне думается, что это место, где находится «первая дверь»...

— Точно! Интересно, а на других стойках будет то же самое?

— Давай проверим, — предложил Лахрет.

После того как мы поочередно повкладывали книгу во все разъемы и вставляя почти догоревшую свечу в соответственные ниши, мы восторженно выдохнули. На каждой стойке свет особенно ярко ложился только в одной и той же точке.

— Эврика! — торжественно выкрикнула я у последней проверяемой стойки. — Это точно то место, где находится та самая первая дверь!

Лахрет устало зевнул и потер глаза, захлопнув книгу

— Ладно. Скажем об этом завтра Нарану и Зунгу. А пока давай закончим на этом. Я кое-что еще хочу сделать, и это не терпит отлагательств, — протянул Лахрет и повернул меня за плечи к выходу

— Ууу! Лахрет! С чего это ты так резко отсюда решил уйти! Может, мы еще чего откроем? А?

— Нет, идем, я еще должен тебе кое-что показать... — повлек он меня к выходу и коснулся выключателя, открывая дверь.

Свет погас в тот же момент, когда догорела свеча. У двери дежурил уже другой охранник. Его видела в первый раз, но Лахрет, видимо, знал его неплохо.

— Никого не впускать. Это приказ! — окинул он охранника суровым взглядом.

— Есть! Никого не впускать! — отдал честь солдат.

Лахрет одобрительно кивнул и, схватив меня за запястье, увлек к выходу. Я заерзала рукой, желая ослабить давление, так как его хватка в этот раз оказалась сильнее, чем обычно. Это говорило о его внутреннем волнении. Что уж там и говорить! Я тоже была вне себя от восторга и трепета перед предстоящей экспедицией.

В лифте Лахрет задумчиво молчал. Интересно, а что он мне хочет показать? Уже глубокая ночь на дворе. Действительно поздно. Я удивленно спросила, куда мы? Он лишь попросил позвать Забаву и не задавать лишних вопросов. Та откликнулась не сразу. Задремала у нас на балконе. Поэтому пришлось подождать на парфлете. Лахрет не садился на Лирита до тех пор, пока я не взгромоздилась на сонную королеву.

— Куда летим? — спросила я, уютно ерзая на шее подруги.

— Лирит покажет Забаве. Пока ничего не спрашивай больше. Это сюрприз.

— Ладно, — заинтригованно мигнула я и пристально всмотрелась в загадочное выражение лица мужа.

Оно в свете прожекторов парфлета светилось загадочностью. Что же он задумал?

*** **

То, что я увидела, когда Забава покинула подпространство через зияние, я не забуду никогда.

В вечернем свете это зрелище казалось особенно завораживающим. Значит, мы сейчас вынырнули много западнее полуночного Ира. Внизу серел каменный горный массив, возвышавшийся над небольшой живописной седловидной долиной. По ее дну извивалась узкая речушка, пропадая за поросшим подлеском утесом. Почти по центру над долиной широкой ступенью смотрелась на каменном выступе терраса. А на ней практически незаметно красовался сливающийся с фоном особняк весьма необычной формы. Мне она напомнила морскую звезду, вросшую одним «пальцем» в камень скалы. Сердце ёкнуло от

восторга и упало в живот. Просто невообразимо сложно представить, каким образом строители умудрились взобраться на такую неприступную стену и соорудить такой шедевр архитектурного мастерства! Лицо Лахрета, парящего рядом на Лирите, было сложно рассмотреть в рассеянном вечернем свете, но белоснежная улыбка выдавала нескрываемый восторг. Он наслаждался моей реакцией. Неужели он чувствует меня даже оттуда?

После недолгого пребывания в воздухе, Лирит передал мне просьбу мужа, чтобы мы спускались на посадочную площадку перед Скальным Дворцом — именно так я назвала это удивительное строение у себя в сердце. Забава послушно спланировала вниз. Как только легкая тень Лирита легла на гранитную гладкую поверхность площадки, десятки маленьких прожекторов вспыхнули синим мягким светом. Дворец словно ожил, почувствовав появление гостей. Высокие белоснежные столбовые колонны, поддерживающие длинный козырек черепичной крыши, выступили волшебным белесым контуром на мраморном сером фоне стен здания. Входные зеркальные широкие двери заблестели ярким отражением окружающих предметов. А узкая полоса специального врезанного газона вокруг строения в искусственном свете затемнела приятной молодой травой, среди которой иногда вырисовывались невысокие кусты многолетнего неувядающего растения, так похожего на земной можжевельник.

Заворожено взирая на такое непривычное и волнующее зрелище, я застыла у шеи Забавы не в силах сделать ни шага. Что это за место и почему Лахрет привел меня именно сюда? Что он хочет мне показать? Забава хмыкнула и повернула голову в ожидании. Ее большой фасетчатый глаз переливался всеми цветами радуги в свете осветительных прожекторов ожившего здания.

— Что дальше? — был ее вопрос.

— Правда, невероятно красиво? — выдохнула я в ответ, положив ладонь на изгиб шеи королевы.

— Мне нравится.

Почти неслышно к нам подошел Лахрет и стал рядом с другой стороны шеи Забавы.

— Нравится? — его тихий низкий тон немного привел меня в себя, и я повернула лицо к мужу. — Точно... нравится, — он широко улыбнулся и сделал открывающий жест в сторону здания, — знакомься, Лана, это наш дом.

— Наш дом?! — я почувствовала, как брови взлетели вверх. — Как?

Он искренне и от всей души засмеялся.

— Милая, это наш с тобой дом. Я построил его для нас.

— Как построил? — я не могла поверить его словам.

Неужели это чудесное строение может быть домом? Нашим домом?

— Да, родная, построил. Конечно, не сам. Нанимал подрядчика. Но он наш. Твой и мой.

— Но...

— Нам же нужно где-то будет жить, когда ты закончишь обучение в атконноре. Ты же не собиралась там жить всегда? — он самодовольно и добродушно улыбался, довольный вызванным эффектом от сюрприза.

Глядя на здание, неожиданно, в глубине души пришло понимание, почему я видела так редко мужа. Все обиды как рукой сняло. Я подняла на Лахрета любящие и благодарные глаза и согласно произнесла:

— Нужно.

Дружелюбно похлопав по шее Забаву, Лахрет кивнул в сторону «Нашего Дома»:

— Идем. Посмотришь его изнутри...

*** **

Заложив пологую дугу, Лирит начал спускаться к посадочной площадке возле Главного Управления Службы Безопасности Иридании. Высокое темно-серое здание зеркальным остроугольным монолитом возвышалось на краю скальной вершины горы, окружавшей долину реки Хор. Жизнь столицы мерно протекала на ее берегу, и никто даже не подозревал, что готовит им будущее. История всегда творилась за закрытыми дверями. И решения, влияющие на ее ход, всегда принимались без ведома мирного населения.

Лахрет внимательно всматривался в туманную даль города, пытаясь рассмотреть каждый переулок, каждый проспект. Он любил Ир. Город, где прошла половина его жизни. Город, где вершатся судьбы людей, где одно решение может изменить все. Город, где он встретил ее, ту, что навсегда изменила его жизнь...

После не к месту возникших размышлений, он заставил себя вернуться в реальность. Сейчас главное разобраться в сложившейся ситуации не только на границе, но и суметь предугадать действия Мары. Он уже давно знал об их с Тиретом планах, и внимательно следил за каждым их шагом. Тем не менее, что именно они готовят, он так до конца и не узнал. И это его крепко нервировало.

Когда нур мягко приземлился у подножия широкой лестницы перед парадным входом в административное здание, Лахрет легко смахнул с его спины и повернулся к трем мужчинам, ожидавшим его у невысоких каменных перил. Уже со своего положения он мог определить их эмоциональный фон. Наран хранил хмурую напряженность. Краф Элогир обеспокоенно оглядывался по сторонам в неприятном ощущении грядущего брифинга. Арогот Кнетко, ведущий прогнозист Службы Безопасности, мрачно хмурил брови. От него исходило более всего страха. Что не было удивительным, учитывая, что именно ему приходилось просчитывать и предполагать.

— Я буду на настэ, — сообщил Лирит и резкий порыв ветра в спину известил, что нур поднялся в воздух.

— Хорошо, — ответил Лахрет, боковым зрением проводив друга.

— Уже все на месте. Ждут только тебя, — подходя, вместо приветствия произнес Наран.

Лахрет кивнул и сразу же приступил к делу, поворачиваясь ко входу в Управление:

— Что скажешь, Арогот?

Уже немолодой мужчина нервно дернул локтем и мрачно ответил:

— Прогнозы не утешающие. С утра были получены самые новые данные со спутника. Тараки концентрируют силы в трех местах, где предположительно должно исчезнуть поле. Они точно знают, где. Таланск, Вихорское побережье и Ровка, как мы и предполагали.

— Запад и юго-запад, — Лахрет сровнял брови в одну линию. — Дальше.

— Там хорошо обозреваемая местность и очень удобная для высадки. Сложно оборонять со стороны материка. Хотя они будут как на ладони, но и нам негде скрыться. Эффект неожиданности отменяется. Мы это вчера ясно могли рассмотреть... Согласно телеметрии со спутника, тараки вооружены новой моделью катеров. Очень маневренные и легкие. Много эсминцев, тяжелых крейсеров и авианосцев. На каждом направлении по несколько грузовых кораблей. Наверное, груженых сухопутными боевыми единицами. Видимо, они уже давно готовились к нападению. На море нет смысла нападать. Каждый

корабль вооружен до зубов пушками, ракетами, управляемыми боеголовками и этим их новым видом... эхогорком...

Гулкое эхо вдоль широкого коридора уносило звук шагов идущих мужчин. Они уже приближались к залу Заседания. Надо успеть осмыслить все и просчитать, что предположительно будут говорить другие. Чем ближе они подходили к залу, тем менее предсказуемым казался итог обсуждения.

Ситуация на границе пугала даже бывалого вояку. Что тогда говорить о тех, кто только пришел к власти, молодых и неискушенных пацанов, что сейчас стояли у руля в главных городах страны. Мало осталось тех, кто видел войну. После суда над Тиретом, пришлось хорошо потрясти верхушки и это привело к тому, что большинство опытных мужчин покинули весомые посты. В преддверии войны это не утешало. Теперь встречать врагов должны зеленые юнцы, видевшие войну только из окон своих домов. А те из «стариков», кто еще поддерживал новое управление, были слишком осторожны и подозрительны. На этом Совещании очень важно суметь направить их в правильное русло.

Лахрет, предполагая, что Мара и Тирет, воспользуются ситуацией, и попытаются захватить власть в свои руки, понимал, что необходимо защитить тыл. Возможно, они захотят использовать военные ресурсы сочувствующих сторон, среди которых Лахрет явно выделял Хережа Расо, правителя Замбы. Согласно последним сведениям слежки, он заключил с Тиретом соглашение. В списке подозреваемых были еще Серет, Гор, Мегорд, Бас, Комор, Ветер, Сила, Голош. Все они видные военные чины. За каждым стоит военное и техническое отделение.

Исходя из всего этого, Лахрет знал, что может произойти вооруженный внутренний конфликт. Мятеж. Тирет обязательно попытается вернуть себе власть. Лучшим и самым удобным временем будут военные действия на границе, когда силы будут рассеяны по всему периметру границы. В связи с этим, Лахрет хотел настаивать на том, чтобы в больших городах осталось больше вооруженных сил для поддержания порядка. Это было бы весьма благоразумно. Но он опасался, что Ханам, ныне властвующий лорт, поддастся панике и бросит все силы на защиту границы. Особенно это будет вероятно, если кто-нибудь из участников Совещания начнет давить на него. Лахрет намерен был не допустить этого, но контролировать всех (а предполагалось, что на Совещании будет не менее пятидесяти человек) он не в состоянии.

Необходимо заранее еще просчитать путь к отступлению. Предполагать худшее, не значит бояться. Это значит, проявить проницательность и благоразумие. Ситуация всегда может повернуться не в удобную сторону. Нужно всегда учитывать человеческий фактор.

Поэтому Лахрет оглянулся к Нарану и спросил:

— Как идет подготовка к экспедиции?

Тот понимающе кивнул:

— Я нашел боевой катер старого образца. Он может идти на двигателе внутреннего сгорания. Это важно, учитывая, что некоторые электронные приборы могут пострадать из-за энергетического возмущения гор. Им будет управлять проверенный человек.

— Кто?

— Виктор Целен.

Лахрет знал этого человека очень давно и одобрил выбор друга. Виктор Целен всегда славился выдержкой и незаурядным умом, как, впрочем, и громовым характером. Во время последней таракской войны, его корабль класса эсминец, был одним из уцелевших и

практически не пострадавших кораблей. Почти нечеловеческое чутье подводных течений, ощущение направления и местоположения всегда выделяло Виктора среди многих капитанов морских судов. Лахрет слышал, что в последнее время этот уже весьма немолодой капитан до сих пор продолжал ходить в море на рыболовецких судах. Поэтому, услышав имя бывалого капитана, он даже проникся уважением к Нарану за то, что тот сумел уломать такого упряма на их непредсказуемую авантюру в горы Градасса.

— Где сейчас катер?

— В доках. На техосмотре. Виктор говорит, что надо много чего в нем подлатать, прежде чем спускаться на воду.

— Благоразумно, — одобрил Лахрет. — Что Зунг?

— Он собирает снаряжение. Уже перебрался на катер и... — Наран даже усмехнулся, — уже во всю достает капитана.

Лахрет позволил и себе усмехнуться иронии друга. Зунг был добрым человеком, но по природе очень щепетильным и дотошным. И очень требовательным, особенно если что-то касалось существенных вещей. Поэтому, собираясь в столь непростой путь, он непременно постарается продумать все и позаботиться о том, чтобы ничего не забыть. А значит, назревал конфликт с капитаном корабля по-поводу свободного пространства. Но это мелочи. Главное, что этот момент тоже проработан.

Таким образом, в голове сформировалась более или менее ясная картина происходящего и ближайших планов. Конечно, предпринять необходимые защитные меры со всех сторон было практически невозможно. В этом мешал Верховный Совет, членом которого он не является, но вынужден во всем подчиняться. Тот был похож на громадного и неповоротливого зверя, не способного легко маневрировать в быстро меняющихся событиях в стране. Верховные лорты главных городов, входящие в его состав, постоянно требовали очевидные доказательства. Приходить к ним с неясными подозрениями не было смысла. Поэтому мало кто верил Лахрету, что готовится бунт.

Итак, Лахрет чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Он знал, что его обязательно отправят на границу защищать страну. У кого, как ни у него, героя Ерносской битвы, было достаточно необходимого опыта? Но действительно ли там было его место? А еще сколько «но» довлело над ним, что и перечислять нет смысла. Важно расставить приоритеты.

Понимая все это, Лахрет единственное чего на самом деле больше всего хотел, так это защитить свою семью. И он осознавал, что этого он не может сделать на фронте. Исход там для него был очевиден. Как и его причины.

И, вполне вероятно, именно Зарунская Рукопись, в существовании которой теперь Лахрет уже не сомневался, сможет помочь решить эту ситуацию. Он хотел ее найти не столько потому, что она, якобы, хранит в себе тайны прошлого о происхождении человечества на Заруне. А потому что думал, что там записано как победить тараксов. Ведь их создали герны. Для чего? Какое их слабое место? Возможно, город, где когда-то жила древняя раса, сотворившая врагов людей, сможет помочь найти ответы на эти вопросы. А война на побережье и даже на землях Иридания — ненужная трата времени.

Сейчас же он что для себя решил одно — настаивать на том, чтобы оставить часть военных сил на оборону центральных городов. Может это сможет остановить алчного Тирета? Но если все решиться не в пользу этого плана, нужно срочно бить тревогу. Значит, влияние бывшего лорда не настолько слабо. А, значит, придется действовать по обстоятельствам, вплоть до того, чтобы отступить.

И еще... Лахрет прямо перед самой дверью Зала Заседания повернулся к Крафу:

— Что с вышками?

— Я только что оттуда. Отвез Мэнону. Март уже был там. Пронырливый парнишка. Они сразу же приступили к работе над их этим... антивирусом. Ну и придумали же!

— Кто знает, может, они правы, — качнул головой Лахрет. — Если они справятся вовремя, мы сможем избежать кровопролития.

— Или не пустить подмогу...

Лахрет пристально посмотрел на Крафа. Его предположение, хоть и не оптимистичное, но верное. Если тараки тем количеством, что собралось на границе, смогут высадиться на берег, нынешними силами люди сумеют уничтожить врага. Но если пребудет подмога, ближайшие к высадке города будут сметены полностью. Выжжены дотла. Потом враги на время отступят, как это делали раньше (чтобы дать людям время на размножение, поскольку им не выгодно полное истребление человечества), и дальше будут совершать регулярные набеги. А если поле все-таки восстановится, тогда таракам путь к отступлению будет отрезан. В таком случае те окажутся в ловушке и будут стерты в порошок. Это им Лахрет может обеспечить.

Глубоко вздохнув, Лахрет решительно толкнул тяжелую дубовую дверь, и последние участники Совещания зашли в Зал.

В огромном помещении с привычными окнами на всю стену, уже собралось достаточно много народу. Даже больше, чем Лахрет предполагал. Кроме самих лидеров областных городов, присутствовали их помощники и советники. Последние стояли в основном под стеной и угрюмо наблюдали за тем, как лорты активно спорили между собой о предстоящем совете. Посреди зала стоял огромный стол-экран, на котором светилось изображение карты материка и обозначенными на нем городами. Данные на экран поступали напрямую со спутников, поэтому информация на нем была самой актуальной.

Лахрет у входа учтиво склонил голову в приветствии. Народ встретил прибывших угрюмым молчанием. Большинство понимало, что грядет, поэтому эмоциональный фон зашкаливал. От негативности Лахрет уже давно умел ограждать себя, поэтому напряженная обстановка сейчас не могла отрицательно повлиять на ход его мыслей.

Заговорил первым Ханам. Он стоял у головы стола, заложив руки за спину, и выражая всей своей позой свою значимость. Голос того не выражал ничего хорошего:

— Мы уже заждались! Нам необходим последний прогноз.

Не обратив внимания на укор со стороны Верховного лорта Ира, Лахрет неспешно прошел к столу-экрану и уперся о его край. Окинул беглым взглядом карту материка и задержал его на западном побережье. Почти у самой границы поля, изображенной синей линией, мерцало множество красных точек, указывающих положение таракских военных сил. Их было настолько много, что даже его сердце вздрогнуло в неприятном предчувствии. Что ж тогда говорить об остальных?

Лахрет взял с края стола специальную лазерную указку и указал ею на зеленую точку, обозначавшую вышку:

— Эта вышка последняя, сдерживающая поле. Если она выйдет из строя, то здесь, здесь и вот здесь образуются проходы.

— Таранск, Вихор и Ровка, — озвучил места, указанные Лахретом, лорт Прагорт.

Ясные глаза старого лорта Кодосса выражали скорее обреченность, чем надежду. Он уже заранее похоронил себя на берегах побережья Вихора, зная, что с собой несет война с

тараками.

— Таранск?!! — ожил молодой лорт Рубен и припал к мерцающему экрану.

Лахрету даже жалко стало этого юнца, который пришел к власти сравнительно недавно, когда ушел в последний путь старый лорт. Относительно молодая королева его жены оказалась самой сильной среди более взрослых королев ее города, поэтому его и выбрали Верховным лортом Таранска. Глядя на этого мальчика, Лахрет еще раз подумал о том, что все-таки не всегда выбор ниясыти определяет хороших правителей. Этот парень, обладая незаурядной внешностью, оказался крайне малодушным. Видно было по нему, как тряслись его поджилки, как нервно дергалась щека, как дрожали белоснежные тонкие руки. Ему бы танцы на балу танцевать, а не держать в руках плазменное ружье да боевой клинок.

— Не волнуйся Рубен, — хлопнул парня по плечу лорт Ганц, бывалый вояка. — Ты не один столкнулся с угрозой. Эта война — дело всей страны.

— Да, Рубен, — снисходительно кивнул Ханам. — Уже четыре уота движутся на западный рубеж.

— Всего лишь четыре?!! — недовольно воскликнул Хереж Расо. — Туда надо отправить все десять!!!

Лахрет резко оглянулся на правителя Замбы. Человек, в котором прямо светилося неумное честолюбие, недовольно смерил лорта Ира презрительным взглядом.

— Я уже говорил и еще раз повторюсь, — немного хриплый голос Хережа даже раздражал, — что мы должны кинуть все силы на защиту границы!

Значит, союзник Тирета начал действовать до того, как Лахрет переступил порог этого зала. Немудрено. Ятгор попробовал просканировать эмоциональное состояние лорта Замбы. С нуритами, особенно лортами, такие манипуляции проделывать было особенно сложно, вследствие сильной ментальной защиты их нуров. Однако эмоции Хережа были все на виду. Там и напрягаться не надо. Гнев, презрение, неуважение и самоуверенность. Страха не было. Будто он знал, что все так будет и готов к негативному исходу. Значит, предупрежден.

— Хереж! — дернулся Ганц в сторону возмущенного. — Ты с ума свалил, когда сюда летел? Это же почти все наши силы! Нельзя ни в коем случае лишать защиты все города. Что будет, если ненароком поле прорвется в другом месте и тараки хлынут с другого фронта? Ты об этом не подумал?!

— Там поле прекрасно держится! А если мы вытурим быстро с западной стороны тараков, тогда те несколько раз подумают, прежде чем подступать с другой! — он скривил недовольно лицо. — Мы должны оглушить их мощью молниеносно и создать эффект множества нашей армии, чтобы они, когда вернуться с поджатыми хвостами домой, рассказали всем, что нас много и мы с острыми зубами!

— А я думаю, что надо уоты распределить по всему периметру поля, чтобы быть готовыми к вторжению со всех направлений, — вставил свои пять копеек лорт Устин Хор, правитель Милика, жестом проведя контур Иридании.

— Нет! Ханам, отправь все двенадцать уотов на запад! С тараками необходимо быстро расправиться! Разом ударить по ним, — пыхтел Хереж.

— Ты понимаешь, что лишаешь всех городов защиты?! — наконец, вмешался и Лахрет.

— Города в безопасности! Им ничего не угрожает. Поле в остальных местах держится. Я настаиваю, чтобы все уоты отправились на западную границу!

— А я против! Хереж, ты слишком самоуверен! — сверкнул глазами лорт Прагорт.

— Я не самоуверен, а хочу решить все быстро! Одним ударом! Как вы не понимаете?!

Нам не потянуть длительную войну. У нас не те силы.

— Мы готовы, Хереж, — грымнул грозно Ганц. — Уже десять лет мы строим боевые флайеры и обучаем молодежь. Пусть у нас нет крыльев ниясытей, но у нас есть достаточно боевых единиц. Как сухопутных, так и воздушных. Нам незачем кидать все силы на западный фронт. Четыре уота в состоянии справится с этим количеством врагов.

Лахрет посмотрел на правящего лорта страны. Ханам стоял, молча, мрачно рассматривая экран стола и слушая спорщиков вполуха. Его охватил страх. Лахрет уловил его сожаление о том, что ему пришлось взять на себя руководство в нелегкое время. Он не считал себя умелым стратегом и боялся принять неверное решение. Слушаться полностью правителя Замбы он не был намерен, но больше склонялся к его советам, чем к здравому смыслу Ганца и Прагорта. Все устремили взоры на лорта Ира.

— Ханам! — повторил Хереж, когда Верховный лорт столицы первый раз не отреагировал на его обращение. — Что ты скажешь? Стоит ли отправлять все уоты на запад или же поделить их?

Правитель продолжал хмурить брови и всматриваться в красные точки на карте, будто они могли подсказать ему ответ на вопрос Хережа. Позади послышались перешептывания зрителей у стены. Никто не смел высказывать громко свое мнение, так как побаивались лорта Замбы. Некоторые косились на Лахрета, ожидая его слов. Каждый из присутствующих понимал, что его слово имело большой вес среди Совета лортов. Понимая это, Лахрет постучал по экрану, где располагались скопления красных точек, и вдумчиво произнес, обращаясь к Ханаму:

— Я считаю, что это количество вражеских сил не стоит всех наших уотов. Их не настолько много, чтобы бросать на них все свои войска. Ганц прав.

— Сколько их точно? — поднял глаза на Лахрета Ханам.

Лахрет обернулся на своего прогнозиста. Арогот вздрогнул, понимая, что должен дать отчет и шагнул ближе к центру. Все устремили внимательные взоры на высокого мужчину с умными янтарными глазами.

— Четыре авианосца, на которых 20 000 членов экипажа, 20 крейсеров — 30 000 таракон, 50 десантных универсальных кораблей — 95 000, 30 эскадренных торпедоносцев, оснащенных артиллерийскими установками — 45 000 членов экипажа... На каждом находится более десятка воздушной техники разного назначения. Плюс неизвестное количество боевых катеров. Это то, что видно через спутники, — Арогот старался говорить ровно и невозмутимо.

К чести прогнозиста можно сказать, что у него это вышло весьма успешно. Позади послышался взволнованный шепот. Было нетяжело сосчитать цифры.

— Около двухсот тысяч... — протянул Ханам и уронил всю тяжесть тела на руки, упиравшиеся в стол.

Все понимали и без объяснений, что значили эти цифры. Каждый таракон был прирожденным и хорошо обученным воином. Вдобавок, если вооруженный до зубов, то только один чего стоил, а что говорить о такой орде?! Одна только мысль о том, что предстояло, заставляло дрожать поджилки даже зрелых мужчин. Что же говорить о тех, кто не знал страхов войны? На миг все смолкли.

— В основном, эти корабли вышли от материков Арка и Толка, — заговорил Лахрет, увеличив карту на экране так, чтобы позади зловещих красных точек появились упомянутые материки.

Все повернули головы в его сторону, напряженно глотая каждое слово начальника Службы Безопасности. Лахрет все еще думал, говорить ли информацию, которую он собирал по крупицам уже более двух лет? Но время обязывало. Он обвел всех присутствующих тяжелым взглядом и продолжил:

— Согласно разведанным, которые стали возможны благодаря внедрению шпионов во вражеское общество, мы узнали, что тараки поделены на три лагеря. Каждый лагерь состоит из мелких ульев от десяти до пятнадцати. Два крупных возглавляют два многочисленных улья старых маток. Они очень сильны и постоянно враждуют между собой за территорию и добычу. Им принадлежат четыре самых больших материка. Третий лагерь возглавляет молодая матка, недавно отделившаяся от остальных. Ей принадлежит материк Улок и несколько крупных архипелагов. Матку, которой принадлежат ульи, заселяющие земли Арка и Толка, зовут Азу. Она самая старая и очень честолюбивая. Вместе с тем неосторожная и импульсивная. Она не будет тянуть с осадой и, скорее всего, постарается нанести быстрый и стремительный удар.

— Откуда такая информация? — удивился кто-то у стены.

Лахрет бросил беглый неодобрительный взгляд в его сторону, но ответил:

— Благодаря тщательной подготовке и особой информации, предоставленной пленным таракком.

— Это не тем ли таракком, что вроде домашнего нхура у вашей жены, ятгор?! — выстрелил кто-то насмешливо и вместе с тем презрительно.

Лахрет не повернул в его сторону даже голову, просто проигнорировав язвительное замечание. Хотя готов был его порвать на части за такое неуважительное замечание в сторону его жены. Не время и не место.

— Благодаря тому, что сообщил нам пленный тарак, у нас есть необходимая защита от так называемого пачо или стирания личности. Теперь наши люди могут легко и безнаказанно следить за обстановкой внутри вражеского стана. Зная тактику и характер врага, проще с ним бороться. Мы знаем, что нам от них ожидать и будем готовы, — выдержано произнес Лахрет и посмотрел на Ханама. — Нам будет достаточно четырех уотов, чтобы противостоять врагу. Я не вижу смысла бросать все силы на защиту лишь одной стороны границы.

— Это безрассудно! — воскликнул возмущенно Хереж, повернувшись всем телом к Верховному лорту. — Каждый уот имеет в составе пятьдесят тысяч хорошо обученных воинов. Потом техника: флайеры, вездеходы и броневики. Но разве можно противостоять такому мощному вооружению тараков?! Одна только торпеда чего стоит. А то, что каждый корабль оснащен эхогорком?! Впервые ниясыти не смогут столь же стремительно противостоять таракам! Они нас раздавят!

— Ты вообще слышишь себя, Хереж! — рявкнул Прагорт. — Так говорят только трусы! Мы уже имели возможность узнать на вкус эхогорк на одном из островов тараков. И, к нашей чести сказано, мы легко противостояли их «убийственной силе». Разве ты уже забыл?!

— Они нас не ждали и не были готовы к нападению. Никто не отменял эффект неожиданности! А сейчас они готовы! — ноздри лорта Замбы трепетали в бешеном негодовании. — Мы должны усилить наши войска! Четыре уота — мало на двести тысяч таракского войска!

— Четыре уота достаточно, чтобы таракки улепетывали с наших берегов, поджав свои куцые хвосты, Хереж, — грохнул кулаком по столу Ганц. — Мы не можем оголить свои

тылы!

— И кого ты боишься в центре материка, Ганц?! Пещерных змей?! — почти провизжал Хереж, глядя на лорта Тилитов.

Но с того как с гуся вода. Его даже развеселило паническое бешенство немолодого лорта Замбы. Улыбаясь на все тридцать два, от чего вид лорта стал похож на бывшего заключенного, нашедшего себе забаву, Ганц ответил:

— А тебе что? Может, и боюсь... Мало тут у нас «пещерных змей» завелось, что ли?

Лахрет пристально посмотрел на лорта Тилитов и постарался просканировать его эмоциональный фон. Ничего кроме азартного предвкушения драки он не увидел. Ганц только что не потирал ладони от ощущения хорошей драки. Но вместе с тем, ятгору стало понятно и то, что лорт не в неведении об умыслах Тирета и Мары. Поддерживать их он не поддерживал. Однако и не осуждал, заняв выжидательную позицию.

Спор бы продолжался, наверняка, долго, если бы в эту минуту не распахнулась входная дверь, и в зал не вошел запыхавшийся парнишка. Тяжело дыша, он быстрым шагом пересек комнату и оказался рядом с Лахретом. Сообщив, что пришли новые данные со спутника, и, что всем нужно это увидеть, он попросил разрешения изменить некоторые данные на столе-экране. Лахрет одобрительно кивнул, и уже через минуту на экране высветились не только затронутые в разговоре материка, но и все остальные. Еще дрожащей рукой молодой человек, держа лазерный указатель, обвел дальний материк тараков, что был ближе всего к восточной границе Иридании. И рядом замелькали десятки красных точек, медленно отделяющихся от береговой линии.

— Вот... — еще никак не могло уняться дыхание молодого человека, — Вот... эти корабли направляются в сторону восточной границы... Иридании... — последнее словно он почти выдавил из себя на последнем дыхании.

Вокруг послышался потрясенный гул. Кто что говорил.

— Они окружают нас!

— Это продуманный план.

— Теперь что?

— Они не пройдут все равно!

— Сколько их?!

— Неужели они присоединятся к первым?!

Глаза Верховного лорта расширились, а рот шокировано распахнулся. Страхом повеяло со стороны Ханама. Он боялся даже представить себе, если придется воевать на два фронта. Он не мог сообразить, что делать на одном...

— Куда они именно направляются? — громко спросил молодого человека Устин Хор.

В обеспокоенном гуле окружающих сдержанный голос лорта Милика звучал почти неестественно.

— Сюда, — парень обозначил на карте побережье Син.

— Северо-восток, — певуче протянул Устин и посмотрел на Прагорта. — Что ты думаешь?

— Что там с вышками, Лахрет? — повернулся к ятгору лорт Кодосса.

— Здесь, — Лахрет указал на синие точки, обозначающие вышки, — две вышки вышли из строя, а эта взяла на себя их объем работы. Они еще достаточно хорошо держат границу. Но, если эта выйдет из строя, — он ткнул в ближайшую, — то прорыва не миновать.

— Значит, вероятность велика? — почесал подбородок Устин, сведя в напряжении

брови.

— Да. Как, впрочем, и везде.

— Отправь еще два уота на запад, а остальные на побережье Син! — ожил Хереж, с силой сжимая край экрана-стола.

— Все-то ты хочешь убрать войска от центра, Хереж! — проворчал Ганц, прищутив на лорта Замбы подозрительный взгляд. — Это уже даже подозрительно...

— Нечего видеть грязь там, где ее нет, — дернул головой Хереж и повернулся выжидательно к лорту Ира.

Тот мрачно уставился на красные точки у крайнего материка таракков.

— Золок... — задумчиво протянул он. — А под кем этот материк? — покосился он на Лахрета.

— Ее зовут Ая.

— А что о ней ты скажешь?

— Она весьма молчалива и подозрительна. Но если что и решает, то идет до конца.

— Неужели они объединились?

— Не знаю, — мрачно покачал головой Лахрет.

Ханам поджал губы в сомневающуюся линию. Потом шумно выдохнул и, постучав указательным пальцем по изображению побережья Син, произнес:

— Еще один уот пусть отправляется на западное побережье. Сюда же направляйте три уота. Остальные уоты распределить возле тех мест, где есть угроза прорыва поля. Мы должны защитить всю границу. Нельзя допустить, чтобы враг прорвался на земли Иридании.

— Ты понимаешь, Ханам, что ты распляешь силы страны по всем направлениям? Мы станем уязвимыми! — выдвинул челюсть вперед Ганц и хлопнул ладонью по краю экрана стола так, что эхо звука полетело даже в коридор через щель незакрытой двери.

— Это лучший выход! — вздрогнул лорт Ира и выпрямил спину, будто внутри уже принял решение и верил, что оно самое верное.

— Для кого? — встрял Прагорт. — Ты не знаешь, что такое война. Сейчас не время прикрывать все тонкие места. Надо латать дыры!

— Ханам! Нельзя бросать основные города без защиты! — вспыхнул Ганц.

Зато Хереж ликовал. Он добился того, чего хотел. Однако это понимал мало кто. Лахрет пристально всматривался в лицо правителя Замбы. Вмешиваться и что-либо навязывать он не имел права, так как был всего лишь ятгором. И решение о защите страны ложилось на лортов. Конечно, он пытался незаметно направить эмоции главных «игроков» в нужное ему русло, но сделать это так, чтобы опытные и зрелые мужчины, наездники, не заметили, почти невыполнимая задача. Что-то говорить свое Лахрет не стал, внимательно наблюдая больше со стороны за главными героями Сопевания. В принципе, Ханам принял решение достаточно верное, за исключением того, что оставил города без защиты, как и сказал Ганц, и, если ничего не бояться изнутри. Но говорить против последнего слова лорта Ира было уже превышением полномочий. И все-таки в конец, Лахрет решился:

— Ханам, ты же осознаешь, что если города оставить без вооруженной армии, ты лишаешь себя и остальных защиты. Твое место как Верховного лорта может пошатнуться.

— Ты мне угрожаешь?! — сверкнул глазами Ханам, выдвинув вперед челюсть.

— Разве я тебе что-то говорил? Я предупреждаю тебя, что если ты не сумеешь сдирижировать эту ситуацию, твоя состоятельность как Верховного лорта будет поставлена под сомнение. Согласно уставу Иридании во время военных действий, обязанности

Верховного лорта на себя должен взять не спутник наездницы Старшей Королевы, а человек, чьи способности и умения необходимы для успешного ведения войны и обеспечения безопасности всех людей Иридании. Такой человек должен быть выбран Внеочередным Верховным Советом.

— Ты имеешь в виду себя?! — его голос прозвучал весьма презрительно, что было достаточно неожиданным с его стороны.

Ханам никогда не выказывал неуважения к личности ятгора, а сейчас... Что изменилось?

— Я всего лишь ятгор. Такой титул может принять на себя лишь лорт. Не заговаривайся, Ханам, — губы Лахрета презрительно скривились. — Если ты имеешь что-то против моих слов, приведи веские аргументы.

— Ханам, успокойся, — вмешался дипломатичный Устин, положив ладонь на широкое плечо лорта Ира. — Сейчас не до выяснения того, кто прав, а кто — виноват. Нужно решить проблему пострашнее, — он подбородком указал на экран.

— Лахрет прав, — буркнул в дополнение Ганц, крепко хмуря брови. — Твое решение может пошатнуть твоё положение. Ты хорошо ещё раз подумай, прежде чем принимать окончательное руководство. Что до меня, так ты поспешил, — он постучал пальцем по Иру. — Оставь два уота на охрану центральных городов!

— От кого охранять? — негодуя бросил лорт столицы. — Нам сейчас нужна вся сила, чтобы справиться с врагом! Они не будут нападать изнутри.

Лахрет пристально посмотрел в упрямое лицо правителя Иридании. Возможно, он шел на принцип из самолюбия и задетой гордости. Ему ткнули на его неопытность и пригрозили, что он лишится власти. Конечно, Ханаму это не понравилось. Пусть он был часто малодушным, но и к власти тоже тяготел. Лахрета он побаивался, но в этот момент просто стал в позу, считая, что таким образом отстаивает своё чувство собственного достоинства. Кто хочет признавать, что может ошибиться? Да, впрочем, если бы не угроза со стороны Тирета и Мары, его решение было достаточно обоснованное. Ведь он не верил, что заключенные в состоянии поднять мятеж, как часто и долго вдалбливал ему Лахрет. Тогда Ханам лишь недоверчиво щурился и говорил, что не поверит, пока не увидит явных доказательств. А сейчас поднимать на Советании тему гипотетического мятежа Лахрет не стал. Не хватало улик.

— Итак... ВОЙНА... — с роковой обреченностью выдохнул Устин Хор.

— С сегодняшнего дня я ввожу Военное положение второй категории, — скрестив руки на груди, мрачно произнес Ханам, из-под лба покосившись на Устина. — Объявляется милитаризация населения. Все уоты распределяются согласно принятому сегодня плану. Города будут охраняться местными правоохранительными органами. Вводится комендантский час. Не хочу паники среди людей. Поэтому сегодня вечером я соберу пресс-конференцию и сообщу о текущем положении дел. Иридания должна знать о нависшей угрозе, — он повернулся к Лахрету, угрюмо взиравшему на мелкие изменения на электронной карте Заруны. — Господин Ноа, вы поведете армию на защиту западной границы. У вас есть большой опыт ведения боевых действий. Пожалуйста, сообщите, кого и куда, на какие посты вы хотите назначить. Думаю, ваша кандидатура, в виду ваших боевых заслуг, нигде и никем не будет подвергаться сомнению. Господа, — Ханам обвел тяжелым взглядом всех присутствующих, — возвращайтесь в свои города и проведите соответствующие мероприятия в согласии с существующим законодательством в отношении

Военного положения. Господин Арогот, изложите в письменном виде ваши прогнозы, и рапорт положите мне на стол. Совещание объявляю законченным, если ни у кого нет, что добавить к вышесказанному.

Все молча, смотрели на серьезное лицо предводителя Иридании, понимая, что обсуждать сейчас мало что можно. Необходимо провести проверку, анализ текущей ситуации и состояния страны, ее ресурсов, потом выдвигать идеи и предложения. Каждый со стороны своей специализации и знаний.

Народ начал расходиться. В большей степени члены совещания молчали, погружившись в размышления о предстоящей войне. Только парочка лортов сцепились в горячем споре у стола-экрана. Лахрет, бросив косой взгляд на спорщиков, решил не вмешиваться. Сейчас важнее продумать все, что было сказано. Проанализировать положение вещей во всех областях страны, чтобы правильно распределить человеческие и материальные ресурсы для ведения войны. Это дело не одного часа. Кое-кого он уже имел на примете, и в голове составил наброски нужных людей. О том, что решил ныне действующий Верховный лорт страны, он не стал оспаривать, предоставив тому шанс принять верное решение. Ведь до сих пор Ханам являлся официально признанным руководителем страны.

О том, что Забава беременна, Лахрет не желал распространяться. Учитывая многие моменты, он не хотел брать на себя полноценное руководство. Лучше пока оставаться в тени и влиять на ход событий со стороны. К тому же, помня о возможном мятеже, он опасался подвергать опасности жизнь Забавы и Ланы. Ведь, если сейчас узнают о ее положении, кто знает, что может сделать Мара... Пока что эта алчная женщина не считает Лану и ее Забаву стоящими соперниками. И вдобавок ко всему начнется серьезная перестановка сил в управлении Ириданием. А это, в преддверии войны, было лишней и напрасной тратой времени.

С этими мыслями Лахрет, всунув руки в карманы, покинул Зал Совета, медленно направившись в сторону своего кабинета. За ним, отделившись от толпы присутствующих, проследовали Наран, Арогот и Краф. Они были его негласными спутниками везде. Чуть позади на уважительном расстоянии, мужчины верно шагали за лидером, так же хмурая брови от смешанных чувств.

Перед входом в кабинет сидел секретарь и что-то набирал на коме. Когда делегация во главе с ятгором подошла к двери, он быстро вскочил и учтиво склонился в приветственном поклоне. Лахрет остановился и перечислил нужных ему людей, попросив того вызвать всех на совещание. Потом оглянулся к Нарану и приказал:

— Отправляйся к Зунгу. Я хочу, чтобы все необходимое к экспедиции было готово как можно раньше. Если Лана решится прийти к вам вместо занятий, не возбраняй ей. Я хочу, чтобы она была в курсе всех подробностей подготовки и мелочей экспедиции. Будь с ней помягче. Она часто жалуется, что ты ни во что ставишь ее замечания. Даже если она ошибается, не стоит ей ставить это в укор, — Лахрет поджал задумчиво губы. — Можешь идти.

Наран хмыкнул, но никак не прокомментировал слова друга. Развернулся и быстро ушел.

Проведя задумчивым взглядом друга, Лахрет посмотрел на Крафа.

— Краф, отправляйся на вышку, где ты оставил Мэнону и Марта. Я хочу быть в курсе их успехов и промахов. Думаю, это первостепенная задача. Сам понимаешь, если мы сумеем вовремя создать антивирусную программу, о которой они говорят, то и вся наша военная

подготовка не будет нужна...

— Слушаюсь, — склонился покорно фагот и также быстро ушел вслед за Нараном.

— Арогот, — возвращайся в свой кабинет и собери еще сколько тебе нужно человек, чтобы прогноз действий и возможной нашей реакции был готов как можно скорее. И прежде чем рапорт ляжет на стол лорда, он должен быть у меня. Ясно?

— Слушаюсь, — повторив поклон Крафа, ответил прогнозист и почти побежал в указанном направлении.

Посмотрев на то, как секретарь активно набирал перечисленных людей по коммуникатору и раздавал его приказ, Лахрет повернулся к двери своего кабинета. На удобном кресле перед офисным столом он принялся просчитывать тактику ведения боевых действий на предполагаемых местах высадки тараков. Он должен был продумать все, предвидеть любые неожиданные повороты и исход боев. Поэтому он решил поднять некоторые исторические документы, рапорты и протоколы предыдущих войн, которых оказалось, ой, как немало...

Сейчас ему было не до личных переживаний и вздохов...

Часть 4. Война и побег

Часть 5. Война и побег

Всякий раз, когда я переступала порог атконнора, внутри постоянно боролось два чувства. Одно крамольное — прогулять. Другое, ответственное, — учиться. Прямо-таки вселенская проблема. Особенно остро выбор становился вслед за сладкой ночью у груди мужа. Не знаю почему, но когда он спал рядом, я всегда пробуждалась бодрой и готовой свернуть горы. Горы, а не гранит науки.

Так и сейчас, перешагнув порог атконнора, я замерла в нерешительности. Мимо проходили студенты всех потоков, учтиво кланяясь и продолжая следовать на занятия. Им это было интересно. А у меня внутри все бунтовало. Особенно протестовали мои внутренности от предвкушения социологии. Ненавижу этот предмет! Вот на следующую лекцию приоры я бы пошла, а на социологию... Брр! Как часто бранил меня Лахрет за то, что я находила любые отговорки, чтобы не посещать социологию и этику. Но я ничего с собой не могла поделаться. Тем более, сейчас, когда мы разгадали тайну Комнаты Древних! Мы нашли ключ! Путь в покинутый Зарнар! Как я могу пропустить это знаменательное событие, тратя время на бессмысленные лекции?! Я просто обязана участвовать в подготовке экспедиции! Стоя столбом на проходе в атконнор, я подумала о том, что, возможно, уже Зунг и Наран нашли подходящую лодку. А сейчас, наверное, они собирают все необходимое.

Итак, что делать? Идти на социологию или искать Зунга? Стоит ли спрашивать Лахрета? Нее... не буду его понапрасну беспокоить. Он сегодня так быстро убежал после звонка, что я даже не успела его поцеловать на прощание. Вскочил с постели, по-армейски прыгнул в одежду и, чмокнув спящую меня, убежал. Даже не покушал. Он себе так язвучно работает! Забава сказала, что он очень торопился в Главное Управление СБИ. Там должен был состояться какой-то там срочный военный брифинг. Лирит не волновался, поэтому Забава не уточняла у него о предстоящем совещании. А мне не интересны подробности работы моего сверхученого и сверхталантливого мужа. Главное, что он легко разбирался в ней сам. Моей первостепенной задачей было уметь манипулировать им ради достижения своих маленьких меркантильных интересов. В этом мне не было равных. Пусть все завидуют, с какой легкостью этот волевой мужчина соглашается с моими просьбами (ну, не всегда с легкостью, но это уже мелочи).

Значит, решено! Ищем Зунга. В голове раздался голос Забавы, которая в этот момент удобно взгромоздила свое тело на широком настѣ (решетчатый выступ на любом здании, созданный специально для сидения ниясытям). Она напомнила просьбу Лахрета о том, чтобы я не прогуливала занятия. Я возмущенно перекривила ее поучительную интонацию и взяла в руки коммуникатор. Так-так, где у меня тут номер Зунга? Вот он! Но тот не отвечал. Крот бумажный! Неужели мне придется идти на социологию? Повторив пару раз вызов, поняла, что библиотекарь отвечать не собирается. И не важно, по какой причине. Я недовольно вставила руки в боки и свела в задумчивости брови. Как же я не хочу идти на лекцию господина Хона! Он такой зануда! И речь у него нудная. И лицо кривое. И мимика скучная. И глаза у него маленькие, как у свиньи. И голос монотонный. С ума сойти! Почему остальные спокойно относятся к его лекциям? Будь я на месте декана, отправила бы того пыль в библиотеке вытирать на полках, подальше от адекватных людей!

— Ну, Зуунг, — захныкала я себе под нос, рассматривая имя зрителя библиотеки на экране коммуникатора. — Почему ты трубку не берешь?!!

Опустила обреченно руки и устремила печальный взор вслед удаляющихся в сторону грузового лифта спин студентов. Интересно, а сколько я вообще лекций социологии посетила? Можно на пальцах посчитать. Я уже давно у господина Хона числюсь в списке нерадивых учеников, о чем нисколько не сожалела. Однажды меня даже вызвал на ковер декан атконнора, господин Укур Енрогош. Ох, он меня и чихвостил! Я стойчески стерпела все, и даже глазом не моргнула.

В общем, сжав кулаки до белых костяшек, я решительно повернула в сторону ботанического сада. Там я была частым визитером, когда хотелось побыть наедине с самой собой.

Прогуливаясь вдоль мощеных дорожек, я задумалась о предстоящем путешествии. Буйная фантазия, перемешанная с детскими воспоминаниями, рисовала приключения Индиана Джонса. Я себе представляла расставленные ловушки в темных каменных тоннелях, ямы и змей в темноте. А еще вообразила себе прогнившие деревянные лестницы, громко скрипящие под ногами, препятствия, которые можно преодолеть, лишь зная ответы на загадки мироздания, и страшных чудищ, готовых слопать тебя, не задумываясь. И, конечно же, я, как главная героиня приключенческой истории, обязательно должна выжить. В итоге, от дивного полета мыслей даже дух захватило. А Забава иронично прокомментировала мои мысленные фантастические приключения, назвав их смешными и нереальными.

Присела на деревянную простую лавочку возле вычурного небольшого фонтанчика, похожего на рыбу, изо рта которой журчала тонким потоком вода, и заморожено засмотрелась на мерцающую в ярком свете Раголара струю. Задумалась о том, как это, плыть по реке, ощущать насыщенный влагой ветер на лице, смотреть на рябь на воде. Природные звуки сада способствовали глубокой отрешенности, и я могла бы долго еще так сидеть, но, вдруг, почувствовала чье-то присутствие рядом. Встрепенувшись, я резко оглянулась. Присев сзади спиной к фонтанчику, на меня смотрела Лия, повернув в мою сторону резной профиль. Заметив, что ее наконец-то обнаружили, она мило улыбнулась и произнесла:

— Вот я тебя и нашла.

— А ты меня искала?

— Ты не пришла на социологию. Я попросила найти тебя Резотту. Она сказала, что видит тебя в Ботаническом саду.

— Да уж, от нирит не скрыться даже под землей... — иронично хмыкнула я и отвернулась к фонтану.

— Ты опять не захотела идти на социологию? Сегодня господин Хон объявил тебе бойкот, и сказал, что если ты не явишься на его следующую лекцию, он поставит тебе незачет. Тогда тебе придется серьезно разговаривать с господином Укуром. И даже протекция Забавы тебе не поможет.

— А ты отпросилась у него, чтобы разыскать меня и убедить посетить его урок?

— Что-то вроде того, — в ее взгляде было что-то отрешенное, далекое.

— Послушай, Лия, иди и скажи этому господину «Свиные глазки», что в следующий раз я, ну, кровь из носа, буду у него на лекции! — я составила брови домиком и поглядела на задумчивую подругу искоса. — Но сейчас я просто не в состоянии туда идти.

Лия грустно вздохнула и опустила взор, сжимая в руках шифоновую сиреневую шаль.

— Ты знаешь, а Марта тоже нет на лекции. Что с ним? — вместо ответа спросила

девушка.

Я удивленно вскинула брови. Вообще, хоть я часто проводила с нею время, но распознать эту молчаливую девушку так и не сумела. И спустя почти три года нашего общения, она продолжала оставаться для меня загадкой. Очень часто создавалось такое ощущение, что Лия что-то всегда не договаривает. Вопрос о Марте меня вообще выбил из колеи. Хотя... в последнее время (особенно после того, как я узнала о том, что Лия все-таки после двух лет близкого общения с Маратом, отказала тому), начала замечать, что подруга странно косится на моего брата. Глазки что ли строит? Конечно, это лишь мои субъективные предположения, однако спрашивать об этом ее не осмеливалась. А что касается Марта, так тот вообще ничего вокруг себя не видел кроме комов и безумной идеи казаться талантливым гением для всех, особенно для Лахрета.

Сощурив глаза, я всмотрелась в профиль девушки. Она прятала глаза.

— Нет, не знаю, где Март. Возможно, напросился к Лахрету по делам.

— Он стал в последнее время часто к твоему мужу в помощники напрашиваться, — тихо заметила она.

— А с каких это ты пор стала так внимательна к моему брату?

У нее на щеках вспыхнул румянец. Надо же! Однако она не ответила. Резко встала с лавочки и шагнула в сторону выхода.

— Ты пойдешь на приору? — спросила она.

— Не знаю.

— Лана, ты же знаешь, что будет за прогулы?

— Кому, как ни мне знать, — хмыкнула я и отвернулась к стоявшей у фонтана замысловатой пальме. — Уж не первый раз у посудомоечной раковины стою.

Девушка загадочно улыбнулась и переменила тему:

— А что ты вообще планируешь сегодня делать? Хочешь, пообедаем вместе?

Я снова посмотрела на подружку и пожала плечами. Полгода назад, когда по плану нужно было выбирать специализацию, мы вместе с ней выбрали одно направление и продолжили учиться вместе. Март пошел по другому потоку, но иногда лекции у нас совпадали. А наш давешний друг Магон Тао выбрал военное направление, связанное с морем, и мы вообще его перестали видеть. Друзей у нас как-то более не прибавилось, и мы с Лией часто проводили время на учебе вместе. Поэтому вопрос об обеде не был удивительным. Меня изумило другое. Сегодня Лия была по-особенному грустная. Что-то ее гложит. Кто знает, может быть, если бы я постаралась узнать о том, что же за причина беспокоила сердце девушки, смогла бы избежать последовавшей за этим трагедии. Но я промолчала. А Лия, глубоко вздохнув, ушла прочь.

Вместо терзаний по поводу загадочности подруги, я повернулась вновь к фонтану и постаралась вернуться к прошлой мысли. Итак, на чем я остановилась? Ах да! На Индиане Джонсе! Но только я снова нырнула в мир фантазий, загудел коммуникатор. Звонил Зунг. О! Заметил, что я звонила!

— Ты где? — вместо «здрости» выпалила я.

Библиотекарь не растерялся и просто ответил:

— В крайних доках восточного причала Ира. Собираемся...

Где это находится, я знала. Значит, они уже нашли лодку. Так, нужно срочно лететь туда! Какая приора?! Я в экспедицию собираюсь!

— Я скоро буду, — бросила я и сразу отбилась, предполагая, что тот начнет возражать.

Позвав дремлющую Забаву, я побежала в сторону выхода. В холле было уже пустынно. Шли уроки, но все-таки кое-где, да появится отдельным островком проплывающая фигура запоздалого студента. На широкой лестнице перед парадным входом атконнора уже ждала Забава. Глядя на меня вопросительными глазами, она следила, как я легко порхаю по ступеням лестницы.

— Лирит просил несколько раз тебе напомнить, что тебе лучше сегодня побыть на всех лекциях, — поучительно заметила королева, но все-таки подставила лапу, чтобы я взобралась к ней на плечи.

— А ты ему скажи, как увидишь, что я не послушалась, — пробубнила я, поуютней усаживаясь в небольшой выемке между шеей и спиной королевы.

— Ты хочешь на тот корабль?

Она знала о моих желаниях без слов, но иногда любила переспрашивать. Наверное, делала это для того, чтобы получить официальное разрешение на свои догадки.

Мысленно кивнув ей, я велела отправляться через зияние к упомянутым докам. Там Забава легко найдет смотрителя библиотеки на любом корабле.

Когда с хлопком мы вынырнули из подпространства, одновременно с нами в небе появился Натон с Нараном. Вот же совпадение! Благо, Наран уже не является моим куратором и бранить за то, что я не на уроках, не должен. С его появлением искать нужный корабль при помощи Забавы надобность отпала. Приземлившись возле Натона, Забава помогла спешиться и изогнула шею так, чтобы сровнять свою голову с моим лицом.

Наран с легким прищуром оценил мою персону, хмыкнул какой-то своей «гениальной» мысли, но никак не прокомментировал мое «неожиданное» явление. Точно, знал, что я тоже здесь появлюсь. Даже противно стало, что меня другие так легко могут предугадать. От этого я недовольно скривилась и поджала губу, чего мужчина не заметил. Тот просто кивнул в сторону причала, где стояло много кораблей, и пошел первым.

— Побудь здесь с Натонем, хорошо? — скользнув ладонью по теплой шее, шепнула я Забаве и последовала за фаготом.

Теперь, когда я могла немного отвлечься от особы фагота, появилась возможность рассмотреть, что за корабли швартовались здесь на причале. В основном это были боевые катера. Крупногабаритные корабли тут бы не поместились. Я знала, что восточный причал Ира находился под надзором атконнора и в этом месте проходили обучения студенты в основном из военизированного потока. Здесь учился и Магон, друг с первого курса. Каких тут катеров только не было: и ракетные, и торпедные, и броневые, и десантные, и простые буксиры. На меня грозно смотрели стволы малокалиберных пулеметов, небольшие ракеты, крепящиеся на спаренном пусковом контейнере и на поворотном столе. Высокие носы броневых катеров возвышались над причалом, пугая толстыми стволами пушек крупного калибра, прячущихся в небольших башнях корабля. Их классификацию, конструкции и вооружение я не очень знала, так как больше специализировалась на флайерах, но некоторые принципы были все-таки знакомы. Проходя мимо, я успела заметить, как суетливо бегали члены экипажей всех кораблей, приводя в порядок абсолютно все. Будто готовились к инспекции. Откуда я могла знать, что они уже получили сообщение об объявленном Военном положении в Иридании?

Мы проследовали по оборудованному причалу почти в самый конец. Там на плавучем доке находился довольно поношенный временем приличных размеров катер. На вид грозный, он уже видал виды на этой планете и, явно, побывал не в одном бою. Видимо его

списали в резерв и давно не пользовались по какой-то неведомой мне причине. Сейчас команда ремонтников активно его вычищала со всех сторон, проводя тщательный техосмотр. Ими всеми громогласным голосом руководил высокий широкоплечий мужчина с широким волевым подбородком и острым пронизывающим взглядом. Густые черные брови нависали над карими глазами, довершая образ сурового моряка-вояки.

Когда мы возникли в поле зрения этого видного мужчины, подобного нерушимой скале, он оставил суетившихся техников и спешно направился через трап к нам навстречу. Как только он приблизился на расстояние двух шагов, остановился и, по-военному вытянувшись, прогромыхал голосом, привыкшим перекрикивать штормовой ветер:

— Приветствую вас в доках, господа!

— Лана, позволь тебе представить капитана этого корабля, Виктора Целена. Он будет нашим проводником в беспокойных водах Терро-Итар, — почтительно кивнул в сторону мужчины Наран.

— Очень приятно, капитан. Я — Лана Ноа — член экспедиционной группы, — почему-то личность этого видного и сильного мужчины весьма смутила меня.

Я себе в этот миг показалась маленьким котенком возле могучего медведя. Зычным глубоким голосом он вежливо ответил:

— О! Это большая честь для меня быть капитаном судна, на котором будет плыть сама Лана Ноа! Позвольте вас заверить, что я приложу все усилия для того, чтобы обезопасить путешествие в столь рискованное мероприятие...

— Виктор, будь добр, проведи госпоже экскурсию по кораблю, пока я тут потолкую с Зунгом. Кстати, где он? — зашевелился Наран, предчувствуя подступающую тираду восхищения моей персоной.

При упоминании имени хранителя библиотеки Виктор противно скривился, будто съел что-то кислое. Видать, наш дорогой библиотекарь уже успел проявить свой удивительно дотошный характер...

— Он в грузовом отсеке. Разыскивает еще свободное место для своих археологических причандалов, — закатил капитан глаза и повернулся ко мне, натянув на лицо вымученную улыбку. — Я смогу уделить вам несколько минут, чтобы ознакомить вас с прелестями на первый взгляд углого судна. Но поверьте слову бывалого моряка, этот кораблик еще может дать фору некоторым новым суденышкам нашего времени, — он жестом предложил мне проследовать в сторону трапа, на который уже легко вскочил фагот.

Я послушно кивнула и потопала вслед за Нараном. Виктор завершал нашу небольшую группу, продолжая вежливо гудеть басом:

— Этот катер построили уже давно, во времена последней войны. Он был рассчитан на короткие атаки вражеских суден. Но продуман до мелочей и его можно с уверенностью назвать универсальным. Прошу, — он указал направо после того, как я ступила на борт корабля. — Сначала я хочу показать, что эта машина оснащена неплохой защитой. Я, кстати, настоял, чтобы на него установили еще одну артиллерийскую установку. Мы плывем в район Градасских джунглей, где водятся кровожадные дикари, о которых вы, уверен, читали в книгах. От них нужно будет защищаться. Поэтому я решил, что пару стволов не будут лишними.

— Я надеюсь, они не понадобятся, — скривилась я, с опаской глядя на грозные стволы двух пушек по обеим сторонам борта.

— Я тоже. Но страховка не помешает. Позвольте я немного расскажу вам о конструкции

этого чудо-корабля, — я посмотрела в глаза капитана, который уже с самого начала проникся глубокой любовью к своему судну. — В первую очередь мне нравятся его размеры и возможности. На нем есть небольшая площадь для посадки летательных аппаратов и ангар для одного двухместного флайера. Считаю эту подробность важной, в связи с тем, что на палубе будет несколько ниясытей... — капитан сделал выразительную паузу и продолжил с нарочито расширенными глазами, будто сообщает что-то сверхважное и малоизвестное: — Знаете ли вы, что это один из семи последних кораблей с силовой установкой, основанной на двигателях с жидким горючим? Максимальная мощность двигателя доходит почти до двух тысяч оборотов в минуту! При максимальной скорости он может перейти даже на глиссирование!

— Это как? — спросила я, оторвав взгляд от молодого человека, прикручивающего к полу опору для пулемета малого калибра.

— При глиссировании судно скользит по водной глади. Так вот, этот катер проектировали по типу бронированного судна. На него по первоначальному проекту было установлено две пушки со стволом семнадцатого калибра. Недавно судно оснастили современной навигацией, напрямую связанной со спутником. Это очень удобно. Не надо двигаться на ощупь. Катер легкий. Дает небольшую осадку. Водоизмещение около тридцати тонн, — и капитан начал перечислять довольно длинный список технических характеристик катера.

Я отключилась где-то после водоизмещения. Может, это было бы понятно для Лахрета, техника по образованию, но для меня слова дальше «осадки» и «водоизмещения» были уже лишними. Я ровным счетом не понимала далее ничего. Однако делала умный вид и кивала, когда он делал паузу. Через минут пятнадцать лекции о том, какой же нам достался замечательный катер, я попросила капитана показать рубку.

В рубке уже находились Наран и Зунг. Они склонились над столом и внимательно изучали бумажную карту. Ближе всех к бумажной поверхности находился нос библиотекаря. Он водил им вдоль синей полосы, обозначающей реку, и что-то бубнил себе под выпуклую часть лица. Наран, заложив по привычке руки за спину, следил за мелкими движениями товарища, и задумчиво молчал. Когда мы с капитаном вошли в рубку корабля, Зунг изволил оторвать ту самую выпуклую часть своей раскрасневшейся от усердия физиономии от изучаемого предмета и одарил меня самой обворожительной улыбкой.

— О! Иата! Я рад, что вы решили порадовать нас своим присутствием, — на что стоявший рядом Наран лишь иронично хмыкнул.

Интересно, а что Наран этим хотел сказать? Что не рад мне? Или что мое появление здесь было весьма предсказуемо? Ничего же не сказал, а желание его чем-нибудь стукнуть все равно возникло. Я бросила на фагота возмущенный взгляд и ответила Зунгу столь же обворожительной улыбкой.

— О! Не стоит столько чести! Вы же знали, что я приду!

— Да-да! — закивал Зунг. — И знаете что? Я тут подумал, что вы тоже должны знать путь корабля и место возможной встречи в случае непредвиденных обстоятельств.

— Каких еще обстоятельств? — удивилась я.

— О! Вы еще не знаете? — выпрямился библиотекарь и покосился на фагота. Тот лишь больше скривил губы. — Дело в том, что объявлено Военное положение в стране!

— Как?!! Неужели... — я уронила челюсть не в силах более проронить ни слова.

— Да. Тараки готовят полномасштабное наступление. Предварительно, мы готовимся

отразить его на западном побережье Иридании. Очень печально. Лахрет будет возглавлять четыре уота, направленных в этом направлении. Это все было решено буквально несколько часов назад, — тарактел Зунг, а я насупила лоб и поджала губы.

Лахрет не стал мне звонить и сообщать об этом. Занят слишком. Ладно. Пусть. Потом буду думать об этом. Пока сосредоточусь на словах Зунга. А тот продолжал:

— Господин Ноа решил, что откладывать экспедицию, несмотря на Военное положение, не стоит. Я думаю, он считает ее запасным планом. Ведь, если мы сможем найти Зарнар, тогда, наверняка, найдем и путь уничтожения врагов! — глаза Зунга сверкали.

— Правда? — подняла я брови. — Почему я об этом не знала? Я думала, мы ищем Зарунскую рукопись.

— И это тоже! — закивал библиотекарь. — Но ведь Зарнар — покинутый город предков. Там жили герны! Возможно, мы сможем узнать, как они создали таракот и какое у них слабое место! Мы просто обязаны найти этот город, иата! Только Лахрет хотел бы, чтобы эта экспедиция оставалась в тайне. Лишь немногие избранные должны знать о ней. Поэтому ее надо будет начать не с этого причала, так как могут возникнуть ненужные вопросы. Мы придумали небольшую легенду, которая отведет эти взгляды. Из-за военного положения, в стране активизируются все свободные и способные к обороне механизмы. Даже старые. Этот катер списан из-за используемого двигателем экологически грязного вида топлива. Но так как приближается угроза со стороны врагов, на это сейчас закрывают глаза. Главное — военная защита. Это судно в состоянии посоревноваться с некоторыми современными машинами. В отличие от них, оно проверено не одним боем... — он замер на мгновение с застывшими взглядом, почесав затылок, потом передернул плечами и продолжил: — простите, меня что-то отнесло в сторону. Так вот, планируется под видом проверки ходовой корабля сделать выход на воду. Мы отправим его в оговоренное место и будем ждать всех членов экспедиции. Каждый должен быть проинструктирован. Мы как раз выбирали подходящее место, — Зунг кивнул на карту.

— Я думаю, — стуча пальцем по карте в месте, где малая речушка впадала в широкую полноводную реку, недалеко от линии подножия гор, произнес задумчиво Нарана, — что это место вполне подходит. Я бывал в тех местах. Устье скрыто от обзора и с воздуха и с воды. Есть маленький пологий берег, где можно пришвартоваться и спрятать катер. Недалеко есть небольшой водопад, который заглушит шум мотора. Правда, нужно быть начеку. Местные племена не очень «дружелюбны». Ниясытям лучше использовать защитное поле при посадке. Из любых кустов может вылететь отравленный дротик или стрела. В остальном, это идеальное место для сбора.

Его прервал едва слышный скрип открывающейся двери. Он, как хищник, резко обернулся и сузил глаза. На пороге рубки возникла обтянутая в черную блестящую кожу фигура девушки. Тонкая талия, крутые бедра и туго стянутые в высокий хвост волосы. Я узнала ее сразу. Фиона Матхур, специальный агент Службы Безопасности, посыльная Лахрета. Когда-то она была моим личным телохранителем, но достаточно небольшое время. С цепкими и умными глазами цвета лесного ореха, и мягкими, почти неслышными движениями, она напоминала пантеру. А что она здесь делает? Выполняет поручение Лахрета? Или он решил ее взять в ряды экспедиции? Переступив порог, Фиона бархатистым низким голосом сообщила:

— Я проверила ангар. В него легко могут поместиться пять ниясытей.

Наран, молча, кивнул и жестом подозвал ее к карте. Указал на выбранное им место и

коротко произнес:

— Место встречи здесь.

— Поняла, — склонила голову девушка и повернулась ко мне, плавно нагнувшись в приветствии.

Я не сводила с нее внимательного взгляда. Наран снова навис над картой, больше не обращая внимания на пришедшую. Чего нельзя было сказать обо мне. Если Лахрет отправил эту девушку сюда, значит, он чего-то опасался. Имея хрупкий обманчивый вид, Фиона легко могла уложить на лопатки десятерых мужиков всего в несколько движений. Не знаю, где он ее достал, но использовал ее способности очень избирательно и в самых опасных обстоятельствах. Довершал ее хищный образ осмысленный глубокий взгляд. Я внутри побаивалась девушку и втайне завидовала. Мне бы хоть на разок ее боевые умения. Возможно, в тот ужасный день, когда Мара похитила меня, я бы легко скрутила тех двух увальней, что схватили меня и притащили к шиасу. Может, тогда все вывернулось бы по-другому. Но что теперь об этом гадать? Лучше переключиться на другое.

Тем временем Зунг и Наран начали спорить о времени randevu. Много упиралось в секретность и события на границе. Я отошла от стола с картой к широкому лобовому окну, остановившись у панели приборов у руля. Капитан Виктор, молча, наблюдал за парочкой, перемещая взгляд с одного на другого, и насмешливо кривил губы. Меня же начал беспокоить вопрос о составе группы экспедиции.

Итак, в группу входят: конечно же, я, Зунг, Наран, как я поняла, Фиона Матхур, капитан и трое его людей, как экипаж катера. А кто же еще? Может, свои предложения внести? Мне почему-то захотелось, чтобы с нами отправился Мэнона. Он гений в технике. Он может разобраться в любом даже развалившемся металлоломе. А мы, вполне вероятно, встретимся с древними технологиями, ведь кто-то же сумел создать вокруг гор Градасса защитное поле, которое уже несколько тысяч лет охраняет путь в покинутый город? Ладно, потом спрошу у Лахрета. Интересно, а чем сейчас занят мой муж? Тем временем разговор в рубке продолжался:

— Мне надо еще неделю на сборы. Много еще не доставили. Ты учти, что делаю я это тайком, — возмущался Зунг, пуча на фагота возмущенные глаза. — Как я могу за три дня все успеть?

— Зунг, не заставляй меня нервничать, — Наран раздражено дернул подбородком. — Катеру в это место идти при лучшем расчете сутки. Чем раньше мы выступим, тем лучше. Это не вызовет подозрений. Если мы пустим катер позже, можем не успеть. Поле на границе уже скоро даст брешь. Тогда Лахрету будет не до нас. Что тебе еще нужно? По-моему, все, что необходимо для экспедиции уже есть. Или ты забыл запасные носки взять?

Зунг вспыхнул, потерявшись в перечислении нужных на его взгляд предметах.

— Все. Тебе два дня, ни часом больше. Делай, что хочешь, но через два дня катер отчаливает. Именно столько ему надо времени на техническое обслуживание и ремонт, — Наран выровнялся и сложил руки за спиной.

— Наран, — подал голос капитан, — мне нужно знать точное количество пассажиров.

Фагот перевел взгляд на Виктора и ровно ответил:

— Лахрет сегодня вечером уже сообщит. Сейчас ему не до этого, — потом он снова бросил невозмутимый взор на зрителя библиотеки и кивнул в сторону выхода, — я думаю, господин Зунг, вам не стоит медлить. Времени у вас в обрез.

Тот, недовольно ворча себе что-то под нос, поспешил на выход. В рубке остались мы

вчетвером. Нاران повернулся к Фионе:

— На тебе лежит обязанность оборудовать ангар для пребывания там ниясытей. Охраной пока занимаются другие. Следи за всем, но не вмешивайся без веского основания.

Девушка слегка склонила голову, развернулась и быстро вышла.

— Ладно, — вздрогнул капитан, словно что-то вспомнил и шагнул к выходу, — пойду, посмотрю, как там устанавливают пулемет.

Итак, только я и Нاران. Окинув мою персону косым взглядом, он, молча, склонился над комом и начал что-то по нему просматривать, предоставив меня самой себе. Он, явно не хотел со мной возиться. Больно надо! Поэтому я последовала примеру капитана и вышла, решив осмотреть корабль. Чем занималась добрых пару часов, пока Забава заявила, что желает поесть. Тогда я попрощалась с добродушным капитаном, не рискнув отвлекать суетившегося Зунга, и вернулась в атконнор. Там даже успела попасть на последний предмет программирования.

Вечером пыталась позвонить Лахрету, ощутив невероятную потребность в его внимании, но он даже не брал трубку, что было крайней редкостью. Значит, бедалага, занят выше крыши. Раньше я пару раз устраивала ему... страшную мечь, так теперь он брал трубку всегда, за редкими исключениями, коим, наверное, и был сегодняшний день.

Не услышав его голоса, я уснула у себя в комнате в атконноре и крепко проспала до самого утра.

*** **

Лахрет угрюмо смотрел на изорванную береговую линию западного побережья Вихора через огромное бронированное стекло флагманского флайера первой эскадры второго уота. На бирюзовой глади ныне спокойного океана чернела россыпь вражеских кораблей до самого горизонта. С огромных авианосцев поднимались в воздух вооруженные до зубов легкие стрелы-истребители — неизменная гордость тараков. Небо начинало темнеть от пугающего количества этих одноместных летающих машин. На воду спускались первые катера с десантными группами. Тараки не собирались тратить ни одной лишней минуты, желая как можно быстрее ступить на столь вожделенный берег Иридания.

Взгляд ятгора упал на широкий песчаный берег, упирающийся в редкие заросли молодого леса. Тот, изрезанный мелкими ручьями, поднимался вверх по склонам старого утеса с редкими каменистыми осыпями. Идеальное место для высадки. Широкий обзор и невозможность неожиданных сюрпризов. Поэтому он не стал мудрить со стратегией и вывел почти целый уот на обозрение врагу. Длинной линией тождественной линии высадки тараков, военное подразделение вытянулось вдоль всего берега. В воздухе зависло множество флайеров, а на вершинах холмов ровным строем стояла пехота. Никто не шевелился, взирая на подступающего врага. Кто смотрел на них с ужасом, кто с ненавистью, кто с презрением, но никто не двигался. Так было приказано. Воевать на воде Лахрет не решился. Воздушной техники не достаточно, а морская — далеко. Лучше встретить врага на суше. Остается пока только ждать.

Позади в шаге от него стоял Ганц Ерок, лорт Тилитов, что-то презрительно ворча себе по нос и не сводя взгляда с одного из авианосцев, что находился ближе всего к берегу. Именно этого человека Лахрет решил взять с собой в сражение. Ганц имел не один бой за спиной, отличился выдержкой и умелым руководством ведения ближнего боя. Он владел мечом, как бог. А его нур Шпак выделялся на фоне других отчаянностью и бесстрашием. Ради своего наездника однажды Шпак спустился на землю в самую гущу тараков и без

естественной защиты раскидывал врагов направо и налево, плечом к плечу сражаясь с другом. Рядом с Ганцем застывшей скалой (причем слово скала лучше всего подходит к этому двухметровому великану с лицом грозной невозмутимости) стоял личный заместитель лорта. Ни один мускул не шевельнулся на его лице, когда первый тарак ступил на берег Иридании. Столько хладнокровия и воли находилось в теле этого великана, что даже Лахрета это восхитило, а он повидал немало смельчаков на своем пути.

Дальше за этими двумя представителями второго по величине города после Ира Тилитов, нервно топтался на месте Ханам Кос. Это был его первый бой и поэтому все полномочия лорт Ира с легкостью спихнул на опытные плечи бывалых вояк. Он испуганно расширил свои ядовито-зеленые глаза на некогда безмятежный берег.

Еще два дня назад на военном совете после главного совещания Лахрет распределил силы и продумал действия уотов. Было решено встретить врага только одним военным подразделением, в состав которого входило достаточно наездников, чтобы суметь противостоять первой волне высадки тараков. Лахрет был уверен, что последние не станут бросать сразу все силы в первый бой, желая прощупать врага. Поэтому он не намерен показывать всю мощь уотов сразу. Первый бой есть первый бой. Не важно, кто победит в нем. Важно кто уцелеет потом, когда будут выложены на кон все козыри.

По расчетам Арогота, сидевшего сейчас за консолью главного кома флагмана, первая волна высадки закончится через двадцать минут. Поэтому еще было время, чтобы подумать о том, что еще не сделано и, что еще надо успеть. А так же о том, что осталось позади. Лахрет так и не смог убедить Ханама в том, что Тирет воспользуется случаем, и попытается совершить переворот в стране, пока они здесь воюют с врагом. Даже тот факт, что Мара сейчас в Ире, его не насторожил. А качать свои права и пользоваться незримой властью Лахрет не стал. Что-то его постоянно останавливало. Лана называла это чувство интуицией.

Итак, что он держит позади? Лана. Она осталась в атконноре и проходит обучение, продолжая скрывать, что Забава носит под сердцем королевские яйца. В атконноре находилась под охраной вместе со своей Карой Мара. К Лане он приставил самых надежных людей. Но какими бы они ни были смелыми и верными, всегда остается возможность ошибки, именуемая человеческим фактором. Поэтому он продолжал бояться за ту, что любил больше жизни. Если с ней что-то произойдет, он, безусловно, бросит все, даже в разгар боя, и помчится что есть мочи, чтобы спасти. Для него никого важнее не было во всей Вселенной. Особенно теперь, когда она скоро станет матерью его будущего сына. Именно эти мысли заставляли впервые за всю его долгую жизнь нестерпимо больно сжиматься сердце от великого беспокойства за жизнь и здоровье одной единственной женщины. Никогда ему еще не было так страшно, как в это время. Не за себя. За нее.

Лахрет едва заметно качнул головой, прогоняя назойливые мысли, и подумал о другом. Вышки. Как же необходимо было сейчас запустить их снова. Поэтому работа Марта и Мэноны являлась самой главной и первостепенной задачей. Сейчас эти два аматора-программиста с группой хорошо обученных специалистов скарпели за комами и решали невероятные вычисления, чтобы создать антивирус. Да, именно антивирус. Когда гадак прибыл на вышку, легко пробежав взглядом по экрану панели управления, сообщил, что и в самом деле в корневую систему главного кома постоянно загружается вредоносная программа. Она имеет код тараков. Итак, помощь этого чудаковатого гадака весьма кстати, как бы ни хотелось это отрицать.

Что касается Нарана, то Лахрет постарался сделать все возможное, чтобы никто не

спрашивал, где он. Конечно, это ему удалось без особого напряжения, но осторожность никогда не помешает. Теперь Наран был на пути к условленному месту встречи. Команда экспедиции подобралась очень разношерстная, поэтому происходили постоянные трения, но пока капитан Виктор со всем успешно справлялся. В саму экспедицию Лахрет решил не вмешиваться и подспудно был рад, что Лана будет подальше от Ира и военных действий. Фиону Лахрет отправил к вышке, где находились Март и Мэнона. Их охрана намного важнее сейчас, чем ее присутствие на корабле. Правда пришлось немного поднажать на девушку, жаждавшую, как и все, искать покинутый город.

Минуты, оставшиеся до сигнала к бою, пролетели как один миг. Ком противным звуком отсчитывал последние секунды.

— Осталось тридцать секунд, — голос Арогота прозвучал как-то слишком высоко. — Двадцать девять, двадцать восемь, двадцать семь... — он отсчитывал, а все невольно подтянулись, сжав кулаки до белых костяшек, и стиснув челюсти от напряжения и предвкушения боя.

Берег почти потемнел от вражеской массы, но никто из таракон не ступал на короткую траву у подножия пологого утеса, сменяющую белый песок берега. Они выстраивались в боевой порядок и настороженно смотрели на блестящие от стального глянца корпуса флайеры, висевшие узкой линией над заросшими вершинами древней и разрушенной временем горной гряды. Они знали, что их уже ждут. Над выстраивающейся пехотой зависли стрелы-истребители, направив свои острые, как иглы, носы в сторону пологих склонов.

Все должно быть так, как когда-то, десять лет назад. Как тогда, враги ровным строем выстроились и нещадной волной хлынули на взиравших в ужас людей, так и сейчас они должны пойти бесстрашным потоком на появившуюся на склоне пехоту уота. Но теперь они вооружены не так, как раньше и будут сражаться до смерти. Люди не теряли времени даром и совершили немало прорывов в создании техники защиты и вооружения, действуя по плану вероятного разрушения защитного поля.

— Пять, четыре, — продолжал счет Арогот, — три, два... даю сигнал! — позади послышался вздох лорта Ира.

И ряды уота дрогнули. Одним синхронным массивом человеческая масса двинула в сторону берега. За ними на безопасном расстоянии следовали управляемые человеком здоровенные двуногие роботы-экзоскелеты. Они своим грозным свистом и гулом работы насосов, усилителей и генераторов были слышны даже через толстое стекло флагманского корабля. На небе вмиг заблестели вспышки боевых установок флайеров. Предупреждать таракон не надо было. Все прекрасно понимали, зачем они сюда пришли. В ответ стрелы-истребители вздрогнули и с воем помчались на врага.

Еще только секунду назад на побережье царила тишина, а теперь все перемешалось в разноцветное блестящее месиво. Пехота мчалась по склону с боевым кличем, поднимая вверх специальные энергетические щиты, защищавшие головы от сыплющимся нескончаемым потоком снарядов, пущенных из орудий выстроившихся вдоль берега катеров. Высадившийся десант таракон ответно содрогнулся и поспешил легким шагом навстречу атакующим людям.

Лахрет сжал еще сильнее кулаки, желая сдержать kloкочущее желание сорваться с места и броситься в гущу сражения, и, как когда-то, нести жестокую смерть ненавистным таракон. Уже нельзя. Теперь нельзя. Он ятгор. Он должен видеть бой издалека и направлять, перегруппировывать, соединять и ориентировать. Поэтому он не отрывал взгляда от линии сражения, постоянно оценивая и просчитывая в голове возможные комбинации. Он не

обращал внимания на мерцающие вспышки возле корпуса флагманского флайера, когда очередная случайная стрела-истребитель противника знакомилась с защитными автоматическими установками флагмана. Вот правый фланг первым настиг врага, и завязалась ожесточенная резня. В ход пошли орудия ближнего боя.

Ганц приблизился к экрану и считывал данные мониторинга со спутника для получения полной информации.

— Они чего-то ждут, — непонимающе проговорил лорт Тилитов. — Главные корабли не реагируют на бой на берегу. Лишь истребители... им не нужна победа, но что они задумали?

— Почему они не выбрасывают основные силы? — подпрыгнул к нему Ханам, пытаясь отпихнуть первого, но безуспешно. — Чего они хотят?

— Проверить нас, — хмуря брови, протянуто ответил Лахрет.

— Что именно?! — лорт Ира испуганно вытаращил на ятгора глаза.

— Наше вооружение и боевой потенциал.

— Да, — кивнул Ганц, набирая на консоли команды, — прощупывают. Им не нужны те, кто высадился. Им нужно понять, чему мы уже научились и что создали. Хотят продумать стратегию.

— Нам тоже важно узнать их новые технологии!! — воскликнул Ханам, обернувшись к огромному обзорному окну. — Что вы видите нового?! Ятгор?

— Все фиксируют специалисты... — эхом отозвался Лахрет, словно отмахиваясь от него, как назойливой мухи.

Панические ноты в голосе Ханама его нервировали.

— Значит, мы тоже прощупываем? — тот коснулся плеча лорта Тилитов.

Тот коротко покосился на лорта Ира и вернул внимание мониторам, ответив:

— Мы всегда так делали раньше.

— А как же солдаты внизу? — ляпнул Ханам.

— Ханам, успокойся и не мешай, — отмахнулся Ганц, нервно выдув воздух из ноздрей. — Твоей паники тут только не хватало. Я говорил, что тебе лучше остаться в Ире. Чего сюда рвался?

— Я — лорт! — неожиданно выпрямился Ханам, возмущенно распахнув рот. — Я должен стоять среди первых на защите страны!

— Давай, Ханам, без этой дурацкой бравады?! — скривился Ганц. — Лучше стой тихо в сторонке и не вякай! Не до тебя сейчас! — он вывел на главный экран новые данные со спутника и подошел ближе к нему. — Здесь, здесь и здесь... — показал он пальцем Лахрету, — я думаю надо сгруппировать воздушную оборону. Они явно что-то там защищают...

— Да... Вот этот корабль... — кивнул Лахрет, заложив руку за спину. — Наверное, там их матка.

— Ты думаешь, она пошла в авангард? Не боится? — удивился Ганц.

— Разве ты не знаешь, как она получает свою власть? — повел бровей ятгор.

— На ринге. Ясно. Она здесь. Но зачем на передовой?

— Чтобы вдохновить своих воинов, — слегка передернул плечами Лахрет и посмотрел на берег. — Прахор, передай сообщение на крылья один, пять и семь, чтобы они прорывались к третьему авианосцу. Сначала убрать основные защитные турельные установки. Цель — оценить реакцию тараков, — повернулся он к связисту. — Скажи им

лишний раз не рисковать.

— Слушаюсь, — и тот сразу склонился над консолью связи.

— Угу, — кивнул Ганц, медленно почесывая подбородок. — Правильно, надо оценить их реакцию.

Ханам же прилип к обзорному окну, благоразумно перестав открывать рот в возражениях. Он был похож на перепуганного воробья, случайного человека, попавшего в гущу событий. Мало кто на капитанском мостике флагманского флайера понимал, что он вообще тут забыл, и терпели его чисто из-за формального титула мужчины.

В то же время три малых военных подразделения, называемых в уоте крыльями и состоящих из семи боевых машин каждый, отделились от основной массы сражения и строем направились в сторону стоявшего на якоре огромного авианосца. Одно крыло в центре, а двое вокруг для защиты основного нападающего. Создав энергетический щит, они легко преодолели основную массу истребителей, почти добравшись до цели. Конечно, щит не мог работать вечно, и каждое поражение ослабляло энергетическое поле, но приказ есть приказ, и они достаточно близко приблизились к кораблю прежде, чем поле исчезло.

И тут случилось что-то неожиданное. Почти половина атакующих вражеских истребителей отделилась от основной массы сражения на берегу и повернула к авианосцу. Это очень ослабило защиту десанта, находившегося на линии фронта. В свою очередь пехота людей получила возможность сосредоточиться на ближнем враге, чем на защите от нападения с воздуха.

Со стороны корабля заблестели вспышки выстрелов защитных установок. Летевший впереди флайер основного атакующего крыла поймал очередной залп и вспыхнул алым пламенем. Через несколько секунд вниз полетели обломки. Мгновенно остальные флайеры перегруппировались и поменяли тактику боя. Теперь они резвились вокруг плазменных вспышек выстрелов защитных установок авианосца, как маленькие мошки меж капель дождя. В ответ череда метких выстрелов флайеров-истребителей направились на орудия корабля. Занялась одна установка. Затем вторая захлебнулась огнем. Вот один из флайеров не успел вовремя увильнуть, и следующая потеря людей после оранжевого зарева полетела в воду. Но другие не дрогнули. И еще через несколько секунд следующие три турели вышли из строя.

Корабль запылал в нескольких местах, и истошно завывла сирена. Однако триумф длился лишь мгновения. В считанные моменты вокруг корабля взмыла туча вражеских стрел и роем направились на штурмовиков.

— Вели им немедленно отступать! — рыкнул Ганц на связиста.

Тот быстро забил команды на консоли, но те и сами все поняли. Стремглав они мчались назад, ведя слепой отстрел. Вот снова вспыхнуло пламя и еще один, а за ним и второй, полетели обломками в воду. И к линии фронта уже приближалось лишь одно неполное крыло. В их сторону на защиту летели другие два крыла, и спасение казалось, было близко.

Пока отчаянные бесстрашные пилоты несли огонь указанному авианосцу, на берегу перевес перешел на сторону атакующей пехоты людей. Тараки вздрогнули и начали отступать к катерам. Исход этого боя был уже очевиден.

Лахрет хмуро смотрел на пострадавший авианосец. Тот ожил и начал двигаться в сторону от берега, в самый тыл. Станным, завораживающим серым цветом клубился дым с пострадавших установок корабля. Поджав хвост, он искал прибежища в силе своих войск. Значит, все-таки он был прав. Неспроста тараки кинулись защищать так рьяно этот корабль.

Там действительно находилась матка. Надо за ним присматривать. Тараки не будут идти в бой без ее покровительства и руководства. Убрать ее и сражение предрешено. Как же это сделать? Надо будет подумать над этим. А пока...

*** **

Фиона, стоя позади всех у самой стены рубки вышки излучателя поля, напряженно всматривалась в профиль одного из программистов, приставленных к гадаку для создания «антивируса». Он уже минут пятнадцать лишь создавал видимость работы, исподтишка наблюдая за Мэноной. Много в нем вызывало у девушки подозрение. Но особенно — эти пугливые бегающие глаза. Нечесаный парнишка, невысокий и худощавый, с очень умными глазами вызывал у окружающих восхищение своими аховыми талантами программирования. Но для Фионы это являлось не главным. Было что-то в его движениях весьма нервное и настороженное, будто он боялся быть замеченным. Простому необученному глазу это поведение показалось бы элементарным признаком напряженной работы. Но для Фионы, привыкшей видеть за оболочкой истинные мотивы, эта дерганость вызывала подозрения. Он что-то явно скрывает.

Вот, он встал со своего места и под предлогом «зова природы» покинул комнату управления. Девушка не пошла за ним, чтобы не вызывать лишних вопросов, но проследить за этим пареньком все-таки решила. Поэтому она связалась со своей Бриной, чтобы соединиться с ней сознаниями.

Теперь она прекрасно видит вышку снаружи. На берег с шумом падает высокая волна, громко шелестя мелким гравием. У входа стоят двое стражей, внимательно осматриваясь по сторонам. Сильный порывистый ветер беспрестанно треплет черные волосы мужчин, заставляя недовольно шуриться и кривиться. Через полминуты выходит, наконец, этот малец и, махнув одному из охраны, поворачивает налево. Как раз туда, где по привычке в тени огромного валуна скрывается ее нира. Даже для нир Брина выглядела особенно темной. Из-за этого в тени каменных нагромождений ее практически никогда нельзя заметить. Фионе приходилось так часто вылетать по заданиям ятгора Ноа в разные места для отслеживания того или иного подозреваемого, что Брина привыкла искать себе самые удобные места, чтобы стать как можно более незаметной. И теперь нира сидела в подобном месте, лениво наблюдая за окружающим миром, заодно и прячась от раздражающего морского ветра. Поэтому видно ниясыть не было, зато для нее наоборот все было как на ладони.

Паренек подошел к валуну и замер. Оглянулся пару раз, желая убедиться, что за ним никто не наблюдает, и достал из кармана коммуникатор.

«Значит, скрывается. Не хочет, чтобы знали о его звонке», — подумала про себя Фиона и напрягла слух своей ниры, не желая пропустить ни единого слова.

— Это я, — заговорил парнишка высоким голосом. — Да, я продолжаю за ним следить... Да. Он уже почти сломал код программы... Да. Скоро будет готова пробная версия. Что?.. Уже выступили?! Когда вы будете?.. Через час? Думаю, он уже к тому времени успеет. Что делать?.. Мне не справиться самому. Здесь много охраны. Его стерегут лучше, чем королеву в Гнездовье. Особенно эта девка, прислужница ятгора... Затормозить его работу?.. В принципе, могу. Хорошо. Пожалуйста, поспешите, долго мы не сможем... Да... Да... Хорошо... — он отбил и повернулся лицом на восток, всматриваясь вдаль, но так и не заметил неестественное продолжение валуна, у которого стоял.

Лишь легкое движение крыла и головы выдало присутствие ниры. Однако паренек не подумал об этой угрозе, боясь больше людей. Положив коммуникатор обратно в карман, он,

и в самом деле, собрался сделать то, зачем вышел. Это Фионе уже было не интересно.

Значит, вот она, крыса. Но кто он был? Лишь шпион или важная фигура в игре? Пешка или ладья? И он точно здесь не один. Ему кто-то помогает. Но кто? Тот стражник у входа? Не факт. Кто другой из группы специалистов? Сложно определить.

Итак, крыса найдена. Исходя из разговора, его задачей было следить за гадаком и его работой, и, в случае чего, помешать ему. Кто-то хочет итоговую программу присвоить себе. Для этого сюда направлены какие-то силы, достаточные, чтобы справиться и с охраной и с захватом вышки. Следовательно, активировались скрытые силы. Это возможно лишь в том случае, как говорил Лахрет, если начнется нападение тараков. Нападение началось полчаса назад и продолжается. На западном берегу идет сражение.

Что делать? Первостепенной задачей для Фионы было сохранение жизни гадака и его работы, во что бы то ни стало. Антивирус не должен попасть в чужие руки. Нужно действовать незамедлительно. У нее в распоряжении не больше часа. Даже меньше. Выходит, гадака надо выводить отсюда. И сделать это следует незаметно и очень быстро. Кому доверять? Знала она наверняка, что надежным человеком здесь был Март, сводный брат Ланы Ноа. Но потянет ли он это дело? Не запаникует ли в самый неподходящий момент? Долго думать нельзя. Надо импровизировать и надеяться только на удачу. Больше не на что.

Выйдя из сознания нире, Фиона внимательно посмотрела на брата Ланы Ноа. Юноша производил впечатление неглупого человека, хотя немного и походил на доставалу и плута. Она заметила его уже давно. Сейчас у нее вызывали сомнения его юношеская незрелость и детская горячность. Но что делать? Оставалось только импровизировать и надеяться на сообразительность парня.

— Бриана, — обратилась девушка к своей нире, — поговори с Мартовым Нуком. Скажи ему вот что: «Мы в ловушке. Гадак и программа в опасности. Здесь есть предатель. Необходимо быстро незаметно вывести гадака под любым предлогом. Вместе с недоработанной программой. Срочно!»

Она решила воспользоваться связью ниясытей, чтобы обезопаситься лишней раз от возможного подслушивания. Ведь разговор ниясыти и человека никто и никогда не мог услышать, если этого не позволит сама ниясыть.

— Хорошо, — откликнулась понимающе нира и смолкла.

Фиона не сводила с профиля молодого человека внимательного взгляда. Вот Март дернул головой, словно отгонял назойливое насекомое. Потом недовольно поднял голову, оторвав глаза от экрана кома и устремив невидящий взор вперед, в сторону обзорного невысокого окна. Закатил недовольно глаза с видом «Ну, чего тебе?!». А затем выражение его лица медленно начало меняться в сторону «Не может быть!». Потрясение скользнуло в его взгляде.

— Лишь бы не запаниковал! Лишь бы не запаниковал! — едва шевелились ее губы, а кулачки с силой сжались.

Через мгновение губы Марта сжались в одну напряженную линию. Он бросил короткий взгляд на погруженного в работу гадака и нахмурился, видимо, осмысливая полученную информацию.

— Быстро и незаметно, — теперь неслышно проговорила она.

— Нук говорит, что он понял и уже что-то придумал. Сказал ждать, — доложила нира.

Март снова склонился над консолью, что-то набирая на коме. Фиона продолжала

сверлить молодого человека нетерпеливым взглядом. На это деяние он потратил минут двадцать. За это время тот шпион-малец вернулся и принялся что-то вводить у себя на коме. Теперь Фионе приходилось следить за обоими и ждать. Сердце начало нетерпеливо сжиматься в тревоге, поскольку время быстро уходило, а действий никаких. Хоть вырубай всех в этой комнате и уводи гадака волоком. В самой рубке кроме нее, Марта и Мэноны, было еще пятеро. Двое программистов и трое охранников. Фиона начала уже продумывать план «Б», как Март с выдохом оторвался от консоли и резко встал:

— Я бы тоже не против посетить «природу», — произнес протяжно он и шагнул к гадаку. — Мэн, слушай, я кое-что тут написал. Посмотри, а? Срочно.

— Позже... я уже почти... — качнул головой гадак, не отрываясь от командной строки кома.

— Нет, сейчас. Я думаю, что нашел участок данных вируса, влияющих на основную программу, — хлопнул по плечу гадака Март.

— Я уже знаю, где он, — недовольно буркнул тарак, но оглянулся на парня.

— Я нашел еще один участок...

— Я знаю, где они все, — свел выступающие чешуйчатые брови Мэнона.

— Посмотри этот, — настоял Март и развернулся к выходу, наконец, впервые за все это время посмотрев на Фиону.

В его глазах читался вопрос: «Ты уверена?». Девушка едва заметно кивнула. Потом ей передала Брина слова Нука:

— Март сказал, что он будет ждать снаружи. Теперь все зависит от Мэноны.

— Поняла, — ответила Фиона своей нире и провела взглядом уходящего через люк молодого человека.

Никто не обратил внимания на короткую перепалку гадака и Марта. Они часто так могли переговариваться. Мэнона недовольно заворнякал, оголив ряд острых белоснежных зубов — знак упрямства, но парами взмахов когтистых ладоней он все-таки открыл присланные Мартом данные. Пробежал глазами и вздрогнул. На широкой переносице появилось две складки, и зрачки расширились почти на всю роговицу глаза — признак глубокого беспокойства и удивления. Значит, получил предупреждение юноши.

Вот о ком, на самом деле, нужно было переживать, чтобы не паниковал! Фиона затаила дыхание.

Мэнона поглядел по сторонам и вызвал удивленные взгляды сидящих рядом программистов.

— Что-то не так? — сощурил глаза малец-шпион, а в них блеснула скрытая радость.

Наверное, он подумал, что его старания увенчались успехом и гадак затормозил с работой. Фиона настороженно положила ладонь на рукоять короткого кинжала на поясе, готовая в любую секунду реализовать план «Б».

— Мне не достает данных... — голос тарака неожиданно квакнул. — Я... я... потерять связь... — когда гадак начинал говорить с акцентом, это значило, что он волнуется. — Голова сильно загрузить... надо воздух... хочу дышать воздух... свежий воздух...

Парни переглянулись и вопросительно покосились на охранников.

— Я проведу, — ожила Фиона и отделилась от стены.

Три офицера согласно кивнули и уступили дорогу гадаку к люку выхода.

— А вам работать дальше, — резко бросила девушка программистам, шагая первой к выходу, когда заметила некоторое движение парня-шпиона в том же направлении.

Он вздрогнул и нерешительно застыл вполоборота. Только его не хватало снаружи. Фиона одарила его обжигающим взглядом, вызвавшим у него массу сомнений, и скользнула вниз. Мэнона что-то нажал на консоли кома и поспешил к выходу.

Снаружи все произошло очень стремительно. Уже через несколько секунд охранники лежали без сознания у ног девушки. Они не успели даже пикнуть. Еще через пару мгновений они быстро были втянуты внутрь основания вышки и брошены у подножия винтовой лестницы. Мэнона лишь испуганно таращился на молниеносные движения нириты.

— Идем. Ты полетишь на Мартовом Нуке. Он почти единственный, кто согласен тебя нести на себе, — сурово заметила она, ожидая, что гадак быстро поймет ее действия.

Но он ошалело артачился. Фиона осторожно снова выглянула из двери и оценила обстановку. В этот момент, широко расставив крылья, опустился на землю молодой нур. Он заинтригованно смотрел большими фасетчатыми глазами на узкую щель входной двери вышки. На шее у него уже сидел Март.

— Быстрее! — шипнула на гадака девушка, выпихивая его на улицу. — Бегом! Иначе нас поймают! Да, шевелись же ты!

Тарак неуверенно, но довольно проворно заковылял к блестящей ниясыти. Март, с горящими глазами и пугающей безумной ухмылкой легко затянул тарак за спину. Через секунду, совершая сильные взмахи и выгоняя из легких мощный поток воздуха, Нук взмыл в небо. Брига, привыкшая к невероятным маневрам, уже спешно подскочила к своей наезднице и, приняв на плечи шустрю подругу, стремительно последовала в небо за нуром.

— Ты знаешь, куда нам, — похлопала по плечу подругу Фиона, и оглянулась на летящего рядом нура. — Сообщи об этом Нуку.

— Хорошо, — послушно ответила нира, изогнув шею так, чтобы одним глазом смотреть на свою наездницу.

*** **

На берегу небольшого лазурного озерца, окруженного тремя скальными вершинами, стояло пять существ: два человека, тарак и двое ниясытей.

— И что теперь будем делать? — наконец, нарушил недолгую паузу молодой человек, вопросительно воззрившись на гибкую девушку.

— Нам нужен этот антивирус, — ответила она, покосившись на озадаченного тарак.

Тот топтался у кромки воды и, поджав тонкие губы, переводил взгляд огромных змеиных глаз с одного на другую и обратно.

— Где теперь мы его возьмем? Нам нужно оборудование и вышка.

— Уж увольте! — сверкнула она глазами. — Давайте поищем другой выход. Что нужно для его создания или возобновления?

— Возобновления?! Ты смеешься? Там столько данных!... - начал было возмущаться молодой человек.

— Я все помню, — перебил его тарак. — До последней точки. Я могу все повторить. Девушка удивленно повела бровей.

— Что тебе для этого нужно и где это взять?

— На самом деле не много. Думаю, мне хватит моего персонального кома.

— Где он?

— В моей лаборатории.

— В медатконноре Небесного Ира?

— Да.

— Тогда летим туда, — скомандовала девушка и через мгновение оказалась на шею своей ниры.

Молодой человек угрюмо насупил брови, недоверчиво косясь на уверенное лицо личного агента ятгора Лахрета Ноа.

— Что не так? — недовольно скривилась Фиона.

— А что если и там нас ждет засада?

— И что ты предлагаешь? Сидеть здесь и бояться? — недовольно подняла брови девушка. — Я получила четкий приказ: сохранить антивирус. Любой ценой! Он еще не создан. Так что вперед! Потом будем сохранять! У нас мало времени!

Глубоко и обреченно вздохнув, Март ступил на услужливо подставленную лапу друга и сел на привычное место на спине нура. Потом помог забраться гадаку.

Перевернутая угольная чаша медицинского атконнора казалась пустой даже с воздуха. Лишь пара флайеров одиноко стояли на посадочной площадке. Ни одной фигуры не мелькнет по извилистым тротуарам приближенной территории здания. Что-то не так казалось уже наверху. Когда троица быстро шагала по гулким пустынным коридорам некогда многолюдного учебного заведения, ощущение подозрительности лишь углубилось. Вот, когда они прошли почти половину пути, им на встречу выскочил лаборант с растрепанным видом перепуганного беженца. Фиона ловко выловила торопыгу и прижала к стене:

— Куда все подевались?!

— Как куда?! Одни отправились на западный берег, на фронт. А другие бежали... Разве вы не знаете?

— Что не знаем?! — гримнула раздраженно девушка.

— Как что? Мятеж! Бунт! На Ир напали повстанцы! Тирет требует власть назад! Город окружен и уже наполовину занят. Ир, Замба, Кодосс, Тилиты, Варды, Сандрия, Милик, Зарв Ернон... еще несколько больших городов. Мятежники повсюду! Народ напуган до смерти.

— Как мятеж?! — икнул потрясенно Март и прислонился спиной к стене.

Торопыга, прижатый к противоположной стене, недоуменно переводил глаза то на девушку, то на Марта, то на молчаливого гадака.

— Пустите, пожалуйста. Мне надо бежать. Я сюда за медикаментами прибежал... Меня ждут... — начал тот причитать, вырываясь из крепкой хватки обманчиво хрупких рук девушки.

Она отпустила. Тот торопливо, постоянно оглядываясь, посеменил в сторону хранилищ медикаментов и оборудования. Путники провели его задумчивыми взглядами. Новость их потрясла. Фиона знала, что Тирет что-то готовит. Так говорил Лахрет. Но так скоро... она не предполагала. А вот Март тарачил глаза не по-детски. Ловил ртом воздух, как рыба на суше, и пытался собрать разбежавшиеся в панике мысли. Мэнона потупил взгляд и застыл в нерешительной позе.

— Так! — даже слишком громко сказала Фиона. — Немедленно собрались! Не время впадать в уныние! У нас есть приказ, и мы будем его исполнять. Стране нужен антивирус! Если мы закроем границу Иридании, тогда уоты, охраняющие кордон, выступят против повстанцев! — она схватила под руки обоих и буквально потащила их в сторону личных лабораторий гадака.

Через пару шагов оба протрезвели и самостоятельно потопали дальше. По пути они встретили еще несколько работников персонала, оглашено бежавших по очень важным делам. Но путники уже больше никого не останавливали.

Через пару минут они достигли цели и замерли у поворота. У входа в лабораторию Мэноны стояла взъерошенная девушка с растрепанными волосами и перепуганным синими глазами. Все сразу ее узнали. Гадак удивленно первым обратился к ней, приблизившись на расстояние шага:

— Шука? Что ты здесь делаешь?!

Она вскинула на него вопросительный и!.. осмысленный взгляд, ответив после мучительно долгой паузы:

— Ята... Меня зовут Ята...

Март потрясенно крикнул и плечом уперся о стену, буркнув под нос: «Она пришла в себя! Вовремя. Ничего не скажешь!»

— Не может быть! — вторила ему Фиона.

— Шуукаа!!! — воскликнул радостно гадак и обхватил женщину за плечи.

Она встревожено всхлипнула и повторила сквозь слезы:

— Ята... Моё имя Ята...

Когда, преодолев очередное потрясение, путники собрали нужное оборудование для создания антивируса, на миг остановились.

— И куда нам теперь? — стоя у выхода, оглянулся на Фиону Март. — В город нельзя. Там повстанцы. Предатели на каждом шагу.

Девушка на время задумалась. Решение пришло довольно быстро.

— На катер.

— Какой катер? — взвел брови молодой человек и бросил взгляд на гадака.

— Потом узнаете, — отмахнулась она и решительно направилась к двери.

— Что будем делать с ней? — кивнул Март на застывший силуэт синеглазой женщины у круглого окна.

Фиона обернулась назад, озадаченно окинув взором упомянутую.

— Как что?! — подал изумленный голос гадак. — Она полетит с нами!

*** **

Раголар уже спешил к своему закату, оставляя позади трудный и кровавый день. Лахрет склонился над экраном, внимательно вчитываясь в отчеты о потерях. Берег побережья Вихора опустел после короткого, но жестокого сражения. Тараки отошли на некоторое расстояние и чего-то ожидали. Это очень беспокоило и настораживало главнокомандующего Ноа. Ганц понимающе положил дружескую руку на плечо и также молчаливо вчитывался в цифры. Ханам Кос, заложив руки за спину, нервно выгаптывал короткую дорожку на капитанском мостике и постоянно поглядывал в сторону смолкших мужчин. Со всех сторон доносились пiski работающих комов, едва слышно гудел главный генератор флайера.

Они зализывали раны. Уже после первого боя было ясно, что тараки способны нанести много ущерба не только технике, но и принести немало человеческих жертв. Все присутствующие понимали, что впереди их ждал долгий путь потерь и поражений. Но никто не собирался отступать. Эта война была вопросом жизни и смерти.

Внезапно дверь на капитанский мостик с легким шипением разошлась в стороны и в помещение широкими и громкими шагами ворвалась целая делегация. Весь экипаж флагманского корабля поднял озадаченные взгляды на прибывших.

Лица лортов самых больших городов Иридании покраснели от быстрой ходьбы, а глаза не обещали ничего доброго.

— В чем дело?! — возмутился непочтительному и весьма неожиданному визиту лорт

Ханам. — На каком основании вы врываетесь без предупреждения?!!

Окинув презрительным взглядом лорта Ира, лорт Хереж Расо высокомерно воскликнул:

— Ятгор Лахрет Ноа! Вы арестованы! Немедленно оставьте ваши обязанности и проследуйте за нами!

Первая секунда после данного заявления ознаменовалась потрясенной тишиной. Лица всего экипажа дружно вытянулись. Ганц, выпрямившись, повернулся всем корпусом к прибывшим и недоуменно громовым голосом воскликнул:

— На каком основании?!

— В подозрении в государственной измене! До выяснения обстоятельств ятгор будет находиться под стражей! — на лице лорта Замбы появилась лукавая усмешка ликования.

— Какой измене?!! — ахнул Ханам и шагнул в сторону делегации. — Для такого громкого и серьезного обвинения должны быть веские доказательства!

Усмешка Хережа стала еще шире, и он шагнул к консоли управления флайером. Затем с торжественным видом и выражением лица «Получите!» вставил информационный кристалл в разъем. На экране возникла запись со скрытой камеры. На ней тараки разговаривали с мужчиной, стоявшим вполборота к камере так, что было видно только профиль. Голоса не слышно. Лишь видео. Этот мужчина был очень похож на Лахрета, но сходство весьма сомнительное, так как картинка была сильно смазана. По телосложению же один в один с ятгором.

Лахрет угрюмо смотрел на запись. Отрицать то, что это не он, не было смысла. Поэтому он молчаливо уставился на прибывшую делегацию, которую представлял Хереж. После просмотра видео, Ганц лишь бросил беглый взгляд на обвиняемого и шагнул навстречу к лорту Замбы:

— Я не считаю, что это достаточные основания для ареста. Картинка не четкая и я имею все основания отрицать, что это действительно ятгор Ноа. Это, во-первых. Во-вторых, почему я не в курсе происходящего, как и Верховный лорт страны? Вы действовали не в согласии с уставом Совета. На основании этого я имею полное право противостоять данному аресту столь высокопоставленной персоны.

— Я тоже с этим согласен! — возмутился Ханам и ступил ближе к говорящим.

— Решение принято большинством! — вздернул подбородок стоявший за Хережем лорт Серет, правитель Вардов. — Это достаточное основание для ареста, а не для судебного решения, о котором вы говорите. Нам пришлось действовать незамедлительно. Во время Военного положения такие вещи имеют серьезный характер и требуют срочного вмешательства. Союз с врагом — государственная измена! — он повернулся к ятгору и устремил на него взгляд с неприкрытой ненавистью. — Что ты скажешь в свое оправдание, Лахрет Ноа?

Лахрет пристально всматривался в присутствующих, медленно переводя изучающий взгляд с одного на другого. Эмоциональный фон зашкаливал. Причем большинство действительно верило, что это он на записи. Оценив ситуацию, он понял, что в данный момент сопротивляться бесполезно. Поэтому, выпрямившись и сделав лицо невозмутимым, он лишь коротко ответил:

— Это не я.

— Конечно! — хекнул насмешливо Хереж. — Разве ты скажешь по-другому? — он оглянулся на прибывших за ними солдат и громко приказал: — Арестовать его немедленно и конвоировать в Ир для трибунала!

— Я не согласен с приказом! — выкрикнул все так же возмущенно Ханам и стал между прибывшими и Лахретом. — Я имею право наложить Запрет на принесение приговора!

— Только в том случае, если голоса в Верховном Совете разделены. Девяносто процентов членов за арест ятгора. Поэтому отойди в сторону! Ты препятствуешь законному аресту подозреваемого!

Пока происходила перепалка лортов Ира и Замбы, Лахрет краем глаза заметил, как правая рука Ганца, Ог, шагнул в сторону и неслышно покинул рубку флайера. Что ему приказал Ганц, он не уследил.

— Не заставляй применять силу, Ханам! — Хереж высокомерно скривил рот. — Лахрет Ноа, ты проследишь самостоятельно или же силой? Тебе решать!

Лишь едва насмешливо ухмыльнувшись уголком губ, Лахрет спокойной поступью направился к выходу, где его ждали солдаты. Ганц мрачно проследил вслед за ним до самого выхода, злобно выдвинув вперед челюсть. Смерив на прощанье лортов Ира и Тилитов, Хереж вместе со своими ехидно ухмыляющимися спутниками покинул рубку.

— Продолжайте воевать. Вы же для этого здесь? — язвительно бросил тот на выходе и закрыл за собой двери.

Ханам лишь беспомощно хватал ртом воздух и таращил возмущенные глаза на закрывшуюся дверь.

— Это вопиющая наглость и... и... — пытался он что-то выдать из себя, но не находил слов.

Ганц похлопал лорта Ира по плечу и довольно спокойно произнес:

— Да. Это чистой воды подстава...

— Но что будем делать?!!! — поднял на зрелого вояку молодой человек взгляд.

— Действовать, Ханам, действовать, — загадочно протянул он и повернулся к оставленному занятию, словно ничего и не случилось.

— Но как именно?! — недоумевал лорт Ира и подскочил к правителю Тилитов. — Согласно Уставу Военного Времени трибунал должен состояться в ближайшие дни. Мы не успеем найти доказательства его невиновности!

Ганц бросил короткий взгляд на Ханам и повернулся к Ароготу. Тот сразу же ответил:

— Я уже работаю над записью.

Ханам удивленно вскинул брови и замер. Потом уставился на лорта Тилитов. Его потрясла выдержка и скорая реакция на ситуацию. Пока он тут паниковал, Ганц уже половину дела разрулил. Поэтому он, заставив взять себя в руки, поджал недовольно губы и угрюмо уставился в пол, погружившись в размышления над ситуацией. Как вдруг запищал ком связи, и связист потрясенно воскликнул:

— На Ир напали!!!

— Кто?! — всем телом развернулся Ганц.

— Повстанцы! Ими командует... Тирет Ниасу!!! И еще на Замбу, Кодосс, Тилиты, Варды, Сандрию, Милик, Зарв, Ернон...

— Что?!!! — правитель Тилитов потрясенно оперся о консоль главного кома.

— Тилиты тоже, господин...

А тем временем Лахрет шагал между солдатами своего конвоя и думал. Хорошо это или плохо, что его вот так арестовали? Он слышал встревоженный голос Лирита, находившегося в грузовом отсеке флайера и ожидавшего решения своего наездника. Лахрет попросил пока не вмешиваться и дать время, чтобы обдумать ситуацию, найти решение. Пока что он

колебался, что именно нужно. Арест практически развязал ему руки для того, что он и впрямь должен сделать. То есть попасть на корабль экспедиции. А в том, что это видео — подстава чистой воды, он не сомневался. Доказать это будет не трудно. Но что он должен делать на самом деле?

Он покинул рубку до того, как пришло сообщение о мятеже. Хереж спешил не просто так. Да и что это, впрочем, изменило бы? Сейчас в голове Лахрета мелькнула более актуальная мысль: почему Ганц отправил Ога. Куда? Понял он это только когда подходил к пятиместному флайеру. У его входа стоял уже переодетый под пилота Ог. Улыбка легла на его лицо. Ох, и хитрец этот Ганц! Значит, побег. Что ж, тогда надо продумать план, куда лететь и что делать. Ганц предоставил ему выбор. Доказывать свою невиновность или отправиться в экспедицию? Возможно, найти покинутый город сейчас важнее, чем война?..

*** **

Пение птиц в оранжерее атконнора для меня всегда было особенно завораживающим. Может быть, потому что, живя в плену прозрачных стен учебного заведения, они находили радость в своих обстоятельствах? Наверное, я себя ассоциировала с ними, так как сама оказалась в плену своего невероятного положения. Попала в чужой мир. Чудесный, удивительный, загадочный. Ничего не знала о нем. Без памяти. Одинокая. Кто знает, может, я должна была себя как-то по-другому вести? Проявить силу духа и характера. А вместо этого просто поплыла по течению. И вот, куда оно меня привело. Я встретила самое преданное существо во всей Вселенной. Моя Забава стала для меня самым лучшим и преданным другом. Моей защитой и поддержкой в этом огромном мире. Еще я стала женой самого сильного человека на планете. Сильного во всех отношениях. Мужчину, на плечи которого легло множество обязательств, от которых он не мог отказаться в силу своего характера и интеллекта.

Будучи с ним рядом, получила ли я его всего и без остатка? Нет. Он принадлежит Иридании. Отпустив его на войну, я понимала, что это его путь. Путь защиты своей родины и людей, которые смотрят на него, как на лидера и предводителя. Пусть даже он всего лишь ятгор. У меня на Земле таких называли «серыми кардиналами». Был ли он таким, не знаю, но многим не нравилось его незримое влияние на властимущих. Особенно его боялся и уважал Ханам Кос. А кто-то даже в глубине души завидовал.

Раздумывая обо всем этом, слушая пение птичек, я особенно вошла в отрешенное состояние. Положив ладонь на живот, я подумала о малыше, который развивался там. С того момента, как Лахрет сказал мне, что я стану мамой и что мужчины знают, когда их женщина зачала, я думала об этом мало. Чувства совсем не изменились. Ничего не поменялось. Я осталась прежней. Но сегодня мысли об этом малыше уже с утра не выходили из головы. Забава говорила, что она тоже слышит своих малышей. Ну, у нее вообще все по-другому и быстро развивается. Согласно их биологии она будет носить в утробе яйца около месяца. Потом отложит их и должна будет высиживать полгода. Затем еще около месяца ухаживать за ними до достижения ими ферментного возраста. Лахрет что-то упоминал о способности королев задерживать время яйцекладения до определенного момента. Захочет ли Забава так поступить? В общем, оставалось еще множество вопросов, на которые может ответить только время.

Я вчера была на Церемонии Единения малышей Шимы и, в честь этого события, по традиции, оделась и сегодня в праздничный наряд. Детки королевы выбрали себе достойных наездников. Выделился особенно один малыш. Оказалось, что он уже выбрал сам себе имя!

Это было невероятным! Он сразу сказал своему будущему наезднику, что его имя Енор. Чего-чего, а этого никто не ожидал. Это был тот самый малыш-нур, которому я рассказывала какую-то историю о землевладельце Еноре и его возлюбленной Летиции. И он выбрал себе имя именно главного героя этой истории. Правда, я никому не сказала об этом, но намотала себе на ус. Надо будет об этом потом как-нибудь с Лахретом поговорить.

— Лахрет... — тихо выдохнула я и подняла глаза к прозрачному куполу оранжереи. — Я уже соскучилась по тебе... Как ты там? — сердце тоскливо сжалось от предчувствия беды.

Я с ним уже три дня не то что не виделась, даже не разговаривала. Как он улетел на войну, так и связь с ним оборвалась. Да, и не звонила ему, чтобы лишний раз не отвлекать от важных дел. Поэтому свои мысли и дела обсуждала только с Забавой. Наран уже с Зунгом уплыли. Так что придут на место randevu уже очень скоро. Лахрет перед отлетом попросил меня продолжать учиться и делать вид, что ничего не происходит, чтобы не вызывать лишних подозрений. А когда придет сообщение от Нарана, я на Забаве немедленно отправлюсь, никому ничего не сказав, к катеру.

Это мы так думали. Никто ж не знал, что у других другие планы. Я просто ходила на занятия и все. Кстати, в связи с Военным Положением в стране, в учебных заведениях отменили основные уроки и оставили только те, что необходимы для защиты и ведения боя. У меня были лишь учебные вылеты. Вот сегодня я уже с утра летала на настоящем боевом флайере с обучением в стрельбе. Хотя зачем пилоту стрелять? Для этого рядом сидит стрелок. Ну, мое дело маленькое...

— Я так и знала, что ты опять будешь здесь, — голос Лии был сегодня каким-то уж очень хрипловато-уставшим. — Ты уже пообедала?

Лия села рядом на лавочку и поглядела туда, куда был устремлен мой взгляд. Сегодня Пригессо-Мапертони, кустообразное растение, первый день цвело. Его маленькие голубые цветочки очень сильно напоминали мне земные незабудки. Может, поэтому меня так влекло к этому месту? Я улыбнулась подруге и посмотрела в ее удивительные зеленые глаза.

— Да. Уже покушала. А Забава сегодня истребляет половину привезенной рыбы в пруду, — ответила я.

— Она у тебя начала так много кушать... да так много, что и беременная королева позавидует, — Лия сегодня на меня почти не смотрела, когда говорила.

— Ты намекаешь на что-то?!

— Да, нет, что ты! Просто, выскочило... — она опустила глаза и смолкла.

Так мы просидели в природной тишине около пяти минут. Потом Лия неожиданно встрепенулась и повернулась ко мне всем телом:

— Послушай, Лана, я хотела тебе кое-что показать. Пойдем! — сказала она и решительно поднялась со своего места.

Я удивленно вскинула брови:

— Что?

— Увидишь. Пойдем.

Я поджала губы и встала. Оглянулась на парочку приставленных ко мне Лахретом охранников. Мужчина и женщина. Они почти слились с фоном, желая как можно меньше привлекать к себе внимания, но все-таки их постоянное присутствие напрягало. Я кивнула, что уйду. Они согласно склонили головы и проследовали за нами на небольшом расстоянии. Лия почему-то постоянно на них опасно оглядывалась, но мне о них ничего не сказала.

По дороге я постоянно косилась на молчаливую спутницу. С того момента, как мы покинули оранжерею, она не проронила ни слова. Но, в принципе, я не слишком волновалась по этому поводу, так как Лия часто могла часами просто молчать. Я уже привыкла. А вот Забава меня удивила:

— Она что-то скрывает, — услышала я ее голос в голове и встрепенулась.

Мы как раз сели в лифт, и Лия послала его на этаж, где находился спортзал.

— Что ты имеешь в виду? И почему это ты заинтересовалась этим? Ты, кстати, где сейчас?

— Я села на парфлет. Уже поела. Мне интересно, что ты делаешь. И заметила, что Резотта Лии волнуется, но ничего не говорит, как бы я ее не спрашивала. Это значит, что она получила прямой приказ. Это меня и настораживает. Лия что-то скрывает.

Я озадаченно едва заметно повела бровей и покосилась на профиль подруги. Ее лицо ничего ровным счетом не выражало. Ни зла, ни радости, ни угрюмости — в общем, ни одной эмоции.

— Лия? — не выдержала я и опять спросила: — Так все-таки, куда мы идем?

Она обратила на меня зеленые глаза и тихо, чуть слышно ответила:

— Не спрашивай меня... я должна... так надо...

Вот здесь я и занервничала. Лифт остановился, и открыл двери в пустынный коридор, ведущий к раздевалкам спортзала. Я устремила на подругу непонимающий взгляд. Лия кивнула в сторону выхода и пошла первой. Я за ней, искренне веря человеку, который с самого начала моей жизни в атконноре был для меня верным другом и поддержкой. Что может плохого она мне сделать? Но помимо воли ее загадочность поднимала внутри волну беспокойства и недоумения. Охранники немного подождали и последовали за нами на уважительном расстоянии.

Когда мы подошли к раздевалке, Лия медленно открыла дверь и вошла первой. Я переступила порог и тут же дверь сзади захлопнулась. Мгновенно сработал замок, отрезав меня от охраны. Я остолбенела, в удивлении распахнув рот. В женской раздевалке стояло трое здоровезных увальней под два метра ростом и с габаритами шкафов. Они распределились равномерно по всей площади помещения так, явно чтобы предотвратить мой побег. Я поглядела на подругу:

— Лия? Что все это значит?

— Прости... я по-другому не могла... прости... — она виновато опустила глаза и отвернулась к дверям, чтобы не видеть ничего.

Я округлила потрясенно глаза и повернулась к громилам.

— Что вам надо?!

— Тебе лучше не сопротивляться... — пробасил один из них. — Чем быстрее, тем меньше боли.

И он шагнул ко мне, достав из ножен короткий боевой нож. Его намерения были совершенно ясны. Я отшатнулась, испуганно вскрикнув:

— Прошу вас!!! Пожалуйста, остановитесь!!! Лия!!! — я покосилась на подругу, но та лишь затравленно прижалась к двери, зажмурился глаза и бормоча себе что-то под нос.

Все происходило так стремительно. Я не была к этому совершенно готова! И что тут могла сделать такая хрупкая женщина, как я? Я оказалась в ловушке! И все, что я могла, так это броситься в сторону и на всю глотку истошно проорать:

— Помогитеее!!!

Входная дверь вздрогнула под ударами моих охранников, но в голове пронеслось: «Не успеют!». Эти мужчины двигались очень быстро и уже почти приблизились вплотную. В уме уже ясно пронеслась мысль о предстоящей боли, как вдруг, позади что-то загудело и стена начала вибрировать. Нападающие резко остановились и, как по команде, обернули головы назад. Большое непрозрачное стекло тонированного окна раздевалки в секунду покрылось извилистыми рубцами трещин, а потом с громким звоном мелкими брызгами разлетелось в стороны. Свет потоком ворвался в помещение и на фоне яркого Раголара возник черный силуэт парящей ниясыти. Королева, грозно изогнув шею, зловеще распахнув пасть, издавала высокий, неслышимый человеческому уху звук, разрушающий все на своем пути. Пробив стекло, она смолкла и молнией метнулась к образовавшемуся проему. Мужчины не успели даже развернуться всем телом, чтобы хоть как-то защититься, как тут же, как мелкие игрушки, были за шкуру выброшены за стены здания. Забава не щадила ничего. Гнев, исходивший от нее, сметал все чувства и потрясал до глубины души. Никто не смеет прикасаться к ее наезднице! Никто! Никто не смеет угрожать ее жизни! Пока жива она, Забава, ни один волос не слетит с моей головы! Еще через секунду она приблизилась к вжавшейся в угол Лии и еще одно движение, девушка летела бы вслед за тремя несостоявшимися убийцами.

— Не смей!! — крикнула я, и лапа королевы зависла с сантиметре от вздымающейся груди девушки. — Оставь ее...

Позади Забавы раздался протестующий стон ниры. Резотта припала к краю рамы и молила остановиться королеву. Она не могла противостоять сильной королеве, она была лишь в состоянии молить о пощаде. Лия взмахнула рукой и закрыла лицо ладонями, всхлипывая и медленно сползая на пол вдоль стены. Забава изогнула шею и повернула голову так, чтобы хорошо видеть меня.

— Ты не ранена... — это был даже не вопрос, а больше утверждение.

В этот же момент дверь из коридора вздрогнула и поддалась, с грохотом упав на пол между мной и Забавой. В дверном проеме стояли мои охранники с мечами наизготове. А позади слышались скорые шаги бегущих. Забава повернула глаза к открывшемуся проходу, на замерших охранников. Смелые люди быстро оценили ситуацию. Затем королева закрыла первое веко, обернувшись в сторону звука шагов, и тут же произнесла:

— К нам бегут. Они чужие. Они намерены тебя убить. Здание полно бегающих людей. Они везде дерутся. Много крови. Я должна тебя забрать. Мы должны улетать.

Я потрясенно повернулась к охранникам и, с заходящимся от страха сердцем, прохрипела:

— Надо уходить. Это мятеж!

Охранники кивнули и повернулись к дверному проему, выставив мечи:

— Улетайте, госпожа, — произнес мужчина. — Мы их задержим.

— Нет! Вы тоже должны улетать!!! — замотала я головой. — Их слишком много!

— Нет! Они не должны успеть вас остановить! Ваша жизнь ценнее тысячи! Немедленно улетайте!!! — женщина настойчиво махнула рукой в сторону оконного проема.

Я мешкала. Забава головой толкнула меня к разбитому окну и грозно велела Резотте отлететь прочь. Та покорно оттолкнулась от изорванного края и повисла невдалеке. Я не успела даже ахнуть, как Забава легко вытолкнула меня за край и поймала в цепкие лапы так осторожно, словно я могла рассыпаться на части. Подо мной мелькали стены и окна атконнора, и я видела... множество людей вокруг, как в растревоженном муравейнике,

бегали по всей прилегающей территории учебного заведения. Одни сражались друг с другом, другие убегали. Взлетали флайеры в небо. Гудели их генераторы. Слышались выстрелы. Неопределенным роем кружили ниясыти, растерянно трубя и сотрясая воздух хаотичными взмахами крыльев. Они не знали что делать. Люди внизу сошли с ума. Из зияния то тут, то там появлялись всадники с ниясытиями и сразу же мчались вниз на настэ и парфлет.

И в этом хаосе, создав большой пузырь поля, Забава лавировала и несла меня прочь. Потом, обхватив меня всю, прижав к животу, она создала зияние и ушла в гиперпространство. Она не сказала, куда мы летим, но уже через десять секунд мы парили над горами Градасса, где я планировала появиться и дальше искать катер. Она знала, что делать, моя Забава. Она ни на секунду не потеряла присутствия духа. Она не растерялась.

Опустив меня на одной из проплешин в густом тропическом лесу, Забава помогла мне стать на ноги и замерла в ожидании. Ее огромные фасетчатые глаза переливались синим светом тревоги. Я же, потрясенная и обескураженная, едва стоя на дрожащих ногах, округлившимися глазами смотрела в никуда. Я ничего не видела перед собой. В голове еще стоял вой и гул, что царил в воздухе подле атконнора. Еще десять минут назад все было спокойно, а теперь превратилось в хаос. Уму непостижимо, как за считанные мгновения может круто поменяться весь уклад жизни целого города!

Глубоко внутри было осознание того, что за всем стояли Тирет и Мара. Но как они смогли найти столько сторонников? Как они смогли все это организовать?! Продумать до мелочей. Как? Как? В голове не укладывалось. И если бы не Забава, меня не было бы уже в живых. От этого холод ужаса сковывал все внутренности.

Что же теперь делать? Надо собраться с мыслями, скакавшими в голове как блохи. Оглянулась. Нас со всех сторон окружали густые заросли джунглей. Высокие раскидистые деревья упирались макушками в небо где-то высоко-высоко над головой. С их корявых черных ветвей свисали дикие лианы, а изрезанная глубокими трещинами кора была покрыта толстым слоем зеленого мха. Сверху кричали незнакомые экзотические зверюшки, похожие на обезьян с шестью лапами. Птицы, размером с локоть, порхали с ветки на ветку, пронизываясь сотрясая воздух своим чириканьем. А из глубины доносились глубокие и низкие стоны явно крупных представителей местной фауны. Мне всегда говорили, что звуки дикой природы джунглей возле гор Градасса не внушают радости и восторга. Больше страх. А меня вот так вообще ввели в дикий трепет. Такое чувство, что где-то в горах живет безумный профессор и проводит жуткие эксперименты с генами животных. Потом они, сбежав от злого гения, теперь бродят по бурным дебрям влажного до умопомрачения тропического леса.

Еще не отойдя от потрясения от событий в Ире, я почувствовала, как холод побежал по коже. Заструился ручейками пот по спине и ногам от почти ощутимой влаги и высокой температуры воздуха. После прохладного весеннего воздуха Ира чувства были сродни входу в растопленную баню с лютого мороза.

Забава резко оглянулась и подняла голову над телом в тот момент, когда я прижалась к ее груди и начала пристально вглядываться в зеленую темень леса. Возникло ощущение, что за нами внимательно наблюдают. Не успела моя королева закрыть второе веко, чтобы оценить ситуацию вокруг, и проронить фразу «Мы здесь не одни», как справа от нас глухо заревело что-то или кто-то и вмиг вырвалось из гущи зарослей. Потом черное существо с шестью когтистыми лапами, каждая из которых размером с мою голову, и алой огромной пастью, усыпанной несколькими десятками белоснежных острых зубов, припало к боку

Забавы. Она удивленно взвыла и дернулась в сторону, так что я не успела и вздрогнуть. Я отлетела в сторону от сильного толчка, затормозив руками в гуще колючек. Существо, похожее на гигантского волка и без хвоста, покрытое жесткой черной шерстью, вцепилось в прижатое к боку крыло королевы и зло ревел, рваными движениями дергая головой. Создалось чувство, что оно знало, куда бить, будто кто направил его.

— Нееееет! — до одури завопила я, пытаюсь подняться на ноги.

И в тот же момент почти возле самого уха просвистел дротик, угодив в плечо Забавы. Сзади, среди зарослей, что-то зашелестело и начло быстро приближаться. В голове промелькнула мысль, что главная цель здесь не я, а Забава. Надо бежать! Надо срочно уносить ноги! Это туземцы. Они ни за что не оставят мою королеву в живых.

Тем временем Забава прогнулась под зверем и, оголив ряд таких же устрашающих зубов, впилась в шею нападавшего (благо длина шеи позволяла). Затем, с силой сцепив челюсти, оторвала существо от крыла, как пиявку. Оно неистово извивалось и махало всеми шестью лапами навесу. Еще рывок, и зверюга уже летела над травой в сторону места, откуда прилетел дротик. Раздался удивленный визг и до меня долетел вполне человеческий крик, в котором я разобрала одну фразу: «Долгара!» В ней было неожиданно много страха и изумления. Я провела взглядом летящую мимо меня здоровенную тушу округлившимися глазами. Неужели в моей Забаве столько силы, что она так легко одним рывком способна подкинуть такую массу и закинуть на немыслимое расстояние?! Распахнув рот, я продолжала тарачиться в сторону, куда рухнула туша зверя. Оттуда вмиг во все стороны взмыло изрядное количество всякой пернатой и кожаной живности, по пути издавая визгливые, пискливые и воющие звуки.

Не успела я сделать очередной вздох, как рядом ощутила привычное тепло Забавы. Она раздула пузырь поля и переполошено произнесла:

— Здесь люди. Много людей. Я вижу только трех, но их больше. Я это чувствую. Это животное дрессированное. Оно выполняло приказ. Люди бояться меня. Они хотят меня убить. Я должна тебя защитить. Мы должны уходить.

— Знаю! Надо убираться отсюда! Ты можешь лететь?

Я обернулась на нее, боковым зрением замечая, как отскакивали от нас все снова и снова летящие в нашу сторону дротики. Я чувствовала, как Забава стремительно теряла силы, а крыло безумно пекло и ныло. Она не сможет подняться в воздух. А еще эта страшная нарастающая слабость и растекающийся во всё тело холод с места, куда успел попасть дротик, увеличивала чувство паники в разы. Со стороны леса до слуха долетали все те же крики и загадочная фраза «долгара!»

Раз мы не можем лететь, надо бежать! Надо срочно отсюда уносить ноги! Мы так долго не простоем. Я испуганно оглянулась в ту сторону, куда упал зверь. Забава зашипела и распахнула рот. Из него послышался уже знакомый звук. А потом истошные крики, от которых побежали мурашки по коже. Она знала, что делать, и соображала в несколько раз быстрее меня. Но надолго ли? С каждой секундой она становилась слабее.

— Они потеряли сознание, — произнесла Забава, повернув ко мне голову так, что ее фасетчатый глаз оказался на уровне моего лица. — Мы должны уходить. Другие уже знают, что мы здесь, и, что я ранена. Они скоро придут в себя. Они позовут других. С ними эти звери. Они могут брать след.

Здравый смысл начал медленно возвращаться в голову. Конечно, надо бежать, но куда? Ноги же, как назло, отказывались идти. Как же мне сейчас нужен был холодный рассудок

Лахрета. Он бы уже рассчитал все на пять шагов вперед. А я лишь растерянно начала вертеть головой по сторонам, ища хоть какой-то просвет в чаще. Не может же быть такого, чтобы на эту поляну не было входа и выхода? И точно. В том месте, где над макушками деревьев виднелся пик одной из скал горного массива Градасса, мелькнула узкая звериная тропа.

— Нам туда, — указала я пальцем и решительно зашагала в том направлении.

Забава послушно пошла за мной, продолжая держать поле вокруг нас. Но оно забирало у нее силы. С каждым шагом я чувствовала, как она слабеет и теряет контроль над полем. Долго мы под его защитой не пройдем. Хотя бы укрыться в чаще. А потом... мне страшно было подумать, что будет потом. Одно лишь держала в голове, надо бежать. Бежать как можно быстрее...

Сердце вырывалось из груди от страха и быстрого бега, но я не остановилась и тогда, когда исчез пузырь защитного поля Забавы. И когда она начала хромать и постанывать. Бег отрезвил меня и привел в чувства. Я, наконец, поняла, что с нами произошло на поляне. Мне говорили, что в окрестностях гор Градасса живут племена людей, не пожелавших пойти по пути прогресса, и остающихся жить по древним кровавым обычаям. У них даже язык другой. Их называли Дикими. Они не терпят чужаков и совершенно не боятся ниясытей. Но, в отличие от цивилизованных жителей Иридании, они не желают вступать с ними в какую-либо связь. Для них крылатые ящероподобные «правители» Иридании всегда оставались Парящей в небе Смертью. Не знаю, может, это отчасти было и оправданным верованием. Дикие ниясыти не переносили человеческих эмоций, особенно негативных, и агрессивно относились к их источнику. Но что значило это странное слово «долгара»? Может, наездник? На уроках истории Наран говорил нам, что дикие племена ненавидят наездников. Поэтому всегда стреляют своими излюбленными отравленными дротиками без предупреждения. Однако за границы джунглей никогда не выходят. Только заканчивается территория прилегающих тропических лесов гор Градасса, больше их не встретишь.

Оглядевшись по сторонам, я попыталась представить, где мы сейчас находимся, и сумела сориентироваться. Оказывается, я все-таки смогла выбрать даже в панике нужное направление. Нужно искать водопад. А там и катер недалеко. На нем можно укрыться. Лишь бы успеть прежде, чем Забава вообще отключится. На тех же уроках истории я узнала, что яд, которым смазывают Дикие свои дротики, может полностью и надолго парализовать ниясыть. А значит, нам отведено не очень-то и много времени.

Мы продирались сквозь колючие кустарники, заросли липких паконов, похожих на высоченную траву с широкими длинными листьями. Подобные лианам растения нависали над нами и перед нами, путаясь в растрепанных волосах. Сучковатые ветви невысоких кустов рвали подол моего некогда красивого вечернего платья. Иногда тропа давала передышку, когда можно было легко проскочить. К лицу, измазанному грязью и соком паконов, летели мелкие насекомые, назойливо кружа над головой. Я была похожа на взбесившуюся ветряную мельницу, отмахиваясь от их надоедливого писка. Дышать влажным воздухом было тяжело, и забирало и так скудные силы. Хотелось упасть и отключиться. Но я не могла. Только лишь посмотрю на бледный силуэт некогда сильной королевы, стиснув зубы, заставляю себя идти дальше.

Вскоре, позади, после минут десяти ходу, стали слышны крики погони. Мне кажется, я даже слышала снова это слово «долгара»...

*** **

Мы стояли на илистом берегу небольшой затоки от устья речушки, вдоль которой

совершили немислимый бег. Силы были на исходе. Забава рухнула на бок и в изнеможении шумно выдохнула, закатив глаза. Яд практически парализовал ее тело, и каждое движение ей давалось путем невероятных усилий воли. Всё. Идти дальше она не сможет. Если не случится чудо, нас настигнут дикие преследователи и закончат начатое. Я принялась вертеть головой во все стороны, напряженно всматриваясь в темноту леса да на мелкие волны реки. Неужели я ошиблась и это не то устье, где мы должны встретиться с остальными? Паника подступала к горлу. Я обернулась назад, усиленно вслушиваясь в окружающие звуки леса. Нет. Их не слышно. Только песни птиц и крики животных. Но, может, они уже нас нагнали и притихли, чтобы напасть?

Сзади продолжал виситься дремучий однообразный лес. Звуки дикой природы одновременно успокаивали и пугали. В этой обманчивой лесной тишине было что-то зловещее. За каждым широченным стволом дерева и непроглядным кустарником могут скрываться преследователи и кровожадные хищники. Я закрыла глаза, чтобы сосредоточиться на звуках. Нет. Ничего. Тогда я снова повернулась к водной глади, давно успокоившейся после беспокойного водопада. Лишь небольшая рябь волновала поверхность воды. Высокие заросли болотных растений, напоминавших земной камыш, прятали меня и Забаву на узком берегу, над которым нависали раскидистые ветви древнего дерева. Между его громадными выступающими корнями можно легко спрятаться даже слону. Поэтому, немного успокоившись, я попыталась сосредоточиться и принялась всматриваться в береговую линию затоки.

Где же Наран мог спрятать катер? Помощи от Забавы я уже не ждала. Ее сознание слабо мерцало в моей голове, и я чувствовала, как она теряет над собой всякий контроль. Так! Надо подумать о Натоне. Он должен быть рядом со своим наездником. Он сможет меня найти. Вопрос в другом. Услышит ли он меня?

— Натон! — позвала я, глубоко сомневаясь, что меня кто-то слышит. — Натон! Ты меня слышишь?

В ответ лишь тишина и отклик угасающего разума Забавы. Она тихо, словно издалека, прошептала:

— Он здесь... Я его слышу...

Это ободрило меня и я еще усиленнее начала вертеть головой во все стороны, все повторяя и повторяя его имя. Но ответа не было. Почему он не отвечает, если он здесь? Он же часто мог со мной говорить без ведома Нарана. Я так сосредоточилась на зове, что не услышала, как сзади зашелестела листва, и на невысокую траву ступила босая человеческая стопа.

— Сэ напрота долгара эсне. Тэ промо! Ка джохо! — эти ничего не значащие для меня слова заставили подпрыгнуть на месте и резко развернуться назад.

Почти голый, с кожаной набедренной повязкой, на поясе которой крепился изогнутый кинжал из клыка какого-то зверя, да непонятого предназначения тоненькая трубочка, мужчина смотрел на меня вполне осмысленными глазами. Только слишком обозленными и презрительными, чтобы вызвать желание приветливо пообщаться.

— Кто вы такой и чего хотите от меня?! — едва ли не выкрикнула я, испуганно косясь на белую блеклую глыбу бессознательной Забавы.

Теперь я одна. Никто не защитит меня. Я пропала!

— Ти есть ездить на долгара! — сверкнул глазами дикарь. — Это большой удача! Очень большой!

Так ты знаешь язык ириданцев! Прекрасно! Значит, понимаешь меня.

— Чего вы от меня хотите?! — я подозрительно повела подбородком. — Неужели вы хотите убить меня?

Он пристально смотрел на меня, точнее на цвет мои русых волос. Что-то мелькнуло в его взгляде удивленное.

— Ты кто? Ты не Иридания. Ты жить Градасса? Как ти вийти?

Холод пробежался по спине. О чем он говорит? И могу ли я как-то защититься? Мозги лихорадочно искали выход, но его не было. Я не могла бежать, покинув Забаву. Я умру, но ее не оставлю. Но что тогда? Оружия при мне и в помине не было. Им пользоваться я так и не научилась. По быстрому выломать дубину? Но разве я справлюсь с громадным мускулистым мужиком? Тем более зарунянином?! Он же меня одной левой. Надо давить на жалость. Поэтому я страдальчески свела брови и взмолилась:

— Я не понимаю, что вы говорите. Пожалуйста, отпустите нас. Мы не причиним вам никакого вреда. Умоляю вас!!! — я сложила ладони в мольбе.

Однако он уже не слушал меня. Вместо этого он весь подобрался и обвел осторожным взглядом поверхность затоки. Вид у него резко изменился, словно услышал что-то пугающее. Его рука автоматически метнулась к поясу с кинжалом. От этого моё сердце неприятно свело и упало в желудок. Вот он, мой конец!

Потом случилось что-то невероятное. Прямо над моей головой из зияния возник нур. Ветви возвышавшегося над нами дерева с шелестом взметнулись вверх. Громовым ревом крылатый «гость» сотряс воздух. Его алая пасть была распахнута, а страшный ряд белоснежных острых зубов смотрел на дикаря. Все четыре лапы выпустили два десятка острых и длинных когтей. Широкие и длинные крылья на мгновение закрыли узкий поток солнечных лучей, проникающих сквозь листву. А длинный тонкий хвост, увенчанный пушистой кисточкой, бешено извивался, как обезумевшая змея. Еще мгновение, и огромная туша нура придавила дикаря к земле и закрыла его собою. А затем раздался хруст. Пугающий хруст ломающегося позвоночника. Я потрясенно закричала и закрыла лицо ладонями, с ужасом понимая исход короткого поединка ниясыти и человека. Я видела это впервые. Еще никогда ниясыть не позволяла себе акт агрессии по отношению к человеку. Сейчас же... я не смела в это поверить. Кто этот нур? Почему он так себя ведет?

Потом я все же решилась и отодвинула руки от лица, напряженно всматриваясь в силуэт ниясыти. Нет. Это не Натон. И не один из всех знакомых ниясытей. Я стояла столбом, и пыталась хоть что-нибудь понять. Но в испуганном мозгу ничего не сходилось.

Вот, наконец, зверь откинул бездыханное тело дикаря. Я отвернулась, чтобы не видеть мертвеца. В голове не укладывалось, что ниясыть убила человека! Вот так просто и безжалостно! Неужели, скоро моя очередь? Итак, верно, мне все-таки придется умереть, но не от руки дикаря, а от когтей безумного нура. Сердце тревожно сжалось, и я внутренне подобралась, начиная верить, что наступил мой конец.

Всё же нур не спешил нападать на меня, как рисовало мое воображение. Вместо этого он настороженно обвел фасетчатым взглядом дремучий лес, продолжая стоять к нам с Забавой спиной. Вокруг него слабо, совсем возле тела, огибая все извилины, а не привычным пузырем, мерцало защитное поле. Затем он снова распахнул страшную пасть и опять потряс воздух гневным рыком. От этого рыка по влажной спине побежали мурашки. И над верхушками всех деревьев взмыли тучи пернатых, создав невероятную какофонию испуганных, обезумевших воплей. Со всех сторон слышались всевозможной тональности

визги ошалелого зверья. Все прекрасно понимали, что означал этот рык. Среди них я так же услышала (или это мне только показалось) и человеческие крики.

Незнакомый зверь, мой спаситель, повторил этот рык, переведя его в гневный рев. Его распахнутые крылья закрывали нас с Забавой от линии леса. Я, как замороженная, смотрела на извилистые прожилки перепонки крыльев, не в силах сделать и малейшего движения. Я чувствовала, как от него исходит мощным потоком гнев и недовольство.

После минуты предупреждающего рева, он, наконец, смолк. Еще минуту он грозно оглядывал прилегающую чащу. Потом повернулся всем телом ко мне и сложил крылья. Мгновенно с него спала личина воинственности, и он смиренно опустил голову почти до самой земли, что означало полную покорность и почтение со стороны ниясыти. Это его действие потрясло меня не меньше, чем его явление. А затем я услышала в голове вполне ясный мужественный поток мысли незнакомца-нура:

— Рогор готов служить тебе, КОРОЛЕВА!

Я почувствовала, как челюсть непокорно упала вниз. Я округлила широко глаза и затаила дыхание. Чем дальше, тем непонятнее!

Взглядом окинула незваного пришельца. Он точно был уже не молодым. От него веяло зрелостью, как от Лирита. Несколько старых шрамов пересекали его грудь, спину и переносицу. Каждый мускул нура источал силу. Таких натренированных нуров я видела весьма редко. Он точно дикий. Только экстремальные условия выживания могли сформировать подобный вид.

В глазах его переливался розовый перламутр глубокого уважения. Его веки поочередно сменяли друг друга, и он продолжал почтительно держать голову почти у самой земли. Он ждал моей реакции. Я же не могла выдавить из себя ни слова. Мои нервы начали сдавать от постоянно сменяющихся событий. Смертельно опасных событий.

— Я прилетел по твоему зову... — услышала его снова я. — Позволь защищать тебя, пока Великая Королева не сможет это делать снова.

Мысли начали потихоньку приходить в опустевшую от шока голову, рождая тучу вопросов.

— Кто ты? — наконец выдавила я из себя. — Откуда ты? Как ты мог меня услышать? Почему ты считаешь мою Забаву Великой Королевой? И почему ты называешь меня КОРОЛЕВОЙ?

Он озадаченно мигнул нижними веками, будто я спросила что-то вроде: «почему сегодня пришел новый день?», и приподнял голову так, чтобы она находилась уже на уровне моего лица. Видимо он не ожидал такого количества вопросов.

— Мое имя Рогор. Я рожден в горах Градасса. Вы называете нас дикими. Каждая ниясыть на Заруне знает Великую Королеву. Она — источник силы. Мы слышим ее везде. Мы помним день, когда она, юная, покорила Кару. Мы приветствовали ее. Мы клялись ей. Род всех ниясытей всегда знает свою Великую Королеву! И ее наездницу... — его глаза сверкнули в свете прорывающихся сквозь листву лучей.

— Но я не звала тебя!

Он непонимающе мигнул и ответил:

— Я услышал твой зов. Значит, ты звала.

Теперь была моя очередь непонимающе мигать.

— Я звала Натона. Он нур моего друга.

— Он слышал тебя. Он уже будет скоро здесь. Он ищет тебя.

— Значит, они не здесь? — я опустила расстроено глаза. Выходит, я все-таки ошиблась. — Ты не видел железной лодки недалеко отсюда?

— Она на другой стороне этой реки, — он поднял голову над телом, внимательно прислушиваясь к окружающим звукам. — Они прилетели, — сообщил он и, вытянув шею, протяжно застонал.

Через мгновения над камышом возникло... Четыре ниясыти! Я растерянно оглянулась, чувствуя, как изнутри росло ликование. Я сразу признала в них мартова Нука, наранова Натона, фионову Брину и! лахретова Лирита!!! Их взволнованные движения говорили о глубоком беспокойстве и переживании. Увидев нас, они немного успокоились и зависли в воздухе, оценивая ситуацию. Я облегченно выдохнула. Они здесь. Они слышали меня! Значит, мне уже ничего не угрожает.

Я указала рукой на бессознательную Забаву и произнесла:

— Ее нужно отнести на катер. Помогите, пожалуйста.

Ниясыти легко распределились. И уже через минуту Лирит и Натон подняли в воздух безвольное тело моей Забавы. А Нук и Брина заняли защитные позиции сверху и снизу. Все трое нуров вокруг раздули оборонительный пузырь поля, соединившись друг с другом в одно целое. Так часто нуры делали на тренировках, когда учились защищать флайер или любой другой ценный предмет. Сейчас это была Забава.

Я же осталась на берегу только с диким нуром. Он шагнул ближе и услужливо подставил мне лапу, предлагая взобраться ему на спину. Это было логично — когда другие заботились о Забаве, кто-то должен позаботиться обо мне. Но я не могла поверить, что это будет дикий нур! Как такое возможно?! Разве было такое в истории Заруны, когда дикая ниясыть проявляет инициативу и предлагает сесть на него?

Он лишь коротко произнес:

— Я отнесу тебя к твоим людям. Лирит сказал, что они тебя ждут.

Я покорно кивнула, поборола сомнения и взобралась на его плечи. Все-таки мне не привыкать к полетам на спинах других ниясытей.

Коснувшись его в первый раз, (как обычно это бывало со всеми ниясытями, когда дотрагивалась до них впервые) почувствовала, как между нами пробежал статический разряд. И я услышала его запах. Запах луговой полыни. Дождавшись, как я удобно усядусь, Рогор одобрительно рыкнул и легко взвился в воздух.

Кожа нура была такой же горячей, как и кожа моей Забавы. Конечно, я не ощущала того удивительного единения разумов, какой был у меня с моей королевой, но чувство контроля над ним было больше, чем над другой ниясытью, на которой я сидела раньше. Это немного озадачило меня. Однако думать над этой странностью уже не было сил. Вместо этого, я расслабилась и доверилась нуру.

Сейчас я с замиранием сердца следила за тем, как внизу совсем близко мелькали макушки лиственных деревьев, спутанных между собой ползучими лианами. Мы пролетели над речушкой, вдоль которой еще несколько минут назад пыталась бежать с Забавой. Вот впереди снова возник водопад. Рогор к нему не полетел. Но с высоты я заметила, как от него ответвлялось две речушки. Вот, оказывается, где я ошиблась. Я повернула не туда! Надо было идти вдоль другой.

Мы быстро приблизились к широкому устью реки и впереди заблестели воды полноводной реки Терро-Итар. Я следила за тем, как носильщики Забавы приблизились к спрятанному у берега в небольшой затоке катеру, и осторожно опустили на палубу

бессознательную королеву. На кораблике уже взволнованно суетились силуэты людей. Я узнала почти всех. Но среди них не увидела Лахрета. Где же он? Ведь его Лирит здесь!

Рогор еще немного покружил над кораблем, опасно держась на приличном расстоянии от людей. Подождал, пока Забаву не утащат в специально приготовленное для ниясытей отделение. Потом послушно решился опуститься на палубу. Я чувствовала его волнение и беспокойство. Он никогда не приближался к людям без цели защищаться. Все учтиво освободили ему место и уважительно держались в стороне. Лица родных мне людей хранили настороженную обеспокоенность и сопереживание.

Когда я ступила на палубу, Рогор коротко сказал мне, что будет следить за нами, но не хочет быть среди людей. Ему не уютно. Поэтому он быстро расправил крылья и исчез в небесной синеве.

— Лана! — первым, кто побежал ко мне, был Март. — Ты как? Цела? Что произошло? Ниясыти очень беспокоились, но никто не мог объяснить толком, что произошло! На тебя напали? Тебя ранили? Ты выглядишь так, будто тебя пытали ежом! — он обеспокоенно осматривал меня с ног до головы.

На мне действительно не было живого места. Если это не было соком или грязью, то это было царапины и кровоподтеки. К нему в обеспокоенном причитании присоединились Мэнона и Зунг. Остальные окружили нас и сочувствующе смотрели на шумную картину. Лишь Наран задумчиво глядел туда, где исчез дикий нур.

— Так! — громом прогремел зычный голос капитана Виктора. — Ану, разошлись! Человеку нужна медицинская помощь! Милитана! Где тебя носит???

— Да здесь я! Здесь! Поймешь в этой необъяснимой ниясытской возне, что медпомощь нужна не только ниясытям! Мэнона! Живо ступай к Забаве! Чего тут топчешься?! — под громадными ладонями капитана расступился народ и сквозь образовавшийся коридор, недовольно ворча, протиснулась невысокая молодая женщина с неожиданно живым и добрым лицом.

Она бегло осмотрела меня с ног до головы и взмахами пухленьких и подвижных ручек разогнала всех по сторонам. Затем меня увели в медблок. Там я и увидела лежащего под капельницей в бессознательном состоянии мужа...

Часть 5. Тайны гор Градасса

Часть 6. Тайны гор Градасса

Невысокие обрывистые берега песчаника неспешно проплывали мимо борта катера. За ними высился дремучий тропический лес. Казалось, что он никогда не закончится, и все же через два часа пути со стороны левого борта уже начали появляться холмы с лысыми вершинами, да изредка скальные обнажения и проплешины известняка. Впрочем, и растительность начала немного преобразовываться на виды, встречающиеся чаще в умеренно-континентальном поясе. Путь по воде был довольно однообразный и скучный, за исключением резких поворотов, когда впереди появлялись небольшие островки. Вот уже целый день мы, осторожно лавируя меж едва заметными густыми зарослями водорослей, продвигались в сторону возвышавшихся впереди гор. Гребень их еще виделся маленьким и терялся в голубой дымке дали, но теперь казался ближе, чем когда мы только начали свой путь.

Дикари несколько раз пытались атаковать своим древним оружием, но безуспешно. Маленькие дротики либо не долетали до нас, либо слабо царапали обшивку корабля. Кто знает, может, они и не желали нам навредить. Наран говорил, что это лишь напоминание с их стороны, что мы здесь нежданные гости. Пару раз мы даже отстреливались. Рэнна, дочь капитана и по совместительству — артиллерист, очень хотела опробовать обновку, установленную перед отплытием.

Однако капитан, чтобы лишний раз избежать столкновений с туземцами, благоразумно правил катер посередине широкой полноводной реки, держась подальше от берегов.

Иногда в небе появлялись дикие ниясыти, что часто вызывало восторг и немалое удивление некоторых членов экипажа. Но те всегда держались на безопасном расстоянии. Мне некогда было размышлять об этих загадочных явлениях крылатого народа, так как голову занимали другие, более приземленные мысли. Я разрывалась на две части.

Так, я беспокоилась о муже, который до сих пор лежал под капельницей, погруженный в глубокий медикаментозный сон. Лирит мало что рассказал о том, что же на самом деле произошло. Сказал, что Лахрета обвинили в предательстве и хотели судить, поэтому арестовали и конвоировали в Ир. Он же неотрывно следовал за флайером с берегов Вихора. Но тут вмешался один нурит по имени Ог, который незаметно занял место пилота, и на борту воздушного корабля произошла схватка со стражниками. Флайер потерял управление и начал резко падать вниз. Потом Лирит и нур Ога Ловкач сумели затормозить падение, так что флайер не разбился. Затем из него вылез израненный Ог, и вытащил оттуда Лахрета. Последний был уже без сознания. Ог велел немедленно отнести его в безопасное место, доверившись инстинкту нура. Лирит решил, что ему будет лучше всего здесь, на катере, где его друг Наран. Милитана, медик и член экипажа этого судна, сразу же осмотрела пациента и приняла все необходимые меры. Она заверила, что жизни мужа ничего не угрожает. Пара переломов и серьезная травма головы, но реанимационная капсула со всем справилась. Поэтому она ввела ему поддерживающий раствор и погрузила в медикаментозный сон, чтобы Лахрет восстановил силы.

Что же касается Забавы, дело обстояло сложнее. Мэннона, ее личный лечащий доктор, заверил меня после тщательного осмотра и сканирования самодельным импровизированным

сканером, что ее здоровью ничего не угрожает. Яда, который бы способен был убить ниясыть, на Заруне не существует. Все химические и биологические препараты самое большее, что могут сделать, так это ввести их в глубокий сон или парализовать. Что же касается малышей, развивающихся в ее утробе, то беспокоится тоже не о чем. Тот яд, который попал в организм Забавы, был схож по действию с транквилизатором. А вот о состоянии ее крыла он распереживался не на шутку. Крыло было поломано в нескольких местах и порвана соединительная ткань перепонки. Это довольно болезненная травма и будет долго заживать. Он наложил шины на крыло и зафиксировал в неподвижном состоянии. Теперь Забава не поднимется в воздух в ближайший месяц уж точно.

Пока Мэнона хлопотал возле Забавы, Лирит не отходил от них ни на шаг, что страшно нервировало гадака. Но ему пришлось смириться с его присутствием и даже позволить помогать. Нур был очень учтив и крайне заботлив. А что меня больше всего удивило, так это то, как Лирит беспрекословно подчинялся всем указаниям тарака.

Видя мое осунувшееся и усталое лицо, Мэнона выгнал меня из ангара корабля, потребовав, чтобы я проветрилась и отдохнула. Забаве сейчас необходим был лишь сон и отдых, и она обязательно скоро придет в себя. Уж тогда я и понадоблюсь рядом. Я долго сопротивлялась, но после докучливых напоминаний, решила, что моя королева в безопасности и, в конце концов, послушалась.

В это же время Март уединился и корпел над компьютером, восстанавливая по памяти антивирус, который они не успели создать на вышке. Поэтому его никто не видел.

На палубе, на носу катера, Наран сидел с Ятой и о чем-то нежно с ней шептался. Она пришла в себя и многого не помнила, но радости фагота не было предела. Он преобразился из ворчливого и занудливого циника в нежного и заботливого мужчину. Я его видела таким впервые. Неужели он таким был всегда, до того, как потерял жену? Теперь он казался совсем другим человеком. Мужественным и очень привлекательным. Какие же все-таки делает любовь чудеса!

Все чем-то занимались. У каждого была своя нужная работа. Только я казалась себе пятой ногой у лошади. Не знала, куда себя пристроить. Посидела возле Лахрета. И оттуда меня выгнала Милитана, согласившись с «диагнозом» гадака. В итоге, у меня появились свободные минуты просто отрешенно смотреть за борт и думать. Правда, думать совсем не хотелось. И спать тоже. В общем, стояла я возле фальшборта и тупенько смотрела на проплывающие пейзажи, в то время как остальные старательно работали на своих местах.

Всего на палубе достаточно большого судна насчитывалось около шестнадцати человек. Может больше, я не уточняла.

Виктор, капитан корабля, сумевший легко и быстро распределить работу и новых членов экспедиции, решительный и твердый человек, сказал мне, что, скорее всего, мы прибудем к подножию гор завтра ближе к обеду.

*** **

Мотор, работавший от нового генератора, установленного недавно в доках, тихо гудел где-то внизу. Вода едва слышно билась о борт корабля, создавая романтический шелест и навевая предчувствие приключения. Я заморожено всматривалась в высокие стены скал, поджигавших реку с двух сторон. Кораблю приходилось лавировать между каменными высокими столбами, вырывающимися из воды в самых неожиданных местах. На некоторых из них гнездились зеленые заросли кучерявых растений. Живучие цепкие вьюны и трава живописно красовались и на некоторых выступах серого песчаника и кварцита,

возвышавшегося вдоль реки. Такие виды я однажды видела на фотографиях гор Китая Хуаншаня. Удивительно зрелище.

Но сейчас все внимание не только мое, но и всей команды привлек загадочный исполинский барельеф по правому борту. Изрезанное временем, обветренное и омытое дождями, оно вырывалось загадочным рисунком из прошлого. Несмотря на повреждения, можно было легко понять, что оно изображало лицо человека. Витое украшение на голове с гранеными камнями напоминало диадему. Сотворенный руками, барельеф служил знаменем того, что близился тот самый предел, за который веками не ступала нога человека.

Еще до этого мы встречали на вершинах берегов древние развалины и обрывки мостов. Зунг говорил, что здесь когда-то жили люди, но вскоре покинули эти места по неизвестной причине.

— Скоро мы прибудем к Грани, — загадочно произнес Виктор, изучающе всматриваясь в лицо каменного исполина.

— Грань — это линия защитного поля? — поинтересовалась я.

— Да. Дальше дороги нет. Люди могли прийти только до этого места, — кивнул капитан.

— А что будет дальше?

— Дальше будет узкий пережим реки и в этом месте ярко видна линия границы.

— Вы так говорите, как будто были здесь.

— Было дело, — кивнул капитан. — В молодости.

— Интересно.

— Да, ничего интересного. Удивительным образом вдоль линии бурлит вода и только, — равнодушно передернул плечами капитан и повернулся в сторону рубки. — Ладно, всем по местам. Сейчас начнется действительно интересное. Тува, на пост! Впереди нас ждет прижим, — позвал он навигатора и скрылся в рубке, возвышавшейся над палубой.

— «Вдоль линии бурлит вода»... — эхом повторила я. — Хм... Интересно. Зунг! — я резко повернулась к рассматривающему барельеф хранителю библиотеки.

— А? Что? — завертел он головой.

— Ты слышал, что сказал капитан?

— Что?

— Что поле похоже на линию, вдоль которой бурлит вода!

— Да, я знаю.

— И?

— Что «И»?

— Ну, помнишь, первые слова разгадки из Комнаты Древних?

— Что ты имеешь в виду?

— «Воздух дрожит, не пускает»... — нараспев процитировала я.

— Так воздух же дрожит, а не вода, — пожал плечами Зунг и резко взмахнул рукой, желая сохранить равновесие, так как катер резко вильнул влево.

Я же крепко держалась за фальшборт, так что побелели костяшки пальцев, и широко улыбалась, осененная идеей.

— В ее словах есть резон, — кивнул головой стоявший рядом Наран и поглядел в нашу сторону. — Если это поле проходит над водой и входит в нее, вода тоже будет дрожать или бурлить.

Зунг расширил глаза и согласно кивнул, качая головой.

— Да-да, в этом есть смысл...

— Получается, мы уже почти рядом с тем местом!

— Да, рядом, — кивнул Наран и повернул голову уже в сторону кормы, где остался древний барельеф.

Яты рядом не было. Она еще отдыхала. После того, как она пришла в себя, по-настоящему, вернувшись в прежнюю личность, она постоянно хотела спать и быстро уставала. Поэтому Наран чаще оставался один. Но его это не заботило. Главное для него было то, что его любимая снова рядом и похожа на прежнюю Яту.

— Тогда, что значат слова: «Первую печать хранят бурные воды. Знай! Ключ скрыт ниже, чем видишь, глубже, чем кажется»? — спросила я, всматриваясь в профиль фагота.

Он повернул в мою сторону осмысленный взгляд и свел задумчиво брови.

— Может, пройти мы можем лишь под водой?..

— Или же ключ, который откроет нам дверь или проход сквозь поле, находится под водой, — неожиданно вмещалась Фиона, стоявшая рядом с Зунгом.

Все хором повернулись в ее сторону. Девушка стояла вполоборота к нам, и отрешенно смотрела за корму, туда, где уже уменьшался барельеф, превращаясь в маленькую точку.

— Точно! — вскинул вверх палец Зунг. — Нам надо будет нырнуть под воду у Грани. Возможно, мы там что-нибудь найдем.

— Может быть, — кивнул Наран, рассматривая профиль Фионы, словно только что заметил ее.

Недаром Лахрет держал возле себя столь смышленную женщину. Она всегда выделялась среди остальных молчаливым и пронизательным складом мышления. А в ее больших выразительных глазах светился незаурядный ум.

— А как мы нырнем туда? Вода-то не очень прозрачная... И что именно мы там должны искать? — протянула я и перегнулась через фальшборт, с сомнением всматриваясь в мутные воды Терро-Итар.

— У нас есть ниясыти, — пожал плечами Наран. — Их биополе, как купол, может не пропускать воду. Ты разве забыла? С ними мы можем нырнуть и поискать...

— А что же искать-то?

— Что-нибудь необычное... — озадаченно повел подбородком фагот.

— Точно-точно, — закивал Зунг. — Вполне вероятно, что под водой может находиться какое-нибудь древнее устройство, приводящее в движение некие механизмы, способные открыть брешь в поле...

В сердце загорелся огонь предвкушения. Я потерла ладони от нетерпения и повернулась в сторону носа корабля. Впереди виднелся резкий поворот и несколько выступающих колон кварцита с небольшими чубчиками растительности.

— А кто будет нырять? — вырвался у меня логичный вопрос.

— Я, — безапелляционно ответил Наран.

Я взвела брови в скептицизме. Разумеется, в способностях его я не смела сомневаться. Просто, почему не рассматривается моя кандидатура? Да, я хоть сейчас была готова булькнуть в воду!

— А ты это собираешься делать в одиночку?

— Конечно. Это рискованное мероприятие, — фагот подозрительно сузил глаза.

— Но ведь рядом же будет ниясыть!

Он недоверчиво спросил:

— Неужто ты собралась тоже нырять?! С кем? С Забавой? Ума лишилась?

— А почему именно с Забавой? Я могу попросить о помощи... эээ... Лирита, например! — упоминание обо все еще не пришедшей в сознание королеве немного меня остудило, однако я не была готова вот так быстро сдаться.

Он насмешливо растянул губы и отвернулся в сторону. Приказывать мне мог только Лахрет, поэтому стоящие рядом, думаю, были почти уверены, что Наран не сможет совладать с моей решительностью. Он же равнодушно пожал плечами, и, не глядя на меня, ответил:

— Твое дело. Если Лирит решит потакать твоим безумным прихотям, то кто я, чтобы возражать?..

Все прекрасно знали, что характер нура Лахрета был весьма схож с характером наездника. Часто с ним спорить было невозможно. Либо ты подчиняешься, либо отступаешь в сторону. Даже люди часто побаивались Лирита. Наран знал, что нур Лахрета никогда не посмеет пойти против интересов и страхов своего наездника, всегда станет на защиту его родных и близких, поэтому явно не переживал на мой счет.

Я зло сощурила глаза и упрямо выдвинула челюсть:

— Ты думаешь, он не согласится? Посмотрим!

Потом решительно сжала кулачки и гордо развернулась на каблуках на 180 градусов, направившись к ангару корабля.

Мы уже приближались к завороту, и отвесная скала почти вплотную нависла над кораблем. Впереди блеснул просвет, и серебрилась поверхность воды, значит, за поворотом мы поплывем навстречу солнцу. Лирит лежал возле крепко спящей Забавы и прикрыл в дреме вторые веки. Я бросила тоскливый взгляд на королеву. Мэнона говорил, что она может и три дня проспать. Все зависит от нее самой.

Постояв в нерешительности около минуты, я обратилась с просьбой к нуру, но Лирит лишь недовольно заворчал и положил голову на спину Забаве, ответив:

— Лахрет бы не одобрил твое решение. Он будет меня ругать за это. Как я могу?

— Что тут такого? Подумаешь, в водичку нырнем! Чем мы рискуем? — не унималась я.

Сзади слышался насмешливый прыск, и я оглянулась с недовольным выражением. На входе в ангар стоял Наран, скрестив руки на груди. Оказывается, он последовал за мной, желая узнать результаты моих стараний. На лице у него было написано что-то вроде «Ну-ну!». От этого стало еще обиднее и сильнее захотелось найти кого-нибудь, чтобы все-таки нырнуть под воду и увидеть собственными глазами тот самый «ключ», о котором говорилось в подказках Комнаты Древних.

— Лириииит!!! — заломила я руки. — Ну, что тут такого? Ну, пожалуйста!!!

Лирит повернул в мою сторону большой глаз, сверкнув упрямым светом, и неодобрительно рявкнул.

— Нет. Лахрет будет меня ругать.

Я обиженно оттопырила нижнюю губу и одарила нура самым негодующим взглядом. Но ответ его был так похож на интонации Лахрета, когда он становился в позу, не желая делать то, о чем я его просила, что мысли о настойчивости рухнули с грохотом медного таза. Правду говорят, что каков всадник, такова и ниясыть. Я оглянулась еще раз к Нарану. Он стоял все в той же позе типа «ну-ну» и продолжал насмешливо тянуть губы. Наверное, еще Натона попросил подсобить в противостоянии мне. Ууу! Циник недоделанный! Я расстроено потупилась и стиснула зубы. В этот момент почувствовала, как корабль полностью остановился и замер.

Наран ожил и повернулся назад. Оставив меня стоять подле двух отдыхающих ниясытей, он побежал к рубке катера. Я повернула тоскливый взгляд на Забаву и тоже решила, что здесь больше делать нечего. Потому спешно последовала за фаготом.

Когда я ступила на борт, тут же застыла в потрясении. Перед нами после небольшого узкого каменного коридора возникла природная арка, соединявшая два берега реки где-то высоко вверху. В ярком свете Раголара с самых небес, сквозь камень, до воды спускалась полупрозрачная пелена. Она едва слышно гудела и пульсировала, переливаясь перламутровыми волнами в лучах светила. Вот она, Грань гор Градасса. Так ее все называли.

В том месте, где эта пелена касалась воды, последняя точно бурлила. Далее за этой прозрачной завесой виднелась тихая заводь с широким поросшим травой каменистым берегом. За ним снова высились горы с пологим склоном, покрытым густым дремучим лесом. Две вершины скал по левую и правую сторону за заводью создавали видимость присутствия перевала. А Терро-Итар резко поворачивала вправо, скрываясь из поля зрения.

На дрожащих ногах я пошагала в сторону рубки. По пути я не смела отвести взора от пульсирующего полога, преградившего нам путь к затону реки. Некоторые из экипажа припали к фальшборту и восхищенно смотрели на древнюю загадку гор Градасса. Они шумно делились друг с другом впечатлениями и указывали вперед пальцами. Никто не знал, откуда появилось это поле. Искусственно оно или нет? Как долго оно существует? И что там, за этой непреодолимой линией?

Я бы тоже присоединилась к ним, но тут увидела Зунга. Тот держал в охапке кипу бумаг и торопился к рубке катера. Я решила, что будет интереснее, если пойти за ним.

В помещении главного управления судном собралась чуть ли не половина экипажа. Зунг с шумным дыханием грохнул на стол все свои бумажные исследования и с запалом начал тараторить:

— Мы прибыли! Сейчас мы находимся здесь, — ткнул он пальцем на карту, но удивить ему никого не удалось. Капитан и так это прекрасно знал. — Согласно указаниям из Комнаты Древних, под водой возле линии Грани, должен находиться некий «ключ», который поможет нам пройти сквозь поле. Нам нужно собрать группу, которая погрузится под воду, и начнёт поиски этого ключа, — он поднял глаза в сторону стоящих рядом Нарана и капитана.

— Я поплыву с Натонем, — тут же ответил Наран. — Можно взять с собой Марта с Нуком. Думаю, нас двоих будет достаточно. Вода в Терро-Итар довольно прозрачна.

При последних его словах я скривилась. Что-что, а вода очень даже не прозрачна. Но раз он так считает...

— Что вы будете искать? — спросил капитан.

— Что-то необычное, — пожал плечами фагот.

— Очень конкретно, — хмыкнул позади капитана навигатор и почесал за затылком.

— Пока других идей нет, — склонил голову Наран и бросил быстрый взгляд в мою сторону.

Не знаю, о чем он подумал, но точно не в мою пользу. Мои губы сложились в обиженную ниточку. Я не позволю ему забрать все лавры в поисках ключа! Необходимо срочно что-то придумать, однако в голове было совершенно пусто.

— Надо посмотреть, что там, а потом уже будем решать дальше, — словно не заметив моей выразительной мимики, продолжил Наран и оглянулся: — Где Март?

— Он уже сутки не вылезает из своей каюты, — саркастически хмыкнула Фиона.

— Позови его сюда, — велел Наран и склонился над картой. — Что же там, за полем?

Я провела взглядом уходящую девушку и подумала о своих действиях. Сейчас Наран не обращал на меня никакого внимания, словно я была невидимкой. Помощи от меня никто не ждал. От этого рождалось грустное ощущение никчемности и ненужности. А я так жаждала свершений! Неужели мне придется сидеть на палубе и ждать со всеми результаты поисков этих двух нуритов? Надо что-то придумать. Но что? Поискать акваланги что ли? Интересно, они есть в снаряжении катера?

— То есть, ты предлагаешь нам ждать результаты вашего поиска? — спросил Виктор и сложил на груди руки.

— Пока что так.

— А что с Лахретом? — капитан посмотрел в мою сторону.

Как же сейчас пригодился бы его предусмотрительный ум! Я в ответ пожала плечами:

— Он все еще в медикаментозном сне... Милитана говорит, что он, вероятно, будет спать еще до вечера.

— Ладно, — махнул рукой капитан и повернулся к фаготу, — собирайтесь.

— А что тут собираться? — косясь в сторону обзорного окна рубки, ответил фагот и шагнул к выходу.

Все его мысли занимало грядущее погружение, и он перестал ожидать с моей стороны каких-либо проблем. А напрасно. Понимая, что тут мне ничего не светит, я обреченно опустила голову и с видом висельника направилась в сторону выхода. Уверена, никто даже не заметил моего ухода.

По пути в медчасть, где лежал Лахрет, встретила Марта. Тот, с глазами, как у кролика, покорно шлепал в сторону рубки. Я кивнула ему и проследила за тем, как он скрылся за поворотом, но тот даже не заметил меня. Я точно стала невидимкой! Так, надо срочно «воссиять», чтобы обрести в команде экспедиции свое место.

В медчасти, где никого кроме Лахрета не было, села возле койки мужа и глубоко задумалась. Мысли тягуче потянулись в сторону тех, кто собирался погружаться в воду.

— И почему ты сейчас спишь? — с горечью поджав губы, спросила я спящего. — Мы уже прибыли. Тебя так не хватает... Лахрет, я хочу тоже нырнуть под воду, а твой Лирит не хочет мне помочь. Говорит, что боится, что ты его будешь ругать. Почему он у тебя такой упрямый? И Забава. Она все еще спит, как и ты... Я осталась совсем одна. Никто не обращает на меня внимания... Мне кажется, что я тут совсем никому не нужна. Такой бесполезной себя чувствую. Сейчас Наран с Мартом уже, наверное, нырнули вниз... Интересно, что они там найдут?

Я печально вздохнула, положив лицо на теплые руки Лахрета, и посмотрела на него. Родные черты успокаивали и навевали приятные воспоминания. На время я отрешилась от сиюминутных проблем и погрузилась в чувства к любимому человеку. Так хотелось, чтобы он тоже видел ту чудесную заводь за полем, величественную каменную арку и завораживающие стены песчаника вдоль реки. А он сейчас лежал и ничего не знал о происходящем.

Побыв рядом с мужем около получаса, я решила вернуться на палубу и узнать, что уже обнаружили наши ныряльщики.

У фальшборта собралась вся команда и с напряжением всматривалась в зеленоватые воды Терро-Итар. Я подошла к крайнему, коей оказалась Милитана, судовой медик, и спросила:

— Ну что? Что-нибудь нашли?

— Нет, — качнула она головой, говоря вполголоса, словно спугнет удачу. — Они уже не один раз выныривали и сказали, что вода ниже еще мутней и мало что видно. И еще, что в этом месте река довольно глубокая.

— Ааа.

Вздохнула с грустью и посмотрела на легкие волны реки. Мне в этот момент показалось, что вот если бы я там была, то дело быстрее продвигалось. Через минут пять бессмысленного исследования водной поверхности, я оглянулась. Скукотень! От безделья начала бездумно глазеть на окружающие скалы. Медленно продвинулась в сторону кормы, подальше от остальных и застыла от неожиданного чувства.

Внутри возникло странное ощущение, что за нами кто-то наблюдает. Взгляд скользнул вдоль слоистой поверхности стен песчаника и остановился возле небольшого углубления карста. В его тени что-то блеснуло и тут же скрылось. Необычно.

Я принялась напряженно всматриваться. Там что-то или кто-то точно был! Я кожей это чувствовала. И так увлеклась изучением геологической достопримечательности, что не заметила, как из воды на чуток выглянули Март с Нараном, чтобы пополнить запасы воздуха. Через несколько минут внимательного исследования я заметила стальной блеск. Неужели ниясыть?! Но кто? Все свои здесь, на корабле. Кто же там? Я почти вся перегнулась через фальшборт, желая приблизиться и получше рассмотреть. Но больше ничего не увидела. Интуиция подсказывала, что это была точно ниясыть. Только дикая. Он за нами наблюдал из укрытия. Вот же любопытные создания! Скуки ради решила выяснить, кто это. Может, даже удастся пообщаться. Я обратилась в пустоту:

— Кто ты?

Ответа не последовало. Неужели все-таки померещилось? Все же сработало природное упрямство, всегда играющего со мной злые шутки. Я повторила раз пять вопрос, пока не услышала неясное ворчание Лирита. Он спрашивал, кого я так настойчиво зову? Я проигнорировала его вмешательство и продолжила обращаться в пустоту. Нет, не может быть, чтобы это мне всего лишь привиделось.

— Кто ты? — повторила я в десятый раз, и тут что-то снова зашевелилось в тени карста.

Ага! Вот ты и попался! Дальше, через секунду от скалы отделился очень крупный нур. Он легко переполз по скале на малый выступ и замер так, чтобы его стало заметно. Ах, вот ты кто! Значит, дикий. Что-то в его силуэте мне уже было знакомо. После того, как я погоняла это ощущение по задворкам памяти, вспомнила! Это тот самый нур, что меня спас намедни!

— Рогор! — сорвалось с моих уст.

Он тут же в ответ шевельнулся и опустил голову ниже туловища, что на языке тела ниясытей означало полное внимание. Я торжественно улыбнулась своей гениальности и мысленно обратилась к нему:

— Рогор! Это же ты? Ты все это время следил за нами?! Не может быть! Или же ты просто мимо пролетал?

Дикий нур сдержанно промолвил:

— Я всегда был рядом.

От этого ответа я только что и смогла, так это нескромно уронить челюсть. Невероятно! Что же двигало этим нуром? Разве только лишь природное любопытство?

Некоторое время я просто рассматривала силуэт нура, размышляя, какую пользу бы мне

принесло его присутствие? И тут меня осенило! От этой дикой и крамольной идеи волосы на голове дыбом встали, а сердце бешено застучало в груди. Но все-таки решила рискнуть. Я спросила:

— Рогор, ты поможешь мне? — конечно, в душе была масса сомнений, но желания перекрывали здравый рассудок.

Он двинул головой и ответил:

— Рогор поможет всаднице Старшей Королевы. Рогор отдаст жизнь за неё.

Больше я не могла думать ни о чем. Ни о том, к каким последствиям может привести эта безумная эскапада. Ни о том, как отреагируют другие. Мне просто жутко захотелось это сделать и все тут.

Я воровато огляделась по сторонам. Рядом никого и как прежде остальным до меня никакого дела. Все их внимание полностью поглотила поверхность реки. Я все еще «невидимка». Прикусив нижнюю губу от волнения, я снова поглядела на стальное продолжение скального уступа.

— Ты понимаешь, чего я хочу? Или надо объяснить?

— Я думаю, что ты хочешь пойти за теми нурами под воду. Тебе надо что-то найти?

— Да! Да! — от волнения я с силой сжала перила фальшборта и почти вся перевалилась через него. — Ты знаешь, что там внизу?

Ответ удивил меня:

— Да, я там был. Что ты хочешь найти?

Сердце отчаянно забилося уже где-то в желудке.

— А что там есть необычного?

— А что ты считаешь необычным?

— То, что не сделано природой.

— Там есть, что не сделано природой.

— Тогда вперед! Не теряем более ни секунды!

От возбуждения вспотели руки, а дыхание сперло. Нервно проглотив ком в горле, я мгновенно оказалась ногами на перилах фальшборта. Стала и протянула руки вверх, в сторону Рогора. Он мгновенно сообразил и оторвался от уступа, скользнув в мою сторону в тот момент, как я по инерции качнулась за борт.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Лана!!! — услышала я позади чей-то потрясенный возглас, но уже было поздно.

Стальная молния подхватила меня почти у самой поверхности реки и мгновенно окутала защитным биополем. Затем он бережно прижал к груди и потянул нас двоих вниз. Воды расступились под весом и быстро сомкнулись сверху.

Мы оказались под водой. Но ничего не изменилось. Я все так же могла дышать и даже немного шевелиться. Рогор легко переместил поле так, что воздух пузырем остался только возле меня и его головы, а остальное тело легко могло двигаться в воде. Мощными движениями лап и тела, он быстро погружал нас все глубже и глубже. И впрямь, чем ниже мы опускались, тем темнее и мутнее становилась вода. Но нур знал, куда плывет.

Мне только и оставалось восторженно таращиться вперед, куда мы неслись с огромной скоростью. Через несколько минут недалеко мелькнула большая тень и повернула вслед за нами, но Рогор не обратил на это особого внимания. Еще через минуту он остановился и сказал:

— Вот. Это не делала природа.

И я увидела. На самом дне стояла статуя герна! Покрытая илом, надломленная и покалеченная течением и временем, она все же выразительно выделялась над речным дном. Держа в руках каменную книгу, он указывал куда-то вправо сломленным пальцем. Я некоторое время просто глупо всматривалась в нечеткий силуэт статуи, не в силах унять дрожь от волнения. Вот она, подсказка! Но что делать дальше? Плыть в указанном направлении или рассмотреть его поближе?

Под водой гул от защитного поля гор стоял еще громче и пугающе, но я уже на это не обращала внимание. Передо мной была лишь эта статуя и больше ничего. Что дальше? Куда плыть?

Неожиданно, мои мысли прервала решительная тень слева от нас. Она с каждой секундой прорисовывалась в зеленовато-мутной воде все четче и четче, пока не превратилась в нура с сидящим на нем всадником. Еще секунда и он замер, угрожающе прогнув шею. Рогор резко дернулся и повернулся так, что теперь этого нура было хорошо видно и мне.

— Это ваш, — коротко доложил он и спросил: — Что делать? Он угрожает мне.

— Скажи, что я у тебя добровольно.

— Он не верит. Требует, чтобы я вернул тебя на корабль.

Я раздосадовано прикусила губу и покосилась на куда-то указывающую статую. Нет! Я не вернусь на борт! Еще не закончены исследования! Тем более, мне ничего не угрожает, кроме ярости Нарана (а это был именно он на Натоне). Правда я не знала, что именно фагот сейчас на самом деле думает. Но отступить от своей затеи не собиралась. Поэтому велела Рогору:

— Плыви в ту сторону, куда указывает эта статуя!

Нур легко подчинился и умело вильнул в сторону, когда Натон попытался его схватить за лапу. То, как двигался в воде Рогор, свидетельствовало о том, что он прекрасно ориентировался в этой стихии. Причем дикий был весьма этим доволен.

Как и следовало ожидать, Натон ринулся в погоню. Тем лучше. Изучим это направление вместе.

Мы плыли быстро и целеустремленно, как торпеда. От частого дыхания, я чувствовала, что воздух в выделенном мне пузыре заканчивается, а значит, скоро начну задыхаться. Страх застучал в висках, но мое все то же родное упрямство заставляло гнать нура дальше. Не время паниковать.

Вот, впереди затемнели подводные стены гор, сжимавших реку с двух сторон. Надо бы остановиться, но Рогор продолжал стремительно приближаться к темному огромному объекту. В голове мелькнула мысль о столкновении. Неужели он не повернет? Но он и не думал поворачивать. Приблизившись к хорошо вырисовавшейся слоистой стене, нур лишь немного поправил курс и нырнул в пещеру, неожиданно возникшую прямо перед нами. От внезапности я даже вскрикнула и резко дернулась в аккуратных объятиях Рогора. Он изогнул шею так, что одним глазом мог видеть меня и послал успокаивающую мысль о том, что никогда не навредит мне.

Затем наступила тьма, от которой похолодело всё внутри. Если бы не удивительное строение зрения ниясыти, мы бы обязательно с чем-нибудь столкнулись. Но уже через полминуты мы ворвались в светлые прозрачные воды. От резкого контраста в глазах зарябило. Поэтому я не сразу сообразила, куда мы попали. Но когда нур легко выскочил на небольшой каменный берег, мозг медленно объяснил, что мы оказались в карстовой пещере.

Свет лился отовсюду. Сверху свисали сосульками сталактиты. Навстречу им тянулись толстые минеральные наросты, сталагмиты. Они в некоторых местах сливались со сталактитами в зауженные к центру колонны. Белесые формы этих столбов-сталагмитов блестели в мягком свете зала пещеры. В некоторых местах капли атмосферных осадков, просочившиеся через толщи скалы, не содержали карбоната кальция, и образовавшиеся из них сосульки, похожие на бахрому, казались почти прозрачными. Их было больше всего в центре над небольшой расчищенной не природой площадке. Вот она и привлекла все мое внимание.

В центре пещеры на круглом каменном пяточке, идеально гладкой поверхности, очищенной от толстых конусов сталагмитов, стояло нечто похожее на техническое устройство. Оно имело форму гриба на тонкой ножке, со светящимся шаром безупречной формы посередине «шляпки». Не может ли быть это пультом управления полем? Шар, чем-то смахивавший на огромную перламутровую жемчужину, негромко гудел и пульсировал подобно полю. Именно это побудило думать, что оно как-то связано с ним.

Рогор, следуя моему желанию, аккуратно поставил меня на ноги и отступил в сторону. В тот же момент из воды с плеском вырвался Натон. Я испуганно шарахнулась и непроизвольно взвизгнула, уставившись на всадника прибывшего нур. Фантазия мгновенно нарисовала образ взбешенного фагота, готового повывдирать мне все волосы на голове (за такое необдуманное поведение). Однако тот лишь спрыгнул со спины Натона и начал вертеть головой. Потом, немного задержав взгляд на диком нуре, повернулся ко мне с вопросом:

— Что здесь происходит? Куда ты нас привела?

— А что, не видно? Мы в пещере, — ответила я, вызываяще вздернув подбородок.

Я все-таки подумала, что мужчина все же займется своим привычным делом — чихвостить мою персону, а эти вопросы — такой тактический ход отвлечь внимание. Но он только рассеянно перевел взгляд с меня на странное сооружение в центре пещеры, и довольно заботливо спросил:

— Ты не пострадала? Кто этот нур?

— Это Рогор. Он мой друг. Он недавно спас меня от дикарей перед тем, как я попала на корабль. Он любезно согласился меня сюда доставить, когда я узнала, что он знаком с этой местностью.

— Удивительно, — задумчиво протянул Наран, только вот сложно было понять, что именно.

Удивляло ли его то, что меня привел сюда дикий нур или же то, что стояло в центре пещеры? От того, что не случилось ожидаемого, я несколько оторопела. Не обращая внимания на мою растерянность, Наран озадаченно хмыкнул и, осторожно шагая, подошел к странному постаменту со светящимся шаром. Остановился перед устройством, и, как зачарованный, уставился на шар. Я последовала за ним хвостиком и поместила себя на другой стороне этого девайса. Неужели это и есть то, что мы искали?

— Как ты думаешь, это и есть тот самый «ключ»? — спросила я, чувствуя, как меня начала гипнотизировать перламутровая сфера.

— Думаю, да, — кивнул Наран и нагнулся ближе к изучаемому предмету.

— Ты тоже видел ту статую?

— Видел, — снова кивнул он, продолжая внимательно рассматривая пульсирующий шар уже с другой стороны. — Как раз в тот момент, как вы промелькнули мимо нас.

Пришлось вернуться, хотя воздух уже заканчивался в пузыре натонового поля.

Я сделала вид, что не заметила укола в свой адрес и продолжила:

— Мне кажется, что эта статуя как раз и указывала нам, где находится ключ. Что теперь будем делать?

Наран задумчиво качнул головой и почесал подбородок.

— С этим шаром точно что-то нужно сделать, но что?

— Может, надавить или покрутить в разные стороны? Либо забрать с собой?

— Подожди, надо подумать.

Мы на минуту замолчали, продолжая анализировать в голове сие явно искусственное творение. И тут, не в силах контролировать более себя и поддавшись изумительному гипнозу сферы, я протянула руку и положила на его поверхность ладонь. На ощупь абсолютно теплое, оно завибрировало еще быстрее, и гул усилился.

— Ай! — я испуганно отдернула руку и прижала к груди, ощутив, как оно прострелило ладонь.

Будто кто пронзил меня насквозь и вернулся обратно, вывернув все внутренности. Я выпучила глаза и затаила оторопело дыхание с мыслью, что вновь во что-то влезла или испортила. Мигом придумала, что в меня вселилось через руку какое-то жуткое нечто. И теперь это нечто будет мною руководить и всех убьет. Сразу перед глазами пробежали кадры из фильмов ужасов. И на голову обрушилось запоздалое чувство сожаления, что я поспешила прикоснуться к неизученному предмету.

— Вот зачем ты все трогаешь без спроса?! — раздраженно рыкнул Наран и поднял на меня очень даже гневный взгляд.

— Но он так и просил, чтобы я его погладила, — кусая нервно ногти, пролепетала я.

А затем начала опасливо оглядываться по сторонам. Мне показалось, что что-то сейчас где-нибудь непременно сработает и придет в действие скрытый механизм-ловушка, который если нас не убьет, то покалечит. Однако ничего так и не произошло. Лишь этот пугающий гул начал пульсировать: «У! У! У!». От чего сердце сжалось и упало в живот.

— Что теперь? — спросила я фагота, который продолжал хмурить брови и изучать странное устройство.

— Никаких проводов... — бубнил он, заглядывая под «шляпку» девайса. — И кнопок больше нигде нет.

— Странно, — протянула я, вглядываясь в поверхность шара.

— Что? — как болванчик, выпрямившись, спросил Наран.

— Ты тоже это видишь?

— Что? — нервно сморщился он.

— Вот, — я поднесла к середине шара дрожащий палец и он, наконец, увидел.

Прямо из середины росла маленькая точка, яркая и белая. С каждым «У!» она становилась больше и больше, пока шар не начал светиться лучистым светом.

— Мамммочки, — простонала я, — что же я наделала?! Что теперь будет?! Вот же дура!

Затем, не ожидая ответа, я резко развернулась и быстро порысила прочь к кромке воды, где сидело два нура. Те заворожено смотрели на светящийся шар и не двигались.

— Надо убираться отсюда поскорее! — в панике крикнула я, уже почти подбежав к Рогору.

— Стой! — услышала позади возглас Нарана.

И мгновенно застыла, широко тараща глаза строго перед собой. Обернуться у меня

совершенно не хватало духа.

— Вернись! — продолжил командовать фагот, да вот только делать это я не собиралась уж точно. — Лана! Вернись, я сказал!

Зажмурив глаза, я покорно и очень медленно все-таки повернулась, однако идти отказалась. Мне уже мерещилось, как дрожат вверху сталактиты, как они отрываются от потолка и летят вниз, целясь своими концами мне прямо в макушку. А под ногами растет трещина, готовая поглотить всех нас. В общем, воображение разыгралось не на шутку.

— Да, иди же ты сюда!

Я легко проигнорировала сей приказ, не имея сил расплющить глаза и пошевелиться. Через минуту я почувствовала, как сильная рука схватила меня за запястье и потащила волоком обратно. Глаза пришлось распахнуть после первого же спотыкания, дабы не уткнуться в пол носом. Когда же я раскрыла глаза, тут же икнула от удивления. Прямо над шаром светилась... моя прозрачная голографическая проекция. Моя копия застывшим силуэтом стояла над шаром и смотрела прямо перед собой. А гул перестал пульсировать и перешел в однотонный фон.

— Мамочки, — зашептала я. — Что все это значит?

— Ты меня спрашиваешь?! Не знаю, но шар не реагирует на мои прикосновения. Попробуй снова прикоснуться к нему.

— Не! Я боюсь! — я спрятала руки за спину и пошире распахнула глаза для пущей убедительности.

— А до этого, о чем ты думала?! Не боялась же? — раздраженно фыркнул Наран. — Давай же! Мы должны все выяснить. Может, мы выясним, как преодолеть поле. Или ты забыла, зачем мы сюда прибыли?! Ну же!

— Я полностью признаю свою ошибку. Я была не права. Искренне каюсь. Не надо было мне щупать эту штуковину. Я больше не хочу и не буду, — виновато заморгала я, а потом сделала страшные глаза и почти прошептала: — А может, это ловушка?

— Если бы это была ловушка, мы бы уже были мертвыми. Ну, давай же! — он раздраженно изогнулся так, чтобы поймать запястье за моей спиной (что удалось не с первой попытки), и с силой приложил ладонь к шару.

Тут же изображение ожило и повернулось точно в мою сторону.

— Приветствую тебя, о, Ищущий Правду!

— Ааа! — была моя малодушная реакция, и я пригнулась, прикрыв от неожиданности лицо ладонями.

Женский голос был тихий и очень приятный, и, не обращая внимания на моё поведение, продолжил:

— Я — первый страж. Моя задача — открыть тебе путь и указать, как искать правду. Я должен тебя предупредить.

Тут я все-таки выпрямилась, немного успокоившись, и попыталась сосредоточиться на том, что говорила эта голограмма:

— Впереди тебя ждет много преград, и ты должен знать ответы на все подсказки, оставленные Уходящим. Познав тайны мира, ты найдешь ответы.

Она затихла и выжидающе поглядела в мою сторону. Я в ее. Возникла пауза. Не знаю, как у Нарана, а у меня в голове было пусто. Может, ее надо о чем-нибудь спросить?

— Что нам нужно сделать, чтобы пройти сквозь защитное поле гор? — вместо меня спросил более адекватный Наран.

Изображение девушки-копии мигнуло, и она ответила:

— Поле отворит проход тому, кто коснулся шара. Вам будет дано десять оборотов, чтобы пройти. Коснитесь поля и оно отступит.

После этих слов она сразу исчезла. Мы еще минуту, молча, смотрели на то место, где была голограмма.

— Коснитесь поля... и оно отступит, — эхом повторила я. — А что значат эти «десять оборотов»?

На лбу Нарана появилась задумчивая складка. Затем он закивал какой-то своей мысли, схватил меня за руку и потащил к воде, где сидели нуры.

— Ты что-то понял?

— Что здесь непонятного? Теперь ты — наш ключ. От твоей руки поле отступит на какой-то период. Нам нужно будет быстро в эту брешь проскользнуть.

Наран остановился на почтительном расстоянии перед Рогором и подтолкнул меня к нему.

— Садись на своего дикого. Надеюсь, он донесет тебя в целости и сохранности, — в его голосе слышались нотки недоверия к нуру.

Тот же не на это никак не отреагировал. Спокойно позволил мне сесть ему на спину. Образовал вокруг поле и нырнул в воду. Дорога назад уже не казалась такой пугающей, как в первый раз. И пока мы плыли, у меня было время подумать над тем, что сказала девушка-проекция в карстовой пещере и что вообще произошло.

Чем ближе к нам становилась поверхность, тем сильнее во мне росла тревога. А затем я услышала обеспокоенный зов Забавы. В мозгу будто что щёлкнуло, и я уже не могла ни о чем думать. И все, что буквально несколько минут назад полностью занимало мои мысли, в раз выскочило из головы. Теперь в сердце ничего больше не существовало, кроме зова Забавы. Тогда я начала понукать Рогора плыть быстрее. И вот, через полминуты, в фонтане брызг и маленьких водопадов мы вырвались из плена воды. А за нами с тем же фееричным эффектом, окутанные белым туманом капель и потоков воды, выскочили двое нуров: Натон и Нук. Появление последнего меня удивило бы, если бы я не была так встревожена.

Еще через считанные секунды, ловко изогнувшись от неожиданной атаки Брины Фионы, Рогор приземлился почти у самого входа в ангар, где находилась моя Забава. Спешно соскользнула с его плеч и, не замечая торопящихся в мою сторону членов экипажа, бросилась внутрь. А потом, увидев едва поднятые веки, слабый блеск родных глаз, полная невыразимого счастья и ликования, я прижалась к горячей шее.

— Милая моя! Родная моя! Преданная моя! Ты очнулась! Как же я за тебя переживала! Мэнона говорил, что ты всего лишь спишь, а мне было так страшно, что ты не проснешься... что бы я тогда делала без тебя?!! — слезы счастья непокорным ручьем струились из глаз. — Хорошая моя! Как ты? Что у тебя болит?

Я не заметила, как мною овладела буря смешанных, но сильных чувств ликования от того, что Забава пришла в себя. Она расширила глаза и коротко ответила:

— Я в порядке. Главное, что с тобой все хорошо.

— Конечно, со мной все хорошо, ведь ты меня защищала. Как может быть иначе?

В фонтане невыразимого восторга, уже ничего не замечала вокруг. Я гладила ее и гладила, не переставая шептать ласковые слова. Однако уже через несколько минут нашего с нею приятного единения, Забава ввела меня в замешательство. Она неожиданно извернулась так, чтобы лечь на бок и начала, как песик, довольно дергать лапками, когда его гладят по

пузику. Она сопровождала это удовлетворенным ворчанием и прикрытыми вторыми веками. Я задорно засмеялась ее реакции, но через секунду отвлеклась из-за похожих звуков слева. Когда я оглянулась, рядом увидела Лирита, которого до этого в упор не замечала. Тот сел на все четыре лапы, опустил голову на передние, сощурил глаза и блаженно стонал (это среди ниясытей означало высшую степень счастья). Я поначалу не сообразила, что он делал и почему, пока не услышала голос у входа и не обернулась.

— Лана?! — там стояла целая делегация, которую возглавлял Наран Ниасу.

Он потрясенно вытянул лицо, будто увидел на Заруне пирамиду Хеопса и никак не мог понять, что это такое. Я в ответ слегка отодвинулась от шеи королевы и вопросительно дернула подбородком. Он все тем же пораженным тоном продолжил:

— Что все это значит?!

— Ты о чем?

— Как ты объяснишь поведение всех ниясытей во всей округе?!!

Я на мгновение задумалась. Как же стремительно друг друга сменяют события! И причем здесь ниясыти во всей округе? Когда я сюда спешила, ничего не заметила, да и не видела вообще ничего. А тут, спустя каких-то десять минут меня спрашивают о таком!

— Наран, ты говоришь загадками. Я не сканер, ничего сейчас не вижу, кроме вас, любопытных зевак, да Забавы с Лиритом.

Он на меня смотрел, словно у меня вместо ног рыбий хвост появился. А потом огорошил:

— Забава беременна?

Почувствовала, как у меня удивленно вытянулось лицо. Конечно, я не поняла, почему он сделал такой вывод, но, помня уговор с Лахретом, решила промолчать, скосив воровато глаза. Он продолжил:

— Только беременная Старшая Королева может проецировать столь сильные чувства наездницы так, что парализует нервную деятельность всех окружающих ниясытей!!!

Я расширила глаза на фагота, будто у него рога выросли. Он сейчас мне Америку открыл! Откуда я могла это знать?!

— Это правда?! — спросил он.

Я не ответила и посмотрела в сторону стоящего у стены Мэноны, который смущенно тянул зубастую улыбку и счастливо глядел на Забаву. И тут он неожиданно ожил:

— Моя госпожа, яйца развиваются даже очень хорошо. Думаю, этот яд не только им несколько не навредил, но и укрепил их! Пять королевских яиц скоро появятся на свет целыми и невредимыми!

Вот и раскрыт наш секрет. Прости Лахрет. Я перевела взгляд на стоявшую у входа делегацию изумленных зрителей, откуда послышались потрясенные возгласы:

— Королевских яиц?

— Беременна?

— Не может быть!

— Значит, она все это время оставалась королевой?!

— А Лахрет об этом знает? — голос Нарана звучал громче всех.

Я опять молчаливо скосила глаза в сторону, но он понял без слов, и все в том же потрясенном и осененном духе продолжил:

— И как долго вы собирались скрывать это?! Ведь это же все меняет!!!

— Это абсолютно ничего не меняет! — от этого голоса меня подбросило.

Лахрет стоял почти у самого откоса двери, держась за него, чтобы сохранять равновесие. Его голова была туго стянута бинтом, а больничная белая пижама придавала ему комичный вид. Он пришел в себя раньше, чем обещала Милитана. Все хором повернули головы в его сторону. Я же, как напружиненная, вскочила на ноги, и пулей бросилась к нему. И уже через пару секунд висела на его шее и счастливо покрывала поцелуями его щеки, приговаривая:

— Ты очнулся! Хороший мой! Как ты? У тебя ничего не болит? Ты должен лежать в постели! Почему ты встал?

— Полежишь тут с вами, — тихо проворчал он, пытаясь сдержать любовную улыбку, и повернулся к остальным: — Беременность Забавы в данной ситуации не должна вас беспокоить.

— Но ведь тогда бы все было по-другому! Тогда Ханам... — начал возмущаться Наран, но Лахрет, немного отодвинув прилипшую к нему меня, строго перебил его:

— Это бы лишь усугубило ситуацию. Мара бы все равно пошла в наступление, но сделала бы поправку на Забаву. И тогда бы она обязательно пострадала!

Наран смолк, но продолжал сверлить друга непонимающим взглядом, веря, что должен быть другой выход. Затем он перевел взгляд на все еще лежащую на боку королеву и протянул:

— Тогда успокой Лану. Скоро здесь соберутся все дикие ниясыти в округе.

Я непонимающе подняла брови. Тот лишь кивнул головой на возвышавшиеся вокруг каменные стены гор. Со стороны входа в ангар было видно не все, но и то, что я узрела, меня озадачило не на шутку. Множество выступов было покрыто стальными телами, воздух же пронизывали едва слышные стоны. А перед самым входом в ангар в той же позе, что и Лирит, сощуриив глаза, как наркоманы под дозой, сидели в рядочек Натон, Рогор, Нук и Брина.

— Они сейчас нас не слышат, — пояснил Наран. — Такого никогда не бывало при моей памяти. Лана, пожалуйста, успокойся...

Я удивленно повернулась к фаготу и смущенно поднесла пальцы к устам. Тут же начала уже давно изученную дыхательную методику успокоения. Четыре секунды вдыхаю, задерживаю дыхание на четыре секунды и столько же выдыхаю. В это же время ладонь Лахрета успокаивающе скользила по моей спине, и он на ушко прошептал:

— Теперь ты постоянно должна контролировать свои эмоции...

Я виновато свела брови и уже спокойно ответила:

— Хорошо... но нам же нужно двигаться дальше! Пока ты спал, мы уже разгадали первую загадку, и я открыла первую печать! — я, наивная, думала, этим обрадую мужа.

Но он гневно свел брови и воскликнул:

— Ты сделала ЧТО?!

— Ты не переживай, я ничем не рисковала!

— Ты головой вообще когда-нибудь думаешь, Лана?! Куда ты опять влезла?! — его лицо посерело от негодования.

Я недоуменно воззрилась на мужа. Ну, вообще, не понимаю иногда его реакцию на некоторые мои поступки. Как вот сейчас, например. Почему он злится? А тут еще возникло ощущение, что в голове что-то насильно меняется. Опять он пользуется своей властью эмпата в гневе!

— Не надо на мне испытывать свои штучки! Я ничего плохого не сделала. Мало того,

если бы не я, то мы могли бы долго искать ответ на эту загадку! — я самодовольно вздернула подбородок.

— Мы бы прекрасно сами справились! — послышался со стороны недовольный голос Нарана.

Ну, вот кто его просил вмешиваться? Я бросила на него самый осуждающий взгляд, на какой была только способна.

— Что ты сделала? — Лахрет отодвинул меня на расстояние вытянутой руки и заглянул в глаза, которые я поспешила спрятать.

Когда он так делал, мне трудно было бороться с ним.

— Я нашла пещеру под водой. Там была панель управления и голограмма. Она сказала, что теперь я могу открыть поле, прикоснувшись к нему, — едва слышно пролепетала я.

— ЧТО сделать?! — он больно сжал мои предплечья. — Ты в своем уме?! Я не позволю тебе касаться поля в ТВОЕМ СОСТОЯНИИ!

— Я беременная, а не калека!!! — тут же в ответ вскинула я обиженный взгляд.

— Беременна? — послышались со стороны изумленные возгласы.

— Во дела!

— И она туда же!

— Весело!

— Что не минута, то новость дня!

— Крутой поворот!

— Как беременна? — это был потрясенный голос Нарана. — Я должен был знать! Я бы ни за что не позволил...

Я же не сводила упрямых глаз с гневного лица мужа. Еще секунда, и он бы приковал меня к трубе катера до конца экспедиции. И не видать мне приключений, как своих ушей. Тогда я пустила в ход единственное в подобных ситуациях оружие, всегда неизменно действовавшее на Лахрета.

Высвободившись из цепкой хватки, я всем телом прижалась к мужу и принялась покрывать его лицо поцелуями, гладить его по голове и шептать:

— Ну, пожалуйста, не сердись, любимый! Я же помню, ты сильно обо мне переживаешь... Я бы никогда не стала бессмысленно рисковать собой и нашим ребенком. Дорогой... любимый... родной... я очень тебя люблю... я не стала бы... слышишь? Не стала бы...

И он обмяк. Крепко обнял. Все-таки, правда, ласковость — мощное оружие...

— Лана, это не игрушки, — почти дрожащим голосом ответил он. — Ты же знаешь, что для меня значат твои здоровье и жизнь...

— Да, знаю... я была осторожна... Рогор бы не позволил, чтобы со мной что-нибудь случилось...

— Рогор? — ожил Лахрет и отлепил меня от себя. — Кто это?

— Кто? Ээээ... дикий нур. Он знает эту местность, как свои пять пальцев!

— Дикий? Нур? — на этот раз он оглянулся на присутствующих.

Я пальцем указала на нура, все еще лежащего на брюхе рядом со всеми на палубе. Тот невозмутимо смотрел строго на меня, продолжая щурить глаза от недавно пережитого блаженства. Лахрет проследил взглядом от моего пальца до предмета указания. Сузил глаза. Кивнул какой-то своей мысли и повернулся к выходу.

— Ладно... об этом бессмысленно спорить. Сейчас нужно продумать дальнейшие

действия. Мне нужен отчет о последних происшествиях, пока я был без сознания, — он бросил взгляд на Нарана и шагнул назад.

Но как только он начал двигаться, ноги его дрогнули и, если бы я вовремя не скользнула под его руку, потерял бы равновесие. Милитана оказалась тут как тут и подхватила с другой стороны. Правду сказать, если бы она так быстро не среагировала, то не удержать мне было бы Лахрета. Все-таки вес мужчин-ириданцев, как и их сила, несравнимы с земными...

— Вы еще слабы, господин Ноа, — произнесла заботливо медик и направила его в сторону входа в каюты. — Я думаю, вам еще нужно пройти дополнительный курс в реанимационной капсуле, чтобы вернуть силы. Потом лишь вы сможете взяться за дела.

Я выскользнула из-под тяжелой руки мужа в тот момент, как его подхватил расторопный инженер-механик Йен. И заглянула во вмиг осунувшееся лицо Лахрета. Он расходовал весь свой запас эмоциональных и физических сил на эту короткую беседу.

Глядя, как уводят мужа назад в медпункт корабля, я разрывалась на части от нерешительности. С одной стороны я хотела пойти с ними и побыть с любимым, чтобы поддержать его на одре болезни, а с другой стороны — позади меня ждала Забава, которая только вышла из принудительного сна. Эта дилемма мучила бы меня долго, если бы королева не позвала меня. Я развернулась в сторону лежавшей на мягком настиле Забавы и тепло улыбнулась. Лучше сейчас я останусь с ней.

А тем временем, после громогласного указа капитана, что представление закончено, и работа не ждет, зрители начали спешно разбредаться. Все-таки хороший и собранный наш капитан. Всегда знает, когда нужно закончить или же начать что-либо.

Теперь появилось время немного успокоиться и обдумать то, что произошло за каких-то последних тридцать минут. Милитана просила всем передать, что Лахрет будет готов к обсуждениям через полтора часа. А до этого времени, все должны были закончить свои дела и потом собраться на внеочередной совет в рубке.

Я, сидя у лежавшей на сложенных лапах голове Забавы, принялась рассеяно гладить подставленные переносицу и надбровья. Она умиротворенно сопела и не сводила с меня обожающего взгляда полуприкрытых глаз. Ей было достаточно того, что я находилась рядом.

— Ты переживаешь, что тебя не возьмут в дорогу дальше? — спросила она меня минут через десять.

— Да. Я хочу тоже пойти. А Лахрет очень боится за меня. Думает, что со мной может что-то случиться.

— А разве не может? — этот вопрос ввел меня в замешательство.

Мне казалось, что я неуязвима и со мной ничего не может произойти. Так думают многие, с кем еще ничего серьезного не случалось. Когда сидишь дома, и читаешь роман, кажется, что ты всемогущ и все тебе по плечу. А когда сталкиваешься с реальностью, это чувство может легко развеяться. Не знаю, почему я так думала. Может, потому что рядом была Забава. А еще появился Рогор, которому я необъяснимо верила. А еще у меня есть Лахрет и друзья. Разве можно переживать, что что-то случится?

Я поглядела на свернувшегося в клубок Лирита. Он продолжал довольно шурить глаза и с обожанием смотреть на Забаву. Я знала, что он был спокоен за своего наездника, а когда рядом находилась королева, мать его будущих детей, природа заставляла его защищать ее во что бы то ни стало. Потом я перевела взгляд на Рогора, тоже свернувшегося в клубочек у входа. Он, по-видимому, больше не боялся людей, сновавших туда-сюда, и не был намерен покидать меня. В этом отношении родилась смутная уверенность. Неужели я стала

наездницей еще и нура? Не может быть! Но доказательства лежали рядом у входа в ангар корабля. Откинув эти назойливые мысли, я прижалась к большой голове Забавы и прикрыла глаза, решив абстрагироваться и отпустить все беспокойства. Будь что будет.

*** **

Когда я вышла из ангара, оставив Забаву после долгих уговоров, день близился к концу. Пройдя мимо ожившего при моем появлении Рогора, я скользнула ладонью по гладкому носу. Потом качнула головой в ответ на немой вопрос:

— Нет. Пока твоя помощь не нужна. Если хочешь, можешь полететь и покушать.

Из его рта вырвался неясный звук согласия, но он никуда не полетел, лишь довольно развалился на пороге ангара и продолжил лежать, будто сторожевой пес. Я же повернула в сторону рубки, где уже начал собираться народ на совещание. Когда я уже подошла к двери, услышала громкое продолжение недовольной реплики Лахрета:

— ... поэтому я так решил. Забава не вернется в Ир до тех пор, пока мы не найдем Зарунскую Рукопись.

— Но ведь эта новость разлетится по всей Иридании и тогда Мара не сможет ей противостоять! Как ты не понимаешь?

— Я все прекрасно понимаю, Наран! Даже больше, чем ты можешь себе представить.

— Ты просто боишься ею рисковать. А ты не подумал о тех, кто ради тебя и законной власти гибнет в городах и отдает свою жизнь и жизни своих близких?

— А как ты не понимаешь, что без Зарунской Рукописи все наши аргументы лишь песок на ветру?!

— Для тебя Лана...

— Да, для меня Лана — все! Или ты забыл, что такое потерять жену?! Тебе напомнить?!

У меня от замешательства поджилки затряслись, и я так и осталась стоять у двери, положив ладонь на ручку. Я бы так и стояла здесь, слушая препирательства мужчин, если бы позади не послышался смущенный кашель и вопрос:

— Госпожа Ноа, не можете ли вы мне?

Я испуганно дернулась от неожиданности и резко обернулась, ощущая, как по спине бежит холодный пот. Я вдруг почувствовала себя застуканной при подслушивании чужого разговора, от чего лишь растерянно замычала, не в состоянии произнести ничего осмысленного. Зунг, как всегда заваленный кипой бумаг и карт, был похож на ходячую библиотеку. Сзади стояла его помощница Пенна, также державшая в руках несколько книг. У меня наемни возник вопрос: а зачем он вообще это с собой тягает, если еще ни разу не использовал их в дискуссиях? Ну, разве что иногда карту раскручивал...

А тот продолжил говорить:

— Откройте, пожалуйста, нам двери, а то мне никак...

Я с готовностью кивнула и распахнула двери. Диалог в рубке смолк. В помещение с шелестом пробрались хранитель и его помощница. За ними спешили капитан и его дочь Рэнна. К слову сказать, очень сообразительная девушка, хоть и немного грубоватая. Она больше походила по повадкам на мужчину, чем на женщину. На нее с опаской поглядывал даже Наран. Пропустив и их, я с силой заставила себя зайти последней. Чуть позже подошли и остальные члены группы.

Мне очень хотелось где-нибудь тихо забиться в уголок и привлекать к себе как можно меньше внимания. Чувство вины, охватившее меня у двери, навалилось на плечи тяжелой

ношей. Неужели Наран прав и присутствие Забавы в Ире могло остановить кровопролитие? Только бы сказать, что Забава беременна и тогда, возможно, было бы все по-другому? А может быть, это всего лишь предположения...

Когда я переступила порог, меня глазами запеленговал Лахрет и следил за моими робкими перемещениями тяжелым взглядом. Видимо, он был уже в курсе моей давешней эскапады. Потом, после того как я замерла возле одной из панелей управления, где свет меньше всего попадал от горевшего в потолке круглого светильника, он начал говорить:

— Итак, все собрались. Теперь, когда мы смогли разгадать первую подсказку о том, как открыть первую «печать», мы должны продумать наш дальнейший курс.

— Простите, — вмешался капитан, промычав глубоким басом, — но мы еще ничего не открыли и до сих пор стоим на якоре перед защитным полем гор. И я не совсем понял, о какой панели управления говорил Наран. Ну, той, что нашли в пещере под водой. Что значит тот шар и говорящая прозрачная девица?

Лахрет перевел на капитана внимательный взгляд и ответил:

— Я так понимаю, это и есть ключ к проникновению внутрь через поле. Женщина говорила, что тот, кто коснулся шара на панели, — при этом он одарил меня нелегким взглядом, а я виновато скосила глаза, — теперь может открыть брешь в поле на неких «десять оборотов». За это время мы должны быстро пересечь границу. Как это будет происходить?.. увидим. Других вариантов у нас пока нет.

— А потом что? — спросил кто-то.

— Я видел там затон. Мы высадимся на берег и продолжим путь пешком.

— Пешком?! — это точно был недовольный возглас Марта. — А разве на борту корабля нет пары вездеходов?

— Их мало. Они будут с нами ехать рядом.

— А может, на ниясытях по небу? И делов-то! — это заговорила Фиона.

Лахрет обратил на девушку задумчивый взгляд:

— Ниясыти не унесут на спинах все необходимое для экспедиции.

— А через зияние? — брякнул Март.

— Ты знаешь, куда лететь? — вскинул брови Лахрет. — Или тебе до сих пор надо объяснять правила перемещения через гиперпространство?!

Март виновато поджал губы. Лахрет продолжил:

— Далее... Кто-то должен остаться на корабле и охранять его. Мы не знаем, что нас ждет впереди и вполне возможно, мы можем вернуться назад в спешке. Тем более, нам неизвестно, кто находится по ту сторону. Есть ли там враги? Разумны ли они?

— А куда нам идти дальше тогда?

— Там на месте осмотримся и решим. На картах все подробности ландшафта размыты. Еще никто не пересекал Грань и не оставил нам указаний. А с воздуха и через спутники нет четкой картинки. Кому, как ни вам об этом знать. Будем решать по ситуации.

— Тогда кто останется?

— Разумный вопрос, — Лахрет повернулся к капитану корабля.

— Я думаю, я должен остаться и охранять корабль, — прогудел тот.

Лахрет кивнул и оглянулся на остальных присутствующих, предоставив им возможность самим решать. Я затаила дыхание, не в силах даже шевельнуть пальцем.

— Я останусь, — подняла руку Рэнна.

— И я, — шевельнулся навигатор корабля.

Лахрет глянул на Марта и спросил:

— Март, как дела с антивирусом?

— Медленно, — едва слышно ответил он, — Мэнона все время был с Забавой, а я мало что успел воспроизвести...

— Кстати, а где гадак? — Лахрет обвел взглядом присутствующих, но нигде не заметил тарака.

Март, супя лоб, ответил:

— Он побежал в каюты, где его комы, и пишет по-быстрому по памяти антивирус. Он туда сразу побежал, после того как Забава очнулась. Уже больше часа там торчит. И я с ним был. Когда сюда собирался, то он сказал, что не пойдет. Хочет успеть закончить до высадки на берег.

— А он успеет?

— Не знаю. Говорит, что ему немного осталось. Но по мне, так еще там работы на полдня, это точно, — потом он передернул плечами и добавил: — А, впрочем, это гадак. Он лучше знает свои возможности.

Лахрет коротко закивал и ответил:

— Значит, Мэнона и ты, остаетесь на корабле и продолжаете работать над программой. Она должна быть создана — это наша защита и билет для возвращения назад.

— Но... — возразил было Март, горевший пойти со всеми в экспедицию, но тут же осекся, встретившись со строгим взглядом Лахрета.

— Это не обсуждается, — качнул головой муж.

— Я думаю, что весь экипаж корабля должен остаться на судне, — снова заговорил капитан, не отрывая от Лахрета внимательных глаз. — А вы идите туда, зачем вы прибыли.

Лахрет прищурил глаза, сделав паузу, потом произнес:

— Хорошо. Но Милитана пойдет с нами. Медик в дороге нам необходим, — перевел взгляд на Нарана: — Ята тоже останется. Она еще не восстановилась от «болезни» и может быть нам... — он смолк, подбирая подходящий эпитет.

— Обузой, так и скажи, — Наран недовольно скривил губы.

Я виновато вытянула лицо, чувствуя свою вину за то, что друзья повздорили между собой. Если честно, то сейчас, я себя тоже ощущала обузой. Наступило напряженное молчание. Прервал его Виктор:

— Ну, так что дальше? Когда выступаем? Может, прямо сейчас? Мы уже готовы.

Лахрет, опираясь одной рукой о панель навигации корабля, нервно постукивал пальцем по стеклу, продолжая сверлить мрачным взором упрямое лицо друга. Наран выпрямился и невозмутимо открытым взглядом отвечал на немую перепалку. Мои глаза быстро бегали от одного к другому и обратно. Но вот, Лахрет ожил и повернулся к капитану:

— Я тоже думаю, тянуть уже нет смысла. До темна мы уже должны причалить к берегу и успеть ступить на берег, — потом он повернулся ко мне: — Лана, вспомни точно, что сказала тебе голограмма в пещере?

Я закатила глаза, напрягая память, затем растянута произнесла:

— «Впереди тебя ждет много преград, и ты должен знать ответы на все подсказки, оставленные Уходящим. Познав тайны мира, ты найдешь ответы». И еще: «Поле отворит проход тому, кто коснулся шара. Вам будет дано десять оборотов, чтобы пройти. Коснитесь поля и оно отступит».

— Ясно, — после некоторого молчания, обдумывая мой ответ, произнес Лахрет. —

Тогда мы с тобой сейчас идем на нос корабля. Виктор, медленным ходом правишь в сторону Грани, после того, как мы зайдем свое место. Перед самой Гранью немного притормози и, когда поймешь, что образовалась брешь, давай полный ход вперед. Понятно?

— Так точно! — отдал честь капитан.

Лахрет лишь недовольно скривился и повернулся к выходу, произнеся приказ остальным:

— Всем по местам!

— А как же... — неожиданно заговорил Зунг, указывая на карты, принесенные им.

— Потом, Зунг, — махнул Лахрет, хватая меня за руку и таща к выходу.

От страха ноги совершенно перестали меня слушаться. Я то и дело спотыкалась и чуть не рухнула на спину мужа, спускаясь по ступенькам. Он бросил на меня сдержанный взгляд и осуждающе поджал губы. А глаза выражали мысль: «Расхлебывай, что наделала». До сих пор сердится, что я такая неосторожная. Эх! И где моя голова была, когда я шара-то касалась? Тоже мне, искательница приключений на одно место! В ответ на долгий взгляд мужа я лишь виновато поджала губы. Но уже сделано то, что сделано. Теперь он вынужден переживать за меня и идти рука об руку, чтобы защищать.

На носу корабля, заморожено глядя на медленно приближающуюся пелену, переливающуюся всеми цветами радуги, я чувствовала, как сердце с такой же скоростью опускается в колени. Рядом стоял Лахрет, крепко сжимая мою руку. А сзади — Лирит. В голове же я слышала голос Забавы. Она хотела пойти с нами, но я строго ей запретила. Достаточно и того, что я сейчас рискую. Что еще меня удивило, так это присутствие рядом Рогора. Лахрет опасно косился в его сторону, но дикий нур не уступал. Зацепился за фальшборт носа корабля с внешней стороны и поместил голову на уровне наших с Лахретом лиц.

Рассчитав все в точности почти до сантиметра, капитан остановил катер прямо перед перламутровой пеленой поля. Осталось только руку протянуть. Я заморожено уставилась на пульсирующую прозрачную стену перед глазами, не в силах пошевелиться. Там, за нею, блестела водная гладь затона. Щербистый берег его казался безмятежным и пустынным. Далее за ним тянулся травяной луг, который упирался в дубраву. Такой контраст после непроходимых джунглей больше всего поражал воображение. Казалось это чем-то пугающим и сказочным.

— Теперь твоя очередь, — едва слышно произнес Лахрет возле уха.

Я вздрогнула, бросив на него взволнованный взгляд. Затем нерешительно подняла руку, остановив кисть в сантиметре перед пеленой.

— Я с тобой... — подбадривающе шепнул муж и обхватил за талию. — Давай...

И я коснулась. Ощущение было такое, словно я притронулась к атласу. Скользящий и приятный. Сначала поле прогнулось под пальцами, а потом, будто под паяльником ткань, возник прокол. Дальше оно, сформировав вокруг руки золотистую линию свечения, начало постепенно увеличиваться и стремительно превращаться в огромную брешь. Золотистый край образовавшейся бреши, продолжая пульсировать, потянулся к каменной арке. Впереди создавался проход. Мгновенно загудел мотор катера, и он спешно тронулся с места. Капитан не терял ни секунды.

Я задрала голову и не отрывала глаз от дивной золотистой линии, замершей по центру камня арки. С торца она горела оранжевым светом так, будто ее кто подпалил.

— Восемь, семь, шесть... — слышала над головой голос Лахрета.

Когда он дошел до ноля, а корма пересекла границу, кромка бреша вздрогнула, и начала стремительно затягиваться, пока не сомкнулась в той же точке, откуда возникла. Я изогнулась всем телом так, чтобы продолжать видеть эту удивительную пелену. А на ладони до сих пор оставалось чувство нежности атласа.

— Не думал, что все будет настолько просто, — задумчиво протянул Лахрет, глядя в ту же сторону, что и я.

И только он это сказал, как катер начал дырчать, дергаться, словно двигатель стал захлебываться, пока не заглох окончательно. Лахрет издал озадаченный звук и заглянул мне в лицо:

— Ты как?

— Все хорошо. А что произошло? Почему катер остановился?

— Я пойду, выясню. Будь здесь, — он глянул на Лирита и обернулся на Рогора, который все так же свисал с фальшборта, а его голова почти впритык находилась возле моей. — Они о тебе позаботятся.

— Хорошо, — кивнула я уже затылку бегущего к рубке мужа.

Оглянулась. Впереди все так же блестела заводь и манила своей сказочностью дубрава. Лишь картинка стала более отчетливой. Слева высилась отвесная каменная стена, а справа блестела почти черная поверхность реки. Через метров сто она снова резко поворачивала влево и исчезала за изрезанным временем утесом. И тут услышала зов Забавы:

— Лана!

— Что, моя хорошая.

— Я чувствую угрозу... Она вокруг... Она давит...

— Что?! — и я резко поглядела на нависавшую надо мной морду Рогора.

Он закрыл глаза вторыми веками и начал тяжело дышать.

— Что с тобой, Рогор? — моя ладонь легла на его горячий нос.

— Ничего. Просто тяжело дышать. И двигаться. Но больше ничего.

— Странно, — нахмурилась я и посмотрела на Лирита. — А ты?

Он опустил голову и, как Рогор, тоже тяжело дышал.

— Мне тоже трудно дышать, но больше ничего.

— И я не могу легко дышать, — услышала я голос Забавы.

— Что-то здесь не то, — качнула я головой и, велев Рогору забраться на борт, побежала в сторону рубки, чтобы сообщить об этой странности.

Там с обеспокоенными лицами бегали от пульта к пульту инженер и навигатор, пытаясь что-то решить с сошедшими с ума приборами. Все мониторы мерцали в быстро сменяющихся картинках, динамики неприятно шипели и трещали. Капитан согнулся над штурвалом и ковырялся в проводах, сорвав предварительно защитную крышку. Лахрет присел перед одной из консолей и копался среди кристаллов управления. Когда я переступила порог, никто не обратил на меня внимания. Дверь автоматически закрылась позади, но тут же распахнулась и больно стукнула меня по спине. Я возмущенно вскрикнула и оглянулась. В дверном проеме стояли Наран и Март с озадаченными лицами и вопросами:

— В чем дело? Почему мониторы комов вырубил?!

— Что происходит? Почему мы остановились?

А за спиной Марта выглядывала голова Зунга с округленными в испуге глазами.

— Мотор заглох и все электронные приборы словно с ума посходили! — рыкнул капитан и стукнул большим кулаком по штурвалу.

— Но почему?!

— А мне почему знать?! — дернулся тот и посмотрел на инженера.

— Я смотрю, но ничего не могу понять, — зашаркался работник и согнулся над очередной консолью. — Такое ощущение, что мы попали в какое-то мощное электромагнитное излучение и оно сводит все приборы с ума. Их надо срочно выключить, иначе все сгорит к бешеному нхуру!

— Он прав, — послышался голос Лахрета снизу, и тут же всё с потухающим звуком смолкло и прекратило мигать. — Все, — отряхивая ладони друг о друга, произнес он и выровнялся.

Наступила гробовая тишина. Присутствующие угрюмо смотрели друг на друга и молчали, не зная, что сказать. Молчание нарушила я, произнеся:

— Ниясыти плохо себя чувствуют. Им тяжело дышать... Забава говорит, что что-то здесь есть, какая-то угроза. Она давит на них.

Все хором повернулись на меня. Взгляды их выражали полное недоумение.

— Да, — кивнул Лахрет. — Лирит жалуется на тяжелый воздух.

— И Натон тоже, — кивнул Наран, сровняв брови в мрачную линию.

— И Нук! — а вот глаза Марта светились страхом.

— Что нам делать? — протискиваясь мимо широких спин Марта и Нарана, боязливо спросил Зунг. — Мы в ловушке. Пути назад нет! Поле сзади сомкнулось обратно. Плыть мы не можем, а до берега еще достаточно далеко.

Я чувствовала, как паника начала душить горло, а сердце заходиться от страха. В голове сразу же стало пусто. И с каждым ударом сердца легче не становилось. Неожиданно на плечо легла нежная рука мужа, и послышался его успокаивающий голос совсем над моей макушкой:

— Успокойся. Мы еще живы. И ничего страшного пока не произошло. Мы сейчас найдем выход.

Я вскинула глаза на него и составила брови домиком:

— Но как мы доберемся до берега? Не вплавь же?

— Вот сейчас мы все и будем об этом думать, — ответил он и обвел всех вопросительным взглядом. — Здесь же непростые люди собрались.

Внутренняя собранность Лахрета оживила во мне надежду и вселила покой.

— Пойдите! — тут ожил Йен, инженер судна. — А что если запустить двигатель внутреннего сгорания? Мы его не сняли, когда устанавливали новый генератор. У нас есть и топливо...

— Неплохая идея, — кивнул Лахрет и заглянул мне в лицо. — Вот видишь, а ты разволновалась. Возьми себя в руки и пойдешь, успокой Забаву. Их состояние сейчас важнее.

— Хорошо, — согласилась я и поглядела на ожившую команду корабля.

Они уже засуетились, чтобы осуществить задуманное. А Йен уже спешил покинуть рубку и попасть в двигательный отсек. Наран и Март провели его задумчивыми взглядами и спросили, чем они могут помочь. Он их сразу увлек за собой, сказав, что ему понадобится грубая сила.

— Иди, — поворачивая меня к выходу, произнес Лахрет и повернулся в том же направлении. — Я тоже пойду им помогу.

— Но Лахрет, ты не должен сейчас сильно напрягаться после такой тяжелой травмы, — возмутилась я.

Он одарил меня взглядом, выражающим несогласие и с мыслью: «Разве я могу стоять в стороне сейчас?»

— Я техник, Лана, разве ты забыла? Мне там самое место. А твое — возле Забавы Давай-давай.

Он был прав. Поэтому я послушно покинула рубку, оставив там капитана с навигатором и Зунгом. Последний задумчиво провел нас взглядом и повернулся к обзорному окну, через которое открывался вид на завод. Она была так близко, что, казалось, можно было дотянуться до нее рукой. И в то же время так далеко, что вплавь не доберешься.

Перед ангаром уже лежал Рогор и задумчиво смотрел на воду, темневшую за бортом. Когда я подошла, он внимательно проследил за мной до входа в помещение, но ничего не сказал. Дыхание у него уже более-менее выровнялось, но движения казались вялыми. В таком же состоянии находились Лирит и Забава. Нука и Натона с Бриной я видела на корме. Они тоже скрутились в клубочки и настороженно наблюдали за мельтешащими по палубе людьми.

Зайдя в ангар, я села рядом с Забавой и принялась ласково гладить ее по переносице и надбровьям. Она некоторое время нежилась, а потом задумчиво произнесла:

— Когда ты рядом, это «что-то» уже не давит на меня так сильно. Угроза отступает.

— Скажи, а как ты думаешь, что это за угроза может быть?

— Она повсюду. Она не дает легко двигаться. Поэтому здесь нет тех, кто летает. Мы не можем летать. Птицы тоже не могут. Вверху густой воздух. Он очень тяжелый. Можно только идти. Зияние меня не слышит. Я не вижу входа в него. Я плохо понимаю.

Я озадаченно уставилась на королеву.

— Как такое может быть?

— Я не знаю. Оно везде. Как только мы пересекли Грань, оно окутало нас. Но мы привыкнем. Только не будем летать и давать поле. Дышать уже стало легче.

Услышав ее объяснения, я крепко задумалась. Что означают ее слова? Почему здесь так? Очередная загадка.

Через время послышалось мерное гудение мотора, и катер тронулся. Значит, идея Йена сработала! В душе шевельнулась надежда. Я оторвалась от Забавы и вышла на палубу. Щербнистый берег завода, раскинувшийся впереди, начал медленно приближаться.

— Ну, что? Как дела у Забавы? — веселым голосом спросил Лахрет сзади.

От неожиданности даже подпрыгнула. Я так задумалась над будущим, что не заметила, как он тихо подошел. Оглянулась:

— Когда же ты перестанешь так тихо ко мне подкрадываться?

— Не знаю, почему ты так всегда пугаешься. И вообще, ты должна меня чувствовать даже на расстоянии, по идее. Как ты так умеешь абстрагироваться, что ничего вокруг не замечаешь? Я тебя ощущаю даже за километр, — обняв сзади за плечи, ровно произнес Лахрет.

От его теплого объятия стало приятно на душе. Упершись затылком в широкую грудь, я ответила, продолжая заморожено смотреть на приближающийся берег:

— Ты забыл, что я не ириданка?

— Ах, да! Ты — землянка! — я почувствовала, как он широко улыбнулся и уперся подбородком в мою макушку.

— Ну, что? Получилось?

— Что?

— Починить двигатель?

— Как видишь. Пришлось немного попотеть. Да и все системы мы так и не запустили. Но элементарные вещи удалось завести. Главное, штурвал да мотор работают. А все остальное — ерунда. А что говорит Забава?

— Тебе разве Лирит не передал?

— Что? Он вообще еле шевелится. Отвечает несвязно и размыто. Забава сильней, она же королева, помнишь?

Тогда я передала ему слова Забавы. Он долго молчал и никак не прокомментировал. Потом мы, наконец, вошли в затон. Из рубки выглянул капитан и позвал его. Лахрет чмокнул меня в макушку и побежал в сторону рубки. А я осталась стоять на носу корабля, обхватив себя за плечи, и задумчиво глядеть на молчаливые деревья, похожие на земные дубы.

*** **

Мелкий камень щебня неприятно доставал даже через подошву. Я стояла спиной к кораблю и внимательно всматривалась в тень дубравы. Мы находились на дне чаши с ровным дном, вокруг которой во все стороны стремились вверх склоны утесов. До середины они зеленели редкой растительностью, а потом начинали темнеть коричневато-серыми голыми скальными отложениями. Этим горам точно было тысячи лет.

Если стоять спиной к реке, над макушками деревьев леса возвышались слева и справа вершины двух гор, а меж ними виднелся перевал. Это единственное место, где виделась возможность идти вглубь. А вокруг были лишь непроходимые каменные стены.

Как выяснилось довольно скоро после пересечения Грани, ниясыти летать не могут. Да, и двигаются они довольно размеренно. Словно в воде. Люди же разницы никакой не ощущали. Кто знает, может, на природу ниясытей влияло защитное поле, изнутри казавшееся огромным розовым куполом над головой? Либо это было следствием влияния каких-то минералов, входящих в состав скал? Но никто не мог объяснить странности окружающей атмосферы. Она отражалась и на местной фауне. Сколько мы здесь уже находились, я еще не встретила ни одной птицы. Лишь пару грызунов да пугливое шерстяное нечто, промелькнувшее меж столбами деревьев.

Вывод напрашивался один — идти вперед надо только пешком. Благо у нас есть пара вездеходов. Мы на них сложим все необходимое для похода, а сами будем идти рядом. Вчера, после шумного совещания, было решено, что пойдут все. Хотя и думали раньше, что Март и Мэнона останутся, но из-за аномальных магнитных бурь, вырубивших всю электронику, резон в этом уже отпал. Делать антивирус не на чем. Как и охранять катер не от кого. Переживать, что кто-то пройдет поле и захватит корабль — глупо. А просто сидеть на судне и фиги паукам крутить, тоже нет смысла. Тем более все хотели увидеть тот самый покинутый город Зарнар.

Куда идти, всем было ясно. В сторону единственного видневшегося впереди перевала. Возле костра вечером мы долго обсуждали смысл следующей загадки Комнаты Древних: «Каменист путь и крута дорога. Пусть будет молчание твоим другом. Оно спасет тебя. Верный путь — прямой путь. Пусть глаз не обманывает тебя. Лишь вера откроет вторую и третью печати».

В том, что впереди «крутая дорога», никто не сомневался. Она была единственной. Мы также предположили, что дальше, за лесом, она будет каменистой. По поводу «молчания» подумали, что возможны обвалы, поэтому надо было вести себя достаточно тихо и осторожно. А что дальше будет, фантазии у всех разыгрались не на шутку. В итоге, поняли,

что ответ на этот вопрос даст лишь время.

Итак, позади опустевший катер. Впереди — перевал. Экспедиция тронулась.

Двигаться меж деревьев леса было достаточно легко. Несмотря на древность, лес казался весьма освещенным и проходимым. Деревья были похожи на земные дубы. Широкоствольные и раскидистые, они редко стояли друг от друга.

Под широкими рифлеными колесами вездеходов трещали сухие сучья. Не знаю, чьей это было идеей взять в экспедицию именно эти вышедшие из употребления машины, но это оказалось весьма актуально. Когда из-за аномальных электромагнитных явлений из строя вышла вся автоматика, механическая работа двигателей внутреннего сгорания спасла нас от тяжелых нош. Йен с Лахретом немного «поколдовали» над ними и все замечательно заработало.

Как и предполагал Зунг, лес закончился довольно скоро и мы вышли к каменистому перевалу. На покатых склонах, покрытых осыпями из крупных скальных пород, растительности почти не было видно. Лишь изредка из-под какого-нибудь валуна к небу стремилось корявое деревце, да и только. А на вершинах хребта блестел в ярких лучах солнца снег.

Мы двигались довольно медленно, так как приходилось обходить огромные обломки скал, некогда оборвавшихся с вершин. Да и ходить по таким местам многие не привыкли. Особенно ниясыти. Их дыхание и так было тяжелым, а тут еще и двигаться надо. Проблема была еще и в том, что они не привыкли к долгим переходам. Зачем пользоваться лапами, когда есть крылья? Тем более, по своей натуре, ниясыти были довольно ленивым народом. Обладая способностями к перемещениям в гиперпространстве, они не видели смысла в продолжительной ходьбе. Лучше лишний раз подремать. Хотя меня удивил Рогор. Он оказался самым выносливым. Лахрет предположил, что это, вероятно, из-за того, что в детстве дикие малыши не могут летать, а чтобы выжить, им приходилось пользоваться лапами.

Итак, спустя четыре часа изнурительного подъема вверх нам пришлось сделать привал. Первой рухнула Забава и тут же отключилась. Вокруг нее защитным кольцом разлеглись остальные и сразу последовали ее примеру. Только Рогор остался на стреме. Снова сработали врожденные механизмы выживания.

Отдохнув около часа, мы продолжили путь по пологому подъему. Вокруг ничего не менялось очень долго. Одни камни да скалы. И все время вверх и вверх. Первой сдалась я, чего и следовало ожидать, так как ириданцы по природе более выносливые. А я всего лишь землянка, да еще и изнеженная комфортной жизнью в атконноре при богатом муже. В итоге, меня водрузили на вездеход, как еще одну часть багажа и велели не рыпаться. Там я и заснула. Второй потеряла способность передвигаться Ята. Ее упаковали на второй вездеход. И мы тронулись дальше. Через сон я слышала, как хныкала Забава, что устала. Потом смолкла. Лирит сжалился над нею и потащил на своем горбу. Рыцарь с крыльями! Долго он так протянет, тушу-то такую нести? Нук там что-то тоже пробовал помочь, вроде. А вот Рогора Лирит к Забаве не подпускал. Постоянно настороженно на него косился и иногда шипел. В общем, так и двигалась наша длинная процессия.

Проснувшись я от шума спора. Открыла глаза и высунула голову из мешков и амуниций. Заспанные глаза мешали толком что-то разглядеть. Пришлось несколько раз моргнуть и с усилием их потереть.

Наша группа экспедиции наконец-то взобралась на вершину перевала и смотрела вниз, в

небольшую долину. Спор поднялся из-за того, куда идти дальше? Дорога делилась на две части, если так можно было сказать. Можно было спуститься вниз и идти по долине, где легко передвигаться. А можно продолжать идти прямо по небольшому выступу, похожему на разрушенную древнюю дорогу вдоль отрога. Кстати, с нашего положения, и, впрямь, просматривалось дальше нечто похожее на дорогу. А мы стояли на у-образном перекрестке. Одна шла веред, а другая вниз, в долину. Здравый смысл указывал, что проще и удобнее спуститься в красивую зеленую долину. Но Зунг настаивал идти веред по каменистому пути. Виктор Целен же, наш многоуважаемый «морской котик», громогласно гудел, что Зунг — червь бумажный, и ничего не смыслит в походах. На что достопочтимый библиотекарь вещал, что капитан — морская свинка и нечего не понимает в сухопутных переходах, да еще и в такой вот необычной экспедиции. Что, дескать, он не разбирается в древних манускриптах и подсказках, оставленных предками в Комнате Древних.

Я выкарабкалась из нагроможденных в кузове вещей и пристроилась с краю, возле задумчивого Лахрета. Тот слушал спорщиков вполуха и молчал, рассматривая манившую долину. Там, в ее центре блестело голубое озеро, а вокруг зеленели насаждения плодовых деревьев. Этот момент меня крайне удивил. Такое ощущение создавалось, что в долине жили люди и ухаживали за садом.

Тем временем в спор вмешался Наран и занял сторону Зунга. Тогда Виктор немного поутих, но заговорила наш многоуважаемый медик. Ее странным делом влекло вниз, и она нашла массу причин спуститься. В итоге, наша группа разделилась на два лагеря: тех, кто верит подсказкам Комнаты Древних, и тех, кто хочет к воде и деревьям.

Я взяла Лахрета под руку и подняла на него вопросительный взгляд:

— А что думаешь ты? — от моего вопроса все, вдруг, смолкли и повернулись в сторону Лахрета.

Он оставался единственным, кто молчал. И единственным, от кого зависело решающее слово. После моего вопроса, он повернул в мою сторону лицо и ласково коснулся моей щеки:

— Проснулась? Как себя чувствуешь?

— Хорошо. Так что ты думаешь? Куда нам идти?

— Прямо. Долина слишком подозрительно хорошая, чтобы быть безопасной. Тем более, Зунг говорит верно, мы пришли сюда благодаря подсказкам Комнаты Древних. И поэтому должны следовать ее указаниям. В ней говорится, что «верный путь — прямой путь». Мы сейчас стали перед выбором. Идти прямо или повернуть. Если следовать подсказке, то нужно идти прямо все время.

— Верно! — воскликнул Зунг и негодуя зыркнул на Виктора Целена. — Я уже пол часа здесь талдычу, что нужно идти прямо. Но кое-кто твердолобый не хочет этого понять.

— Попрошу без оскорблений! — вспыхнул капитан и с угрозой шагнул в сторону библиотекаря.

Тот испуганно выпучил глаза и шарахнулся, и фонтанчик доводов прикрыл. Лахрет равнодушно обошел толпу спорщиков и ступил на прямую дорогу. Присел и разгреб мелкий камень с песком. Под ним завиднелась брусчатка. Затем, шуря глаза от ярких лучей заходящего Раголара, внимательно посмотрел вперед. Я поглядела туда же. Выступ вдоль пологого каменного склона казался неприродным, будто когда-то здесь потрудилась чья-то рука. Прошло много времени с тех пор, как по этой дороге ступала чья-либо нога. Время, дожди и ветер сделали свою работу. От нее почти ничего не осталось.

— О чем думаешь? — спросил Наран, замерев ровно за спиной друга и также

рассматривая древнюю дорогу.

— Я не вижу связи...

— Ты о чем?

— Погляди, как ухожена долина. Явно, что там есть чья-то заботливая рука, словно там кто-то живет. А дорога оставлена. Этим путем уже не пользовались тысячи лет. Почему?

Наран повернул голову в сторону долины и нахмурился.

— Что-то здесь явно не так... — продолжил Лахрет. — Да, и в подсказках Комнаты Древних четко говорится, что правильно идти только вперед и хранить тишину. Мы все это время перемещались бесшумно, и, возможно, избежали опасности. Та долина внизу слишком хороша, чтобы быть безопасной для тех, кто идет в город, путь к которому скрывали тысячи лет. Я думаю, хоть этот путь и кажется опасным, но стоит идти именно по нему.

— А вдруг, обвал? — с сомнением протянул Март, почесывая затылок.

Лахрет оглянулся на шурину и, хмуря брови, ответил:

— В любом случае, у нас будет возможность вернуться. Возможно, мы потеряем время, но будем уверены, что проверили свои предположения.

— Может, разделимся? — предложил Виктор, с сомнением поглядывая на местами обрушенную древнюю дорогу.

— Это неразумно, — покачал головой Наран. — Вы заблудитесь.

— Почему? Пусть с нами пойдет тот, кто знает подсказки из Комнаты Древних, — начал было придумывать капитан, но его прервал Лахрет однозначным тоном:

— Никто не будет разделяться. Идем прямо.

Он обвел всех строгим взглядом и поднялся. Никто не посмел возражать. Лахрет подошел ко мне и, заботливо наклонив голову, спросил:

— Ты уже отдохнула? Можешь идти сама?

— Могу, — я оглянулась на вывернувшуюся на камешке Забаву.

Та грела брюхо и никого не слушала, впитывая в себя последние лучи солнца. Устала она не по-детски. Лахрет посмотрел туда же.

— Еще час они смогут пройти, — он имел в виду ниясытей. Потом оглянулся к остальным и приказал: — Разберите вещи с вездеходов и возьмите себе на спины, кто сколько сможет. Нельзя рисковать всем, если одна из машин упадет. И это снимет давление на дорогу в одной точке.

Все молча, принялись выполнять поручение. Я тоже ринулась, но тут же была отправлена мужем в тыл в сопровождении недовольного взгляда. Лахрет набрал на свою спину вдвое больше, чем некоторые. Я начала возмущаться, что он слаб после ранения, и я тоже могу что-нибудь понести. Но получила строгий отказ с намеком на то, что через пару шагов тогда придется еще и меня нести. Я покорно вздохнула и пошлепала в самом арьергарде, перед следовавшими в самом конце ниясытями. Завершал шествие Рогор. У меня было такое чувство, что у того нура глаза на затылке. Он был настолько насторожен, что, казалось, замечал даже муравья за валуном. Зато Забава, дышавшая мне в затылок (как, впрочем, и я), постоянно спотыкалась. Я еще удивлялась, ворча, что та не такая уж и выносливая, как раньше хвасталась. Мэнона, который шел прямо передо мной, объяснил, что ее слабость обусловлена ядом, который еще не вывелся из ее организма полностью. И еще один важный момент — они голодны. Уже сутки, как наши ниясыти ели в последний раз. Меня это начало тревожить не на шутку. Хотя я знала, что они могли долго жить без еды, но все-таки...

Через час мы добрались до небольшого расширения дороги, перед этим пару раз чуть не соскользнув вниз. Один из вездеходов, который вел Йен, все время норовил съехать боком вдоль склона. Это было по причине того, что эта машина немного шире, чем первая. Решили сделать привал, который перерос в ночлег. Я заснула почти сразу под боком у мужа и завернутая в теплый спальный мешок, как только закрыла глаза. Забава спала чуть поодаль, накрытая заботливым крылом Лирита. Все вокруг казалось мирным и тихим. Пока...

Ночью я проснулась от «зова природы». Пришлось долго выкарабкиваться из спальника и объятий Лахрета. Он загреб меня, словно кто украсть хотел. Нашла подходящий валун и отдала дань «природе». Уже собралась было вернуться в нагретое местечко, но тут меня привлекло нечто странное.

С того места, где я находилась, хорошо обзревалась долина, в которую мы так и не спустились. Всю дорогу я шла и косилась на нее, пока не стемнело. Она так и манила своей ухоженностью и уютом. А плоды на деревьях просили: «Съешь меня!». Трава под деревьями была коротко подстрижена и ярко зеленела.

Сейчас в свете двух лун Заруны, долина казалась безмятежной. Тихо шелестели листья, гнулись тонкие прутья над зеркальной водой и цвиринькали насекомые. То, что привлекло мое внимание, никак не вязалось с этой сказочной идиллией. Над травой меж стволами деревьев мелькнул огонек и тут же исчез. Я замерла и уставилась в то место, где заметила движение света. Померещилось? Напрягла зрение, всматриваясь вниз и пытаясь понять, показалось ли? Вдруг, снова что-то сверкнуло почти у самого дерева и скользнуло вверх по стволу в густоту ветвей. Там, в кронах начало что-то так же мелькать. Затем сполохи света начали появляться по всем деревьям вдоль всего берега озера. Неужели появились жители этой долины? Кто они? Надо ли нам с ними познакомиться?

Сердце взволновано застучало в груди и возникло жгучее желание узнать побольше об этих маленьких движущихся светлячках. Ветер шелестел в ушах и не давал услышать, что же там на самом деле происходило? Поэтому, я решила воспользоваться способностями Забавы. Может, она летать и не могла, но зрения не лишилась из-за загадочной атмосферы гор. Я обернулась и позвала ее. Сонный отзыв я услышала лишь с пятой попытки.

— Я спать хочу... — заворчала она.

— Иди сюда! Скорей! Я тут кое-что увидела. Надо рассмотреть. Только не буди никого. Может, это мне показалось?

— Я так устала... можно я не буду идти?

— Забава! Не ворчи! Или мне Рогора разбудить?

Этот довод оказался действенным. Почему-то к Рогору Забава ревновала. Я, правда, так и не поняла почему. Не стала заморачиваться. Вот она едва слышно подошла ко мне и замерла, устремив взор в долину. Все-таки умеют ниясыти тихо передвигаться. А я вот, когда шла сюда, пару раз о кого-то споткнулась и что-то перевернула, причем, на кого-то. Не уточняла, правда, на кого конкретно, но возмущений не последовало. Как еще всех не разбудила?

— Что ты хочешь увидеть? — спросила королева.

— Можно я сама? — попросилась я к ее сознанию.

Она покорно впустила меня в свою голову. Теперь я смотрю вниз ее глазами. Все видится так, будто совсем рядом. Различно каждое деревце и каждая травинка. Где же эти светлячки? Ага! Вот одно мелькнуло у воды. Я все внимание туда. Ой! Какая прелесть! Существо, размером с баскетбольный мяч, и той же формы, пушистое по всей поверхности,

скакало вдоль песчаного берега в сторону дерева. Наверху у него были большие круглые уши, как у Чебурашки, и длинный хвост, лысенький, как у крысы. Лапок видно почти не было. А светились его глазки! Прыг-прыг! Чудное создание поскакало по траве. Остановилось у ствола и начало вертеться на маленьких лапках. Запищало, и начало было подниматься вверх. И вдруг!

— Иии! — с шумом втянула я воздух и прижала руки ко рту, чтобы не закричать во все горло.

Из воды выскочило нечто черное размером с крупное пони. Оно имело вытянутую овальную форму и огромный клюв, как у коршуна, посередине. Тело было блестящее и скользкое, как у угря. Его длинные тонкие щупальца извивались подобно взбешенным змеям и жадно тянулись в сторону переполошенной зверюшки. Пушистый истошно заверещал и поспешил наверх. Среди ветвей со всех сторон поднялся невероятный шум, и все засветилось желтыми светлячками. Они прыгали с ветки на ветку, с дерева на дерево и утробно верещали, поднимая душераздирающий шум. Но это черное чудовище не обратило на вопли никакого внимания, продолжая ловко перемещаться в сторону дерева, на которое спешило побыстрее забраться в спасительные ветви пушистое создание.

Я подумала сначала, что монстр не успеет и зверек спасется, но ошиблась. Чудовище неожиданно остановилось, распахнуло клюв и... стрельнуло языком, будто хамелеон. Длинным-предлинным. Нерасторопная жертва оказалась не достаточно далеко от хищника и, точно муха на язык лягушки, прилипла к языку-канату этого монстра из озера. Исход был мгновенно решен.

Я провела потрясенным взглядом до развязки и остолбенела. Из озера появилось еще одно чудовище. И еще. И еще... Мне показалось, их было тысячи! Я непроизвольно дернулась, взмахнув руками, и собралась было орать, как оглашенная. Но тут кто-то схватил меня сзади и закрыл рот ладонью.

— Ммм, — испуганно забрыкалась я, не понимая, что далеко от озера.

Мне уже мерещилось, что эти чудовища достали до меня, сейчас же затянут своими длиннющими языками к себе в огромные клювы и проглотят.

— Тихо-тихо, — это был приглушенный голос Лахрета. — Не кричи. Мы не знаем, какой у них слух.

Я тут же обмякла и вернулась в себя из сознания Забавы. Она тоже была немало потрясена. Потом подняла голову на стоявшего сзади мужа. Он внимательно смотрел вниз, хмурия брови и морща пораженно лоб. Возле него стоял Наран. Его лицо тоже не выражало радости.

— Вот, почему древние сделали дорогу вдоль скалы, а не по долине, — задумчиво протянул Лахрет.

— Значит, мы правильно поняли указание предков. Хорошо, что не разделились, — кивнул согласно Наран, скрестив на груди руки.

Лахрет не ответил, лишь крепче прижав меня к себе, словно желая защитить от тех хищных тварей. И мы, молча, просто стояли и смотрели вниз на пиршество «озерных многоножек». Они останавливались возле деревьев и стреляли своими языками вверх. А щупальца их были такими подвижными, что собой срезали траву. Теперь нам стало понятно, кто так «заботливо» косил траву у берегов озера. Первым к нашей компании подошел капитан. Затем, через несколько минут, к наблюдательному посту присоединился Тува. Тот, спросонья, не сразу понял, что происходит. Когда до него дошло, он притих.

Сзади еще через минуту послышался шелест мелкого камня и беззаботный голос Йена:

— Что это вы тут рассматриваете? О! Сколько светлячков у озера! А что это за штуки?

— Это не штуки. Это живые существа. Местные хищники...

— Ого, какой клюв! Он и броню прокусит!

— Да... не хотел бы я попасть под щупальца... Гля! Какие подвижные!

— Интересно, а они хорошо слышат?

— Что-то меня затошнило...

— Только отвернись, когда решишь тошнить!

Снова сзади послышался шорох гравия. Почухивая животик, к нашей уже разросшейся компании подошел Март и, зевая, протянул:

— Ааа... мням-мням... Что вы тут все дела... Мать родная! Вот это уроды! Фу... они же их даже не жуют! Какая гадость. Кто это?

— Первый раз вижу.

— Многоножки какие-то...

Еще кто-то подошел и тут же перепугано заорал:

— Ааа!

— Ну, ты Зунг, и смельчак, — это был голос Нарана.

Рядом возле фагота послышался голос Марта:

— Ты тоже пописать встал? Смотри, как возле озера от света «светлячков» стало совсем светло.

— Это не светлячки, а глаза пушистых «шариков».

— Интересно, все-таки, а что это за «многоножки» такие?

— Это же Эхос-Могус!!! Но ведь они же вымерли три тысячи лет назад!

— А откуда ты знаешь? Даже я, биолог, не знаю.

— Книги читал.

— Почему это меня не удивляет?..

— И что в твоих книгах написано?

— Мало что. Все, что я знаю, что они ядовитые.

— Есть что ли нельзя их?

— Нет. Яд у них смертельный. Умрешь через пол часа, если вовремя противоядие не ввести.

— Теперь понятно, почему они не жуют...

— Значит, Эхос-Могус...

— А можно я их все равно буду многоножками называть? Так прикольней!

Так и продолжились комментарии и реплики с небольшого уступа над долиной. С берегов озера доносились душераздирающие визги. Они стихли лишь через час после начала пиршества.

В самом конце подошел и Мэнона. Когда он их увидел, а зрение гадака было в разы лучше, чем у людей, он неприятно зашипел. Оказывается, что на одном из таракских материков еще остались эти «дивные» творения. Столкновений с ними даже они избегали.

Чувствуя, как заныли ноги, уставшие за день дороги, я отправилась спать еще до завершения долинной расправы. Забава, ушла еще раньше. Когда заснула, мне, несмотря на увиденное жуткое зрелище, ничего не снилось.

На следующий день дорога с собой ничего нового не принесла, кроме одного несчастного случая.

Это произошло после трех часов пути по той же брусчатой древней дороге. Впереди возник обвал. Оставался лишь небольшой участок, где можно было едва протиснуться ниясыти, не говоря уже о громоздком вездеходе. Долго думали, как быть. Решили боком протянуть, а ниясытей использовать как вьючных животных. Они не очень-то и сопротивлялись, проникнувшись глубоким пониманием к нашей проблеме.

Так вот, начали мы тянуть неповоротливые машины. С первым вышло все замечательно. И, воодушевленные первым удачным экспериментом, со второй машиной перестарались. Колеса посунулись вниз и вездеход, зацепившись вторым рядом колес, завис над пропастью. За рулем сидел Йен. Натон и Лирит успели подхватить машину, а мужчина повис над обрывом, зацепившись за одну из рам. Тогда, рискуя жизнью, расправив непослушные крылья, Рогор вытащил нашего драгоценного инженера, когда тот уже был на волосок от гибели.

С того момента мужчина преисполнился искренней благодарностью к дикому нуру. Рогор благосклонно принимал несмелые попытки человека показать свои чувства к нему.

После небольшого отдыха, мы продолжили сложный путь.

*** **

— Я так и думал, что все этим закончится! — уронив обреченно руки, протянул Зунг и с глухим туком оперся о каменную стену.

Вот уже битый час мы стояли в тупике, с каждой минутой теряя надежду, что сможем продолжить путь. Когда мы только вошли в тесную расселину, оставив позади длинную «безмятежную» долину, все гадали, куда же нас приведет эта дорога? Уперлись в огромную черную глыбу. Все. Конец. Особенно слово «конец» было хорошо видно на лбу Зунга. Он иногда так легко мог впадать в панику и отчаяние, что ему просто не было равных.

Придя к выводу, что это черное препятствие перед нами, точно не природного происхождения, мы принялись искать способы преодолеть его.

Что мы только не делали! И простучали каждый сантиметр загадочной преграды. И просили просканировать Забаву, но та отказалась, сказав, что здесь особенно много «тяжелого воздуха» (так Забава называла аномалию гор). И пытались взобраться наверх, как по самому камню, который был слишком гладкий и скользкий, чтобы можно было подняться на вершину. Так и по боковым стенам, более приспособленным для альпинистского восхождения. Но Наран, первым вскарабкавшийся наверх, не обнадежил нас, сказав, что дальше только непроходимые скалы и виднеется пропасть.

Обсмотрели каждый уголок преградившей наш путь глыбы, надеясь найти подсказку. Наран даже отправил меня лично прощупывать каждый сантиметр, надеясь, что я обладаю некой силой или отпечатавшимся на коже ключом от той панели управления в карстовой пещере. Но после тщетных моих блужданий по холодному камню ладонями, он разочарованно махнул рукой, пробубнив что-то наподобие: «Когда не надо, у нее все получается, а когда в нее верят, она бессильна». Мне было обидно слышать эти слова, но я уже привыкла к его сарказму. Причем злился он всегда, почему-то, только в мой адрес.

Постепенно все сползли вдоль каменной стены на пол, давно устав от затяжного подъема и удрученно повесили носы. Особенно низко висел нос Зунга. Лишь Лахрет, заложив руки за спину, задумчиво продолжал рассматривать непреодолимое препятствие.

Забаву уже пол дня продолжала хныкать, что хочет есть, и готова съесть даже камень. Если бы она не была беременна, смогла бы терпеть голод, как и остальные, еще дней пять. Взрослая ниясыть спокойно переносит отсутствие еды около недели. Но сейчас Забава

растила в себе малышей и очень нуждалась в белках и углеводах. Ее нытье достало даже Лирита, хотя он, как и его всадник, был достаточно выдержан и спокоен.

Я подошла к мужу и остановилась рядом:

— О чем думаешь?

— Я думаю о необычной гладкости этого камня.

— И что?

— Глыба, преградившая нам дорогу, намного темнее, чем скалы вокруг. И до сих пор остается идеально гладкой, будто отполированная.

— Да. Ну и что? Мы уже это в самом начале заметили...

— Это не нормально. Любой предмет после долгого стояния под дождем и ветром начнет изнашиваться и покрываться трещинами и слоем грязи. А он стоит, будто его только установили или недавно вымыли и очистили. Как-то это неприродно. Вполне возможно, это препятствие — не естественное физическое явление, а плод неизученной нами энергии. Значит, есть возможность его и убрать. Но какая? В чем секрет?

— Но мы уже все перепробовали...

— Значит, не всё. Что-то мы упустили.

— Но что?!

Он не ответил, продолжая рассматривать черный камень. Я глубоко вздохнула, начав размышлять о том, что придется, наверное, нам разворачиваться и искать другой путь. Может, вернуться в самое начало и плыть по реке на катере? Или сходить к даме в пещере и спросить ее об этой штуке? Что надо сделать? Она говорила, что мы должны понять тайны мира. Но что она имела в виду?

Воцарилась напряженная тишина. В тишине хорошо думать. Я присела на небольшой валун возле ног Лахрета и тоже уставилась на темную поверхность. Повторила в мозгу слова подсказки из Комнаты Древних: «Каменист путь и крута дорога. Пусть будет молчание твоим другом. Оно спасет тебя. Верный путь — прямой путь. Пусть глаз не обманывает тебя. Лишь вера откроет вторую и третью печати».

— Пусть глаз не обманывает тебя... Лишь вера откроет вторую и третью печати... — вслух едва слышно повторила конец второй подсказки.

Ее уже сто раз проговорил Зунг возле этой глыбы, но ни на йоту не приблизился к разгадке. Он читал ее, как мантру, считая, возможно, что камень оживет и услышит его отчаянные причитания. Даже меня поощрял повторять за ним. Сейчас же он обхватил голову руками и, молча, на корточках, качался туда-сюда. Ему, что, так легче думается?

Лахрет услышал мой шепот и повернул в мою сторону профиль:

— О чем думаешь?

— Думаю, о том, что сейчас нас глаз «обманывает»? Там точно должна быть дорога. Ведь раньше здесь ходили. Даже брус положили. Так почему теперь нельзя?

— Ага, и на самом деле это не стена, а проход! — иронично хмыкнул Зунг.

Его интонация так напомнила нотки Нарана, что меня даже подкинуло на валуне и перекоробило в некоторых местах.

— А что? А может, так и есть! Надо только верить! — неожиданно для себя вспыхнула я.

Когда издевки звучали в чужих устах, а не Нарана, это сильно раздражало и активировало потаенные закрома моего мозга для самозащиты. Поэтому я недовольно нахмурила брови и поднялась на ноги.

— Вот увидишь! — сверля твердым взглядом отчаявшегося библиотекаря, бросила я. —
Надо только верить, что там проход!

— Ага. Там проход, а я — макака (так называли невысокий куст с маленькими ядовитыми ягодками; когда я узнала, что это, долго смеялась).

Подарив Зунгу самый решительный взгляд, я подошла к камню и сосредоточилась на своих чувствах. Я ему докажу, что права, даже если не права! Надо только верить!

«Надо верить! Надо верить! — шептала я про себя и уперлась двумя руками в холодный камень. — Надо верить...» Представила, что впереди не камень, а проход и думала только об этом. Мне, вдруг, так отчаянно захотелось, чтобы это была правда! «Проход... проход...» — у меня даже слезы задрожали в глазах. Я так усилено хотела этого, что даже перестала что-либо слышать вокруг. И вдруг! послышалось знакомое: «У! У! У!», а камень под ладонями начал неожиданно теплеть, пока не стал настолько горячим, что заставил меня резко зашипеть и отдернуть руки.

— Что происходит?!

— Откуда этот звук?!!!

— Я точно его где-то слышал! Не может быть!!!

— Да, похоже на гул Грани.

— Так, все-таки Лана — ключ! Я же говорил! Давай! Продолжай делать то, что делаешь!

— А что она сделала? — послышалось со всех сторон и все повскакивали на ноги.

Я широко распахнула глаза и отшагнула назад, упершись затылком в грудь Лахрета. Тот сжал мои плечи и прошептал:

— Продолжай думать о проходе. Скала слышит твой голос мысли. Думай, — в голосе мужа звучала надежда.

Я задрала голову, желая увидеть его глаза, но уперлась взглядом лишь в подбородок и резной профиль. Тогда я снова повернулась к камню и попыталась сосредоточиться на проходе. Теперь звук начал учащаться, как в той пещере: «У! У! У!», пока не превратился в сплошное гудение. Затем то, что еще минуту назад мы называли камнем, начало дрожать, как картинка в плохо ловящем сигнал телевизоре. А потом, Бац! И все исчезло совершенно! Впереди образовался громадный вход в темную пещеру, через которую продолжала пролегать всё та же брусчатая дорога. Однако, в отличие от той, на которой мы еще стояли, она была совсем как новенькая, будто ее только что положили строители.

— Чудеса!

— Невероятно!

— Вот это да! — восторгались остальные.

— Ну, ты Ланка, даешь!

— Немедленно за вещи и веред! — а этот бас, привыкший перекрикивать штормовой ветер, я не спутаю ни с кем.

Позади заворчали двигатели вездеходов, зашелестели сумки и вещи. Я же, не поворачиваясь, перешагнула линию, некогда бывшую каменной преградой. Впереди, достаточно далеко, чтобы видеть только одну белую точку, сиял просвет — выход из образовавшегося туннеля. Теперь мы знали, куда идти. И я смело зашагала. Вскоре меня догнал Лахрет, навьюченный поклажей, и пошел справа. Сзади в затылок шумно дышала Забава. Через пять минут догнал нас и Зунг. Догнал и тут же спросил:

— Как ты это сделала?!

— Просто поверила, что впереди проход, — не отрывая глаз от света в конце туннеля, протянула я.

Зунг что-то удивленное пробубнил себе под нос, и, молча, продолжил идти рядом. Проход был достаточно широким и вездеходы легко скользнули в тень пещеры. Лишь через минут десять я решила оглянуться, желая узнать, как долго будет открыт проход, но он будто и не собирался закрываться. Затаив дыхания, вся группа шла к единственному источнику света впереди, и настороженно оглядывалась по сторонам на каменные стены. Они, неровные, с крупными впадинами и выступами, смотрели безразличным холодом на нас. Темно было настолько, что с трудом можно было различить лица друг друга. То и дело слышались возмущения со всех сторон:

— Ну, и темнота! Хоть глаз выколи!

— Фонарик достань.

— Так интересней: видеть свет в конце туннеля!

— Идиот...

— Это кто тут идиот?! — голос братца мне было сложно не узнать.

— Угадай! — это была точно Фиона.

— Так! Не ругаться! Ведете себя, как маленькие дети!

— Ай!

— Что?

— На камень наткнулся...

— Больно?

— Не очень.

— Смотреть под ноги надо.

— Я вижу только свет в конце туннеля!

— Точно, идиот!

— Ты че дергаешься?!

— Угадай!

— Бить собралась?

— Когда я тебя буду бить, это увидят все. Иди уже!

— Не махай руками!

— Я не махаю.

— Это не ты?

— Ой! Это точно не руки! Мэн, убери свой хвост, он меня по всем местам бьет!

— Прости...

— Да достаньте же фонарики!!!

— Ты мне на ногу наступил!

— Извини. Могу еще раз...

— Ты мне уже все пятки оттоптал! Сохраняй дистанцию!

— А как я могу сохранять дистанцию, если ты плетешься, как не знаю кто!

Я слушала и лишь улыбалась. Приятно, что члены группы не теряют присутствие духа. Пусть и ссорятся, но все-таки... это разряжает обстановку.

Тем временем просвет все приближался и приближался, пока не превратился в огромный проход с рваными краями на каменный выступ прямо перед... широкой ПРОПАСТЬЮ!

Противоположная отвесная сторона пропасти, ярко освещенная полуденным светом,

переливалась залежами разнообразных пластов глинистого сланца вперемешку с колчеданом, прожилками кварца и кальцита. А внизу, много десятков метров ниже нашего положения, протекала зеленая река.

Когда я подошла к краю, от безумной высоты закружилась голова, а сердце оборвалось, прежде заходившись в страхе. Напротив, через десяток метров непреодолимой пропасти, в противоположной стороне чернел вход в другую пещеру. Кто-то случайно пнул камень и тот полетел вниз, но звука его приземления мы так и не услышали.

— И что теперь? — разочарованным тоном протянул Март, стоя у обрыва и озадаченно глядя вниз. — Мы уже пришли? Дальше будем лететь?

Почему-то все повернулись в мою сторону, словно я знала ответ.

— Что вы на меня так смотрите?! — возмутилась я. — Я тут не при чем! Я не знаю, что делать!

— Ну, туннель же ты открыла! — Зунг вскинул брови и выдвинул челюсть.

— То есть ты намекаешь, что я всё теперь должна обязательно знать? Этот туннель я случайно открыла! Просто ты довел меня... — и тут я прикрыла рот.

— Хочешь, я тебя доведу? Нам позарез нужно на ту сторону, — насмешливо фыркнул Наран и с ухмылкой кивнул в бок противоположной пещеры.

Его это начало даже забавлять.

— Если это поможет перебраться, я ему помогу, — покосился на фагота Март и растянул рот до ушей.

Я возмущенно вытянула лицо и повернулась к Лахрету, ища поддержки. Он приобнял меня, и недовольно нахмурился на весельчаков:

— Прекратить!

Все уважительно вытянулись по стойке смирно и сделали вид, что здесь совсем не при делах. Лахрет ласково похлопал меня по плечу и задумчиво воззрился на чернеющую дыру пещеры на той стороне пропасти.

— Давайте думать вместе, — предложил он. — У нас с вами просто масса времени.

— До конца жизни? — брякнул Зунг и пристроился у рваного края прохода пещеры.

Его жест говорил о том, что он собирался здесь задержаться надолго, так как не представлял себе, как возможно преодолеть пропасть. Потому что ниясыти лететь не могли, а люди себе еще крылья не отрастили, да и вопрос, полетели бы? Все устало переглянулись и снова посмотрели в мою сторону. Я демонстративно пожала плечами и пристроилась у входа, скрестив руки на груди. Остальные начали, кто где, размещаться по нашему с Зунгом примеру. Один Лахрет замер у края и глядел вниз. Когда он думал, он так всегда делал: отстранялся и задумчиво рассматривал препятствие.

Через пять минут рассеянного молчания, неугомонный Зунг зашевелился и медленно переместился ко мне, кидая в сторону Лахрета осторожный взгляд. Я покосилась на него и кивнула, спросив, что он хочет.

— Слушай, Лана, давай размышлять вместе. Вот смотри, ты сумела найти весьма скоро ответ на самый первый вопрос о том, как пройти сквозь Грань. Мы нырнули под воду. Наран и Март ничего не смогли найти...

— Да ладно! Мы уже почти нашли ту статую герна, как она проскочила перед нашим носом! — возмутился Март, перебив монолог-рассуждение библиотекаря.

Зунг коротко поглядел на молодого человека и, продолжил:

— Потом ты, не знаю это как назвать, как не чистое везение, уговорила дикого нура

помочь в поисках того, что могло открыть нам путь. Благодаря ему, наша карстовый карман, где находилась панель управления полем. Запустила ключ и открыла дорогу. Свершилось чудо! Мы попали туда, где давно не ступала нога человека. Тысячи смельчаков пытались преодолеть Грань. Что они только не предпринимали. Но им так ничего и не удалось. А мы, конечно, благодаря подсказкам из Комнаты Древних, сумели найти не только возможность преодолеть Грань, но и найти дорогу через перевал.

— Будто у нас был другой вариант, — проворчал Март.

— Попрошу меня не перебивать! — недовольно зыркнул на моего братца Зунг и, повернувшись обратно ко мне, продолжил: — Так вот, мы, подойдя к развилке, решили выбрать прямой путь вдоль скалы по заброшенной дороге. Затем уперлись в тупик. Так казалось нам. Ты же, кто знает, может, потому что на тебя пал выбор той машины, которая передала тебе ключ от поля, смогла отворить проход в этот туннель, и мы опять смогли идти дальше. Дошли до этой пропасти. Теперь мы снова стоим перед препятствием. Нам нужно преодолеть его, ведь пути назад у нас нет, так как это и есть та самая дорога, которую нам указали древние. Вполне вероятно, что на всем протяжении нашего путешествия теперь именно ты должна запускать все ключи. Думаю, это все по той же причине, по которой нас пропустило защитное поле гор Градасса. Поэтому мы и начали возлагать на тебя все надежды... как и в данный момент. Ты стала нашим ключом. Мало того, я думаю, что та панель управления в пещере наделила тебя какими-то способностями, которые необходимы, чтобы все преодолеть, — библиотекарь смолк и выразительно обвел остальных взглядом, желая в своих рассуждениях найти сторонников.

И в целом, все с ним согласилось, согласно кивая головами. Лахрет тоже обернулся, внимательно слушая речь хранителя библиотеки. Я же обхватила в отчаянии голову руками и простонала:

— Но сейчас я просто не знаю, что делать!

— Но ты не знала и как туннель этот открыть. Что тебя побудило? Ну, кроме меня... сделать то, что ты сделала у входа сюда? Что ты говорила? Либо думала?

Я вскинула на него глаза и ответила:

— Я уперлась в стену и начала повторять, что надо верить. А затем представила, что впереди проход. Так все и произошло.

— А я вот, когда думал, что там проход, мне не отворилось... — проворчал Март и повернулся к скальному выступу.

— Да-да! — Зунг активно закивал головой. — Наверное, это была вторая печать, согласно той подсказке! Там говорится, что и третью печать мы откроем тем же способом! — его глаза загорелись, и он подскочил к краю.

Присел и заглянул за него.

— Значит, надо верить? Но во что надо верить здесь? — бубнил он себе под нос, шурша руками по краю.

Песок, поднятый его движениями, срывался с края и облаком летел вниз. Я заморожено следила за его движениями и это что-то мне сильно напомнило... но что? Что?! Все снова и снова это мелькало в моей памяти. Далекой, еще с детства. Где-то я это уже видела. Вот бывает же такое, что в голове что-то гениальное возникает, и тут же ускользает, не задержавшись на языке. Я взволнованно хмурила лоб и начала кусать губы.

Лахрет присел рядом на корточки и положил ладони мне на колени.

— Ты что-то хочешь вспомнить?

— Что-то есть в моей памяти, — качнула я головой, — что-то, очень похожее на эту ситуацию, но я не помню...

Он сжал мои ладони и коснулся второй рукой моей щеки, пристально глядя в глаза:

— Подумай снова об этой мысли... Я помогу тебе...

— Ты можешь? — удивилась я, вскинув брови.

— Конечно... я же начальник Службы Безопасности Иридании, помнишь?

Я приободрено закивала и, смотря в его черные глаза, начала снова думать об этом отрывке памяти. Лахрет будто впился в меня взглядом, а через его ладони потекло тепло. Оно окутало ум и помогло успокоиться. Вот, я снова вижу этот похожий обрывок из детства. Передо мной предстал бравый мужчина в широкополой шляпе. Он бродит по темным пещерам и, избегая ловушек, что-то ищет с блокнотом своего отца. Сзади кто-то угрожает ему, и этот герой обязан кого-то спасти. Вот, он доходит до обрыва и видит впереди пещеру. Ему тоже надо преодолеть пропасть. Что же он делает? И тут снова меня начало выбрасывать из водоворота памяти.

— Не волнуйся, просто снова подумай об этом человеке, — спокойный голос Лахрета подстегнул старое воспоминание.

Тогда я зажмурила глаза, чтобы сосредоточиться на этом захватывающем воспоминании.

Вот, я опять вижу этого отважного мужчину, стоящего перед пропастью. Он говорит: «Тропа Бога, — заглядывает в дневник своего отца и читает, глядя на картинку, где изображен человек, идущий над пропастью: — Достойным станет тот, кто совершит прыжок в пасть ко льву, — затем он смотрит вниз в пропасть и рассуждает: — Невозможно! Никто не смог бы это перепрыгнуть! — он волнуется. Говорит себе: — Это прыжок веры!» — потом он, прижимая руку к груди, шагает в пропасть и!

Я раскрыла взволнованно глаза и распахнула рот от удивления.

— Что? — серьезно глядя в мое лицо, спросил муж.

— Это фильм! Это мой любимый фильм детства! Я так любила смотреть его, когда приезжала к бабушке на каникулах!

Затем я вскочила и подбежала к краю обрыва, где все еще сидел Зунг на корточках.

— Какой фильм? — удивился Лахрет.

— А что такое фильм? — спросил кто-то.

— Об Индиане Джонсе! — крикнула я, глядя вперед горящими глазами.

— Кто такой этот Индиана Джонс? — это был женский голос, но я уже никого не слышала, чтобы ответить.

От волнения шумела кровь в ушах. Я присела, как и Зунг, на корточки и провела ладонью за краем. Но ничего не произошло. Я нашла лишь пустоту. М-да, не может быть все уж так просто, как в фильме. Но природное упрямство не позволило сразу сдаться. Встала для удобства на колени и уперла в них руки. Сосредоточилась, как перед этим возле того камня, и представила себе мост впереди, так как считала это самым логичным. И начала повторять для себя: «Надо верить!» Потом я потянула руки вперед, проведя их по краю. Сначала ничего необычного не произошло. Все тот же шершавый камень и всё. Пока, почти у самого предела, где могла дотянуться моя рука, я скользнула по чему-то неожиданно гладкому. Насторожилась и подвинулась ближе. Это точно не природного происхождения. Как только я коснулась его второй рукой, оно отозвалось вибрацией, и снова послышался тот вибрирующий гул: «У! У! У!»

— О! Снова это гудение!

— Точно тот самый звук...

— Лана, ты идешь в верном направлении. Не останавливайся.

За краем выступа в воздухе что-то заволновалось. Прямо из-под моих коленей резко появился горизонтальный пучок света, и так же резко метнулся к другой стороне, чтобы исчезнуть у края противоположной пещеры. Потом, в такт звуку, возник второй, проделав тот же путь. Затем третий, четвертый, пятый, пока, вторя превратившемуся в постоянный гул звуку, не застыл переливающимся почти прозрачным мостом между нашим карнизом и той стороной. Этот мост на ощупь казался прочным, как тот камень, что закрывал вход в туннель, и по виду напоминал Грань.

— Невероятно!

— Грандиозно!

— Вот это да!

— Ланка, я в тебе не сомневался! Ты — гений! И твой этот... Индиана Джонс тоже... гений! — Март восторгался прямо за моей спиной. — И что дальше?

Я выпрямилась, оглянувшись на него, улыбнулась и ответила:

— А затем «Прыжок веры!», — и с этими словами шагнула в пропасть, нисколько не сомневаясь, что оно меня выдержит.

— Лана! — услышала я потрясенный возглас мужа.

Он никак не ожидал, что я так смело шагну в пропасть, и бросился за мной. Но ничего не произошло. Поле лишь блеснуло под моей ступней, и я осталась стоять над пропастью. Рядом оказался Лахрет, крепко сжав мое запястье, а второй ногой стоя на краю карниза. Я подняла на него улыбающиеся глаза, положив сверху на его руку, сцепившую мою кисть, свою ладонь, и спокойно произнесла:

— Все хорошо. Это мост. Он выдержит нас.

Лахрет настороженно опустил вниз глаза, с сомнением оглядываясь по сторонам. Слегка прозрачный энергетический мост с легким гулом переливался радужным перламутром и тянулся к другой пещере впереди. Тогда Лахрет решительно выдохнул и ступил второй ногой на пелену моста. Тот отозвался вспышкой, разошедшейся по всей поверхности энергетического сооружения, и принял его вес на себя.

— Вот она, вера! — продолжая торжественно улыбаться, ответила я и шагнула вперед.

Не сказать, что я не чувствовала страха. Я боялась до безобразия. Но внутри, кроме дикого ужаса, возникло странное чувство уверенности, что все будет хорошо. Оно шло из ниоткуда и звало идти вперед. Так я и поступила. Не отпуская моей руки, шел рядом Лахрет. За ним, с удивленными глазами забежала Забава, жаждавшая меня защитить в случае падения. Потом рискнул Зунг и Март. За ним шагнул Мэнона. Следом, держа крепко за руку жену, ступил на мост Наран. Далее потянулась и вся экспедиция. И всякий раз, как ступала на мост чья-либо нога или колесо, от них разлеталось во все стороны приятное перламутровое сияние.

Так мы добрались до противоположной стороны пропасти. И пока люди шли по этому удивительному мосту, он продолжал ровно гудеть под ногами, заверяя, что способен помочь нам перебраться на другую сторону. А как только последний сошел на твердую почву, он исчез. Оставалось лишь удивляться строителям этой дороги.

Теперь впереди снова туннель через пещеру, где в конце светился выход. А все-таки все и вправду оказалось так просто! Возможно, пока просто...

Позади остался каменистый склон, по которому мы спустились из пещеры-туннеля, когда пересекли пропасть. Потом наша группа оказалась в дремучем лесу, состоящем из громадных деревьев-исполинов. Они очень походили на секвойи из моих земных воспоминаний. Некоторые стволы мы не смогли бы обхватить, если бы все взялись за руки и обошли вокруг. Для этого понадобилось бы человек двадцать. А высотой исполины достигали, казалось, небес. Я чувствовала себя муравьем среди деревьев. Однако же идти среди таких великанов было легко. Дорога, по которой мы все это время шли, то исчезала где-то под корнями, то вырывалась в самых неожиданных местах. Но найти ее всегда было несложно. Она всегда правила прямо на восток.

Через час пути наткнулись на глубокую реку, которая просто кишела рыбой. Вот в этом месте ниясыти и набили себе брюха. Особенно Забава. Я все пыталась ее остановить, но тщетно. Она будто оглохла. Лахрет все посмеивался надо мной, как я прыгала на берегу и махала ей руками. Он говорил, что это бесполезно. Она возьмет, сколько нужно для развития малышей и остановится. Я лишь сердито сунулась, отвечая, что после хорошего голода — вредно набивать желудок. Лахрет лишь скептически улыбался.

Потом Забава, съев трехдневную свою норму, вывалилась на глинистом берегу, выставила брюхо под теплые лучи Раголара и отрубилась на добрые пять часов. Как бы я ее не будила, она никак не реагировала. После того же, как Лахрет посоветовал мне, наконец, успокоиться, так как беременные королевы часто могут впадать в спячку и в это время яйца в ее животе интенсивно развиваются (этот биологический процесс никак не обойти), я перестала кудахтать и устроилась у нее под боком. И тоже заснула богатырским сном. Я настолько крепко спала, что пропустила активное обсуждение дальнейшей дороги и предполагаемой опасности впереди.

Встала я вместе с Забавой. Та, словно и не ела пять часов назад, набросилась на рыбу в реке с прежним аппетитом и съела еще столько же. Однако создалось такое ощущение, что рыбы в воде так и не убавилось. Потом, так как была уже поздняя ночь, мы вновь легли спать.

Продолжили путь на следующее утро, найдя переправу через реку чуть ниже по течению. Там мы обнаружили брод, где спокойно проехали вездеходы. А дальше снова вилить меж зарунскими секвойями.

Прошло еще часов пять, как мы, уже под вечер, вышли на опушку леса. Контраст, который предстал перед глазами, нас потряс до глубины души. После зеленого буйного леса, словно кто прочертил ровную линию и отрезал его, простиралась красно-желтая пустыня с высокими столбовыми горами, похожими на горы Гранд Каньона в моей земной Америке. То там, то здесь из красной почвы вырывалась скудная растительность, напоминавшая земные кактусы. У меня возникло чувство, что я на самом деле не на Заруне, а где-то в Америке и с друзьями путешествую по достопримечательностям страны. Однако это ощущение так же быстро пропало, как и возникло, когда я увидела это...

Только мы ступили на бесплодную почву пустыни, в воздухе раздался пронзительный свист, который заставил остановиться и насторожить слух и зрение. Лахрет тут же меня затолкал за спину и принял позицию готовности к бою. Ту же процедуру проделал и Наран, спрятав позади себя Яту. В итоге вся женская половина оказалась в тылу. Голова Забавы нависла надо мной, а глаза сразу закрыли вторые веки. Она насторожено начала оглядываться. Особенно ее озаботил самый ближайший утес песчаника, состоявший в

основном из кварца и рутила, перемешанного с красной глиной как цементирующим материалом.

— Там опасность, — доложила она.

Остальные тоже повернули головы в ту сторону. Снова раздался свист и уже ясно, откуда он долетал. А потом послышался звук, словно трутся друг о друга пластины металла, и из-за скалы вышло оно...

Нельзя сказать, что чудовище было огромных размеров. Не больше ниясыти. Но вид его не то, что пугал — он вызывал животный ужас! Даже Лахрет вздрогнул, увидев его.

Покрытое металлической чешуей, с короткой шеей, на четырех лапах и толстым хвостом, как у крокодила, мордой оно напоминало бультерьера с маленькими ушками. Голову его венчали два маленьких рожка, как у ягненка. А пасть блестела белыми зубами, острыми как наконечники стрел. Оно смотрело на нас глазами, круглыми, как луна, ясными, как солнце, и перечеркнутыми тонкой линией зрачка, как у змеи. Довершило «восхищение» полученным зрелищем уместное замечание Забавы:

— Оно не живое...

Значит, машина! Но как же оно было похоже на живое существо! Сердце ухнуло в пятки и грозило остановиться от ужаса навсегда. Я чувствовала, как вспотели ладони и по всему телу вздыбились волосы. Холод побежал по спине, а под лодыжкой засосало так, что невозможно было вздохнуть. Я таращила на это создание глаза, не в силах сдержать дрожь в сгибающихся коленях.

— Бежим! — выкрикнул кто-то.

— Уходим! — вторил ему еще один смельчак.

— Осторожно отступаем назад, — а это был благоразумный голос Лахрета, но мне показалось, что и он дрогнул.

Чудовище медленно шагало в нашу сторону. Нельзя сказать, что оно готовилось на нас напасть, скорее проявляло интерес, но и его вида было достаточно, чтобы возжелать бегства. Из его пасти доносилось неясное ворчание, а глаза неотрывно глядели строго в мою сторону. Я уже хотела было последовать разумному совету мужа, как тот, кто успел уже меня опередить, громко охнул и упал на пятую точку. Я резко повернулась, желая выяснить, что случилось, и тут же потрясенно распахнула рот. Тува, а это был именно наш навигатор, сидел спиной к пустыне и пучил глаза в сторону леса.

— В чем дело? — оглянувшись через плечо, спросил Виктор.

— Я уперся во что-то! Оно меня отбросило! — скривился навигатор и вскочил на ноги, оглядываясь на медленно приближающегося монстра и потирая ушибленное место.

Я прищурилась и увидела причину невозможности нашего бегства: поле! Снова это проклятое поле! Именно оно отгораживало ровной линией пустыню от секвойного леса. Впустить оно нас впустило, а назад уже идти не дает. Значит, у нас выбор невелик: победить это чудище или положить здесь жизни.

Все хором повернулись в сторону дивного зверя и изготовили оружия.

— Не стрелять! — вдруг, выкрикнул Лахрет, внимательно наблюдая за движениями чудовища. — Мы еще не знаем, что оно будет делать.

— Что оно еще может делать? — грохнул Виктор и поднял на уровень плеча плазменный пистолет. — С такими зубами только плоть рвать! А ты посмотри, какие у него когти на лапах! Он явно не смахивает на мягкую игрушку, чтобы его потискать!

Выстроившись в ряд, вся группа экспедиции недвижимо стояла и смотрела на

остановившееся в десяти шагах дивное творение. Оно застыло и больше ничего не предпринимало, внимательно нас рассматривая, словно чего-то ждало. Воцарилась тишина.

— И чего оно ждет? — спросил через пять минут паузы дрожащим голосом Зунг, осторожно выглядывая из-за спины Йена.

— Тебя выискивает, чтобы съесть, — брякнул Март уж слишком высоким голосом, желая всем показать свою храбрость, хотя видно было, как дрожал в его руках плазмер.

— А может, тебя? — осклабился на парня библиотекарь. — Я очень неаппетитный и костлявый. И... ядовитый... Я в детстве много болел... а у тебя вон, сколько мяска.

Мне от этих слов почему-то стало смешно, и я тихонько хихикнула.

— В каком это месте у меня много мяска?! Я очень даже худой! — выпрямился Март и покосился в сторону Виктора, рядом с которым, так же держа в руках плазмер, стояла его дочь Рэнна. — Если по-поводу мяска, то, по-моему, ему лучше подойдет наш капитан...

Виктор покосился на парня непонятливым взглядом и вскинул брови:

— А почему это я?!

Тут я согнулась пополам, чувствуя, как подкосились ноги. У меня началась нервная истерика. Тело забило в беззвучном смехе. Из глаз брызнули слезы. Лахрет озадаченно оглянулся на меня:

— Что с тобой?

— Ха-ха-ха! — схватилась я за живот. — Мяска... ха-ха... у капитана... ха-ха-ха!

У всех удивленно повытягивались лица. Никто не ожидал от меня такого поведения. А я не могла успокоиться. Забава покосила на меня недоуменный взгляд и мигнула двумя веками.

В этот момент послышался стон и шелест металлических пластин — существо двинулось. В мою с Лахретом сторону! Муж тут же выпрямился, и поднял на уровень плеч плазмер, громко воскликнув:

— Не подходи, я буду стрелять!

— Ты думаешь, он тебя понимает? — бросил громоподобно Виктор и неожиданно выстрелил.

— Я же сказал, не стрелять! — недовольно крикнул Лахрет, покосившись на капитана.

В тот же момент плазменный луч долетел до чудища, легко, как от зеркала, отразился и полетел в сторону. Сразу стало ясно, что плазменные пушки для него как солнечные зайчики. Лахрет мгновенно опустил руки, понимая всю бесполезность своего оружия. Зато я вмиг успокоилась, и подняла глаза со своего низкого положения на медленно идущего в нашу сторону зверя. Не было похоже, что он испугался чего-то, но и намерения его не были ясны. Он лишь слегка оголил зубы и поднял голову над телом. И все. Скорее это было знаком, что он готов защищаться, если нужно, но не хочет нам навредить. Однако зачем он шел в нашу сторону?

— Плазмеры бесполезны, — констатировал капитан очевидное и в его руках вмиг очутился боевой нож.

— И что ты собрался делать своей зубоковырялкой?! — крикнул на него Наран, схватив за руку.

— Но надо же что-то делать!!!

— Это машина, Виктор! — одернул его фагот. — Зунг! Что ты думаешь?

— Я?! — вытаращил на Нарана глаза библиотекарь и растерянно распахнул рот.

— Ты же нам вчера весь вечер читал лекции о разных видах дипломатического

оружия! — вставил свое слово навигатор.

— Я... я... в голове пусто! — он отшатнулся назад в тот момент, как монстр остановился в шаге от Лахрета.

Тот, гордо подняв голову, выпрямив грудь, готов был защищать меня до смерти. Но что он мог, слабый человек, против бронированной машины? Тем более мы не были готовы к подобной встрече.

— Может, все кучей навалимся на него, и все провода повыдергиваем? — предложил, как вариант, Март.

В этот момент Забава с Лиритом и Рогором выступили вперед, грозно шипя на чудовище, но тот даже глазом не повел, глядя строго на меня. В его глазах читался вопрос. Но я никак не могла сообразить, что именно за вопрос.

— А может, побежим, пока он отвлекается? — смалодушничал Зунг и плюхнулся на свое гордое пятое место организма, где обычно сидят.

— Отличная поза для побега, Зунг, — брякнул Март и шагнул к зверюге, обнажив как у капитана «зубочистку».

— Я споткнулся, — буркнул задето библиотекарь.

Что было странно во всей этой ситуации, что эта чудо-машина никак не реагировала на наши разговоры и не проявляла агрессии, будто чего-то выжидая.

— Почему он не нападает? — спросила Рэнна.

— А нхур его знает! — махнул рукой капитан, растерянно глядя на охранника пустыни.

— Ты хочешь, чтобы напал? — осторожно двигаясь, спросил Март.

Он осторожно подкрадывался к чудовищу сбоку.

— Что ты собираешься делать? — обратился к молодому человеку фагот, сделав предостерегающий жест.

— Провода повыдергивать, — ответил тот, — смотри, он даже не замечает меня!

— Конечно, не замечает! — прокомментировал капитан. — Он знает, что его провода глубоко, чтобы ты их повыдергивал.

Март было хотел прыгнуть тому на спину, как в тот же момент толстенный хвост чудовища дрогнул и с силой ударил по Марту. Тот согнулся пополам и полетел в сторону леса. Встретил поле, и отпружинил назад, приземлившись строго на лицо. Остальные сразу же отпрыгнули назад.

— Март! — дернулась я, выскользнув из-за спины мужа, и тут же оказалась возле брата. — Ты как?

— Все в порядке. Я цел... цел... — просипел братец, кривясь на все лады.

Я повернула голову в сторону железного создания, ожидая, что тот доведет начатое до конца. Однако оно лишь смотрело в нашу сторону и продолжало чего-то ждать. Остальные окружили нас кольцом, но каждый понимал всю тщетность каких-либо действий.

Мы совершенно растерялись. Чудовище только казалось страшным, но поведение его вызвало массу вопросов. Всем было совершенно ясно, что оно пока не желает нам причинять вреда. А пропустит ли оно нас дальше?

Это решил проверить Тува. Он, проследив за полетом Марта, вдруг, сорвался с места, и бросился со всех ног бежать в сторону утеса. В этот же момент существо ожило и, как кошка, прогнулось и прыгнуло с такой легкостью в сторону перед бегуном, словно оно пушинка. Приземлилось в трех шагах от Тувы и предупреждающе оголило клыки. Тува резко замахал руками, как мельница, и развернулся в обратном направлении, крича во все горло:

— Я пошутил! Я пошутил! Я просто так бегаю! Я никуда не убегаяю!

Чудище проследило за ним до тех пор, пока навигатор не занял свое прежнее место. Потом повернуло обратно в мою сторону. Между тем, я помогла подняться брату на ноги. Он держался за живот и плохо кашлял. Вся правая часть лица была свезена. Милитана тут же оказалась рядом и принялась осматривать пострадавшего. Тот лишь махал руками, заверяя, что с ним все в порядке.

— Почему оно к тебе опять идет? — задумчиво протянул Зунг, перепугано глядя на возвращающееся чудище. — Оно не хочет нас убить. Уже давно бы это сделало. Но и не пускает нас дальше. Чего оно ожидает? Что мы должны сделать?

— Может, это и есть тот, о ком нас предупреждает подсказка из Комнаты Древних? — заговорила Фиона, и все обернулись в ее сторону.

Она стояла почти у самой границы поля и внимательно следила за зверем-машиной, которое замерло в пяти шагах от нас и продолжило чего-то ждать. Наран поглядел на это создание через плечо и задумчиво произнес:

— «На пороге четвертой печати стоит тот, кто не знает страха. Берегись! Помни, что есть лишь одна сила против него. Как малое дитя покорится он и отворит тебе дверь. Что сильнее огня и смерти? Что покоряет, когда нет надежды? Что делает Великих слабыми?»

— Да-да! Так и есть! Это четвертый страж! Он и есть четвертая печать! — завопил торжествующе Зунг. — Но мы так и не знаем, что за сила покорит его!

Я повернула лицо к стоявшему в ожидании зверю. Он снова смотрел на меня с вопросом. А в голове продолжали звучать слова Нарана. «Что сильнее огня? Что покоряет, когда нет надежды? Что делает Великих слабыми?» Что же это может быть? Что же это? Что же?! Существо шагнуло в мою сторону и опустило голову, прижав уши, как собака при виде хозяина.

— Чего он хочет? — не унимался Зунг. — Лана, ты не слышишь ничего? Он тебя ни о чем не спрашивает?

— Не знаю... — пожалала я плечами, глядя в глаза чудища. — Но мне кажется, что он хочет меня о чем-то спросить.

Мы стояли вокруг скрючившегося на земле Марта, и озадаченно рассматривали охранника пустыни. Ниясыти выстроились в два ряда по бокам, с угрозой подняв головы. Пусть они не могли использовать свои силы, но в любой миг были готовы броситься защищать своих людей «врукопашную». Лахрет снова встал передо мной и предупредил, чтобы я больше не предпринимала неожиданных действий. И пока мы не двигались, пустынный охранник тоже не шевелился, оставляя время нам подумать.

А я лихорадочно думала о том, что же это такое? Что покоряет, когда нет надежды. Нет надежды, как сейчас. Мы прекрасно понимали, что не победим это бронированное чудовище. Это как идти с дубинкой против танка. Исход был очевиден. А что же сильнее огня и смерти? Ради чего люди готовы умереть? Ууу! Древние загнули! Так, думай Лана! Думай! На тебя смотрит это чудище! Значит, я должна отвечать на этот вопрос! Но разве я могу? Я же никогда не отличалась сообразительностью. Тут даже Рэнна, артиллерист корабля, и та, умнее меня в сто раз!

— Что же ему надо?! — схватился за голову Зунг. — В первый раз нужна была сообразительность. Потом нам нужна была вера, чтобы открыть проход в туннель... и пройти через пропасть... а сейчас! Чего от нас хочет эта тварюка?!

Я задумчиво поглядела на библиотекаря. В его словах я что-то нащупала.

— Сообразительность... Вера... — повторила я за ним.

— Не думаешь ли ты, что и здесь нужно какое-то качество проявить? — спросил хранителя Лахрет.

— Вполне может быть. Но какое? — почесал он затылок.

— Смелость? — предположил капитан.

— Мужество? — подал голос Наран.

— Что сильнее огня и смерти? Что делает Великих слабыми? — произнесла я мысли вслух. — Это не смелость и не мужество... что-то другое. Что-то похожее с верой... Ммм... — я, как и Зунг, в отчаянии схватилась за голову от чувства, что ускользает что-то важное.

— Любовь? — этот мягкий голосок редко когда звучал в нашей компании, от того казался очень необычным в этот момент.

Все дружно посмотрели за спину Нарана. На нас смотрели бездонные прекрасные глаза Яты. Прижав тонкие кисти к спине мужа, она казалась нежной березкой возле крепкого тополя.

— Точно! Любовь! — меня как обухом по голове.

У всех глаза округлились на размер блюдца. Каждый был согласен с тем, что творит это чувство. А от того, что это сказала Ята, было удивительно вдвойне.

— Но как его применить в этой ситуации? — скептически спросил Зунг, жестом указав на чудища. — Неужели он хочет, чтобы его любили? Как, вообще, такое можно любить?!!

Вопрос был к месту. Теперь взгляды всех были обращены в сторону существа. Хотя мало, кто понимал, как применить это качество в данной ситуации, я сразу поняла, что нужно делать.

Отстранив Лахрета, я сделала осторожный шаг в бок существа. Оно не дрогнуло, внимательно всматриваясь в мой силуэт.

— Лана! — предостерегающе воскликнул Лахрет, поймав меня за локоть.

— Позволь, — мягко скинув его руку с локтя, покачала я головой. — Я должна. Зунг же говорил, что теперь я должна отворять все печати. Помнишь? Я коснулась шара в той пещере.

Он нервно сглотнул, но отпустил, понимающе кивнув головой. Однако последовал вслед за мной, пропустив вперед на три шага. И Забава отделилась от остальных. В движениях ее была хищная осторожность, но никакой агрессии. Она тоже прекрасно поняла мои мысли, хоть и до ужаса боялась за меня.

Значит, любовь... Я должна думать о любви. Излучать любовь. Надо действовать так же, как я действовала рядом с другими ниясытями, когда хотела заверить их в своих искренних чувствах.

Существо не сводило с меня внимательного взгляда. Вот, я подошла и замерла возле его морды, так похожей на живую.

— Здравствуй! Меня зовут Лана. Мы пришли с миром. Мы нашли указания предков. Они оставили нам подсказки, — ласково говорила я и несмело подняла руку, желая коснуться носа чудища.

Оно не дрогнуло, но зрачки глаз резко расширились и заполнили собой все пространство. Так происходило с Мэноной, когда он был чем-нибудь тронут.

— Я знаю, ты хороший. Ты не хочешь причинить нам вреда. Просто тебе однажды сказали, что ты никого не должен просто так пропускать вперед. Спасибо тебе. Ты верный

страж, — примирительно шептала я, наконец, коснувшись его морды.

В тот же момент машина-чудовище издало одобрительный рык и покорно опустило голову. А затем, как послушный песик, радостно завиляло хвостиком.

— Что с ним происходит?

— Смотри, какой потешный!

— Точно, как малое дитя!

— Ну, надо же, какие перемены!

— И ничего же ведь не скажешь!

— Фух!

— Ура! — донеслись до слуха возгласы остальных.

А я любовно глядела на удивительно создание древних. «Познав тайны мира, ты найдешь ответы», — пришли на ум слова голограммы в той карстовой пещере. Значит, тайны мира — это великие качества, что могут дать надежду всему живому и изменить его. Не сила. Не ярость. Не агрессия. А вера и любовь. Интересно, что же ждет нас дальше? Возможно, тоже какие-нибудь испытания на знания по применению положительных качеств? Что ж, ответит только время. Зато, теперь мы знаем, в каком направлении нужно думать. А пока...

Существо сделало приглашающий жест так, как собака зовет хозяина, поманив идти за ним. Значит, он будет указывать нам дорогу. Прямо как в подсказке сказано: «Как малое дитя покорится он и отворит тебе дверь»! Я оглянулась и махнула остальным идти за нами. Водители вездеходов тут же прыгнули в машины, а остальные послушно повернули вслед за нами. Только Марта пришлось упаковать на вездеход. Тому досталось больше, чем он нам сказал. Милитана сказала, что ему сломали пару ребер.

Итак, мы продолжили путь по глинистой пустыне. Из-за жуткой жары, раскинувшиеся вокруг пейзажи, не радовали наши взоры. В голове у нас было лишь одно: поскорей найти водоем. Лишь один раз мы застыли, чтобы рассмотреть руины древнего города. Хотели было пойти туда, но наш проводник активно не пускал туда. Кто знает, может, там была какая-то опасность или время поджигало. Пришлось послушаться.

А вообще, зверь, которого я тепло назвала Тотошка, в честь одного героя сказки, оказался терпеливым и довольно заботливым проводником. Например, когда Забава начала спотыкаться и падать, он корявыми движениями предложил ее взять себе на спину. Она была тронута и проехала верхом до следующего привала. Привал этот мы сделали в небольшой пещере, куда привел нас Тотошка. В ней было хорошо, прохладно, и! бил подземный источник.

После того, как все расположились поудобней и был разожжен костер, чтобы приготовить еду, я, наконец, смогла расслабиться и подумать. Сзади лежала Забава, используя момент, чтобы вздремнуть. Рядом с нею улегся Лирит, заботливо накрыв ее крылом. А подле меня сел Лахрет и обнял. Положив ему на плечо голову, подумала, как это здорово быть рядом с теми, кого любишь.

Машина-зверь лег на проходе и обратил взор на улицу. Больше его ничего не тревожило. Будто он охраняет нас от какой-то неведомой опасности.

— Интересное это создание, — протянул Зунг, присаживаясь недалеко от нас с Лахретом. — Почему оно так себя ведет? Такое ощущение, что он нас не ведет, а охраняет.

— И тебе так кажется? — вставил Март, активно кривя лицо, когда попытался встать, чтобы быть к нам поближе.

— Лана, он с тобой не говорил? — заговорил Наран. — Может, что сказал важное?

— Нет. Кажется, он не умеет говорить. Но прекрасно меня понимает.

— Я думаю, — продолжил размышления Зунг, — что его задача не только нас провести куда-то...

— С чего это ты взял? — скептически спрыснул капитан, усаживая свое громоздкое тело на небольшой валун у костра и подбросил туда еще топлива.

По пути мы сумели разжиться сухими кактусами, которые хорошо горели. Поэтому костер в пещере, где было много прохладней, чем снаружи, оказался очень кстати. Зунг обратил лицо с видом всезнайки к капитану и прорек:

— На опасности указывало многое, с чем мы уже столкнулись. Например, те жуткие твари у озера в долине, которую мы благо разумно обошли, — при этом он с нажимом поглядел на бравого капитана, прежде настаивавшего на том, чтобы спуститься в долину. А тот и глазом не моргнул. Поняв, что укол не достиг своей цели, библиотекарь продолжил: — Потом пропасть впереди и...

— Я лично не считаю это серьезными опасностями, — перебил его капитан, — мы бы легко справились с теми многоножками.

— А ты когда-нибудь с ними сталкивался раньше? — ехидно скривился Зунг. — Ты знаешь, на что они способны?

— Нет, не сталкивался.

— То-то же. Вероятно, мы бы еще с чем-нибудь подобным столкнулись дальше, но благодаря послушанию указаниям, мы избежали серьезных трудностей. Думаю, те, кто оставил нам эти подсказки, хотели, чтобы мы, во что бы то ни стало, достигли города. Зачем им нас убивать? Путь сложный и тернистый, но это лишь проверяет нашу настойчивость.

Капитан махнул на его рассуждения рукой и перевел тему:

— Это ерунда. Меня больше волнует, почему предки не хотели, чтобы сюда попадали ниясыти? Они здесь ни на что не годны и похожи на хилых домашних нхуров. Все их способности ничего не стоят и делают их даже беззащитными. Они ведь не приспособлены к серьезному ближнему бою. Вот, напади это чудище на нас, как бы мы спаслись?! Разве смогли бы нас защитить ниясыти? А нисколько. Растоптало бы оно нас и не оцарапалось.

— Может, их в те времена не существовало?

— Или же они не были приручены. Он, как их бояться Дикари у гор Градасса!

— Но ведь и птиц здесь нет! Словно кто-то не хотел, чтобы здесь что-то летало... неважно, что.

— А мне интересно, почему работают двигатели внутреннего сгорания здесь в вездеходах. Вся автоматика полетела, а им хоть бы хны.

— А нам хватит топлива?

— Еще на пару дней должно хватить. А потом, даже не знаю. У нас столько вещей «нужных», что если мы не придем через два дня в Зарнар, куда девать их? — ответил Йен и тяжело выдохнул, подкинув кактуса в огонь. Тот ярко вспыхнул и осветил лица сидевших рядом желтым светом. — Интересно, а в Зарнаре есть горючее топливо?

Возникла небольшая пауза, после которой Зунг что и смог, так это протянуть:

— Да-а, сколько загадок. Я уверен, мы узнаем ответы на них в Зарнаре!

Затем начался спор о том, что нас ждет дальше, но я снова отключилась, уложив голову на колени Лахрету. Он сидел и не шевелился, словно моя голова — хрупкий хрусталь, а мой покой — смысл его жизни. Я в последние два дня так уматывалась от долгой дороги, что

только прислоняла куда голову, тут же засыпала.

Выступили мы в путь лишь на следующий день, рано утром, когда Раголар еще только высунул красный серп над горизонтом. Утро было прохладным и сухим. Лахрет где-то отковырял куртку и аккуратно меня в нее завернул.

Итак, снова дорога. Вскоре мы спустились в каньон, и пошли вдоль красной реки по каменистому берегу. Вокруг высились красные песчаники с плоскими вершинами, да несколько обвалов с другой стороны реки. Ничего примечательного.

Шли мы достаточно долго, пока не завернули за уступ гряды и не вышли в небольшую долину. Река огибала небольшой участок равнины, дна долины, окруженный все тем же песчаником, и пряталась в пещере на противоположной стороне. Кое-где на ложе долины росли редкие невысокие деревца со скудной листвой. Когда мы шагнули на подошву крутого склона, наш Тотошка замер и наострил уши в сторону пещеры.

— Что случилось? Почему мы остановились? — стукнувшись лбом о спину впереди идущего Йена, спросил Зунг и высунулся поглядеть вперед.

Я оглянулась на членов экспедиции, которые застыли позади нас (я шла сразу за Тотошкой, потом шагали за мной Лахрет и Забава). Ответила, что наш проводник насторожился. Все удивленно зашептались и начали оглядываться по сторонам. Я подошла к боку зверя и похлопала его по плечу:

— Что там? — конечно глупо было задавать вопрос тому, кто не умеет говорить, но это дело привычки.

Надо же было что-то узнать. Тотошка ступил назад и мордой осторожно подвинул меня в том же направлении, будто предупреждая, чтобы я не выходила на открытую местность. Затем, убедившись, что нас не видно из-за выступа утеса, сам шагнул вперед и издал гудящий звук, будто звал кого.

— Что он делает? — шепотом спросил Зунг.

— Откуда мне знать? — тем же шепотом ответила я. — Но, по-моему, он не хочет, чтобы мы сейчас выходили на видное место. Хочет сначала сам проверить.

— Мамочка моя родная! — воскликнул Тува, широко распахнув глаза и пуча их в сторону пещеры.

Этот возглас заставил не только меня, но и остальных, повернуться в сторону, куда тот смотрел.

— Какой ужас!

— Что это такое?!

— Похоже на здоровезную пещерную змею!

— Здоровезную, мало сказано!

Из пещеры выползло огромное создание размером с длинный поезд. Чем-то оно походило на земную мурену с удлинённым рылом. Мускулистое змеевидное тело, слегка сплюснутое с двух сторон, крепилось на десяти коротеньких ножках-ластах. Множество острых, как иглы, зубов в один ряд венчали края челюсти. Глаза далеко отстояли друг от друга и имели блюдцеобразную форму, белого цвета с черными точками-зрачками. Передняя пара ноздрей была у него оснащена длинными усиковидными трубочками.

От ее вида я забыла страх, вызванный еще недавно при виде нашего Тотошки. Тотошка по сравнению с ней казался милым песиком.

— Но как мы пройдем дальше? Мы же не справимся с ним!

— Мы нет. А он — да...

И он был прав. Если мы не знали что поделаться с нашим провожатым, то с этим гигантским чудищем и подавно мы не совладаем. Единственный выход — спрятаться и трястись, как зайки. Но наш Тотошка и не думал это делать. Теперь, повысовывав головы из-за выступа, мы, притаившись, как мышь под веником, со страхом глазели на главных действующих персонажей арены долины.

— Мы не справимся. А он — да... — указывая пальцем в сторону бегущего к пещере нашего провожатого, уверенно прорек Йен.

Тотошка в пять прыжков оказался рядом с муреной-чудищем и тут же, не предупреждая, вцепился зубами в ее загривок. Этот живой поезд явно не удивился как его явлению, так и сему действию. Вместо этого, он, вытащив оставшееся тело из пещеры, согнулся пополам. Затем хвостом оно обвилось вокруг нашего проводника, и потянула в сторону, чтобы отодрать его от себя. Работая отдельно каждой лапой, Тотошка ловко вывернулся из широких объятий и вонзил все когти в тело мурены-великана, продолжая терзать головой загривок противника. Зубы медленно впивались в гладкую толстую кожу, и вскоре оттуда потекла кровь.

Существо-поезд, наконец, разозлилось не на шутку и подняло тело над землей ровно наполовину. В воздухе затрепыхались его первые две пары ножек-ласт. Затем он изогнулся и со всего размаха отправил Тотошку в сторону каменной стены. Броня нашего провожатого звонко загремела о камень. Тогда мурена прижала его всем телом и потянула вниз. Искры посыпались во все стороны от трения металла о камень. Но тому, как с гуся вода. Он отпустил загривок мурены и ловко переполз ему под брюхо. Остановился возле места, где у врага должна быть шея и снова загнал зубы в плоть. Вот тут чудище истошно завывло. Видимо, это было уязвимое место. Тут же оттуда фонтаном брызнула черная кровь. Жидкость, как только коснулось земли, начало с громким шипением гнать белый пар в небо. Оно так выло, будто десять слонов слили свои голоса в одном отчаянном стоне.

Еще через пол минуты, так и не достав своими маленькими лапами-ластами своего противника, оно рухнуло на бок и замерло. Лишь хвост продолжал дергаться в конвульсии. Умело отпрыгнув от умирающего врага в сторону, Тотошка замер на расстоянии и, не двигаясь, смотрел на агонию мурены. Будто проверял, что начатое им дошло до своего апогея. Вот чудище резко согнулось пополам в последней судороге, уронило хвост на землю, разогнав тучу песка, и замерло навеки.

Всё то время, пока наш Тотошка справлялся с устрашающим чудовищем, никто не смел отвести взгляда от кровавого действия. Все досмотрели расправу до самого конца.

Когда существо издохло, Тотошка победоносно задрал голову и торжествующе застонал. Я еще подумала, разве машине надо так делать? Зачем радоваться победе?

После этого он развернулся назад и легкой рысью посеменял к нам. Тогда мы начали выползать из своих мест и стягиваться в кучку. Опасность миновала.

Тотошка приблизился и замер в ожидании нашего приближения. А потом, как в первый раз, поманил за собой, словно говоря, что путь чист, можно идти.

— Мне кажется, я начал понимать, зачем предки оставили этого железного зверя у порога четвертой печати, — задумчиво протянул Зунг, первым зашагав за нашим проводником.

— Я, по-моему, тоже... — следуя примеру библиотекаря, согласился капитан.

— Вот, почему он на нас не нападал в начале. Он — наша защита от нелепых тварей пустыни, а не ее сторож, — вторил им Наран, ведя за собой растерянную Яту. — Он ждал,

когда мы позовем его на помощь. Хм... любовь... очень интересно...

Я же продолжала стоять и таращиться в сторону мертвого стража пещеры. Тототшка шел именно в ее сторону. Неужели нам туда?

— Идем, — мягко коснулся моего локтя Лахрет. — Остальные уже тронулись.

Часть 7. Зарнар

Тотошка повел нас по сырой и темной пещере, где обитала зарунянская гигантская мурина. Пахло затхлостью, влагой и гнилью. В пещере было так темно, что пришлось доставать фонарики, а вездеходам включать прожектора. Гул двигателя отражался от влажных сводов, шелестели по мелкому камню колеса, слышался плеск воды: все это навевало ощущение забвения этого места. Здесь уже давно никто не ходил. А дорога, по которой мы шли, и которая служила лежанкой для громадного чудища, казалось заброшенной уже не одно тысячелетие. Кто знает, может, это был не единственный путь из города предков. Может, где-то еще есть проходы, но Тотошка повел нас именно сюда. И если бы не он, мы бы давно провалились в одну из пропастей, что несколько раз встречали на пути. Он провел нас до выхода и остался стоять на пороге, словно дальше ему нельзя. Выталкивая нас, он будто говорил, что теперь дальше идите без меня. Догадаться было несложно.

Погладив на прощание холодные пластины горбатого носа, я повернулась и пошла завершающей в длинной процессии, спускавшейся по дну глубокого ущелья к берегу широкой и мелкой реки. Она была настолько мелководной, что с берега было видно дно даже середины. А вода была настолько чистой и прозрачной, что можно различить каждый камешек на этом дне. Стены ущелья, поросшие мхом и мелкими растениями, высились над нами метров на десять и полностью закрывали обзор горизонта. Слева река и за нею отвесная скала, и справа скала. А мы шли вдоль воды по единственно свободному для передвижения щебнистому берегу, позволявшему вездеходам легко катиться вниз по течению.

Дошли до небольшого кармана, где река поворачивала дальше в ущелье с крутыми скалами, а ровный берег упирался в тупик. Опять тупик. Дошли и остановились.

Наш глаз уже давно привык к голому камню и редким участкам зелени. Даже появление любопытных зверьков, бежавших от нас сразу, как только мы замаячим на горизонте, не привлекало нашего внимания. Но вот сейчас нас удивило наличие в этом небольшом ровном пятачке колодца. Да-да, именно так, самого обычного, древнего гидротехнического сооружения для добычи грунтовых вод, называемого в простонародье колодцем. Он представлял собой круглую шахту с воротом, только вот к валу никакой лебедки с ведром прикреплено не было.

Мы дружно обступили сие сооружение и заглянули в черную темень скважины. Ничего ровным счетом не увидели и замерли в недоумении.

— И что дальше? — иронично выдал капитан. — Что там говорят ваши древние предки, о, всезнающий Зунг?

Лицо библиотекаря виртуозно вытянулось, и он возмущенно выпучил глаза на капитана. Его явно задевали подколы верзилы-моряка. Однако ответить ему нечего было, так как и он пришел в глубокое замешательство от наличия здесь сей постройки. Она была бессмысленна. Кому надо рыть колодец возле кристально чистой реки?

Эхо от голоса капитана гулко отразилось от каменных стен колодца и исчезло где-то в глубине. Зунг выпрямился и с упреком развернулся в сторону здоровяка.

— Попрошу без намеков и иронии!

— Ладно-ладно! — вскинул руки капитан. — Что там дальше говорить в ваших подсказках Комнаты Древних, о достопочтимый наш проводник?

Справа хихикнул Март и, чтобы не вызвать еще большей бури возмущения, спрятал лицо под козырьком колодца.

— Не моих, — набычился библиотекарь.

— Хватит пререкаться, — нахмурился недовольно Лахрет, предвосхищая длинную череду препираний между капитаном и хранителем библиотеки. — Скажи, что ты думаешь об этом, Зунг?

— Я? Полный тупик, — качнул головой тот, продолжая недобро коситься в сторону морпеха. — Могу лишь напомнить всем, что говорить дальше в подсказке.

— Будь добр.

— «Пятая печать таится очень глубоко. Не ищи ее. Она сама придет к тебе, когда поймешь, что есть преградой к истинному процветанию».

Все сразу закрипели жерновами разума. Причем сей процесс выразался на лицах каждого по-разному. Одни хмурили брови, другие вытягивали лица, третьи сложили губки трубочкой, а кое-кто запустил пятерню в шевелюру и принялся активно массировать поверхность черепной коробки, будто это могло ускорить процесс обнаружения нужной идеи.

— Я так понимаю, мы как раз стоим на пороге вот этой вот пятой печати, — начал вслух по своему обыкновению рассуждать Зунг. — Дальше дороги нет, а наш зверь-проводник нас оставил. Лана, а что думаешь ты? Ла-на?

— А? — я оторвала отрешенный взгляд от чернеющей бездны колодца и вскинула его на библиотекаря. — Что?

— Ты с нами? — насмешливо ухмыльнулся Наран, не упустив возможности меня подколоть.

Я лишь пожала плечами:

— Я думаю.

— Что придумала?

Я промолчала. Честно говоря, уже утомило то, что все решили, будто я знаю ответы на все скрытые смыслы в подсказках Комнаты Древних. Вот сейчас, например, я стою, смотрю, и ничего ровным счетом не знаю. Даже намека нет. Одни вопросы. Причем, один тупее другого.

Наран оторвался от созерцания черноты на дне древнего устройства и пошел исследовать крутые стены тупика. За ним последовали Йен и Тува, а потом и Фиона с Рэнной. Я, кстати, заметила, как эти девушки сильно сдружились. У них оказалось очень много общего. Это и любовь к боевым искусствам, и интерес ко всякому оружию, а также внутренняя сила ума и духа.

Прошел час, но мы так и не приблизились к разгадке тайны пятой печати. На каменных стенах природного кармана мы ничего не обнаружили. Ничего необычного. Такой же песчаник, как и везде. Может, больше горных пород и гранита, да и все. Я тоже немного потерла ладонью камень вокруг, конечно, скорее для вида, чем для поиска подсказок. Однако через минут пятнадцать безрезультатных исследований усталость заставила меня искать удобное место для сидения и созерцания синих небес вверху. Всё, мой запал иссяк, а энтузиазм пошел в далекие-далекие края.

Члены экспедиции тоже начали понемножку оседать на более-менее ровных местах и входить в сонное состояние. Все устали от долгой изнурительной дороги и необычных приключений. Голова отказывалась соображать. Женская половина начала стелиться и укладываться. Тем более уже близился вечер. Пятый вечер в горах Градасса.

Пристроившись под боком дремлющей Забавы, я ленивым бездумным взглядом следила за вялыми движениями людей и сама начала проваливаться в сон, продолжая крутить в голове слова подсказки. Но на ум так ничего и не приходило. Перекусив сухим пайком, я вообще ушла в мир снов. Решила, что утро вечера мудренее. А Лахрет тем временем лег спать с Лиритом. Это было негласным правилом для всех наездников — раз в неделю проводить время рядом со своей нясытью для поддержания тесного химического союза.

Проснулась я из-за громких голосов. Раголар уже поднялся над горизонтом и принялся активно греть земли Заруны. Сразу не сообразила, что происходит. Пришлось несколько раз зажмуриться, и открыть глаза, чтобы в голове прояснилось. Забава лежала рядом, безмятежно созерцая, как мужчины о чем-то достаточно горячо спорят. Потом до меня медленно стало доходить, что решали, кто полезет в колодец.

Образовав небольшой круг, участники спора, состоявшие из Нарана, Зунга, Йена Виктора, Лахрета, Фионы и даже поломанного Марта, никак не могли прийти к определенному решению. Остальные сидели, кто где, и внимательно следили за происходящим. Март же даже умудрился где-то в вещах отыскать стропу и держал ее в руках, образовав на лице нечто похожее на вопросительное замешательство и растерянность.

Речь о спуске зашла еще до рассвета. Зунг предположил, что, так как ничего они не смогли найти снаружи, придется лезть в колодец, чтобы там поискать подсказки. Вот тогда и началось обсуждение кандидатур, превратившееся в жаркие прения.

В ходе обсуждения пришли к выводу, что достопочтимый капитан слишком велик для маловатой шахты, и ему будет негде развернуться. Март, естественно выбывал из вариантов по причине поломанных ребер. Нарана не пускали, так как он должен остаться на случай, если нужно будет руководство и Лахрет не вернется снизу. На что фагот возмутился и говорил, что руководство Лахрета важнее. Йена не пускали, так как тот мало разбирается в древних манускриптах, а там возможны подсказки в виде надписей. Зунга не пускали, так как он был хилым «доходягой» и физически не подготовленным к альпинистским спускам. Фиона не подходила по той же причине, что и Йен, как, впрочем, и остальные.

Понаблюдав некоторое время за искусным сплетением аргументов и фактов спорщиков, решила и я, наконец, вставить свое весомое мнение. Поэтому встала и подошла к центральному кругу.

— Можно вопрос? — подняла я руку, и тем привлекла к себе внимание. Все смолкли и повернули в мою сторону раскрасневшиеся лица. — А почему вы не обсуждаете мою кандидатуру?

Март, косясь на Лахрета, тут же выстрелил:

— Угадай!

Лахрет, угрюмо шуря на меня глаза, низким тоном произнес, как отрезал:

— ТЫ туда НЕ полезешь.

— А почему это? Вообще-то, по логике вещей, я самая первая, о ком вы должны были подумать, учитывая, что именно на мне лежит ключ, доверенный голограммой в пещере. И пока что, именно я отворяла все двери.

— Дык, мы тебя и хотели туда отправить, но... — заикнулся Зунг и тут же втянул голову

в плечи под тяжелым взглядом Лахрета.

— Это глупо, Лахрет!

— Я не позволю тебе рисковать! — муж перевел все тот же тяжелый взгляд на меня и нисколечко его не смягчил.

— А я тебя спрашивать не буду! — возмущенно вздернула я подбородком и шагнула в сторону Марта, чтобы забрать у него строп.

И сразу же была закономерно поймана за руку крепкой хваткой мужа.

— Ты не полезешь туда!!!

— Я должна! Это же логично!

— Я не позволю тебе рисковать!

— А вы меня крепко привяжите и будете страховать!

— Я сказал: нет! Ты помнишь, что ты рискуешь не только своей жизнью?!

Я вспыхнула и покраснела до кончиков пальцев. И причиной этого был не стыд, а возмущение.

— Давайте я полезу, — Йен умиротворяюще шагнул в сторону Марта, чтобы забрать у него средство для спуска вниз.

— Стой, Йен! — махнула я инженеру и обвела всех взглядом. — Вы все прекрасно понимаете, что именно я должна спуститься туда! Так почему же не пускаете меня?!

Все опустили нерешительно головы.

— Потому что Я не разрешаю! Лана! Как же ты не понимаешь, чем ты играешь!

— Да пусти же ты меня! — заломила я руку, желая вырваться из его хватки.

Я чувствовала, как он, уже не прикрываясь, начал на меня давить своими мыслями и заставлять подчиниться, что он никогда! до этого не делал. Тут застонала возмущенно Забава и подпрыгнула к нам, нависнув головой надо мной, и угрожающе зашипела в сторону Лахрета. Тот даже бровью не повел на королеву.

— Не смей со мной спорить! — процедил сквозь зубы муж, а это значило, что он был на грани.

Я боковым зрением заметила, как у всех изумленно вытянулись лица, а некоторые даже отвернулись в смущении, что созерцают семейную драму. У меня же внутри росло чувство слабости. Не знаю, как Лахрет это смог сделать, я понимала, что не хочу, но начинаю подчиняться ему. Это меня взбесило больше, чем его непробиваемое упрямство. В этот момент я была убеждена на все 100, что должна лезть в колодец, поэтому не хотела мириться с требованием мужа. Он же ведь всегда до этого мне уступал. Что сейчас изменилось? Я понимала, что еще чуть-чуть и подчинюсь ему, и Забава не поможет. Надо соображать быстро. И ничего более нелепого мне не пришло на ум, как...

Не успела Забава вставить голову между нами, чтобы ослабить эмоциональное давление Лахрета, как я извернулась и... вцепилась зубами в его руку. Он вздрогнул от неожиданности, расширив удивленно глаза, и отпустил. Я мгновенно отпрыгнула от него и выхватила из рук потрясенного брата стропу. Тут же подбежала к колодцу и закинула над валом карабин, чтобы сделать петлю и зацепиться за него. Однако не рассчитала ни силы, ни время и расстояния, ни вмешательства извне. Меня через секунду обхватили за талию и подняли над землей с такой легкостью, словно я — пушинка, и потащили в сторону.

Параллельно с этим карабин ударился о крышу колодца и отлетел в сторону, а затем, отрикошетив от борта шахты, полетел вниз, в черноту, потянув с собой остальную тесьму. Та стремительно с жужжанием улетела вслед за карабином. Тем временем меня отнесли в

сторону и посадили, скажу, весьма грубо, на валун. Я больно приложила копчиком и начала вырываться из крепких рук с возгласом:

— Пусти! Я сказала...

— Что ты сказала?! Как ты смеешь мне перечить?!

Сзади послышался возмущенный стон Забавы. И уже через секунду ее голова втиснулась между нами так, что Лахрет тут же отпустил меня и оказался откинутым в неприглядной позе на пару метров. Забава возмущенно подняла голову над телом и грозно уставилась на моего мужа. Лирит неуверенно в это время топтался за колодцем, не зная, что ему делать. Вот где дилемма! Или любимая, да еще и королева, или наездник.

Я с недоумением переводила взгляд с Забавы на Лахрета и обратно. Вот и поди, попробуй понять нас, беременных. В голове клинит конкретно. Что у Забавы, что у меня. Еще никогда Забава не вмешивалась в наши споры. Я знаю, что Лахрет и не думал меня бить, просто в грубой форме отволок от источника опасности и усадил на валун. Больше он ничего бы и не позволил себе сделать, но Забава, вдруг, посчитала, что он может причинить вред. Что у нее там, беременной, в голове перемкнуло? Сама в шоке.

Вся эта неожиданная потасовка произошла за считанные секунды, так что никто ничего толком не успел понять. Лахрет медленно поднялся на ноги, и теперь, учитывая наличие растревоженной королевы, более спокойно произнес, но уже на языке мысли:

— Прости. Но как ты не можешь понять?! Здесь твоя жизнь самая ценная. И никто не будет ею рисковать. Я этого не позволю. Поэтому ты не полезешь в шахту колодца. Это не обсуждается.

Я сжалась на валуне, как мышка, и пыталась сообразить, что произошло. Глаза растерянно бегали по земле, боясь столкнуться взглядом с кем-либо из присутствующих. Только сейчас начала понимать, как некрасиво выглядела эта ситуация. В этот же момент послышался возглас Зунга:

— Стойте! Вы это слышите?

Все перевели всё те же потрясенные взгляды на библиотекаря. Тот припал к колодцу и напряженно вслушивался.

— Там что-то тарахтит! Вы слышите?

К нему подсел Наран и тоже склонился над шахтой.

— Точно. Будто какой-то механизм сработал.

Тогда притихли и все, наострив уши. Даже Лахрет повернул голову в сторону колодца. И до меня дошел загадочный звук. Там, где-то глубоко в колодце, порождая гулкое эхо, что-то трещало и клацало. А потом, также неожиданно, как и появилось, исчезло.

— Что это было?

— Почему оно смолкло?

— Из-за чего он вообще начал шуметь? — начали все задавать вопросы и облепили со всех сторон колодец.

Я догадывалась, что большинство испытывали неловкость от того, что стали свидетелями нашей с Лахретом ссоры. Поэтому старались переключить свое внимание на что-то другое. Да и я сама осознавала всю неуместность сцены, которая сейчас разыгралась.

Всё же, как бы кто не всматривался в темноту колодца, больше ничего необычного не произошло. Через пять минут напряженного молчания, народ начал понемногу отлипнуть от края колодца и возвращаться на свои места.

Я всё так же сидела на корявом валуне, терпя неприятное давление в некоторые мягкие

точки, там, где меня оставили, и встревожено глядела на мужа. Он тоже повернул лицо в мою сторону, и оторопело молчал, продолжая стоять в двух шагах от меня. Где-то в глубине души, я понимала его страх. Нет, даже панический ужас от того, что может со мной случиться что-то плохое. И что он, да и вся Заруна, могут потерять тогда. И дело не во мне лично, а в Забаве. Именно она была самым большим сокровищем Иридании. Ведь то, что королева может привести в свет больше, чем одну королеву за один раз — это редчайший случай, нонсенс, из ряда вон выходящий событие! Такое было в истории Заруны лишь пару раз. А здесь Забава носит в утробе пять яиц! Королевских яиц! Что будет с ней, если со мной что-нибудь случится? А что будет с Лахретом, если, не приведите небеса, я погибну? Он же с ума сойдет, это в лучшем случае. Я так до сих пор и не смогла до конца понять той сильной привязанности, которую теперь ко мне питает мой муж. Привязанности, которая родилась тогда, когда он решил открыться и отпустить свои эмоции. В тот день он сказал, что отныне его жизнь зависит от меня. Да и ребенок, которого я ношу, он ведь тоже всецело зависит от моих решений.

В общем, то, что я только что придумала сотворить, являлось до безобразия безумным решением. И сейчас я ясно это понимала. Только гордость пока не позволяла это признать в голос. Поэтому я просто сидела и молчала.

В то же время, сделав вид, что важнее звуков из колодца ничего сейчас не может быть, остальные начали живое обсуждение того, почему же заработал тайный механизм внутри шахты колодца и почему смолк. Притом повернулись спинами к нам с Лахретом, чтобы не видеть, что будет дальше. Все понимали, что нам предстоит выяснять отношения. Поэтому всячески отстранялись. Я тоже это понимала, но заговорить с мужем не решалась. В горле стоял упрямый ком и не давал даже вздохнуть, не то, чтобы еще и говорить. Из-за этого просто ждала, затаив дыхание и пропуская удары сердца.

Лахрет некоторое время постоял, внимательно исследовав каждую мимическую складку на моем лице, и, наконец, шагнул в мою сторону. Подошел и присел на корточки так, чтобы смотреть на меня снизу вверх.

— Лана, — серьезным тоном начал он, а я подняла на него покаянный взгляд. — Ты же прекрасно понимаешь, почему я так поступаю, — сделал паузу, я лишь мигнула в ответ. Он продолжил: — Почему же ты так себя ведешь? Как дикая. Неужели ты не можешь здраво рассуждать? Все, что я делаю, направлено на защиту тебя и Забавы. И нашего ребенка. Ваше здоровье и благополучие для меня важнее всего на Заруне. Никакая миссия не заменит значимости ваших жизней. Слышишь? Никакая! И если сейчас перед нами встанет выбор — отдать тебя или вернуться назад, я не буду думать и секунды. Я просто возьму тебя за руку, все брошу, и поведу обратно. Твое же вызывающее поведение, особенно в присутствии других, не только подрывает мой авторитет, но и унижает меня. Неужели тебе наплевать на мои чувства? На то, как сильно я стараюсь защитить тебя? Разве моя забота и мое мнение для тебя ничего не значат? Лана? Скажи мне.

Я почувствовала, как ком в горле зашевелился и увеличился до таких размеров, что сперло дыхание. Вот-вот, вообще задохнусь! Я поняла, что была не права. Вселенски неправа. И его слова сейчас больно резали по моему самолюбию. Как часто я забывала о его чувствах и поступала безрассудно, подчиняясь велению сиюминутных эмоций. А он все время терпел и уступал. Уступал даже тогда, когда был уверен на все сто, что прав. Уступал даже тогда, когда знал, что мое поведение принесет ему массу неудобств и непонимающих взглядов. Уступал часто себе во вред. Я не всегда это понимала и нередко игнорировала

утрызения совести. А сейчас... То, как я опозорила его перед всеми, реально унизила, очень больно ударило по его личному достоинству и глубоко задело чувство самоуважения. И ему было действительно очень больно из-за моего поведения.

Чудовищный стыд обрушился на меня от осознания своей неправоты, глупости и пренебрежения. Поэтому слезы задрожали в глазах и затуманили все вокруг. Я часто заморгала, сгоняя соленую воду вниз по щекам. Губы и подбородок задрожали, а нос наполнился соплями. Ну, вот, осталось только разреветься для громогласного апофеоза концерта. А Лахрет смотрел мне в лицо и молчал, ожидая ответа.

— Лана? Ты для меня самый дорогой человек на Заруне. Ты подумала о том, что будет со мной, если ты пострадаешь? А что будет с Забавой? Не подумала? Ведь с тобой рядом есть те, кому не безразлична твоя судьба. Те, кому ты дорога, как жизнь. И даже больше...

Я начала качаться взад-вперед, сложив ладони на коленях. Хотелось что-то сказать вразумительное, но ком в горле не позволял. Слезы покатались по щекам обильным ручьем и неприятно собирались под дрожащим подбородком, капая на грудь. И в самом деле, почему я так позорно себя веду? Всплеск гормонов?

Лахрет сжал мои ладони, а второй рукой поднял мое лицо под подбородок.

— Лана, ты понимаешь меня?

Я активно кивала. Его рука от подбородка скользнула на плече и задержалась на локте.

— Понимаешь, — констатировал он факт. — Прошу тебя, слушайся меня. Или по крайней мере, советуйся со мной, как лучше сделать задуманное. Помни, я за тебя отвечаю.

Я снова кивнула и, наконец, звучно сглотнула громадный ком:

— Прости...

Он вытер мои слезы большим пальцем и ласково улыбнулся:

— Я люблю тебя...

Я опять кивнула и прикусила губу. Эмоции начали отступать, оставляя чувство опустошенности и отупения в голове. Где-то в глубине души, я радовалась, что сейчас мы находимся в зоне мощного электромагнитного излучения, притупляющего нервное восприятие ниясытей. Иначе бы еще и Забава тут закатила в отголосок моим эмоциям истерику. Сейчас же та всего лишь сидела рядом и внимательно мигала на Лахрета, участливо слушая его слова, будто в них был какой-то скрытый смысл.

— Лахрет! — позвал моего мужа Зунг.

Он оглянулся.

— Что?

— Есть здравое рассуждение.

— Какое? — не отпуская моей руки и повернув голову через плечо, спросил Лахрет.

Библиотекарь, все это время сидевший на корточках возле колодца, встал и подошел поближе.

— Мы думаем, что механизм заработал после того, как туда упал строп.

— А почему он остановился?

— Мы думаем. Может, у тебя есть какие соображения?

Он пожал плечами, так как у него в голове было сейчас совсем другое. Я всмотрелась в профиль мужа, и на миг, словно откуда-то свыше, на меня снизошло озарение — в голове всплыли слова следующей подсказки: «Пятая печать таится очень глубоко. Не ищи ее. Она сама придет к тебе, когда поймешь, что есть преградой к истинному процветанию».

— Подождите! — подняла я на остальных глаза. — В подсказке сказано, что ключ не надо искать! Нам не надо лезть в колодец! Он сам придет к нам, когда мы поймем, что есть преградой к истинному процветанию!

— Мы помним эту подсказку. Но что она значит? Разве ты поняла?

— Туда упала стропа, так?

— Так.

— Мы словно подарили ее колодцу...

— Ну. И что ты этим хочешь сказать?

— Помните, что прежние преграды были пройдены благодаря тому, что мы проявили определенные качества?

— Да. Сообразительность, вера и любовь... Подожди... — расширил Зунг глаза, начиная понимать.

Затем он подбежал к вездеходу и стал в нем копать. Достал первый попавшийся спальник и бросил его в колодец.

— Что ты делаешь?! — громко возмутился Виктор, так как это был именно его спальник. — А в чем я теперь буду спать?!

— Подожди, — осек его Наран, который уже сообразил идею, которую хотел воплотить в жизнь библиотекарь.

Однако капитан не хотел ждать. Вскинув густые выступающие брови, он продолжил недовольно бухтеть:

— Нхур тебя раздери! А не мог бы ты свой спальник взять? Мой — единственный в своем роде. Другие мне уже не подойдут. Его мне шили на заказ...

— Да, тише ты! — махнул на него Зунг, прикинув к краю шахты колодца.

— А ты не шипай на меня! Не маленький. Я...

Тут и он замолк, так как из колодца снова донеслось трещание. Тогда Наран подбежал к вездеходу и тоже схватил еще одну вещь, затем бросил в колодец. Звук не утихал. Другие, ухватив идею Зунга, так же брали вещи с машины и кидали в колодец. И с каждой секундой треск становился все громче и громче. Пока в итоге, кверху не поднялась тонкая платформа, на которой насобирались вся наша походная утварь.

— Во! дела? — озадаченно почесал затылок капитан и развел руками.

— Вот твой спальник, — ткнул пальцем в самый низ вещевого горки Зунг. — А ты переживал.

— И что это значит? — капитан все-таки не мог до конца понять реакцию колодца.

Удивил всех ответом молчаливый Мэннона:

— Это значит, щедрость. Щедрость — есть путь к истинному процветанию.

— Это почему же? — недоверчиво косясь на гадака, спросил капитан.

— Есть повод тебе поразмышлять над этим, — похлопал друга по плечу Наран и подошел к колодцу, оглядываясь по сторонам. — Но почему ничего не происходит? Где же открытая дверь, в которую мы сейчас войдем и продолжим путь? Либо какой-нибудь проводник?

Лахрет поднялся, так как все это время наблюдал за действиями команды с того места, где сидел до этого, то есть подле моих ног. Подошел к колодцу и посмотрел на гору вещей на платформе. Потрогал ее, но ничего не произошло. Для уверенности другие тоже решили приложить свой палец к холодному металлу таинственного подъемника, но реакции никакой так и не случилось. Все та же гора вещей на металлической платформе и тишина,

нарушаемая хмыканиями, покашливаниями и недовольными причмокиваниями.

Время шло, но ничего так и не происходило. Через минут десять безрезультатного стояния, все принялись снова обходить пяточок берега, на котором мы находились. Кто-то подошел к воде и засунул в нее руки, думая что-то свое. Одна я сидела покаянным извятием и следила за всеми невидящим взглядом, продолжая переваривать слова мужа. Одной мне больше не приходило на ум ни одной идеи. И куда делся тот странный «кто-то», кто «сидит» во мне и «нашептывает» подсказки? Почему его подсказки приходят на ум только тогда, когда «он» этого захочет?! Возмутительно!

Тут Зунг остановился напротив, и, с хитрецей боком глядя на меня, произнес:

— Слушай, Лана, мне кажется, что ты что-то должна сделать. Ведь ты у нас та, что открывает двери. Помнишь? И это твоя идея с вещами... чего сидишь тут статуей? Придумывай что-нибудь.

Я подняла на него взгляд и покорно поднялась, недовольно потирая надавленные выступами валуна места пятой точки. Надо ж было Лахрету усадить меня именно на него! Почему не на удобный гладкий камень рядом? Теперь на попе, поди, точно будут синяки в этих местах! Болезненно скривилась и направилась к указанному месту.

Подойдя к колодцу, я замерла и равнодушно уставилась на подъемник. Ничего особенного в нем не было. Обычная тонкая платформа и всё. Таких в Ире пруд пруди. Я коснулась холодного металла, но и в моем случае ничего не произошло.

Сзади разочарованно вздохнул Зунг и сел на брусчатый обод колодца.

— Загадку разгадали, а результата ноль. Что мы упустили?

Опершись плечом о стойку, на которой крепился вал, рядом остановился Наран и с прискорбием уставился на вещи, лежавшие на подъемнике.

— Может, нам их назад забрать? Что толку от них на бесполезном подъемнике? — сказал и потянул одну вещь.

— Подожди! — схватил его за руку Зунг. — Он же может назад вернуться! И что? Тогда все по новой? А что, если во второй раз не выйдет?

Но вещь с платформы уже была забрана. Ничего не случилось. Тогда Наран стащил еще одну и бросил ее рядом у колодца. Потом еще и еще, пока не снял все. Платформа оставалась на месте.

Когда Наран снял последний предмет, оголилась вся поверхность, и там, точно по центру, оказалась надпись, обведенная в круг. Зунг незамедлительно ожил и прилип к изображению.

— Хм... Надпись на карском. «Позови корабль»?.. Что это значит?

— Да, так и есть, «Позови корабль», — согласился Наран, глядя на иероглифы.

Остальные спешно собрались вокруг и зачарованно всматривались в резное изображение.

— Как мы позовем корабль? — протянул капитан. — Откуда? Кричать что ли надо? А что кричать? «Ау! Корабль!»? Я могу.

— Хи-хи! У него это лучше всех получится, — послышался сбоку чей-то приглушенный женский шепот.

— Точно. Надо будет отойти, чтобы не оглохнуть, — ответил тем же шепотком другой женский голос.

— Да, нет! — махнул на Виктора Зунг. — Это значит что-то другое...

— Но что? — спросила Фиона, коснувшись пальцами резьбы пластины.

Все смолкли. Некоторые покосились в мою сторону. А я всё продолжала смотреть на рисунок. Внутри начало расти смутное ощущение, что я его когда-то видела. Давно. Очень давно. И странное дело, параллельно пришло чувство, что это не мое личное воспоминание. Словно кто-то другой это помнил, а картинка пришла в голову мне. Это обстоятельство не на шутку удивило меня и ввело в замешательство. Все же решила, что это глупости и необъяснимый всплеск, поэтому об этом делиться мыслями ни с кем не стала.

— Лана, — обратился ко мне библиотекарь.

— А?

— Думаю, это к тебе обращение.

— Почему?

— И почему ты всегда этот вопрос задаёшь? Ну, наверное, потому же, почему именно тебя слушался зверь-машина в пустыне, или почему именно тебе открылся проход в скале и на Грани... Продолжать?

Я угрюмо скосила на него глаза. Он был прав. Со стороны моё недоумение даже может казаться тупостью. Но скорее это было реакцией на странные ощущения. Я никак не могла понять, что со мной происходит? То всё абсолютно как всегда, и я вместе со всеми ничего не знаю. А через секунду, будто кто сидит в голове и подсказывает, что делать дальше, я всех (и себя в том числе) шокирую необъяснимым поступком.

Именно поэтому я сердилась на других. И сейчас, тоже стояла и думала, что ничего не знаю. Загадочный голос молчал. Было только чувство, что я видела эту надпись и всё, а что делать дальше, не знаю. Видимо, это должно быть настолько элементарно, что не требовало подсказок.

Тут моего плеча коснулась рука Лахрета. Он приблизился к моему уху и прошептал:

— Все хорошо. Просто представь корабль. Как он плывет в нашу сторону. Не думай о себе плохо. Ланочка...

Я слегка наклонила голову в его сторону и опустила глаза. Второй рукой он приобнял меня за талию и послал теплые мысли. И только я успокоилась и смогла сосредоточиться, пришло со стороны понимание, что делать дальше. Я закрыла глаза и начала представлять картинки, как когда-то учил Лахрет: вот, вижу, как небольшая лодка плывет по реке и приближается к берегу, где стоим мы.

— Захоти этого сильно-сильно, — подсказывал все так же шепотом Лахрет.

И я постаралась думать о том, как сильно мне этого хочется.

Некоторое время ничего не происходило. Но через минут пять со стороны реки, где она поворачивает за прижим, послышался плеск воды. А затем, из-за уступа выплыла платформа размером пять на пять метров. Она стремительно летела над водной поверхностью, разгоняя тучу мелких брызг, прямо в нашу сторону.

— Корабль!

— Нет, плот.

— Какая разница!

Платформа, используя воздушные потоки, легко скользила как над водой, так и над щебнем. Через несколько минут она уже замерла возле нас, почти у самого колодца, в ожидании. И всё. Мы обступили ее со всех сторон и продолжили думать, что делать дальше, не концентрируясь на самом факте прибытия платформы.

— Мы должны на нее стать?

— Нет, лечь.

— Пфф! Очень смешно! Вот, Март, любишь ты язвить!

— Ато!

— А как же вещи?

— Мы оставим вездеходы здесь?

— На них же ниясыти не поместятся! — слышались сомнения со всех сторон.

— Лахрет, что будем делать? — Наран повернулся к моему мужу.

Лахрет подошел к платформе, присел рядом, потому как она поднималась над землей не больше десяти сантиметров. Прищурился, поскольку она разгоняла мелкий песок в стороны, и тот летел ему прямо в глаза. Потрогал ее поверхность.

— Думаю, что нужно взять с собой самое необходимое и встать на нее. Другого выхода нет. Посмотрим, что будет дальше. Наверняка, это единственное средство нашей транспортировки.

— А ниясыти?

— А ниясыти умеют плавать.

— А как же Забава? — это был мой вопрос.

Я посмотрела на туго примотанное эластичным бинтом больное крыло, которое периодически просматривал Мэнона и менял повязку.

— Для того чтобы плавать, ниясыти не используют крылья. Думаю, ей будет несложно плыть. А бинты не спадут, — ответил Лахрет, вставая на ноги и отряхивая ладони друг о друга.

Так и поступили. Оставив наполовину опустошенные вездеходы на берегу безлюдного кармана в скалах возле колодца «щедрости», мы поднялись на платформу. После того, как я «захотела» плыть дальше, она аккуратно тронулась с места и понесла всю компанию над водой, далее вдоль течения реки туда, откуда прибыла. Примечателен был тот факт, что каким-то чудесным образом инерция никак не отразилась на пассажирах, хотя скорость наш «плот» развил феноменальную.

Долгое время мы неслись вдоль высоких стен кварцита, которые были высотой около двадцати метров, пока впереди не появился просвет. А за просветом знакомая пелена. Она переливалась тем же перламутром и издавал все тот же звук «У! У! У!». Снова поле. За ним расстилалось большое озеро неопределенной формы. Невысокий берег с противоположной стороны плохо просматривался из-за скорых периодичных переливов поля.

Плот остановился перед полем настолько близко, что до полога можно было дотянуться рукой. Что я и сделала. Ощущения были такими же, как и у Грани. Сначала поле прогнулось, как ткань, потом появилась маленькая точка, словно прожженная паяльником со светящейся кромкой. Затем увеличилась до приличных размеров, чтобы пропустить платформу на просторы громадного зелено-голубого озера с прозрачной водой.

Платформа легко скользнула через прореху и направилась в сторону противоположного берега, который теперь было легко рассмотреть с нашего места. Как только мы пересекли линию барьера, прозвучал звук, подобный звуку горна. Отразившись от окружающих озеро отвесных скал и его почти зеркальной поверхности, он полетел вдаль.

Я оглянулась, чтобы проверить, успели ли проскочить наши ниясыти, и увидела их искаженные водой силуэты, перемещающиеся вслед за платформой. Пока я глядела назад, другие смотрели во все глаза вперед и при этом шумно восторгались увиденным зрелищем. Поэтому я поспешила повернуться и увидела.

Это был настоящий город! Но не такой, как Ир или другие города Иридании. Какой-то

сюрреалистичный. С замысловатыми башнями, пикообразными зданиями, закрученными вышками. На некоторых строениях цилиндрической формы крепились вверху шары, увенчанные острыми крышами.

Что сразу бросилось в глаза, так это то, что все здания имели белый цвет. Высокие деревья, подобные соснам и кипарисам, часто вырывались из улиц города, образуя резкий контраст темно-зеленой массы с белыми стенами. А ближе всего к нам располагалась уютная гавань. У самого берега тянулся длинный белый причал, отделенный от города стройной полосой пирамидальных деревьев, похожих на земной кипарис. К причалу были пришвартованы лодки самых удивительных конфигураций: от шаров до стреловидных форм.

Чем ближе мы подлетали к причалу, тем четче прорисовывалась толпа людей, которая с каждой минутой все увеличивалась и увеличивалась. Люди стояли недвижимо и внимательно всматривались в наш приближающийся металлический плот.

Меня поразило то, что и сами хозяева сказочного белого города были одеты как один — в белые длинные одежды. Лишь когда мы смогли ступить на причал, то увидели небольшие отличия в одеяниях: вышивка, в которой всегда использовались только перламутровые нити самых разных оттенков. Одежда была простой и просторной. У мужчин это были в основном широкополые халаты с широченными рукавами. Просторные штаны, под халатом утянутая поясом кофта и мягкие тапочки, похожие на вьетнамки. Женщины не далеко ушли в многослойности одеяний, с одним лишь отличием в качестве тканей. Их одежда была сделана из более тонких материалов, подобных летящему шелку.

Но то, что действительно удивило особенно моих спутников, так это то, что на лицах мужчин росли волосы. Ни у кого из ириданцев не росли бороды, а тут... Для меня эта деталь не была такой уже и странной. И еще. У всех горожан были белые, как снег, волосы. От мала до велика — все седые.

Впереди всех стоял один мужчина, самый высокий среди них, и единственный с длинной белой бородой и волосами. Густые длинные брови возвышались над глубоко посаженными синими пронзительными глазами. На груди у него висел огромный кулон из желтого полупрозрачного камня, обрамленный в золотую оправу с ажурным узором. В руках он держал длинный посох, который венчал наверху драгоценный светящийся камень лазурного цвета. И у него единственного на одежде была вышивка золотой нитью.

Пока мы приближались к причалу, на нашем «плоту» разгорелась оживленная беседа:

— А чё они в белом?

— Я думаю, в этом есть какой-то подтекст.

— Они просто стилиаги. Рядятся под цвет волос.

— Ой! Смотрите! А почему у них на лице волосы растут?

— Это называется бородой.

— Боро... чем?

— Бородой.

— А ты откуда знаешь?

— Просто знаю...

— А зачем она им?

— Интересный вопрос.

— Смотрите, вон тот, с самой длинной... эээ... бырдо... бородой. Наверное, он главный. Даже вперед вышел. Явно нас встречать будет за всех.

— Суровый такой...

— Ему по статусу положено.

— А какой у него статус?

— Главного.

— А зачем ему эта палка в руках? Он что, ходить не может?

— Слушайте, мне кажется, или у него кожа на лице морщинистая?

— Нет, не кажется. Так и есть. Смотри, у некоторых из толпы тоже есть кожа, как у новорожденного нхура. Сплошные складки.

— Мне больше напоминает нарисованную на лице паутину.

— Тихо, по-моему, нас уже слышно.

Как только наша платформа коснулась причала, тут же застыла. И в тот же момент, синхронно и очень эффектно из воды, разгоняя тучи брызг, вырвались шесть ниясытей. И мало того, оставив лишь Забаву возле края, они, взмахнув длинными влажными крыльями, взмыли в небо! Затем, совершив умопомрачающую петлю, вернулись назад и зависли над нашими головами. От сего представления приветливые лица горожан потрясенно вытянулись и застыли в этом выражении весьма надолго.

Спустя минуту, главный длиннородый старик шагнул вперед и возгласил:

— Приветствую вас, о, Ищущие Правду, в городе ЗАРНАР!

*** **

Они назвали себя хранителями. Как объяснил Старейшина (официальный титул главы города), который первым встретил нас на причале, они хранили наследие, оставленное им тысячи лет назад одним герном. Того герна звали Зарнар. Именно в честь его и был назван этот город. Когда-то он был вынужден покинуть их, все же оставил им пророчество, что придет время, когда из-за «прозрачной стены» придут его последователи и завершат начатое им дело. Они ждали больше пяти тысяч лет. И вот теперь были счастливы, наконец, встретить тех, кому дано было право пересечь «стену» предков.

Когда мы ступили на причал, они хранили учтивое молчание. Первым заговорил Лахрет, объявив, что мы пришли с миром. Тогда тот старец, что имел длинные волосы и бороду начал с нами говорить. Другие продолжали молчать. Оказалось, они просто нас не понимали. Они говорили на совершенно другом языке, и только этот старец или Старейшина, да несколько других мужчин с подстриженными стильными бородками, знали приданский. Он представился как Шихард. Старейшина Шихард.

На ниясытей все смотрели с опаской, но ничего по их поводу не сказали. Еще меня удивило, как непонимающе Шихард взглянул на Мэнону, но снова ничего не сказал. Лишь загадочно скосил в его сторону глаза, словно сделал себе в уме какую-то заметку, о которой собирался подумать потом, и всё. Другие граждане потрясенно шарахнулись в сторону при виде гадака, но грозное выражение лица Старейшины мгновенно всех заставляло опускать глаза. Единственное, что он спросил, не с нами ли эти крылатые создания и тарак? Я про себя отметила, что здесь, где никогда не было тараков, жители города были неплохо осведомлены о природе сих существ. А вот ниясытей, создалось ощущение, видели впервые.

Когда Старейшина узнал, что тарак — полноправный член группы, хмуρο промолчал. Потом попросил, чтобы драконы, а именно так он назвал ниясытей, перемещались пешком. Объяснил, что это же для их безопасности, так как в атмосфере над городом, хоть и можно летать, но часто бывают непредсказуемые вихревые и магнитные возмущения. Это может повредить необученное крыло. Поэтому наши радостные «драконы» были вынуждены снова топтать пешком.

Затем, после недолгих просьб и приветствий, Шихард, наконец, пригласил нас пройти в город, где обязан кое-что поведать. Нам, как последователям Зарнара из Внешнего Мира, необходимо было что-то узнать. Делать это сразу было неуместно и невежливо по отношению к уставшим путникам. Мы не спорили.

Толпа расступилась, и мы пошли в указанном направлении. В тот миг, как я проходила мимо старца, драгоценный камень, что венчал в искусной оправе его посох, начал светиться ярким светом. Это явление заставило многих рухнуть на колени и что-то восторженно воскликнуть. А сам глава города задумчиво задержал на мне взгляд, но снова ничего не сказал. Сзади услышала шепот членов группы:

— Он на меня так смотрит, будто я ему денег должен.

— Хорошо, что они по-нашему говорят. Я думал, что по-карски будут.

— А может, мы не пойдём?

— Куда? В смысле, уйдем из города? Так ведь мы сюда и шли!

— Точно сюда? Я думал, мы придем в заброшенный город. А тут даже очень неброшенный, — мне показалось, это был голос Тувы.

— Ну, ты же слышал? Он называется Зарнар. Значит, мы сюда и правили, — поучительно заметил Йен.

— Что-то мне не по себе.

— Это потому, что ты в голове себе нарисовал другую картину. Поэтому удивляешься реальности.

— А то ты не удивился.

— Удивился. Ну и что? Надо посмотреть, что будет дальше. Лахрет же себя спокойно ведет. И Наран тоже. Не боится.

— Им так положено. А я вот чувствую себя не в своей тарелке. Мне, если честно, с Тотошкой и то было поспокойней. А эти люди странные. Особенно этот, длиннорылый... бородач. Хочется отсюда слинять куда подальше.

— У тебя есть варианты?

— Мне длиннорылый кажется опасным. Смотри, как ехидно улыбнулся.

— М-да, как нхур перед едой.

— Мне одному кажется, что у этих блондинов что-то нехорошее на уме? — это был точно громкий шепот Марта.

— Да, уж, слишком они неестественно улыбаются.

— Они, возможно, испугались ниясытей.

— Чего их пугаться? Смотри, как наши крылатые братья миролюбиво оскалились, — потом я отвлеклась и переключилась на разговор Лахрета с этим дедуганом.

Итак, мы пошли через пристань в город. С нами последовали от силы пять местных горожан. Причем все они имели вышивку нитями цвета морской волны. Я про себя заметила эту деталь, чтобы обязательно обсудить с другими потом. Лахрет велел мне держаться рядом, с настороженностью поглядывая на идущего впереди длинноволосого мужчину. Что-то его сильно напрягло в таинственности и величавости этого старца. Вел тот себя конечно весьма достойно и благородно. Выдержанный взгляд, ровная осанка, спокойные жесты и мягкая мимика. Ничего не вызывало раздражения, но вот его слишком умные глаза и пронизывающий до костей взгляд пугал не на шутку. Возникало такое ощущение, что, когда он на тебя смотрит, то видит даже твои тайные помыслы. От этого бежали мурашки по коже. Брр. Спросила у Забавы, что она думает об этом старике, она ответила, что он что-то

скрывает.

— Как ты думаешь, что именно он скрывает? — спросила я у нее.

— Я вижу неясные мысли. Он контролирует себя. Сложно понять. Даже Лахрета мне легче прочитать, чем его. Мне это не нравится. Скажу только, что он нервничает и хочет что-то сделать, но хорошее или плохое, не знаю.

Эти слова Забавы заставили меня смотреть на Старейшину с опаской. И не доверяться во всем ни ему, ни его сопровождающим. Сказав Лахрету о словах королевы, решила передать все беспокойства мужу. Пусть он думает, что с этим делать. Он опытнее и сообразительнее. Он принял это на заметку, а я расслабилась и принялась оглядываться по сторонам.

Идя по затейливым улицам, вдоль которых выстроились жилые комплексы, похожие на соты, мы вертели головы на все 360 градусов. Среди городских сооружений вырывались высотные здания, похожие на колонны с шарообразным завершением. Или же это были закрученные спирали с зауженными верхними этажами. Либо это строение напоминало два встречающихся расправленных птичьих крыла. Каждое из них было единственным в своем роде, неповторимым и помпезным. Думаю, это были административные здания.

Пройдя прибрежный район города, мы повернули в парк через величественную арку, на которой красовался барельеф, изображавший летящих птиц над ветвями. Скажу, это первое место в районе гор Градасса, где мы встретили пернатых и вообще упоминание о них.

Мое сердце замирало от увиденной красоты, изумительных проектов ландшафтов, где правильно сочетались цвета, планировка и соотношение, как каменных архитектур, так и природных насаждений. Очень вкусно организовано внутреннее пространство, правильно подобраны до мелочей сочетания малых растений, средних и высоченных до небес. Беседочки, похожие на бочонки, небольшие ручейки и деревянные мостики с вычурными перилами поражали воображение и звали прогуляться между ними. Декоративные предметы, статуи, похожие на зверушек всевозможных пород и видов и поставленные в самом продуманном месте так, чтобы придать изюминку каждому кусту и клумбе с цветами. Все было на своем месте, от чего невыразимо поднималось настроение и душа тянулась к высокому.

На ветвях сада восседали птицы самых немыслимых расцветок оперений и видов. Впечатлила меня одна пташка, которая до боли напомнила птицу из сказки детства, жар-птицу. Она словно вся светила золотом.

Потрясенная невероятным великолепием парка и птиц, я совершенно не видела перед собой дороги и постоянно натыкалась на Лахрета. Скажу, и он был приятно удивлен красотой местности. Поражал немыслимый контраст ухоженности этого удивительного полуострова, где находился город, и тем, где нам до этого пришлось идти.

А тем временем мои спутники громко общались между собой:

— Интересно, а как это дерево называется? Первый раз вижу.

— А нхур его знает.

— У тебя, чуть что, так сразу нхур все знает! На большее фантазии нет?

— Мне так нравится эта чудная резная лавочка. А заборчик плетеный просто восторг!

— Ой! Посмотрите, какая птичка золотая! Даже огненная!

— А что это за цветок? Прелесть какая!

— Какое кучерявое дерево!

— Это не дерево, а куст!

— Какая разница.

— Большая.

— Но оно так на дерево похоже...

— Я бы себе такую птичку завел. Интересно, где они таких разводят? Можно будет купить?

— Тише. Смотри, как на нас покосился вот тот бровастый.

— Ты думаешь, он нас понимает?

— Я думаю, что да.

— Надо же, какая здесь земля черная! Я такую видела только в ботаническом саду Милика.

— Мне не нравится, как эти блондины на ниясытей косятся.

— А они вообще когда-нибудь их видели?

— Наверное, первый раз видят.

— А Дикие народы Джунглей, случайно не их потомки? Брина говорит, что она слышит их настороженность.

— А она, что, уже может опять слышать?

— Да. Она говорит, что здесь воздух не такой тяжелый. Они же и летать могут, ты же видел? Правда, не сильно высоко, но все-таки...

— Ой! Посмотрите, какие цветные рыбки в этом пруду!

— Ага, здоровезные такие...

— Вернусь домой, обязательно себе таких заведу.

— Ого! Какой гигантский цветок! Вон, в конце этой полянки. И лепестки мясистые.

— Мне кажется, что он живой.

— Да. И он хочет тебя съесть.

— Может, тебя предложим?

— Я же говорил, что я не съедобный.

— Да-да, много болел в детстве и тому подобное...

— Посмотрите, как оригинально придумали тот мостик. Он же весь из дерева!

— А эта беседка так на бочку похожа! Хочу в своем дворе такую же!

— Интересно, а кто этот парк проектировал. Очень даже неплохо. Может, себе его нанять?

— Никто не знает, мы скоро придем? А то так есть хочется.

— Мне любопытно, у них тут есть места общественного питания? Я бы попробовала местные блюда.

— Смотри, чтобы не отравилась.

— Интересно, у кого можно спросить, где здесь туалет?

— А ты в кустики.

— Разбежался!

— Поглядите туда! Это дерево почти без листьев!

— Не! Вы туда гляньте! Вон, тот пушистый шарик поскакал. По-моему, мы таких же видели там, в долине у озера.

— А их есть можно?

— Наверное... Многоножкам нравится.

— Мэн, слушай, я все хотел тебя спросить. А тараканы сырым мясом питаются?

Итак, минув шедевр ландшафтного дизайна, мы попали на большую площадь. На ней

почти по центру возвышалось единственное! до сих пор нами виденное черное здание. Созданное целиком из черного гранита, оно имело с торца форму прямоугольной трапеции с заостренным концом крыши, а с фасада — прямоугольную. Вовнутрь к парадному входу вела широкая короткая лестница с того же темного гранита.

Старейшина вел нас именно туда. Подойдя ко входу, он остановился и повернулся:

— Разрешите объяснить, что это за здание. Это наше главное Хранилище Истории. Именно здесь мы оберегаем самые важные моменты нашей истории. Истории, начавшейся с того момента, как Зарнар привел сюда наших предков из города гернов, который назывался Ахель-Итар.

— Так что? Зарнар — это не город гернов? — подал разочарованный голос Зунг.

Старейшина повернул на него невозмутимый взгляд и коротко ответил:

— Вам все расскажет Хим Дан, — кивнул он головой на одного молодого человека, что стоял по правую руку от него. — А я вынужден вас покинуть. Меня ждет весьма важное дело, которое я не могу отложить. Простите меня, — Шихард низко склонился и повернулся назад.

Когда старейшина уходил, он бросил на меня еще один пристальный взгляд, затем, кивнув какой-то своей мысли, поспешил уйти. Я проводила его пристальным долгим взглядом, пока он не скрылся за углом одного из зданий, что очерчивали собой площадь.

Мужчина, на которого он указал, тут же шагнул ближе к нам и, сложив руки перед грудью кольцом, низко поклонился:

— Позвольте представиться лично. Меня зовут Хим Дан. Я буду вашим проводником не только в Хранилище, но и везде, где вам потребуется. Я знаю ваш язык. Если вас что-то интересует, прошу, спрашивайте меня, — очень почтительно произнес он, выпрямившись после поклона.

Я оторвала взгляд от угла дома, где исчез Старейшина, и перевела его на прекрасное лицо мужчины. Высокий, как и все заруняне, подтянутый и стройный. Его выступающие скулы никак не портили привлекательности лица, придавая большей выразительности. С легкой горбинкой нос, миндалевидные глаза, напоминающие по разрезу восточные народы Азии на Земле. Он очень походил на Нарана, только черты лица более крупные и резкие. И, как и у всех зарнарян, его голову покрывали длинные, белые, как снег, волосы, туго стянутые в узел на макушке. На одежде по краям верхнего халата с широченными рукавами вдоль отворота, воротника и по низу подола и рукава красовалась изумительная вышивка перламутровыми нитями цвета морской волны. Нижнюю кофту, свободно спадавшую до колен сверху широких штанов, плотно стягивал единственный цветной во всем одеянии сине-зеленый атласный пояс.

Хим Дан сделал знак нашим провожатым, которые шли с нами с самого причала, и они, низко поклонившись, поспешили уйти. Он объяснил, что они отправились готовить нам обед. Это было действительно весьма кстати, потому как у многих моих спутников уже давно урчали животы. Некоторые, не ожидая привала, залезли в свои рюкзаки и достали сухие пайки, да прожевали их на ходу. Я тоже сжевала одну плитку непонятного чего-то там со вкусом «бее», но содержащим в себе все необходимые для организма питательные вещества и витамины. А вот Забаве это точно не помогло бы. Она начала тихонько стонать, что голодна. Я попросила ее потерпеть.

— Я кушать хочу, — упрямо мотнула она головой.

— Ты же сутра ела! Тебе разве мало было речной рыбы, которую ты наловила, перед

тем как мы сюда приплыли? — оглянулась я на нее, едва заметно шевеля губами. — Вот же ненасытная утроба! Потерпи.

— Не могу терпеть. Малыши требуют, — сегодня она впервые упомянула об их существовании, как уже о твердом факте.

— Ууу! — прогудела я и подняла руку, желая привлечь внимание в тот момент, как Хим Дан хотел нас уже повести внутрь здания.

— Да, госпожа, — склонил он голову более почтительно, чем того требовала формальность.

Я не обратила на это никакого внимания.

— А у вас есть рыба для наших крылатых спутников?

Он покосился на ниясытей с загадочным выражением лица. У меня снова возник тот же вопрос, что и раньше: они вообще знают, что это за создания? Или же в первый раз видят? Ведь, если они всю жизнь живут здесь, за Гранью гор Градасса, куда еще не прилетала ни одна живая ниясыть, могли ли они знать об их существовании? Может, знали, только называли их, допустим, драконами...

Мужчина кивнул мне и ответил:

— Наши люди постараются решить этот вопрос после того, как накормят вас. Не переживайте, ваши животные тоже будут сыты. Только прошу вас, не позволяйте им летать, — снова он повторил просьбу старейшины.

Значит, «животные»... то есть они не знают, кто такие ниясыти. Но почему он так переживает, чтобы они не летали? Ладно, узнаем, но не все и не сразу. У нас есть вопросы и поважнее.

Итак, мы двинулись к парадному входу Хранилища Истории.

Двери меня ничем не впечатлили, но то, что мы увидели, когда вошли, врезалось мне в память на всю жизнь. Теперь я понимаю, почему они с таким благоговением вели себя возле этого строения.

Когда мы переступили порог, попали в огромный светлый зал с высоченным потолком. Вдоль всего зала в два ряда выстроились гладкие кремовые колонны, база и капитель которых были выделаны золотой помпезной лепниной. Вычурная лепнина, изображавшая цветочные узоры невообразимой красоты, также выделялась на каждой боковой стене. Вдоль стен между колоннами на высоких постаментах стояли статуи людей в разных позах, под каждой из которых размещалась табличка с надписями. Я сделала вывод, что там написаны имена этих выдающихся людей, которые были удостоены чести стать в один ряд с выдающимися жителями города Зарнар. Города с историей в пять тысяч лет. За это время сменилось сотни поколений. Конечно, тут будет много героев и историй жизней. От осознания этого кружилась голова.

— Просто невероятно! — рядом бубнил себе под нос Зунг, крутя головой во все стороны. — Это же целый мир! Целая неизведанная эпоха и цивилизация. Самодостаточная и полноценная, самобытная и цельная. Просто невероятно! Уму не постижимо!!!

Мне казалось, что он сейчас разделится на множество частей, и каждая из этих частей поскачет к своей статуе и будет переводить все, что написано под ней. Он хотел знать все и ничего не упустить из виду. А вместо этого вертелся на одной ножке, как волчок, не в состоянии решиться, куда же ему направить свой неисчерпаемый энтузиазм и любознательность. Мне даже жалко его стало.

Восторг библиотекаря разделяли все члены экспедиции. Они распахнули рты и активно

вертели головами.

Но меня больше всего впечатлила громадная статуя герна, стоявшая в самом конце меж колоннами у противоположной от входа стены. Она потрясала воображение не только размерами, но качественной проработкой всех деталей и лица, и всех элементов его скудного облачения, и даже позой устремленного куда-то существа. В руках герн держал книгу и слегка хмурил чешуйчатые брови. Скульптор так реалистично старался показать его глубину взгляда, что даже сейчас, спустя тысячи лет, мне казалось, что он живой и смотрит на меня из прошлого сквозь эти тысячелетия. Смотрит так, будто знает ответы на все вопросы человечества. Мурашки организованной толпой бродили по спине туда-сюда от сего творения, и я не в силах была удержать благоговейную дрожь в руках и плечах. Так вот, как, значит, выглядел этот удивительный герн Зарнар. Что же он сделал такого, что люди до сего дня с таким почтением относятся к нему? Думаю, Хим Дан нам и хотел поведать эту историю, поскольку остановился у его пьедестала и ожидал, пока мы подойдем ближе.

Тем временем мои спутники перемещались очень медленно и зигзагообразно, разглядывая с громким восторгом величественное помещение. Зунг это делал громче всех, при этом задавая массу вопросов, скорее всего риторических, связанных как с самими статуями, так и с целью нашего прибытия сюда. Он никак не мог определиться, где же ему стоит задержаться подольше. Кто из этих людей достоин его длительного и пристального внимания? Так и бегал туда-сюда, туда-сюда с выпученными глазами и частым дыханием.

Наран, крепко держа за руку взволнованную Яту, замер у одной из первых колонн и внимательно рассматривал первую статую у стены слева от выхода. Мы подошли к нему с Лахретом и муж спросил:

— О чем задумался?

— Думаю, как это все связано с шестой печатью. Ведь мы еще не преодолели ее. И это, на самом деле, не конец. Я раньше думал, что Зарнар — наша конечная цель, но теперь вижу, что — нет. Тот длиннородый говорил, что есть еще город Ахель-Итар. Нам надо туда? И что это за люди? Следующая подсказка гласит: «Шестую печать хранят те, кого ты не знаешь. Они удивят тебя. А если удивишь их ты, они откроют тайну шестой двери. Но с тобой не пойдут. Их страшит последний Страж. Верную службу несет он подле последней двери. Только одно спасет от гнева его. Что стоит перед сердцем, умом и душой? Что предшествует прощению? Если ты знаешь, увидишь Свет и постигнешь забытую Правду Заруны!»

Лахрет слушал, слегка кивая головой. Неожиданно к нам подскочил Зунг, продолжая пучить восторженные глаза и задыхаясь от быстрых перебежек, и успел вставить свои пять копеек:

— Ты тоже об этом думаешь? Я вот только вспомнил эту подсказку. Я полагаю, что эти люди и есть те, кто нас должен удивить. Я уже удивился не на шутку!

— Заметно, — Наран растянул губы в привычной иронии.

— Любопытно, как мы должны их удивить? И вообще, можно ли их удивить? У них лица... — вслух подумала я.

— Как у кирпичей? — неожиданно влез в наш разговор Март, высунув голову из-за плеча Нарана.

Лахрет оглянулся на нашего гида через плечо, опасаясь, что нас услышат. Тот застыл изваянием у статуи герна и внимательно смотрел в нашу сторону. Поэтому Лахрет качнул осторожно головой и негромко произнес:

— Давайте не будем привлекать к себе лишнего внимания и вести себя осторожно. Мы не знаем их истинных мотивов. У них мощная блокировка эмоций и мыслей. Я ничего не вижу.

— Я тоже пытался их просканировать. Но если ты не смог, то я и подавно, — кивнул Наран, и, выпрямившись и, сделав вид, что любуется величием колонн, пошел дальше, в сторону главной статуи зала. Ята, неотрывно следуя за мужем, недоверчиво косилась на зарнарянина и потешно морщила носик.

Я вцепилась в локоть Лахрета, чувствуя так себя много спокойнее, и оглянулась на распахнутые гигантские двустворчатые ворота Хранилища Истории. Там выстроились все шестеро ниясытей. Им запретили входить сюда. Я решила, что хозяева города посчитали их нашими прирученными животными из-за Грани, а животным быть в подобном помещении у них запрещено законом. Пусть. Может, так и лучше. Удивило то, что Мэноне тоже не разрешили войти. Но тот не сильно и рвался. Вместо этого он робко прижался к Забаве, которую единственную легко воспринимал и не боялся, и застыл в ожидании.

— Прости, — прошептала я ему перед тем, как зайти в Хранилище.

— Мэнона не сердится, — покачал он понимающе головой. — Мэнона уже привык. Ты иди. Я поправлю перевязь Забавы. Она уже перекосилась.

Я махнула ему рукой и пошла внутрь.

Теперь, идя вслед за Нараном и Ятой под руку с Лахретом, я прислушалась к возгласам остальных:

— Зачем здесь эти столбы? Они держат крышу?

— А мне интересно, кто эти люди, увековеченные в скульптурах? Не прочесть же надписей на табличках, ни капельки. На карском ведь...

— Это выдающиеся люди. Что здесь непонятного? Наверное, такие же главари, как и тот длиннородый.

— Почему у них тогда не такие длинные бороды? Или у них новое веяние моды?

— Поди разбери их мораль.

— Странные люди.

— Посмотрел бы я на тебя, если бы тебя и твою родню на тысячи лет изолировали от всего мира!

— Да ладно тебе!

— Я хочу себе домой такую лепнину!

— Слушай, ты столько себе всего хочешь! И лавочки, и беседку, и заборчик, и кустики. У тебя хоть дом есть-то? — это обратился Йен к Туве.

Тот недовольно насупился и ответил:

— Будет. Вот вернусь в Ир и куплю.

— За что?

— Найду, за что.

— А когда обед будет? — негромко спросил Март.

— Тебе только пожрать, — буркнула на него Фиона, стоя недалеко и задрав голову на капитель колонны.

Март лишь скривил смешную рожицу и поправил дальше.

— А здесь туалет есть? — озираясь по сторонам, подал голос Тува.

— А ты что, в кустики не ходил? — усмехнулся Йен.

— Очень смешно! — выдвинул челюсть навигатор, и кисло вытянул лицо.

В это же время Зунг приклеился к одной из статуй у стены и начал рассматривать плиту под ней. До меня донеслось его бормотание:

— Здесь все написано на том же диалекте, что и в Комнате Древних! Надо же... — дальше его измышления стали неразборчивы.

Но вот, наконец, вся группа собралась на возвышенной площадке возле главного изваяния герна в конце зала, к которой вела небольшая широкая лестница. Хим Дан приветливо улыбнулся и громко произнес:

— Мне поручено задание поведать вам главную легенду Зарнара прежде, чем отвечать на ваши вопросы. Думаю, тогда их станет намного меньше.

— А обед скоро?

— Тихо ты! Потерпеть не можешь? — шипнул на Марта капитан.

— Я на голодный желудок плохо соображаю и пропущу половину того, что расскажут.

— Когда сидишь возле кома, так ты про еду забываешь.

— Это совсем другое.

— Обед скоро будет. Не переживайте, — учтиво улыбнулся наш гид.

В этот момент я заметила за фигурой памятника едва уловимое движение и задержала внимание. Это была девушка лет восемнадцати, не более. На ее любопытном лице играла загадочная улыбка, и светились большие пытливые глаза. Она смотрела на нас с глубоким интересом и боязливо следила за каждым движением Хим Дана. Девушка явно не хотела быть замеченной этим мужчиной. Я пришла в некоторое удивление от необычного видения. На причале я видела женщин города, но их лица были такими же холодными, что и у многих женщин Иридания. Она же была на изумление подвижна и жива. Прильнув к высокому основанию статуи герна, девушка затаилась и следила за нашей компанией.

Но поскольку Хим Дан начал говорить дальше, я отвлеклась от девушки, вслушиваясь в слова:

— Это честь для меня быть гидом для Избранных Зарнаром, чтобы рассказать эту легенду. Она передавалась из поколения в поколение, чтобы все знали свою историю и хранили в памяти завет Основателя. Прошу вас, не перебивайте меня, пока я не закончу говорить. Это очень важно, — он обвел всех строгим взглядом и начал свой рассказ:

«История Зарнара, как и мира Заруны, уходит корнями в давние времена, более пяти тысяч лет тому назад.

Это было время, когда во Вселенной правила Гармония и Чистота. Творец Заруны радовался тому, что создал. Он дал жизнь растениям, рыбам, животным, птицам и насекомым. И вот, пришло время, когда Он решил создать разумных созданий, таких, как и Он Сам. Он хотел, чтобы они могли радоваться жизни, ее полноте во всех ее гранях, как и Он. Поэтому решил подарить им самое ценное, что мог дать кроме жизни — свободу воли. Именно это отличало разумных существ от остального мира. Ведь они уже не зависели так от записанной программы жизни, как животные, и могли по собственному желанию проявлять такие великие качества, как любовь, доброта, справедливость, стремление к познанию мира. Конечно, Творец понимал, что теперь Ему придется считаться с этими разумными созданиями. Но Он и этому радовался, так как появились те, кто будет Его любить не потому что Он это им сказал, а потому что они так сами захотят.

Творец решил, что Материальная Вселенная должна быть населена такими созданиями. Он начал селить их по планетам. Так, Он дал начало Заруне. Она стала очень красивой планетой. Прекрасные пейзажи, изобилие пищи, и множество живых существ наполняли ее.

Тогда Творец создал гернов, удивительных созданий с большим сердцем и искренней душой. Они были совершенны во всем. Он повелел им размножаться и править планетой. Теперь это был их дом.

Герны родили себе подобных и увеличились числом. Тогда они построили город в месте, где их поселил Творец. Они назвали его Ахель-Итар, то есть «Начало жизни».

Герны любили общаться со своим Создателем и учиться у него. Особенно они любили изучать все физические законы и мир звезд. Им хотелось однажды покорить просторы космоса и полететь на другие планеты, чтобы помочь другим разумным созданиям во всех их начинаниях.

Однажды, во время одного из экспериментов, направленных на изучение пространства и времени, один из ученых-исследователей обнаружил странное явление. Он нашел в пространстве туннель, представляющий собой два устья, соединённые горловиной, которые открываются в удалённых друг от друга частях Вселенной. Это было прорывом! Создатель не стал вмешиваться в данное открытие, позволив гернам получить радость от разгадки этой тайны.

Дальнейшие исследования этих туннелей потрясли гернов. Они увидели другие миры, существующие в их Галактике. Некоторые были еще в процессе формирования и готовились к приему жителей. Другие были безжизненны и агрессивны. На третьих ничего не росло. Герны не ходили через эти туннели, так как опасались вреда, который мог причинить подобный туннель физическому телу. Но они создали устройства, позволяющие наблюдать за той стороной через трансляцию изображения.

И вот, однажды, они обнаружили удивительную планету. Планету, очень похожую на Заруну, полную живых существ, плавающих в воде, летающих в небесах и ползающих по земле. И еще они нашли на ней двух разумных существ, созданных Творцом. Они находились в прекрасном саду и только начали жить на этой планете. Они были совсем другими. Выглядели совершенно по-другому. У них не было чешуи и на голове росли волосы. Они были прекрасны и чисты, как белый лист бумаги.

Тогда герны спросили у Творца, кто это? Он ответил, что это их «младшие братья» по разуму. Люди. Они только стояли на пороге своей цивилизации и ничего еще не знали о Вселенной и о других планетах. Герны очень обрадовались этому и спросили Творца, что Он замыслил относительно людей и их? Он ответил им, что придет время, и герны научат их многому, что сами уже узнали о Вселенной.

Герны ликовали. Они сразу же начали придумывать программу их обучения, мечтая о том, как будут общаться с людьми и вместе исследовать Галактику. Но, неожиданно, то, что случилось на той планете, разбило их мечты.

Люди подняли мятеж против Творца и захотели жить без Его руководства. Творец рассердился на них, но не уничтожил сразу, а сделал их смертными. Ещё Он отстранился от людей, позволив жить так, как те сами считали нужным. А над ними начала править одна личность, которая существовала в параллельном пространстве, которое герны называли энергетическим.

К этой планете закрылись все доступы. Творец изолировал ее от всей Вселенной, потому что на ней решался вселенский спорный вопрос. Вопрос о том, будут ли разумные создания счастливы без участия Творца. Он запретил всем вмешиваться в ход ее истории и что-либо предпринимать. Никто не имел права ступить на ее земли. В тот день разбились все мечты гернов о братьях по разуму.

Эти разбитые мечты не давали гернам покоя настолько, что они решили пойти против воли Создателя. Нарушив ясное повеление, они открыли способ проходить сквозь «кротовые дыры» без ущерба физическому телу и самостоятельно пошли через открытый ими пространственный портал на ту планету. К тому времени, как герны пришли на ту планету, первые люди размножились. У них родилось много потомков. Гернов поразила их красота. Особенно женщин. Они выбрали самых прекрасных и сильных, и забрали на Заруну.

Это у них получилось сделать только один раз, поскольку на переход туда и обратно было потрачено невероятно много энергии. Да и потом уже эта дорога была закрыта. Как бы потом герны не старались восстановить связь с той планетой, у них ничего не получалось. И многие понимали, почему: они не спрашивали разрешения и поступили мятежно.

В тот день разгорелся гнев Создателя и на них. Он повелел им вернуть обратно людей на их планету до тех пор, пока не решится спорный вопрос. Однако герны отказались, ведомые жадой неисполненных ожиданий. Тогда Творец наказал их, сделав их смертными. Мало того, Он лишил гернов возможности производить на свет себе подобных. И поставил им сроки и условия, запретив возвращаться на ту планету. Однако герны воспротивились вернуть людей назад, почувствовав огромную власть над слабыми созданиями из другого мира. Люди физически уступали гернам и были очень уязвимы. Единственное, что возвышало инопланетных творений — их удивительная способность чувствовать окружающий мир. Их глубокая склонность к эмпатии, сопереживанию и сочувствию. Люди ярко чувствовали мир и легко улавливали перепады настроения окружающих. Герны так не могли. Это покоряло их. Они не хотели расставаться со своей новой игрушкой и не послушались Создателя. Тем самым они лишили себя будущего.

В итоге, история и жизнь Заруны осталась связана с той планетой на века. Она была такой же изолированной от Вселенной и всё, что происходило там, отражалось здесь.

После вынесения приговора Творец отвернулся от Заруны, сказав, что все должны ждать развязки событий на той планете. Вселенная замерла и затаила дыхание на тысячи лет, с напряженным вниманием наблюдая за «экспериментом» людей. До сих пор она ждет того времени, когда все вернётся на свои места.

Герны обиделись на приговор Творца и начали искать самостоятельные пути решения своей беды. Для них — отсутствие потомков было непосильной ношей и жестоким проклятием. Тем временем как у гернов не появлялось больше потомков, люди, забранные из родного мира, стали быстро размножаться. Тогда герны обратились к науке и законам природы. Они пытались клонировать себя, но получались лишь слабые и не приспособленные к жизни копии. А люди продолжали увеличиваться числом. Понимая, что зашли в тупик, первые хозяева Заруны, начали угнетать людей. Мало того, герны решили использовать генетический материал людей, чтобы вернуть способность репродуктивности своим «потомкам». И тогда они создали новую расу разумных существ. Монстров. Которые с самого начала вели себя агрессивно и жестоко. Они назвали их тараканами.

Герны думали, что смогут контролировать свои творения, но горько ошибались. Размножившись и почувствовав силу, тараканы восстали против своих создателей и многих истребили. Перед этим герны, пытаясь подавить их агрессию, внесли в гены тараканов некий «изъясн», который должен был впоследствии их истребить, если вовремя не поправлять их генетический материал. Так герны сделали тараканов зависимыми от людей, чтобы те не истребили последних.

А чтобы защитить последние дни своей жизни, герны изгнали таракос с земель Ахель-Итара. Затем они создали барьер, который закрыл дорогу назад их неудачному эксперименту.

Именно в этот период, один из немногих, кто не одобрял политику поведения большинства, герн по имени Зарнар и его несколько сторонников, придумали один план. Они понимали, что придет время, и герны вымрут. Тараки станут править Заруной. Люди, как расходный материал, тоже исчезнут с лица планеты. Они не хотели такого исхода и начали думать, как спасти не только людей, но и будущее планеты.

В то время как остальные сражались со своими «детьми», втайне от них, Зарнар создал лабораторию, где стал изучать природу таракос и возможные градации их генов. Он хотел создать идеальное оружие против этих гибридов и навсегда уничтожить ошибку, созданную его сородичами. Тогда же он спас небольшую группу людей, которые были подопытными в главных лабораториях гернов, и увел их в защищенное место. Он научил их выживать и обучил многому, что знал сам. Еще он поведал им пророчество о будущем, переданное ему Творцом.

Зарнар верил, что, когда придет время, и на той планете решится все-таки спорный вопрос, на Заруну вернется мир. Прежде же люди должны уничтожить страшный грех, оставленный гернами, то есть их потомков-гибридов. Тогда верные герны возродятся и вернуться в Ахель-Итар.

Перед тем, как уйти в место, где находятся все ушедшие из жизни, он решил пойти во Внешний мир и оставить возможность людям вернуться назад, в место, названное им Лоном Заруны, чтобы погубить таракос. Он оставил руководство об этом в своей лаборатории и покинул наших предков, приказав им хранить вход в Ахель-Итар до тех пор, пока не придет Избранный.

Мы спросили его, почему мы сами не можем этого сделать, а должен прийти человек из Внешнего мира? Он ответил, что мы не сможем этого сделать, так как мы — генетически дефективные. И живы только благодаря тому, что не подходили для экспериментов гернов. И выживаем мы лишь благодаря постоянному медицинскому контролю. А еще сказал, что для реализации его плана нужен человек, который чистый и полный в генах. Что он имел в виду, мы до сих пор не знаем. О какой чистоте он говорил — остается для нас загадкой.

Когда он нас покинул навсегда, то велел ждать, что придет тот самый. Его приведет Провидение. И именно он запустит созданное Зарнаром оружие».

Хим Дан смолк и выжидающе посмотрел на нас. Мы тоже некоторое время ничего не говорили, осмысливая легенду Зарнара. Что из нее вымысел, что — правда, сложно судить. Кто знает, может быть, это все правда? Пауза в конце повествования была очень уместна, но ее сложно было кое-кому выдержать.

Пока зарнарнин говорил, я видела, как распирало Зунга от вопросов. Как он еще не лопнул? Библиотекарь был готов спрашивать на каждом слове. Но все-таки мужественно выдержал и не проронил ни слова до самого конца, и даже выдержал паузу после. По правде сказать, и меня тоже подмывало пару раз вставить свои вопросы. Думаю, что и другие его прекрасно понимали.

Тем временем я обратила внимание на то, что кроме этого мужчины, который рассказывал нам занятую легенду, и спрятавшейся девушки, больше в зале никого не было. А снаружи, как сообщила Забава, собралось множество народа. Они все чего-то ждали. Как и Тува. Тот нервно топтался и все оглядывался по сторонам. Бедный, он никак не мог сходить

в «кустики». Явно навигатор не слышал и половины того, что было произнесено в этих стенах. Нервничал и Март. Почему? Не могу сказать, но он постоянно косился назад, на распахнутые мощные двери помещения. Конечно, брат часто бывал несерьезным и постоянно травил анекдоты и шуточки. Но, когда дело касалось чего-то серьезного, он менялся на глазах. За его тупенькой ухмылочкой горели чистые и умные глаза. Я легко могла доверить ему жизнь и не сомневаться, что он не отпустит надежной и доброй руки. Сейчас он на удивление был серьезен и непривычно хмурил брови. Спросить его об этом просто не имела возможности. Но то, что даже Март не на шутку насторожился, заставило меня еще сильнее напрячься.

Когда уже Хим Дан заканчивал историю прошлого, я заметила, как девушка незаметно юркнула к торцевой стене и исчезла за одной из статуй. Я глянула на Лахрета, желая узнать, видел ли он ее, но оно внимательно смотрел на «докладчика» и о чем-то думал. Спрятав меня за спину, все это время он старался сделать все возможное, чтобы меня как можно меньше видели местные жители. Так что я оставалась в тени мужа. Догадываюсь, он тоже чувствовал неясную опасность и интуитивно защищал меня от лишних глаз.

Постаравшись откинуть туманные ощущения, я попыталась сосредоточиться на ораторе. Что это за человек? Какой он? Добрый или злой? Умный или примитивный? Глубокий или поверхностный? Сложно сказать по внешнему виду. Местные жители искусно прятали свои чувства и мысли. Оставалось только позавидовать им в этом. Единственное, что мы имели — то, что видят глаза. Разглядывая Хим Дана, я подумала, что он довольно-таки немолодой мужчина. Если учитывать, что здесь старость — норма, чего по неясной причине нет в Иридании, то этому человеку должно быть лет за сорок. Или же здесь старость наступает много позже, чем на Земле?

Тут до меня донесся зов Забавы, прервав поток размышлений. Она снова напомнила, что голодна до смерти, и если я не удосужусь ей в этом помочь, она вернется в парк, и будет ловить там любую живность, что попадется на глаза. Планирует начать трапезу с жар-птицы. Еще она добавила, что видела в озере, по которому мы плыли, много рыбы. Я незаметно обернулась к распахнутым воротам Хранилища, и увидела наостренный силуэт королевы. Она отделилась от остальной компании, подошла к самому порогу и, высоко возвысив голову над телом, смотрела в конец Зала. Ее маленькие округлые ушки смешно выделялись на ее клиновидной голове в ярком свете солнца. Я недовольно буркнула:

— Так почему ты, пока плыла, не поела?

— Мы спешили. Я хочу есть! Пойдем скорее!

Хотя история Хим Дана была действительно очень занятная, но причитания королевы начали серьезно доставать. Поэтому некоторые вещи я вообще не услышала, а кое-что не поняла.

Когда он предложил задавать вопросы, конечно, первым поспешил Зунг:

— Что это за оружие?

Я удивилась, что Зунг задал именно этот вопрос. Я была на сто процентов уверена, что он начнет спрашивать о Создателе и о туннеле между мирами, все же библиотекарь спросил о последнем. Другие согласно закивали, поддерживая его интерес.

— Нам неизвестно, — отрицательно качнул головой гид. — Мы лишь охраняем вход в Ахель-Итар. Основатель не объяснил нам, что собственно это за оружие. Может, он думал, что мы не пойдем. Или, что оставшиеся герны обнаружат нас и отыщут спрятанную им лабораторию. Тогда все надежды канут в пропасть.

— А кто этот Избранный из легенды? Как его определить?

— Вот об этом я и хотел вас спросить. На данный момент для нас очень важно определить, кто из вас везде открывал путь, и перед кем отступало поле? Лишь дар Зарнара мог позволить вам пересечь защитную Границу, созданную гернами.

— Что это за дар? Вы что-нибудь знаете об этом? Значит, вы более информированы, чем говорите нам.

— Конечно, мы имеем немало информации, — согласно склонился Хим Дан, — ведь мы должны верно обусловить Избранного. Основатель оставил нам некоторые указания. Мы точно придерживаемся их. На самом деле оружие, которое оставил он, настолько серьезное и страшное, что если оно попадет не в те руки, мир будет на грани истребления. Мы не можем этого допустить. И, я думаю, вы уже догадались, что мы многое вам не говорим. Поймите, что это всё в целях безопасности. Мы должны быть полностью уверены в том, что вы именно те, кого мы так долго ждали.

— Разумно, — кивнул Лахрет.

— Я вижу, что и вы нам не доверяете. Логично. Недоверие порождает недоверие. Я вас понимаю и не осуждаю. Тогда вопрос о даре и Избранном пока отложим, — его улыбка на лице была искренняя.

В тот момент, как разворачивался этот диалог, я была занята противостоянием с оголодавшей королевой, и слушала вполуха. Лахрет тем временем спросил:

— Что вам даст то, что вы узнаете о том, кто открывал нам сюда дорогу?

В глазах Хим Дана мелькнула надежда и он учтиво ответил:

— Дело в том, что Зарнар оставил «Память», которую может активировать лишь Избранный, — и он жестом коснулся ступни изваяния гадака, на которой на витых сандалиях крепился рубиновый кристалл. — Именно в ней записаны последние слова Основателя, как напутствие Избранному. Лишь он может узнать их, коснувшись этого устройства и вызвав информацию.

— Что это за информация? — спросил Наран.

— Мы не знаем. Но она должна помочь ему войти в Ахель-Итар. Именно там находится главная лаборатория Зарнара. И именно там хранится созданное им оружие. Так гласят легенды.

— Лаборатория разве не здесь?

— Нет.

— А почему мы должны вам верить, что не случится что-нибудь неприятное при прикосновении с этим предметом? — недоверчиво поднял подбородок Лахрет и совсем закрыл меня собою, так, что я могла высунуть только половину своего лица и наблюдать за всем одним глазом.

Глаза экскурсовода удивленно расширились:

— Я думаю, что наше миролюбивое поведение должно заверить в простоте и искренности наших побуждений. Мы — Стражи последней печати!

Ага! Значит, они знают о печатях! Лахрет качнул головой, когда другие начали непонимающе переглядываться, и произнес:

— Я думаю, мы вам сообщим ответ на этот вопрос, но когда поймем, что вам можно доверять и нам ничего не будет угрожать.

— Понимаю. Но почему вы решили, что вам что-то угрожает? — вытянул лицо Хим Дан.

— Меня смущает толпа зевак, собравшихся снаружи. У них слишком нездоровый интерес к нам и нашим ниясытям. Кроме того, у многих есть оружие.

— Что вы! — махнул вроде как бы беззаботно наш гид, но в глазах мелькнуло удивление, словно он недоумевал, откуда Лахрет узнал об этом. — Эти люди, что на улице, всего лишь взволнованные граждане. Ведь к нам впервые за это время пришел кто-то из Внешнего мира! Не будьте столь строги к ним. А оружие... мы носим его всегда с собой, так как в городе, а особенно за его пределами всегда есть угроза нападения диких созданий, живущих в горах и под землей.

Его слова казались разумными, но я чувствовала, как увеличивается недоверие Лахрета. Его что-то постоянно настораживало. Но что, не могла понять, потому что нытье Забавы уже заполонило всю мою голову. И с каждой минутой ее зов звучал все настойчивее и сильнее. Поэтому, коснувшись плеча мужа, я послала ему мысленное обращение, что надо покормить Забаву, иначе я лишусь рассудка. Он ответил, чтобы я была осторожна и взяла с собой Рогора. Идти он со мной не сможет, это может вызвать ненужные вопросы у остальных. А в том, что со мной будет все в порядке, он не сомневался, так как рядом будет Забава и трое нурув. С нами еще полетят Нук и Лирит, чтобы транспортировать даму с поломанным крылом. Я мысленно заверила, что буду вести себя тише воды, ниже травы. Забава быстро поест, и мы вернемся. Он кивнул.

В этот же момент Тува вскинул руку и проголосил:

— Я выйду!

— Куда? — не успел начать следующей мысли Хим Дан.

— В туалет. Вам погромче повторить? — возмущенно надулся навигатор.

Гид неловко улыбнулся и махнул в сторону выхода:

— Идите. Там вам покажут, куда идти. Поторопитесь, так как я намерен, в знак нашего искреннего гостеприимства, пригласить вас на торжественный обед в вашу честь.

В такт словам об обеде в животе у многих забурчало. Тува кивнул и поторопился на выход. Я шепнула Лахрету, что пойду за ним и отделилась от его спины. Он едва заметно кивнул, и, не оборачиваясь, произнес вслух, словно хотел отвлечь внимание гида:

— Тогда, я думаю, нам не стоит затягивать с этим. Прошу вас, покажите нам, куда идти. Мои спутники с утра ничего не ели и очень проголодались.

Оглянувшись у выхода, я увидела, что Хим Дан повел всех к боковому проходу. Я не замечала его ранее, пока он не активировал небольшую панель у одной из статуй. Тогда стена отъехала в сторону и открыла путь в светлый зеленый коридор. На том мои знания о дальнейшем пути остальных и закончились, так как я вышла на террасу перед входом в монолитное здание, где выстроились в ряд все наши ниясыти. Посредине сидела Забава и смотрела на портал фасада голодными глазами. Рядом полулежала Бриана, настороженно, как, впрочем, и остальные, оглядываясь на стоящую внизу перед ступенями толпу. А Рогор, так тот, вообще, к ним передом повернулся и грозно созерцал незваный белый люд. Мэнона сидел на корточках возле бедра Рогора и боязливо таращился на толпу, осторожно высовывая макушку из-за нура. Гадак сидел так, чтобы его как можно меньше видела публика. Когда я подошла, он медленно поднялся до согнутого состояния, и спросил:

— Что Мэноне делать? Мэнона не хочет, чтобы эти люди на меня напали. Они этого хотят.

Я понимала его страхи. Но не понимала агрессии зарнарян по отношению к нему, потому как здесь о тараках знали только из легенд. Их никогда никто не брал в плен из его

народа. А тут такое недовольство его присутствием. Странно.

Я дружелюбно похлопала его по плечу и кивнула в сторону Хранилища:

— Слушай, догони остальных. Они пошли куда-то в столовую, наверное. Я скоро к вам присоединюсь. Иди, они еще не закрыли за собой двери.

Гадак недолго думал. Оглянулся. Увидев, уменьшающуюся толпу в конце Зала, сорвался с места и скоро побежал вовнутрь Хранилища.

Я же повернулась лицом к молчаливым зрителям, что расположились у лестницы. Толпа, скажу, собралась внушительная. Народ заполнил собою всю площадь вокруг здания, и тихо чего-то дожидался. В тот миг, когда Мэнона ринулся в Зал Хранилища, один из стоящих впереди мужчин было хотел побежать за ним с явным желанием не пустить вовнутрь гадака, но стоящий рядом поймал того за плечо, и остановил. Я задержала на них взгляд и опять внутренне напряглась. Здесь точно что-то не так. Их лица казались не очень радостными, даже мрачными. Разве может это обстоятельство внушать доверие? Если бы Забава не позвала меня, я бы так и смотрела на публику, пытаюсь разобраться в своих неясных ощущениях предвкусения беды.

Позвала Рогора. Но и он тоже смотрел во все глаза на людей и не сразу откликнулся. Тьфу ты! И он туда же! Что с этим крылатым народом творится? Организовала Лирита и Нука, чтобы они отнесли Забаву в сторону озера, и взобралась на спину уже не дикого нура. Он оглянулся на меня и сказал перед тем, как подняться в воздух:

— Они нас боятся и в чем-то подозревают. Эти люди не доверяют нам. Это потому что с нами пришел тарак. Больше всего они смотрели на него. Мне это не нравится. Я слышу опасность.

— Я тоже, — поддакнула Забава, провожая удаляющуюся площадь долгим взглядом.

Опять это слово «опасность». Что же так напрягает ниясытей? От этого внутри всё становилось натянутым, как струна. Если смотреть поверхностно, всё было красивым, спокойным и нормальным. Но в воздухе витало ощущение чего-то нехорошего, чувство предстоящей бури после затишья. И от этого ощущения я никак не могла отделаться. Спасибо ниясытям и угрюмым лицам горожан. Мысль об этом была также весьма актуальной, еще и ввиду настороженности Лахрета. Учитывая его профессию, нюх на опасность у него был обострен в разы. А если Марта моего что-то нахмурило, то это уже вообще, туши свет, бросай гранату! Я крепко задумалась о том, что может случиться, и что тогда делать.

Когда Рогор поднялся в воздух, неся на своих плечах меня, я обратила внимание на удивление людей. Наверное, они только сейчас поняли, почему мы привели ниясытей с собой. Я подумала о том, что если эти люди, не знают, кто такие ниясыти и на что они способны, это может сыграть нам на руку в будущем. Вполне возможно, их способности могут скоро понадобиться.

Летя невысоко над крышами домов города, я немного отвлеклась от тяжелых предчувствий и позволила себе восхититься великолепием дизайна и гениальности архитекторов этого народа. Не смотря на однотипность жилых строений, возле каждого дома было что-нибудь необычное, присущее лишь этому месту. Каждый дворик многоэтажки был пропитан уютом и простотой, и в то же время утонченностью декораций. Помимо всего прочего, по улицам выстроились рядами высокие лиственные деревья, которые грамотно чередовались по роду и сорту друг с другом, подчеркивая продуманность проектирования города.

Но вот, спустя всего лишь несколько минут полета, мы добрались до берегов озера. На причал я решила не лететь, так как там находилось много техники, а значит, рыбы нет. Кстати, тема водной техники вызвала у меня много вопросов о конструкции машин, которыми пользовались горожане. Как они могли обойти трудности влияния электромагнитных аномалий? В чем секрет? Почему их машины с легкостью могли перемещаться в этом месте?

Потом, решив, что это бесполезные мысли, я быстро вернулась к вопросу о том, где бы приземлиться.

Велела Рогору поворачивать направо и лететь вдоль неровной береговой линии. Она во многих местах поросла высокими болотными растениями, в которых копошились водоплавающие птицы и животные. Пролетев достаточно долго и немного отдалившись от основных построек города, мы наконец-таки, нашли небольшую уютную бухточку, где можно было бы расположиться всем ниясытям и мне в том числе. Невысокий обрывистый бережок нависал дерном над синей водой и был спрятан от города насаждениями деревьев похожих на земную березу.

Лирит и Нук бережно опустили Забаву прямо на воду, и та мигом исчезла в лазури озера. Я даже чувствовала ее дикий, просто умопомрачительный голод. Рогор аккуратно сел на короткую траву и дал возможность мне спуститься, а потом тоже отправился подкрепиться. Я осталась совсем одна. Я да птички в ветвях зарунянских берез.

Села почти у самого края и устремила взгляд на блестящую рябь. Ниясыти то и дело выныривали из воды, как дельфины, и игриво плюхались обратно, разгоняя тучи брызг и волн. Лучи Раголара искристо играли на влажной глянцевой коже ниясытей. Даже с моего места было видно, как напрягались мускулы, как легко поворачивались и изгибались тела летунов в воде. Завораживающее зрелище. Но я отвлеклась от привычного представления, погрузившись в размышления.

Итак, что мы имеем? Город, основанный герном, который пошел против всех и оставил после себя целое наследие. Людей, которые никогда не видели Внешнего мира и не знают, сколько бед принесло человечеству плод экспериментов вымершей расы ящероподбных существ. Не знают ниясытей и называют их драконами. Они выглядят не так, как все ириданцы. Они стареют и мужчины носят бороды. Еще они все ходят в белом и строят все из светлых материалов. Любят искусство и красоту. Не удивлюсь, что и музыка у них завораживающая. Далее. Слишком молчаливые и подозрительные. Многие не знают нашего языка, а только избранные. Их лидер, старик с посохом, только ведет себя приветливо, но в нем есть что-то, что заставляет сжиматься от подозрений сердце. У него явно, что-то есть нехорошее на уме. Но что? И почему он так быстро нас покинул? Неужели что-то готовит? Этот Хим Дам, хоть и выглядит более приветливым и дружелюбным, но и он имеет неясные мотивы.

История о Зарнаре выглядит красивой и логичной. Но не может ли быть такого, что она стала исковерканной временем и человеческими домыслами? И эти слова из подсказки о том, что будут те, кто удивит нас, но и нам нужно их чем-то удивить. Интересно, а чем можно их удивить? У них лица, как у тазиков. Нхур поймешь, что у них в голове. И как можно за полдня понять целый уклад жизни, сформировавшийся в течение столетий? Правильно Лахрет решил, что не стоит сразу доверяться незнакомцам. Слишком уж они хорошо и складно все говорят да лощено улыбаются.

В этот момент из воды прямо у берега высунулась, как перископ, довольная голова

Забавы. Она вытянула морду в подобии улыбки.

— Наелась? — ласково я спросила ее.

— Нет. Еще буду. За тобой следят.

— Кто? — сразу покосилась я через плечо назад.

Но за кустами никого не было видно.

— Это молодая женщина. Ты ее видела в том большом черном здании.

— Правда? — этот факт меня весьма удивил и крепко заинтересовал.

Эта девушка уж очень любопытная. Даже странно.

— Выходи. Я знаю, что ты в кустах, — приветливо улыбаясь, громко произнесла я.

Забавы игриво выдула воду фонтанчиком, как кит, и, сказав, что из кустов проецируется только любопытство, нырнула обратно. Голод гнал ее дальше рыбачить.

Тонкие ветви шелохнулись, зашелестев листвой, и из-за одного из кустов вышла стройная фигурка девушки. Гибкая и звонкая, как и все женщины Заруны, она отличалась невысоким ростом. Она была даже ниже меня. Белые, как снег, волосы были собраны в большой узел на макушке. Фигура обтянута плотным халатом, подпоясанным голубым поясом. А от горловины до самого подола вдоль борта белого изделия красовалась удивительная цветочная вышивка нитями того же цвета, что и пояс. Лицо девушки было овальной формы с приятными чертами. Не сказать, что сказочно красива, но благодаря живым черным, как смоль, раскосым глазам, она казалась весьма милой. А приветливая улыбка алых губ довершала теплоту образа. Этот момент крайне удивил меня, так как он никак не вязался с впечатлением, вызванным особами женского пола данного города. Мысль о сдержанности женского населения для меня была удивительна, поскольку мир Зарнара не знал эпидемии тараков, случившейся еще на заре Иридании. Что же было причиной их поведения?

Тем временем, пока я разглядывала незнакомку, она осторожно приближалась ко мне и так же внимательно изучала меня. Подойдя на расстояние трех шагов, она робко замерла и произнесла звонким голоском:

— Привет! — когда она широко улыбалась, казалось, что лучик солнышка пробился сквозь тучу. — Меня зовут Вэй Вэй. Я дочь Хим Дана. Прости, что я подглядывала за тобой... Просто я никогда не видела людей из земель Внешнего Мира...

— Привет, Вэй Вэй. А меня зовут Лана. Лана Ноа. Очень приятно, — еще шире улыбнулась я ей, не придав значения тому, что она свободно говорит на ириданском. — Это не ты ли, случайно, подглядывала за нами ещё в Зале Истории?

Она смущенно опустила глаза и коротко кивнула, но никак не прокомментировала этот факт. Я смотрела на нее, а в душе возникло теплое приятное ощущение. Почему-то образ этой молодой девушки вызывал у меня необъяснимое доверие. Когда она заметила мою улыбку, то лицо ее ликующе просияло, и она с большим энтузиазмом зазвонила голоском, как колокольчиком:

— Ты пришла сюда кормить своих питомцев? Как вы их называете? Они питаются рыбой? Какие они красивые и восхитительные!

— Мы называем их ниясытями. А разве у вас таких нет?

— Нет. Я первый раз их увидела, когда вы прибыли на доставщике.

— Вы называете тот плот доставщиком? — она энергично кивнула. — Интересно...

Вэй Вэй присела рядом и поглядела в сторону резвящихся в воде ниясытей.

— Они у вас дрессированные?

— Нет.

Она вскинула удивленно тоненькие как лучики бровки и спросила:

— А как же они вас слушаются?

— Они разумные. Я с ними разговариваю.

— Правда?! Как интересно! У нас тоже есть домашние животные, которые немного проявляют разум. Муфы. Они тоже слышат мысли, но только простые.

Когда она говорила, в голове у меня возникла мысль: с ней обязательно нужно подружиться. Необходимо больше узнать об этом народе и об их странном поведении. Может, тогда я смогу понять свои неясные ощущения опасности и, возможно, развеять их. Кто знает, вероятно, это я себе лишь придумала? Поэтому, я решила отложить быстрое возвращение к остальным, чтобы прощупать обстановку в городе благодаря неожиданному знакомству. Девушка казалась простой и незамысловатой. Во всех ее движениях читалась лишь искренность и чистое любопытство. А той странной угрюмости и скрытности, что сквозила из всех людей Зарнара, не было и намека.

Я вздохнула и повернула голову в сторону озера. Забава выбралась на берег рядом с нами и лениво вывернулась на солнышке, подставив теплым лучам белесый распухший живот. Он рос не по дням, а по часам. Вэй Вэй восторженно уставилась на королеву и затаила дыхание. Не обращая никакого видимого внимания на юную особу, Забава спросила, удовлетворенно смыкая вторые веки:

— А можно я немного полежу?

— Это было бы хорошо. А я пока пообщаюсь с девушкой.

Остальные нуры вылезли на сушу сразу же после Забавы и сели на берегу чуть дальше нее, настороженно оглядываясь по сторонам. Особенно нервничал Рогор. Но я пока не стала его расспрашивать, занявшись разведкой. Однако, чтобы не вызывать подозрений и девушки, я напустила на себя беззаботный вид и откинулась назад на руки. Она оторвалась от рассматривания королевы, и спросила меня:

— А у тебя есть друзья?

Этот вопрос озадачил меня своей неожиданностью. Я думала, она будет расспрашивать о ниясытях.

— Да. Много. Все, кто со мной пришли, мои друзья.

— Здорово! А у меня нет друзей. Только сборники «Памяти» и стены Хранилища Истории, — она печально вытянула личико и вздохнула.

— Сборники «Памяти»?

— Мы так называем носители информации. Это такие кристаллы, куда мы записываем все важное, что касается и науки, и биологии, и медицины, и окружающего мира. Все-все! Папа мне разрешает их читать. Так я выучила ваш язык. Вообще, женщины его не учат. Мне было просто интересно...

— А почему у тебя нет друзей?

— Они меня считают странной. Я не такая, как все. Это, наверное, потому что я живорожденная.

— Живорожденная?

— Да. Это значит, что я не из пробирки.

— Не из пробирки?! — каждое её объяснение у меня вызывало лишь следующий вопрос.

— Да, — понимающе кивнула она. — У нас почти все появляются на свет из специальных капсул. Это было установлено еще Зарнаром для контроля численности

населения в городе, чтобы не было перенаселения. Из-за того, что мы не можем расширить пределы нашего обитания из-за Границы, перенаселение очень опасно. И для того, чтобы контролировать качества эмбрионов, влиять на будущие физические характеристики человека — капсулы тоже полезны. Специалисты, которые ими занимаются, специально контролируют некоторые эмоциональные стороны будущего поколения. Это очень удобно и надо, чтобы свести к минимуму эмоциональный фон жителей. Было время, когда против Старейшин поднимались восстания. Они выступали против программы контроля рождаемости. Тогда погибло очень много людей. И появились Отверженные. Поэтому, генетики, работая с «зачатием», теперь влияют на определенные гены, чтобы у людей не было желания воспроизводить потомство. Все же, бывают редкие, но исключения. Как, например, мои родители. Они, после того, как Старейшина выбрал их для семейной ячейки, родили меня.

— Семейной ячейки? — я удивилась бесконечному потоку информации, обрушившемуся на мою голову из недр этой удивительной девушки-солнышка.

— Это тоже часть нашего общества. Это необходимо для того, чтобы плод, изъятый из капсулы, рос в здоровой атмосфере, имея двух родителей. Было выяснено, что дети, выросшие в таких социальных ячейках, психологически более устойчивы, чем те, которые росли в воспитательных центрах. Ой! — она смущенно зарделась. — Я, наверное, много говорю... Прости. Просто я уже давно ни с кем не говорила. А так иногда хочется. Папа часто занят. А мама... Она ушла, подчинившись воле Старейшины. Это потому что захотела дать мне жизнь естественным путем, а свободных мест для нового человека пока не было... — тут она сникла на миг, с грустью состроив бровки домиком.

Мама Вэй Вэй пожертвовала собой ради дочери. Эта история тронула меня до глубины души. Эта девушка, так легко и искренне, за считанные минуты ворвалась в мое сердце и вызвала не только сострадание, но и сильное желание с нею подружиться.

Она полминуты помолчала. Затем, тряхнув головой, словно отгоняя неправильные мысли, снова улыбнулась и продолжила:

— Но я уже смирилась с этим. Я очень благодарна маме, что она подарила мне этот мир и возможность жить. Кто знает, может, она еще жива...

— А куда она ушла?

— К Окраинам. Там страшно и нет хранителей.

— Хранителей?

— Это стражники Зарнара. Особые люди. Они учат боевые искусства и умение работать с оружием. Также хранители в обязательном порядке учат Главную Легенду Зарнара и язык Внешнего Мира, куда ушел Основатель. Они защищают нас от диких животных, что водятся в пустынных землях, и от отверженных. Ты знаешь, говорят, что отверженные не могут иметь нормальное потомство. Их дети рождаются уродливыми и имбецилами. А еще они кровожадные... — она сделала страшные глаза, будто рассказывала мне детскую страшилку.

Я подыграла ей и тоже деланно расширила глаза, сыграв испуг. Она вздохнула, надув пухленькие губки и продолжила, глядя на блестящую поверхность озера:

— Старший брат считает меня «недоделанной дурочкой». И что мне место на Окраинах. Но я на него не обижаюсь. Он у меня очень умный. Говорят, что у него большие задатки отличного генетика. Сейчас он проходит практику в лабораториях. Так что я по большей части провожу время одна или в компании муффов.

Я понимающе кивнула, вспомнив, как ко мне относились еще в школе на Земле, а потом

здесь, на Заруне. Правда, ириданцы оказались более понимающими и терпимыми, чем здесь. А тут прямо травля какая-то. После такой искренней исповеди, я прониклась глубоким сочувствием к Вэй Вэй и захотела как-то ее поддержать. Но по ней было видно, что она не очень расстраивалась из-за такого положения вещей.

— Правда, — вдруг приглушила она свой звонкий голосок и заговорщицки приблизилась к моему уху, — у меня есть один друг. Он тоже живорожденный, точнее зачатый естественным путем, но доношенный в капсуле. Ему повезло больше. Когда он родился, освободилось место в городе, и его решили оставить. Он тоже такой, как и я. Странный. Но его часто используют в различных поручениях. У нас как поступают с зачатыми естественным путем? Сначала эмбрионы проверяют на пригодность, а потом решают, что делать дальше. Или их морозят, либо уничтожают, или проводят дозревание. Специалисты говорят, что он, несмотря на естественный процесс зачатия, оказался очень одаренным. Даже хвалили и говорили, что самостоятельно бы не добились такого идеального генетического превосходства. Он меня понимает. И иногда мы с ним гуляем в безлюдных местах. Он мне много чего рассказывает о том, что происходит в верхах города. Даже папа всего не знает, сколько Иду.

— Так его Иду зовут? — лукаво улыбнулась я проколовшейся девушке.

— Чшш, только никому не говори, что он со мной дружит. А то его засмеют. И Старейшина его выбрал себе в наследники. Узнает, велит ему со мной не общаться, — Вэй Вэй наивно свела бровки домиком и печально вздохнула. — Лана, скажи, а зачем вы привели с собой тарака? Вы разве не боитесь гнева Старейшины? Я услышала, что Шихард пришел в ярость. Он сказал одному из своих подручных, что Внешний мир сошел с ума, раз смешался с тараками. Что это немыслимо иметь связь с гибридами. Это грех!

— Что ты! — взмахнула я рукой в знак протеста. — Мы не дружим с тараками. Они до сих пор наши враги! Просто Мэнона особенный. Он даже выглядит не как все тараки.

Вэй Вэй понимающе кивнула, расширив глаза, и поучительно заметила:

— Летописцы говорят, что герны убивали неправильных таракков ещё в зародышах. Я читала об этом в одной из «Памяти».

Сказав это она смолкла и повернула голову в сторону мирно лежащих на солнышке ниясытей.

— Красивые они, ваши ниясыти. Мне очень нравятся. Меня восхитило, как ты летела на одном из них. Я тоже так хочу. Наверное, это даже лучше, чем на одноместном слайтере летать! Да?

— Я не знаю, что такое слайтер. Но, наверное, да.

— А что с той самой светлой ниясытью. Почему у нее крыло перевязано?

— Дикий зверь на нее напал.

— Дикий зверь? Случайно не макаса?

— Кто это?

— Страж пещер. Говорят, что за рекой они вырастают просто гигантскими, потому, что нет природных врагов, — Вэй Вэй сочувственно поджала пухлые губки.

Я еще подумала, как несправедливо, что все ее считают странной. В Иридании ее причислили бы к самым роскошным красавицам за милый нрав. Через несколько минут задумчивой тишины, девушка неожиданно резко повернулась в мою сторону и, серьезно супя широкий лоб, спросила:

— А это правда, что вы идете в Ахель-Итар?

— Я так понимаю, что да.

Она испуганно распахнула черные угольки-глаза и закачала головой:

— Нет-нет! Не ходите! Вы погибните!

— Это почему же?

— Я была Храме-Вратах. Там столько костей смельчаков, что решили проявить любопытство, лежит на полу! Никто даже не посмел их убрать, — она моляще свела бровки и схватила меня за локоть. — Ты такая хорошая, я не хочу, чтобы тебя убили стоящие там «Стражи».

— Стражи?

— Мы так называем скрытые механизмы, которые запускаются, как только кто-нибудь переступает последнюю «черту». Никто не смеет туда ходить. Все боятся.

Глядя в перепуганные глаза Вэй Вэй, я почувствовала, как внутри все похолодело. Потом пожала плечами и ответила:

— Но что нам делать? Ведь мы пришли именно для того, чтобы получить ответ на вопрос о городе предков и тайне, которую оставил в этом городе Зарнар.

Вэй Вэй пристально посмотрела на меня и выровняла брови, задумчиво протянув:

— Хотя...

— Что?

— Вы же ведь пришли по пути, оставленном Основателем. Он должен был оставить возможность прохода через Стражей. Об этом должен знать Старейшина. Говорят, что Старейшины хранят некую тайну, известную только им, и которую они передают своим приемникам перед Уходом... Может, она как-то связана с той «Памятью», что оставил Зарнар Избранному, что придет из-за Границы.

— Вэй Вэй, а кто этот Избранный?

— Не знаю, — передернула она плечами и обратила взор на озеро. — Никто не знает. Но он один лишь может запустить «Память» Зарнара, — а потом она крамольно сощурила глаза и хихикнула: — Старейшина ему уже готовит испытание.

— Испытание?

— Ой! Я же не должна была это говорить, — она виновато поджала губы, прикрыв их ладонью. — А, впрочем, ты все равно не Избранный. Он же ведь мужчина... ведь так?

Я решила не комментировать последнюю ее фразу, спросив:

— А что за испытание?

— Откуда мне знать? Это тоже секрет Старейшины.

Она смолкла, а я задумалась. Что бы могло значить это испытание Старейшины? Правда, думать долго мне не дала неожиданная активность со стороны нуров. Я резко повернулась в их сторону. Лирит резко вскочил на ноги и обернул в сторону города настороженные глаза, наострив ушки.

— В чем дело? — тут же спросила я его.

— Беда.

— Какая беда?! — тогда и я подорвалась на ноги. — Что происходит?

— Я слышу зов Лахрета. Ему угрожает опасность.

Хвост нура хлестал по бокам, а весь силуэт выражал обеспокоенность. Так же поднялся на ноги и Нук. Он тоже заволновался не на шутку. Забава подняла голову над телом и повернула ее в том же направлении, прикрыв вторые веки. Затем доложила:

— В городе началось сильное движение. Я чувствую в воздухе дух негодования. Они

кого-то хотят убить.

— Убить? — это я уже произнесла вслух.

Вэй Вэй растерянно тоже встала на ноги и перепугано спросила.

— Что происходит? О чем ты говоришь? Кто кого хочет убить? Что происходит с твоими ниясытями? Почему они всполошились?

— Ниясыти беспокоятся. Они говорят, что в городе началось возмущение, — и как только я это сказала, во всю мощь проревел звук горного рога, превратившись в пульсирующий звук сирены.

Вот тут и лицо Вэй Вэй потрясенно вытянулось.

— Что значит эта сирена?

— Казнь... — лицо ее мгновенно стало таким же белым, как и ее волосы.

Тут же Лирит оторвался от земли и, ничего мне не сказав, молнией помчался в центр города. За ним, не раздумывая, вспорхнул Нук. Рогор тоже поднялся на ноги, но лететь никуда не стал, а повернул голову в мою сторону:

— Что прикажешь делать?

Я перевела взгляд на Забаву. Она, хоть и продолжала лежать, но выражение ее морды контрастно изменилось. Она слушала.

— Забава? Что там?

Только я ее спросила, она вскочила и повернула ко мне недоуменные глаза.

— наших вывели из того места, где они были, и ведут куда-то. Мэнону ведут отдельно. Им угрожают каким-то оружием. Нарана несут на руках. Он пострадал. Опасность. В воздухе витает страх и злость.

— Лана? — девушка, все еще стоявшая рядом, испуганно коснулась моей руки. — Ты случайно сейчас не разговариваешь со своими ниясытями? Они что-то говорят о причине сирены? Почему те двое улетели? Что-то случилось? Они что-то знают? — голос ее дрожал, а руки стали ледяными и влажными.

— Моих друзей схватили и куда-то ведут. Им угрожают оружием и хотят убить тарака. Так вот, какое испытание Старейшина приготовил нам? — я гневно нахмурила лоб и повернулась к Рогору.

Вэй Вэй сжала кулачки и прижала к сердцу, интенсивно закачав головой:

— Я не знаю. Я не знаю. Я ничего об этом не знаю... Как мы туда доберемся? Они же, наверняка, тебя ищут. Все видели, как ты улетала. Они знают, что ты где-то на берегу.

— Она права, — заметила Забава. — К нам идут. Они думают о плохом. У них оружие.

Внутри все оборвалось. Как же мы теперь сбежим? Лирит с Нуком улетели. Разве Рогор поднимет нас всех? Если и поднимет, то далеко ли унесет? Сердце в ушах: «Тук! Тук! Тук!». В душе паника. В голове мысли как блохи при ловле.

— Я могу открыть зияние, — ворвался сквозь вихрь мыслей в ум голос Забавы. — Только перенести могу не дальше этого озера. Дальше помехи.

— А поле можешь сделать? — повернулась я в ее сторону.

— Могу. И Рогор может. Я все могу. Только улететь в Ир не могу. Я должна подняться в воздух. Над землей здесь опасно делать зияние.

Я повернулась к нуру:

— Рогор ты...

— Подниму, — не дал он мне договорить.

Садиться на плечи затянутой тугими бинтами Забавы я не решилась. Тогда она встала

на задние лапы и предложила немного поуютиться в ее объятиях. Я расположилась спиной к животу Забавы, так, чтобы она меня захватила, и поглядела на Вэй Вэй. Она испуганно ломала руки, не зная, что делать. Тогда я предложила ей, протянув в ее сторону руку:

— Если ты не боишься и хочешь пойти со мной...

И она более не колебалась. Спешно подбежала ко мне, и Забава загребла нас двоих в свои крепкие объятия. Затем ловко подпрыгнула, а Рогор легко захватил ее сверху, махая мощными крыльями и гоня частые волны на воде.

В тот же момент, как мы поднялись в воздух, на опушку «березовой» рощи к берегу выскочила группа мужчин с предметами, похожими на граненые бутоны тюльпанов в руках. Вэй Вэй испуганно всхлипнула и сильнее вцепилась в мою руку. Забава легко раздула вокруг нас пузырь биополя и вызвала впереди зияние. Мужчины вскинули озадаченные лица на нас, а один даже выстрелил. Нечто, подобное синей вспышке, метнулось в нашу сторону, но поле Забавы легко поглотило его.

Они даже стреляют в нас!!! От этой мысли волосы в ужасе встали дыбом. Что они этим хотят добиться? Или же это оружие не смертельно? Я не стала ломать над этим голову, так как Рогор не медлил и завел нас в гиперпространство. Вэй Вэй потрясенно озиралась по сторонам, не понимая, что происходит. Однако не проронила ни слова.

Через стандартные десять секунд мы вынырнули из зияния и повисли над площадью, где еще недавно было спокойно и тихо. А сейчас народ, одетый в белые одеяния, походил больше на беспокойное море. Масса волновалась, перемещалась слоями и уплотнялась, окружив невысокую платформу у края площади. К ней вели, проталкиваясь сквозь толпу, моих спутников, несколько десятков мужчин, вооруженных теми же гранеными бутонами, что и те, что были на берегу. Среди пленников я увидела массивную фигуру капитана, который нес на спине бессознательного фагота. Ята шла следом, прижимая к груди что-то. Впереди капитана, гордо подняв голову, шагал Лахрет. Рядом с ним по бокам шли Март, Рэнна и Йен. Фиона, Зунг, Тува, Пэнна и Милитана завершали шествие пленников. Лица и было трудно рассмотреть за те пару секунд, что я глядела в их сторону, но дух у многих девушек был ниже плинтуса. Впереди сей необъяснимой процессии вышагивал Старейшина с высоко поднятой головой. За ним следом вели двое громил поникшего Мэнону, схватив под руки.

Вся толпа скандировала одно слово: «Дахэ!» Я так поняла, это значит — «казнить». Вверху над головами раздраженного люда парили нуры, окутанные полем. Они с угрозой опустили головы и громко шипели на толпу, но больше ничего не предпринимали, словно их что-то останавливало.

Когда с хлопком в воздухе появились мы, ниясыти вскинули головы и пронизывающе затрубили, перекрыв звук сирены. От их зова пробрало даже меня. Люди застыли и позадирали головы, перестав кричать свой приговор. Рогор интенсивно махал крыльями, но я заметила, что с каждым взмахом мы опускались все ниже и ниже. Тогда Лирит легко сообразил и мигом очутился рядом, приняв на себя половину веса Забавы и меня с Вэй Вэй. Другие нуры окружили нас и начали рисовать в воздухе некий ритуальный круг. Через мгновение в нашу сторону полетели синие сполохи, но поле, образовавшееся из пяти личных полей каждой ниясыти, легко поглотило всех их. Забава недовольно задрала голову, распахнула пасть и издала такой неприятный стон, что даже я прониклась удивлением. От этого стона внутри все завязалось в тугой узел.

Я тем временем смотрела вниз и лихорадочно пыталась сообразить, что делать дальше?

Первая мысль была — защитить Мэнону, потому как его уже возвели на площадку и приставили к столбу. Это сильно напомнило мне некий земной жертвенный ритуал. Второй мыслью было разогнать охранников всей группы и дать возможность им самим защитить гадака. В этот момент мой взгляд упал на обращенное в нашу сторону лицо Лахрета. Что скажет он? Почему они позволили себя арестовать? Что же произошло, когда они пошли кушать?

— Лахрет говорит, что ты должна удивить их. Так гласит подсказка, — передал мысли мужа Лирит.

— Удивить??? Чем??? Испуганными воплями? — ответила я и прикусила так нижнюю губу, что почувствовала, как побежала по подбородку кровь.

Ааа! Я сойду с ума! Чего они от меня все хотят?!! В этот момент я снова глянула на прикинутого к столбу гадака, и уже больше не сомневалась. Не знаю, что там говорил мой загадочный второй голос, а вот сердце твердо приказало:

— Забава, летим вниз, на эшафот!

Нурь тут же разлетелись в разные стороны, а Лирит с Рогором понесли Забаву в указанном направлении так быстро, что у меня заходило сердце в ощущении стремительности падения. Еще миг, и я уже стою на ногах перед гадаком. Королева слева от меня, растерянная и потрясенная Вэй Вэй — справа. Расставив руки, я обратила на Старейшину самый решительный и грозный взор, на который только была способна. Я чувствовала, как сильный ветер раскидывал мои растрепавшиеся волосы, прижимая к телу шелковую тунику. Как он шелестел в ушах, заглушая продолжавшийся вой сирены. Как непослушно дрожат колени, а сердце ретиво вырывается из груди. Потом я воскликнула:

— Я не позволю казнить моего друга! По какому праву вы поступаете так с членами моей экспедиции?!!

Вторя моим словам, Забава задрала голову, распахнув пасть и выставив устрашающий ряд хоть не больших, но острых зубов, снова повторила свой душераздирающий стон. В нашу сторону сразу двинулось несколько смельчаков с оружием наизготове, но их тут же жестом сухой руки остановил Шихард. Тут же, как по команде, заглохла сирена. От чего в разы легче стало думать. Затем, сузив глаза и кивая утвердительно головой, старик громогласно провозгласил, так, чтобы его было слышно даже в последних рядах толпы:

— Значит, ты и есть «Избранный»?

— Я не знаю, кто такой Избранный. Но я знаю, что кто есть я! Я та, кто прикажет своей королеве одним звуком убить тебя. И поверь, если ты продолжишь воплощать свое намерение в жизнь, я это сделаю и ни о чем не пожалею! Даже глазом не моргну. И, поверь, она, — я жестом указала на Забаву, — сможет это сделать. На это у нее сил хватит!

На лице старика играла лукавая ухмылка, а глаза светились неприятным светом самодовольства.

— Ты не веришь? Тебе продемонстрировать?

— Не стоит, Избранная. Я верю твоим словам. Не ожидал, что это будет такая хрупкая женщина, как ты. Но то, с какой ревностью они все тебя защищают и покрывают, легко можно заключить, что среди них ты самая главная. В тебе есть сила. Она исходит изнутри. И она не была твоей при рождении. Значит, ее дал тебе Зарнар!!!

Я озадачено вытянула лицо. Этот старикашка меня поражал все больше и больше, но спешить верить его словам я не стала. Вместо этого недоверчиво повела подбородком и громко воскликнула:

— Я требую, чтобы ты немедленно отпустил всех моих друзей!!!

Он иронично наклонил голову и произнес, только в этот раз не так громко:

— На основании чего ты это требуешь? Вы привели в наш город тарак — врага всех людей. Презренного гибрида. Почему вы решили, что мы должны терпеть его здесь присутствие?

— Он член нашей группы экспедиции.

— Он тарак.

— Он не несет угрозы!

— Почему мы должны тебе верить?

— Вам придется в это поверить.

Он вздернул брови.

— Ладно. Гнев народа разгорелся. Его надо потушить. Если нельзя убить тарак, тогда мы убьем кого-то вместо него! Выбирай, кого? — он движением кисти указал на остальных членов группы.

И он вполне мог это сделать, ведь их я защитить сейчас не могла. Либо Мэнона, либо они. От вопиющей несправедливости у меня сердце вздрогнуло и упало в колени. Губы нервно задрожали, а на глазах выступили слезы негодования. Я смотрела на невозмутимое лицо Лахрета. На его выдержанную поставу, уверенно расставленные плечи. Что давало ему столько сил сдерживать свои эмоции? Ведь я понимала, что сейчас у него внутри бушевала стихия.

Однако только он это сказал, с неба камнем упали четыре нура и взмахами крыльев разогнали стражу, раздув куполом над пленными защитное поле. Некоторые из моих спутников попадали на землю, обхватив головы руками, такие как например Зунг и Тува. Другие лишь окрасили лицо довольной улыбкой: Лахрет не дал мне выбирать.

Тут старик и растерялся. А на лице был немой вопрос: кто эти существа? Значит, Лахрет не спешил защищаться с помощью ниясытей, желая узнать до конца намерения хозяев города. И в том, что Забава меня легко может защитить, он не сомневался, дав через Лирита указания к действию. Теперь Шихард был в замешательстве. Уже все поняли, что пузырь, раздуваемый прибывшими с нами существами подобен Границе, и служит нашей защитой. Его им не пробить. Только вот они не знали, что долго ниясыти его генерировать не могут, тем более под куполом Грани. Поэтому я поспешила действовать:

— Шихард! Я требую остановиться! Мы хотим беспрепятственно пройти к Ахель-Итару, и не желаем бессмысленных жертв. Если же тебе нужна демонстрация силы — я поспешу ответить! Забава! — повернулась я к королеве и сказала ей мысленно: — Разрушь пожалуйста, что-нибудь. Но без фанатизма. И без жертв.

— Поняла.

Тут Забава прогнулась и, снова распахнув пасть, издала уже знакомый мне ультразвук в сторону небольшого навеса рядом с плахой. Хлипкое сооружение зашаталось, вздрогнуло и через мгновение разлетелось на ошметки. Люди, стоявшие рядом, с воплями разбежались в разные стороны, схватившись за места, куда попали осколки. У некоторых даже выступила кровь.

Этого оказалось достаточно, чтобы Старейшина поднял вверх посох и прокричал:

— Остановись! Я все прекрасно понял! — затем властным жестом махнул охране и приказал: — Разойтись!

Но они и сами спешили освободить пространство вокруг купола защитного поля нурав,

спрятав оружие на место. Сразу же поле испарилось. Никто не догадался, что причиной исчезновения этого купола было не послушание моему приказу, а усталость ниясытей.

Старейшина еще некоторое время стоял и молчал, пристально глядя на меня. Затем закивал своей какой-то мысли и произнес так, чтобы слышала только я:

— Удивила...

Затем, смерив меня долгим и вдумчивым взглядом, Шихард резко развернулся к толпе, поднял вверх руки, призывая к вниманию и начал пафосную речь:

— Народ Зарнара, послушай меня! Мне дана власть и сила следить не только за порядком города, но и за соблюдением всех традиций и обычаев, завещанных нам Основателем. Согласно его пророчеству, должен вернуться Избранный, и закончить начатое им дело. Он говорил, что, когда он вернется, наступит на всей планете мир и процветание до тех пор, пока снова свой ясный взор на Заруну не обратит Создатель Вселенной! В тот день, когда Избранный запустит оружие против грешного эксперимента гернов, для нас, наконец, откроются врата во Внешний мир и все станут свободными. Мы будем расширять свои земли, и строить новый мир. Мир, где не будет больше Границы, контроля рождаемости и строгих правил. Мир, где мы осуществим мечту Зарнара, продолжив изучать законы материального и энергетического мира, и однажды покорим просторы Космоса. Полетим на другие планеты и будем бесконечно изучать дивные тайны Вселенной!..

Он еще что-то напыщенное говорил, но я перестала его слушать, повернув голову к стоявшей рядом Вэй Вэй. Она дрожала как осиновый лист, тоскливо обхватив себя за плечи, а по щекам кривым ручьем бежали слезы. Ее губы повторяли одну фразу:

— Он даже не посмотрел на меня... Он даже не посмотрел на меня...

А глаза же ее при этих словах смотрели строго на затылок Старейшины. Меня этот момент удивил. Я шагнула к ней и приобняла за плечи:

— С тобой все в порядке?

Вэй Вэй вскинула на меня влажные глаза и с горячностью спросила:

— Лана! Позволь мне пойти с вами!

— Но ведь...

— Я не хочу больше оставаться в этом проклятом месте! Забери меня с собой! Я буду преданно служить тебе и твоему народу! Клянусь тебе! Пусть будет твой мир — моим миром, и твои цели — моими целями! Моя душа стенает от одиночества в мире, где нет мне места!

— Вэй Вэй! — пораженно прошептала я. — Но как же твой народ? Ты же здесь выросла. Тут твои родные. Тут твои корни.

— Они никогда не были моими... они с самого моего рождения отреклись от меня! Позволь пойти с вами! — дрожал ее звонкий голосок.

Понимая то отчаяние, в котором она находилась, как больно было ей всю свою жизнь быть отверженной и неприкаянной среди своего народа, я лишь качнула головой:

— Как я могу запретить тебе куда-либо идти? Ты свободный человек. У тебя есть право решать, что делать дальше. Если ты желаешь пойти с нами, я не буду удерживать тебя.

— Спасибо! — воскликнул она, спрятав лицо у моего плеча. — Спасибо! Спасибо!

Я отодвинула ее от себя так, что теперь смотрела строго в ее заплаканное лицо, продолжая держать за плечи.

— Если ты хочешь идти, ты можешь идти, но помни, что здесь все-таки есть люди, которым ты небезразлична.

Она закивала. Вдруг моей талии коснулась рука и меня нежно прижали к себе.

— Ты цела? — уткнувшись носом в мой висок, тихо спросил Лахрет.

От неожиданности я даже всхлипнула.

— Познакомишь меня с сей юной персоной? Почему она прибыла с тобой?

Я повернула мужу лицо и объяснила:

— Это Вэй Вэй. Она хочет пойти с нами. Возьмем ее с собой?

— А ей можно отсюда уходить?

— Говорит, что здесь она — изгой. Ее уходу даже рады будут.

Лахрет промолчал, сощутив на девушку внимательные глаза. Она опустила взгляд. Смутилась.

Тем временем Шихард продолжал что-то говорить об Избранном, о долге каждого гражданина Зарнара, о будущих прекрасных благах, когда они, наконец, исполнят свой долг перед Основателем. Люди слушали, молча и внимательно, а лица хранили покорное согласие. Вопрос в том, понимали ли они его, ввиду того, что он говорил на ириднаском, а не на карском. Он что, для нас это говорил? А потом обратила внимание, что недалеко стоял паренек с синим поясом, и нашептывал что-то в некое устройство. В ушах же каждого жителя было что-то наподобие наушников. Переводчик?

Боковым зрением я заметила, что вся наша группа экспедиции собралась возле сцены импровизированного эшафота позади вещавшего Старейшины и настороженно оглядывалась по сторонам. Больше всех недовольство выражала как ни странно — Фиона. Думается мне, она не раз порывалась раскидать пару охранников, но ее осекли. Даже знаю, кто. Капитан все еще держал на спине фагота, грозно обводя взглядом всех, кто стоял недалеко. Остальные держались кучки. Кто смотрел на белобородого оратора, кто на стражников, кто на нас с Лахретом. Мы же замерли и ждали окончания разглагольствований главы города.

Стоя в теплых объятиях мужа, я смотрела на лица зарнарян и пыталась предугадать дальнейшие действия Старейшины. Этот народ приучен к покорности и своего мнения не имеет. Поэтому дальнейшая наша судьба зависела от решения именно этого длиннородого старика. Не думаю, что есть тот, кто возразит ему.

Закончив напыщенную речь, Шихард повернулся в нашу сторону и с неприятной улыбкой хитро протянул, как лис курице:

— Что ж. Властью, данной мне Основателем, я обязан вас препроводить в Храм-Врата, чтобы вы смогли продолжить свой путь.

В этот момент я заметила, как за спиной Старейшины в первых рядах кто-то возмущенно дрогнул. Я присмотрелась. Это был Хим Дан. У него одного в глазах светилось недоумение, словно он думал, что будет все совсем по-другому. И это меня быстро насторожило. Значит, этот лис-Старейшина действует не по плану. Но, что не так? Я повернула взгляд на Вэй Вэй. Она стояла отрешенной статуей и явно ничего не слышала. Я обратилась мысленно к мужу:

— Лахрет?

— Я тоже это видел.

Затем он отпустил меня и сделал шаг вперед. Теперь, так как он стоял на возвышении, его было хорошо видно. Его глаза строго и непоколебимо смотрели в ехидное лицо старика.

— Постойте, Старейшина!

Тот удивленно взвел брови — «что, мол, не так?»

— Я хочу кое-что изменить в твоих планах! — продолжил Лахрет и повернул голову в

сторону Хим Дана. — Мне помнится, что в легенде, поведенной нам уважаемым господином Хим Даном говорится о некой «Памяти», оставленной Зарнаром перед уходом. Я бы хотел посмотреть на нее.

Лицо Шихарда почернело, а губы сложились в недовольную линию.

— Нет никакой «Памяти», — презрительно кривя губы, отрезал он. — Это лишь символ проверки Избранника. Я должен вас провести в Храм. А там ваше дело, что делать дальше.

— Как нет Памяти??? — справа зазвенел голосок Вэй Вэй. — Неужели легенды врут?

И здесь Шихард, наконец, заметил девушку. Его брови гневно соединились в линию.

— Как ты смеешь перебивать Главу города и утверждать, что он лжет?!!

Она пикнула и спряталась за моей спиной. Я чувствовала, как дрожат ее руки и участилось дыхание. Лахрет дал знак рукой и возразил:

— Шихард, позволь спросить, что тогда значит тот камень, что вставлен в памятник Зарнару в Хранилище Истории?

— Это лишь украшение! Я должен вас проводить в Храм. Остальное вас не должно больше заботить. Вы здесь лишь ГОСТИ, и я попрошу вас соблюдать веками установленные в НАШЕМ обществе порядки.

Пока он говорил, в моей голове раздался голос Забавы:

— Он что-то скрывает. Он злой. Он хочет нас убить.

Я тут же передала мысленно слова королевы Лахрету. Он незаметно кивнул, что понял и повернулся к лестнице, ведущей вниз со сцены:

— Что ж, я думаю, Шихард, мы обязаны не упускать ни одной детали завещания Зарнара. Помнится мне, мы так и не прошли проверку в Зале Хранилища Истории. Поэтому думаю, сейчас самое время. Ведь народ должен убедиться, что среди нас есть тот самый Избранный! — он раскованно шагнул по деревянным ступеням и косился на Старейшину недобрый взглядом, в то время как тон его звучал ровно и сладко.

Когда муж так говорил, у меня внутри возникало неприятное предчувствие бури. За подобным тоном всегда скрывался план и решимость.

Старейшина следил безотрывным взглядом за хищными движениями Лахрета и зло щурил глаза.

— Я думаю, что в этом уже нет необходимости, — ответил он.

— Я настаиваю! Завещание, так завещание.

Лахрет остановился прямо перед Старейшиной, нос к носу, и бескомпромиссно смотрел ему ровно в глаза. Он давил на Шихарда, используя силу эмпата. Глаза Старейшины неуверенно забегали, а локти боязливо согнулись. Посох в его руках принял горизонтальное положение. Сглотнул нервно и дернул подбородком. Он сопротивлялся, но сил в нем оказалось меньше, чем у Лахрета. В конце концов, Шихард недовольно вытянул лицо и произнес, обратившись к помощнику:

— Хим Дан, отведи их в Зал Церемоний.

— Слушаюсь, — с готовностью склонился тот, руками сделав перед грудью церемониальный круг, затем повернулся к нам: — Прошу, следуйте за мной.

И вся наша группа в молчаливом духе, с опаской постоянно косясь на толпу, повернула в указанном направлении. Лахрет дождался меня у подножия ступеней и помог сойти также Вэй Вэй. Девушка, бросая боязливые взгляды в сторону мрачного Старейшины, стоявшего на том же месте, шла за мной, как приклеенная. Ниясыти же нас окружили по периметру и с угрозой поглядывали на притихший народ. Теперь никто не просил ниясытей держаться в

стороне. Некоторые люди даже с благоговейным трепетом взирали на крылатых существ.

В Зале Церемоний (как, оказывается, называлось помещение, где мы впервые попали в Хранилище Истории) никого не было. Я предположила, что туда могли заходить только избранные. Хим Дан остановился подле памятника герна и движением головы указал на рубиновый камень, аккуратно вставленный в сандалию изваяния. На тонких скрещенных ремешках, в месте пересечения, обрамленный с четырех сторон короткими креплениями, размером с кулак, камень вырывался негармоничным цветом из всего мраморного произведения.

— Чтобы его активировать, необходимо просто коснуться, — пояснил наш проводник и учтиво отшагнул в сторону.

— И что тогда будет? — спросила я, так как предстояло именно мне коснуться сего дивного предмета.

— Увидите.

— Это же безопасно?

— Конечно, не переживайте.

Лахрет стоял рядом и с интересом изучал нужный нам предмет. Легко скользнул по нему пальцем, но ничего не произошло. Я понимала, что он проверял его на безопасность.

— Попробуй, — согласно кивнул он, отвечая на мой немой вопрос.

И я протянула руку. Сначала ничего не произошло. Тогда я попробовала подумать о том, что хочу его запустить, чтобы оно говорило со мной. И тут послышался звук.

— Это тот самый звук или мне уже мерещится?

— Точно, звук Грани! — зашептались мои спутники.

И действительно, знакомое «У!» звучало отголоском откуда-то изнутри статуи. Я же не отрывала взгляда от камня. Внутри появилась маленькая яркая точка. Она некоторое время пульсировала, а затем из камня вырвался тонкий луч, упершись в высокий сводчатый потолок. Хим Дан благоговейно ахнул и расширил так глаза, что мне показалось они сейчас выпрыгнут из орбит. Я провела взглядом луч по всей длине. Сначала ничего не происходило, но через минуту луч начал дрожать, колебаться, а потом так часто мелькать, что уже не было видно его, а на его месте в двух шагах от нас возникла прозрачная светящаяся фигура герна. Он был так похож на эту статую, что отличий практически не было.

Некоторое время слегка мерцающее изображение не двигалось, но вдруг оно ожило и обвело всех взором.

— Ух ты! Прямо как настоящий!

— Слыш, Мэн, а он на тебя чем-то смахивает. Вы не родственники случайно?

— Точно, даже складка на шее как у Мэноны, — начали делиться впечатлениями остальные.

Я же распахнула в удивлении рот и во все глаза глядела на ожившего герна. Он немного помолчал, затем заложил руки за спину, и голосом, глубоким как само время, заговорил, глядя точно на меня.

— Ну, здравствуй, Избранная. Не думал, что это будет женщина.

От этих слов я потрясенно качнулась и схватилась за стоящего рядом мужа. Как он знает, что Избранный — женщина? Герн приятно улыбнулся.

— Я вижу, ты удивлена. Не удивляйся. Я — не обычная запись. Я электронная копия Зарнара, жившего, — он на секунду смолк, словно считал что-то, затем продолжил: — пять тысяч семьсот тридцать два года назад. Я могу думать в рамках заложенной программы и

подсказывать тебе. Но я — всего лишь искусственный интеллект. Так что ты продолжишь свой путь так же, как и до этого. Ничего не изменится. Моя же задача поведать тебе о том, как пройти через Ворота, ведущие в Ахель-Итар. Я закрыл туда дорогу, опасаясь, что люди, оставшиеся в этом поселке, используют могущество гернов в корыстных интересах. Они ведь не смогут понять всю ужасную трагедию, вызванную появлением тараков на Заруне. В тот день, как на свет появился первый гибрид, Заруна переступила точку невозврата. Теперь она должна пожинать последствия посеянного греха. Таков наш приговор от Создателя. Я не вправе судить его. Единственное, чего я на самом деле желаю, так это искоренить гниль, проникшую на земли этой планеты. Тараки не должны существовать. Им не место во Вселенной. Они порождение зла и теперь... хм... для вас это будут уже давно минувшие дни... но, впрочем, теперь... герны понимают это, но они не в силах остановить процесс, запущенный ими же. И не потому, что не могут, а потому что стали жертвой гордости и эгоизма. Они не желают принять факт, что не правы. Я и мои трое помощников — единственные, кто это признал. Но уже поздно. Одно, что я могу сделать — это оставить вам возможность, которая остановит тараков. Я работал над нею сто лет. К этому времени таракки уже ушли с земель гор. А мои сородичи запустили защитное поле, питаемое геотермальной энергией. Нескончаемым источником. Они продумали все, лишь бы таракки не вернулись обратно. Мне пришлось долго ломать голову, чтобы выйти во Внешний мир и найти нужного человека. Ты спросишь, почему я ищу его во Внешнем Мире? Почему не использовал своих подопечных? У них испорчен генетический материал. Кто знает, восстановится ли он со временем? Может, естественным путем, не через пробирки. А те, кто успел сбежать из лабораторий гернов и не стать пленниками тараков, уже ушли за пределы гор. Они не тронуты. И я верю, что есть вероятность вмешательства свыше. Скажу по секрету, мне недавно снился сон, сон свыше, где я видел образ человека не с Заруны. Образ был размытый, и я не понял, кто это, женщина или мужчина, но он был Искушенный... так мне было сказано во сне. Этот человек должен был прийти оттуда, откуда пришли и первые люди Заруны, — копия Зарнара немного помолчала, будто печально задумалась, потом продолжила:

— Не знаю, будет ли так на самом деле, но этот человек не будет жертвой гернов. Он придет сюда случайно через один из нескольких пространственных туннелей, оставленных мною. Мир предков людей велик. Кто знает, может быть, кто-то оттуда и найдет путь сюда... — он сделал паузу и всмотрелся в мое лицо. — Хм... все-таки женщина. Что ж, пусть, — потом он заложил руки за спину и деловито шагнул в сторону, будто хочет расхаживать и говорить одновременно. — Ладно, я закончил вступительную часть. Теперь о главном. Я планирую на выходе из пределов гор оставить ключ или возможность тебе пройти сквозь все ловушки и линии запрета, расставленные моими сородичами. А затем найду наследника и прикажу ему хранить историю об этом месте до назначенного часа. Дело в том, что оружие, придуманное мной, требовало огромных вычислений, поэтому забрало массу времени. Помимо этого, он должен созреть в созданной мной капсуле в контролируемых условиях несколько десятков лет. У меня их уже нет. Срок моей жизни заканчивается, и скоро я присоединюсь к своему народу до Судного Дня. Таков приговор для всех гернов. Я не исключение. Когда ты придешь, уже все будет готово и будет ждать процесса активации. Что именно это будет, ты узнаешь непосредственно на месте. От тебя лишь требуется коснуться необходимой консоли. На месте ты поймешь. Ключ, который теперь соединен с твоим генетическим кодом, будет ключом активации. Я все просчитал.

Хочу напоследок тебе напомнить о тех подсказках, которые я оставлю, чтобы привести тебя сюда. Если ты уже в поселении, то значит, ты поняла суть, которую я требую от Входящего. В последнем испытании существует реальная опасность. Я специально ее установил, чтобы любопытные не вошли раньше времени в город. Так что будь осторожна и выполни последнее требование подсказки. Иначе можешь пострадать. И тебе никто не поможет. И еще. Когда войдешь в Ахель-Итар, слушайся внутреннего голоса. Он приведет тебя в нужное место. Иначе ты долго будешь искать мою лабораторию. Я слишком хорошо ее спрятал, чтобы остальные не нашли. Итак, что от тебя требуется. Это понять смысл последней моей подсказки. Войти в город и активировать объект. Там ты найдешь дальнейшие инструкции. Так что до встречи, — закончил герн свою длинную речь, учтиво склонился и исчез.

Тишина в Зале Церемоний стояла еще долго после завершения сообщения. Каждый обдумывал услышанное со своей колокольни. Я же потупила взор и пыталась вспомнить последнюю подсказку, как краем глаза заметила на проходе в Зал силуэт Старейшины. Он стоял недвижимо у края прохода и неотрывно смотрел на статую герна. Слышал ли он все? Возможно. Я кивнула Лахрету в сторону выхода. Он мысленно ответил, что уже давно его заметил. И еще, что он чего-то ждет. Он чувствует, что этот мужчина злится. По какой причине, знает только он сам.

— Что ж, — шевельнулся Лахрет, обратившись ко всем. — Думаю, мы слышали то, что должны были услышать. Теперь мы должны следовать туда, куда нам указал Зарнар. В Храм-Врата. Хим Дан, прошу тебя, веди нас туда.

Но мужчина его не услышал. Его стеклянные глаза отрешенно смотрели в то место, где только несколько минут назад было изображение герна. Я пальцем коснулась плеча нашего гида, но тот даже не вздрогнул, будто замороженный.

— Эй! — обратилась я к нему. — Ты живой? — потом крепко ухватила за предплечье и потормошила. — Проснись! Вернись к нам!

Он вздрогнул, будто пробудился от глубокого транса и посмотрел на меня рассеянными глазами.

— Папа? — это был голос Вэй Вэй, и я удивленно обернулась в ее сторону.

Это ее отец? Она не говорила. Что ещё скрывает эта милая девушка?

Хим Дан бросил беглый взгляд на девушку, качнув ей головой, и снова посмотрел на меня.

— Со мной все в порядке. Простите. О чем вы меня спрашивали?

— Где находится Храм-Ворота?

— Я вас проведу.

— Это моя обязанность! — послышался со стороны прохода недовольный голос старейшины.

— Простите меня, старейшина, за мою непочтительность, — тут же виновато склонился Хим Дан.

В нашу сторону медленно шествовал старик и глядел с прищуром в то место, где только что стояло изображение герна. Дошел. Остановился. В его хищном взгляде невозможно было ничего понять. То ли он сердился, то ли испытывал облегчение, или досадовал на что-то. Нечитаемый человек.

— Я думаю, — произнес он протяжно и низким тоном, — что нам не стоит с этим медлить. Прощу вас, господа, следовать к выходу.

И все послушались его безропотно. Каждый хотел дойти до цели как можно скорее. Я

почему-то продолжала стоять, оглянувшись на сандалию статуи, где продолжал блеснуть рубин. Он с каждой минутой притягивал меня больше и больше, словно я еще что-то не сделала.

— Лана? — Лахрет коснулся моего локтя. — Ты идешь?

— Лахрет, мне кажется, я еще что-то должна сделать, — свела я озабочено брови.

— Что?

Я двинулась к основанию статуи и снова протянула ладонь к рубину. Скользнула по граненой поверхности и задержала пальцы на фиксаторах. В уме что-то будто бы щелкнуло и я, не зная, что делаю, просто большим и средним пальцами сжала диаметрально противоположные крепежи. Они поддались, и раздался легкий щелчок. Тут же фиксирующие крючки разъехались в стороны, и рубин выдвинулся на маленькой ножке. Влекомая неизвестным побуждением, я достала драгоценный камень из паза и поднесла к лицу.

— Откуда ты?.. — удивился Лахрет.

Некоторые оглянулись, чтобы узнать, идем ли мы, и, увидев, что я сделала, изумленно вытянули лица.

— Не знаю, — качнула я головой. — Просто поняла, что это надо сделать и все.

Внезапно рядом с рубином возник любопытный нос Зунга и его восторженный возглас меня заставил дернуться:

— Точно! Именно об этом говорил Зарнар! Тебя будет вести голос ключа! Ты должна прислушиваться к своим мыслям. Это не всякие глупости, это подсказки, дарованные тебе в пещере. Любопытно. Очень любопытно. Зачем тебе надо этот рубин-Память?

Я пожалала плечами, и хотела было спрятать его в кармане, как рядом очутился Старейшина. Причем, я не успела и глазом моргнуть, как он поймал меня за запястье и, изогнув неестественно шею, выпучил на меня блеклые глаза с искрой безумия:

— Вы не имеете право забирать что-либо отсюда!!! Это священное место!

— Ааа! — подпрыгнул на месте Зунг от неожиданности и поджал ногу к животу. — Вы что, призрак? Выскакиваете из ниоткуда!

Еще секунда, и Лахрет закрутил Старейшину в неудобную дугу, прошипев ему на ухо:

— Как ты смеешь так бесцеремонно хватать мою жену! Жить надоело?!

Тот закричал и попытался вывернуться, но бесполезно. Тогда он поменял тактику, и виновато свел брови:

— Я лишь защищаю традиции и предания предков! Это место священно и мы не имеем право что-либо выносить отсюда! Это веками установленный порядок!

— Но ведь это принадлежит Избранному, — неожиданно для себя, воскликнула я. — Ведь так должно быть!

Шихард бросил на меня недовольный взгляд, но согласно кивнул:

— Пусть будет по-твоему.

Лахрет отпустил его. Тот выровнялся и потер пострадавшее запястье, недобро посмотрев на мужа, словно говоря: «Мы еще посмотрим, кто кого». Затем развернулся и направился к выходу.

— Идем, — скользнув ладонью по моей спине, кивнул в сторону выхода Лахрет. — Тебе же больше ничего не надо?

Я отрицательно качнула головой и ответила:

— Думаю, нам здесь больше делать нечего.

Часть 7. Ахель-Итар. Секреты гернов

Часть 9. Ахель-Итар. Секреты гернов.

Итак, наша внушительная компания, состоящая как из моих спутников, так и зарнарян, покинула город. Покинула, скажу, в напряженном молчании, которое изредка нарушал вопросами достопочтимый «незнайка» Зунг. Воздух был тяжелым и сухим. Пот от жгучего зноя градом струился по голове и спине до самых пят. От этой жары у меня противно пищало в ушах и жгло бронхи. Однако, что весьма поражало, зарнаряне довольно спокойно реагировали на зной, будто вышли на вечернюю прогулку. Даже лоб их оставался сухим. Глядя на них, я вся изошлась зеленой завистью.

Долгое время нам пришлось идти по каменистой грунтовой дороге в сторону горного хребта, тянувшегося с севера на юг. Его синие вершины виднелись ещё когда мы только ступили на пристань Зарнара. Вокруг раскинулась узкая каменистая пустыня с редкими островками скудной пожухлой растительности. Она разделяла скалы и город, находившийся в низине у берега огромного водохранилища. Было странным созерцать пустыню после плодородных земель города. Зунг спросил Хим Дана об этом контрасте. Тот объяснил, что сие удивительное изменение связано с электромагнитными аномалиями поля. Город находился в яме, и это способствовало уменьшению воздействий этих самых аномалий. Нам оставалось лишь принять его объяснения. Все, что находилось за чертой защитного поля горного массива Градасса, было вне нашего понимания.

Далее мы спустились в глубокое тесное ущелье и по нему прошагали около часа. Как-то само собой получилось распределиться так, что зарнаряне начинали и завершали ход, а мы — посередине. Впереди меня шел Лахрет. Сзади Забава. Авангард нашего шествия возглавляли Старейшина Зарнара, Шихард, и его помощник Хим Дан. В арьергарде тоже были люди Старейшины. Люди вперемешку с ниясытями. Мэнона шлепал в самом центре, избегая попадать лишней раз на глаза зарнарьянам. Он боязливо прятался за Рогора, которого я назначила личным телохранителем гадака. Нур сначала брезгливо сопротивлялся, но уступил под строгим взглядом Забавы, и приступил к выполнению задания с некоторым фанатизмом. За гадаком следовал Натон с Нараном. Фагот еще находился в бессознательном состоянии, поэтому его прикрепили ремнями к спине нура. Ята шла рядом. На лице ее читалось беспокойство смешанное со смущением. Сразу за ними пристроилась Милитана и следила за состоянием фагота. Она наковырляла в своем рюкзаке какой-то препарат и вколола последнему в мягкое место. Я так и не поняла разъяснений, для чего именно она это сделала (впрочем, медику виднее). Но препарат заметно ускорил возвращение в сознательный мир фагота, так что к концу ущелья он уже двигал глазами.

Как только мы отделились от города на расстояние пяти километров, Забава сказала, что «тяжелый воздух вернулся» и теперь они не могут летать. Я переживала, чтобы зарнаряне не заметили этого, потому что хотела, чтобы они продолжали бояться ниясытей. Внутри у меня сохранялось стойкое чувство, что эти люди имели недобрые намерения. Об их нехороших мыслях я догадалась по предубежденным косым взглядам в сторону Мэноны и кривой физиономии «Главаря» с посохом, будто тот съел что-то тухлое.

Пока шли, то и дело вертели головами. Вверху синела узкая полоса неба, под ногами шуршал крупный гравий и песок, пахло плесенью и сыростью. Идти стало, конечно, намного

легче после нещадного зноя пустыни. И вернулось здоровое мышление. Высота отвесных 80-метровых скал, между которыми мы осторожно двигались, заставляла чаще стучать сердце. Вокруг изрезанные и истертые серые камни. По краям, словно перила, извивался давно высохший водопроводный желоб. Что это именно древний водопровод, сообщил Зунг. То тут, то там встречались высеченные в камне древние надписи, и даже целые ниши, вырубленные в известняке для отдыха. Если нам внушали волнение эти мелкие элементы трудов древних, то, что же тогда нас ожидало впереди?

По дороге я имела возможность немного пообщаться с Вэй Вэй и познакомиться ее с Лахретом. Он отнесся к ней с теплотой и вежливостью, а мне мысленно сказал, что напрасно я согласилась взять ее с собой. Но не осудил.

Девушка большей частью жалась ко мне и боязливо смотрела в затылок Старейшины. Оказывается, это был ее родной дед, а Хим Дан — его сын. Именно поэтому она смогла выжить в строгих правилах города и иметь доступ к Хранилищу Истории, Святому Святых города, куда могут входить только избранные. Дед всегда был суровым к ней и почти никогда не разговаривал, чего не скажешь об отце. Хоть Хим Дан до коликов боялся Старейшину, но всегда становился в ее защиту и никогда не давал дочь в обиду. Имея такое родство, пусть ее и считали странной из-за способа появления на свет и экзальтированного поведения, она никогда не была жертвой жестоких насмешек. Ее не осмеивали, но и не общались. Она была неофициальным изгоем. Именно поэтому, когда с ней заговорил кто-то посторонний, Вэй Вэй этому невероятно обрадовалась (пусть и говорили с ней на чужом языке). Кстати, язык наш она знала с детства, поскольку все, кто принадлежал к клану «хранителей» обязаны знать «чуждый» язык, язык Внешнего мира.

Хранителями в Зарнаре называли тех, кто имел непосредственный доступ к Хранилищу Истории и берег порядок в городе, как и полную согласованность со всеми традициями и правилами предков. Их боялись и уважали. Выбирали хранителей либо по способностям, определенным уже с самого рождения учеными, либо по кровному родству. Кстати сказать, родство это контролировалось соответственно расписанию и соизмеримо смертности. Каждый зарнарчанин имел свой личный код и стоял в списке комитета рождаемости. Затем составлялись пары и вызывались на процедуру продолжения рода. Их гены совмещали, и эмбрион помещали в специальную капсулу, где плод созревал до момента появления на свет. Таким образом, предупреждалось вырождение общества, избегались смешанные браки и естественно проходил отбор лучшего потомства, как в селекции. Эта мысль меня повергла в шок. Люди — как животные! Однако в этом было больше здравого смысла, чем в моих эмоциях. А как по-другому избежать кризиса населения в изолированном месте, где нет дороги никуда? Разве что в пустынные земли, где почти что ничего не растет, и водятся опасные твари, которых, кстати, мы имели «удовольствие» лицезреть по пути в Зарнар.

Вэй Вэй говорила, что одно время даже подумывала сбежать в пустыню, лишь бы подальше от Зарнара. Однако не осмелилась. Был у нее еще шанс пойти жить в Окраины. Так называли зарнарчане поселение «вольнодумцев», живших у подножия гор. Там процветала преступность, насилие и многие другие грехи, о которых страшно подумать. Там можно было жить так, как хочешь. Никто не контролирует, не давит, не следит за тобой. Рожай, сколько хочешь и как хочешь. Но только вот проблема голода и перенаселения была самой тяжелой. Люди там выживали по закону джунглей.

В общем, узнала я за дорогу об этих местах много шокирующих вещей. И успела не раз порадоваться, что случай занес меня не в горы Градасса, а во Внешний мир на Заруне.

Но вот, наконец, впереди замелькал просвет — завершение расселины. Шихард обернулся, чтобы проверить, кто сзади и дал знак, что мы пришли. К тому времени проход уже достаточно расширился, и по нему можно было идти по трое. Старейшина подождал, пока подтянется весь коллектив, и предложил повернуть за поворот.

И вот тут мы почувствовали то потрясение, которое анонсировали нам надписи и ниши по пути сюда. Застыв, как маленькие мурашки перед великаном, мы взирали на невероятную громадину, высеченную в самой скале. Цельный каменный массив без каких-либо достроек выделялся на фоне серой стены потрясающим контрастом. Это же целый город в скале!

Постепенно состояние оцепенения сменило удивление от того, что такое сооружение можно вырубить прямо в камне. Перед входом стояли четыре огромные серые колонны, поддерживающие узкий антаблемент, над которым высился второй ярус колонн с подобным фронтоном. Под главным карнизом, скрытая по большей части в тени, высотой около десяти метров, за небольшой лестницей виднелась двустворчатая дверь. А между колоннами по бокам двери на высоких постаментах стояло две статуи полураздетых мужчин. Они смотрели вниз на лестницу серьезными глазами и сурово хмурили лбы, будто предупреждая, что там не место для туристов.

Позволив нам вдосталь насладиться видом сего монументального сооружения, Шихард поманил идти за ним прямо к парадному входу. Я шла на дрожащих ногах. Чтобы не упасть, вцепилась в руку мужа. Он понимающе улыбнулся и приобнял. Забава испытывала другие чувства, о которых она сообщила немного позже. Когда мы остановились прямо перед лестницей, она неожиданно остановилась и замотала головой.

— Что случилось? — удивилась я, расширив на нее глаза.

— Я туда не пойду.

— Почему?

— Там пахнет смертью. Там время перемешалось с пространством. Там тьма и холод. Мне страшно.

— Как, страшно? Забава! Ты меня удивляешь! Так что, туда нельзя идти?

— Тебе можно. Ты — человек. Мне нельзя. Пока там есть это, я не смогу пройти. Ты должна убрать его.

— Что это???

Но Забава не ответила, лишь отступила и замерла, ширя глаза на закрытую гигантскую дверь. Рядом стали и остальные ниясыти, с волнением оглядываясь по сторонам.

— Лирит то же самое говорит, — задумчиво протянул Лахрет, когда я перевела ему слова королевы. — Это место гиблое...

— Так что теперь будем делать? — я чувствовала, как страх от слов Забавы сковывал всё внутри. — Я теперь боюсь.

— Вы должны идти! — провозгласил Старейшина, глядя на нас с довольным прищуром. Так и казалось, что он что-то удумал.

Зунг стал рядом с нами и произнес:

— Ниясыти не зря боятся. У меня кожа гуськами покрылась.

— Подождите, вы еще внутри не были, — шепнула нам Вэй Вэй, поёжившись.

От ее слов у меня невольно вздыбились волосы по телу и всё внутри оборвалось. Что же там такого, что заставляет так шарахаться ниясытей и наводит подспудный столбняк всех здесь присутствующих (ну, кроме старика с посохом)? Один только Старейшина сиял, как начищенная туфля. Его глаза торжественно сверкали, а неожиданно белые здоровые зубы в

широкой усмешке можно было посчитать до самых зубов мудрости.

Шихард одарил внучку осуждающим взглядом за ее последнюю реплику и подошел к небольшой панели, размещенной на уровне груди, размером с ладонь. Поднес к ней руку. От прикосновения к панели, дверь вздрогнула, затрещала, и вдоль всей дверной щели посыпался песок. Затем со страшным скрипом и визгом створки отворились вовнутрь.

Войдя в Храм, мы очутились в просто невероятно огромном зале, продлившем потрясение от фасада. Изумительной красоты кремовые пилястры, выстроенные вдоль первой половины помещения, венчали золотистые филигранные капители. Ровный, идеально отполированный мраморный пол блестел в падающем из раскрытых дверей свете. Идеально ровный светлый потолок переливался золотистыми разводами, а затем... Ровно посередине зала, упираясь в ступень, эта аристократическая изысканность резко обрывалась. Потом она неожиданно превращалась в обитель питекантропа. Серая пещера с необтесанными стенами, выпирающими неровностями скалы, свисающими пучками не то растений, не то корней, покрытых пылью и паутиной, и неровным полом, резала глаз пугающим контрастом. По неизвестной причине, свет, падающий через вход, загадочным образом рассеивался на этой разделительной линии, оставляя в пещере лишь сумрак. А в центре противоположной от входа стены, звуча апогеем полярности Храма, виднелась высоченная черная мраморная плита. На ней, во врезанном рисунке лучистого солнца красовался барельеф герна, прижимавшего к груди книгу. Он смотрел на выход нахмуренным взглядом неестественно больших глаз, и, казалось, вот-вот оторвется от своей основы, и пойдет прочь из мрачного сумрака пещеры.

Но самым жутким и зловещим штрихом увиденной картины, навсегда въевшейся в память, останется россыпь человеческих останков на полу пещеры сразу за подъемом. Разбросанные почти везде возле ступени, кости пугающе белели в солнечном свете, напоминая о быстрой и суровой расправе над всеми любопытными смельчаками. Никто не осмеливался убирать их оттуда, до смерти боясь приближаться к гибельному месту.

Теперь понятно, почему Забава говорила, что здесь пахнет смертью. Она устилает собой пол! Я прижалась к Лахрету в поиске защиты. Тем временем остальные выражали свои мысли:

— Небеса и земля! Кто это?

— Почему кости раскиданы?

— Что здесь произошло?! Почему их так много?!

— Надеюсь, это не наша будущая участь?..

— Да, хотелось бы попасть в Ахель-Итар целым. Желательно со всеми конечностями.

— Здесь какая-то ловушка? Она убивает всяк сюда входящего?

— Что-то меня тошнит...

— Ой! А там череп маленький! Неужели ребенок?!

— Мне теперь неделю будут сниться кошмары...

Старейшина остановился около линии раздела и повернулся к нам, показав жестом, что дороги дальше нет. Затем он достал из кармана булжник, припасенный им по дороге, и обратился ко всем громким голосом:

— Прежде чем что-либо объяснять, я хочу показать вам, из-за чего здесь так много человеческих останков.

Затем он замахнулся и закинул камень в сторону второй половины Зала. Долетев до незримой линии, камень на секунду очертился светом и, не задерживаясь, продолжил путь.

Упал, отскочил от запыленной поверхности, подняв тучу пыли, и с гулким эхом поскакал еще на два метра вперед, пока не стукнулся о небольшой валун и не застыл.

Через считанные мгновения раздался тревожный визг со всех сторон, словно заработала пилорама, а потом!!! Я истошно завопила от неожиданности и даже не заметила, как повисла на шее мужа. Невероятно огромные горизонтального направления диски в трех равных уровнях возникли из едва заметных щелей в необработанном камне стен и, вращаясь с диким воем, устремились к центру «пещеры». Долетев до той же невидимой черты, ограждавшей первую половину Зала, они резко остановились и так же быстро вернулись обратно, в свои пазы.

Я чувствовала, как непроизвольно дрогнул Лахрет, слышала, как закричали некоторые из моих спутников, как кто-то громко рухнул в обморок (точно Зунг!), как кто-то другой виртуозно выругался и вспомнил всех предков до десятого колена. Но оборачиваться не стала. Полный паралич охватил мое тело от разыгравшейся фантазии о том, что могло бы быть...

Получив удовлетворение от реакции на увиденное, Старейшина самодовольно растянул рот до ушей. Потом продолжил с привычной напыщенностью свою речь:

— Именно поэтому до сих пор никто не мог вернуться назад в Ахель-Итар. Но согласно преданию Зарнара, когда придет Избранный, он легко преодолет этот барьер и отворит проход в покинутый город гернов. В тот день исполнятся все пророчества, и завершится долгий путь Хранителей. Мир Заруны изменится.

Немного придя в себя от потрясения, я перевела взгляд на глаголющего. Я понимала, о чем он говорил и на что указывал, но идти туда точно не собиралась. Да и Лахрет никогда не позволит мне переступить черту Зала. Отлипнув от мужа, я обхватила руками голову и протянула:

— Вы намекаете, что я должна пойти туда??? Вы, верно, шутите?!

— Она никуда не пойдет! — строго отрезал Лахрет рядом, и задвинул меня за спину.

Затем он решительно повернулся назад, желая покинуть это черное место. Я еще смотрела на лицо Шихарда, когда старик кивнул кому-то стоящему у выхода. Тот час же, позади раздался треск и скрип затворяющихся дверей, и следом яркая вспышка от излюбленного парализатора зарнарян, эффект которого на себе еще испытывал Наран. Рука Лахрета вздрогнула и больно сдавила мое запястье. Я тут же обернулась в его сторону в тот момент, как суровое лицо мужа застыло маской. Он качнулся и, как подкошенный, повалился на пол, увлекая меня за собой. А снаружи раздался негодующий стон Лирита. Я видела его силуэт, спешащий внутрь Зала. «Не успеет!» — мелькнула в голове мысль, когда двери уже почти сомкнулись прямо перед носом нура.

— Лахрет!!! — выкрикнула я потрясенно, падая рядом с мужем на колени.

— Никому не двигаться! — заорал Старейшина, грозно глядя на дрогнувших в желании настучать кому-нибудь по физиономии мужчин. — Вы в ловушке! Ваши оружия не помогут! — в его руках блеснул такой же парализатор. — Ваш лидер у меня на прицеле. Еще одно движение, и он уже никогда не встанет!!!

Я же уже никого и ничего не видела вокруг, потрясенно таращась на обездвиженное тело мужа. Мысль о том, что его может не стать, лишала всяческих сил и мыслей. Лишь бы он дышал. Лишь бы он двигался.

— Лахрет! Лахрет! Ты слышишь меня? Ты жив? Лахрет! — причитала я над ним, не понимая, что происходит вокруг. — Как же так? Лахрет!!! Да что же это такое???

Высвободив запястье из цепкой хватки, я принялась ладонями ощупывать его в поисках ранения. Но ничего не повреждено. Он смотрел сейчас на меня так, как Наран. Вроде бы понимает, что происходит вокруг, но не может двинуть даже пальцем.

Вдруг, кто-то грубо оторвал меня от вселенски важного дела и бесцеремонно поставил на ноги. Это был Шихард:

— Ты слышала меня? — повторил он, а я смотрю и вижу лишь размытые контуры вокруг.

Все как в кошмарном сне или замедленной съемке. Гулкие протяжные голоса, смазанные движения, туман в голове, писк в ушах. И раскатистое: «Тук! Тук! Тук!» в висках. Я непонимающе вожу глазами из стороны в сторону. Отталкиваю назойливые руки и снова тянусь к лежащему на полу Лахрету. Мне уже на всё наплевать. Не нужен мне этот Ахель-Итар. Эта непонятная загадочная и такая сейчас нереальная некая Зарунская Рукопись (существует ли она вообще?) стала ненужной. Пропади оно всё пропадом! Пусть всё горит синим пламенем! Зачем мне эта жизнь, если нет рядом его???

— Лахрет... Лахрет... — хрипела я над ним, распластавшись на его груди, а он не двигается, не отвечает. — Очнись же, Лахрет! Ты слышишь меня? Очнись!!! Как же я без тебя?

В это же время дверь дрогнула от сильного удара снаружи. «Бубух!» — послышался удар снова. Обезумевший Лирит готов был лбом таранить массивные двери, чтобы защитить друга. «Бубух! Бух!» Я уже не знала, бился ли то нур о двери, или мое сердце эхом звучало в голове.

Затем меня снова жестко подняли на ноги и хорошенько встряхнули.

— Ты слышишь меня? Я сейчас убью твоего мужа, если ты сейчас же не пойдешь дальше! — на меня смотрели злые глаза старика, а над ним светился камень в посохе ярким голубым светом.

Эти слова заставили меня прийти в себя. Убить? Кого? Лахрета? Ноги непокорно подкосились, но тут же я была поймана снова грубыми костлявыми пальцами. А снаружи опять повторялось, как стук сердца: «Бух! Бух!».

— Убить? Он жив? — как обколотая, спросила я.

— Да. Жив. Но перестанет жить, если ты не закончишь начатое. Ты поняла меня?! — он хмурил косматые седые брови, отчего глаза становились еще злее.

Я попыталась в ответ кивнуть, слабо отцепляя жилистые цепкие руки.

— Что я должна делать? — все тем же сиплым голосом спросила я и повернула голову в сторону прозрачной занавеси, преграждавшей путь в город гернов.

— Ты знаешь, что, — неприятно оскалился старик.

Неожиданно я услышала сбоку взволнованный голос Зунга, нараспев повторившего слова подсказки из Комнаты Древних:

— Их страшит последний Страж. Верную службу несет он подле последней двери. Только одно спасет от гнева его. Что стоит перед сердцем, умом и душой? Что предшествует прощению? Если ты знаешь, увидишь Свет и постигнешь забытую Правду Заруны!»

— Что предшествует прощению... — эхом повторила я, шагнув в сторону ступени, разделявшей Зал на две полярные части.

Я двигалась, как воде. Медленно и заторможено. Уже не было страха. Не было волнения. Лишь пустота и жажда защитить самого родного человека на Заруне. Шаг. Еще шаг и еще. Я слышала, как протестующе за дверями ревела Забава, как Лирит продолжал

ломить дверь, как к нему присоединились все ниясыги. Но что они могли сделать без своих сил? Они так же хрупки и бранны сейчас, как и люди, стоявшие рядом. Друзья опасливо оглядывались на окруживших по всем сторонам стражников Зарнара, которые слушались только приказов обезумевшего Старейшины. Он смотрел на меня горящими исступленными глазами, от которых холод шел по спине.

Вот я подошла к ступени. Протянула руку и почувствовала легкое жжение на линии раздела. Руку очертил желтый лучистый свет и послышался звук. Но не такой, как при камне. Другой.

— ...Что стоит перед сердцем, умом и душой? Что предшествует прощению? Если ты знаешь, увидишь Свет и постигнешь забытую Правду Заруны! — эхом повторила я, бездумно рассматривая лившийся свет от очертившей руку желтой линии. — Любовь, вера и щедрость уже были. Что же это? Смирение? — спросила я и подняла взгляд на плиту, что находилась в противоположной стене.

На меня смотрел герн и словно спрашивал об этом. Не знаю, откуда пришла эта мысль, но она сейчас казалась такой ясной и понятной, как день. Я согласно качнула головой и медленно опустилась на колени.

— Смирение... — повторила я, не отрывая глаз от барельефа на плите. — За что я должна просить прощение? Я прошу. Кого просить? Прошу...

Лучистый свет всё ещё лился в стороны, но уже не от руки, а от всей меня, так как невидимый барьер теперь проходил через все тело. И странное дело, диски, еще недавно вырывавшиеся из стен, оставались недвижимы. Дверь дрожала под ударами ниясытей и грозилась в любой момент поддаться напору. Стражники боязливо косились на них, но не смели опускать оружия. Я обернулась на лежащего на полу мужа. Он смотрел строго на потолок.

— Лахрет... — едва слышно я произнесла его имя. — Прости меня... я должна... должна рискнуть ради тебя...

Затем я снова повернулась к барельефу и нахмурилась. Там, по центру книги, которую тот держал, что-то светилось красным светом. Этого я раньше не видела. И этот звук... он продолжал нарастать, как тогда, в пещере: «У! У! У!». А внутри рождалось чувство, что меня что-то зовет.

— Иди же! Что замерла?! — нетерпеливо воскликнул Шихард.

Я бросила на него возмущенный взгляд и поднялась на ноги. И тут свет в центре книги сразу исчез. Что случилось? И знакомый звук исчез. Так быть не должно. Тогда я сразу же упала на колени и все повторилось. Что теперь? Идти на коленях? Мелкий гравий пещеры вдавливался в кожу через тонкую ткань вакуумных штанов, надетых еще в секвойном лесу, когда я переделалась после купаний Забавы в лесной речушке. Я сделала шаг на коленях. Пещерный звук превратился в однотонное гудение, а свет из книги превратился в узкий луч, который устремился ровно в мой лоб. Я еще сделала шаг на коленях. Луч стал шире. Тогда я боязливо покосилась на стены, откуда должны явиться диски-убийцы. Но в ответ лишь пугающая тишина. Я снова шагнула, оставив позади невидимый заслон, и тут же наткнулась на берцовую кость. Заметив это, я невольно вздрогнула и брезгливо перекосилась, готовая вскочить на ноги. Все же удержалась, заставив себя снова посмотреть на яркий луч, теперь четко вырывавшийся из книги. Раздвигая насыпи костей, как ледокол лед, я пробиралась к цели, стиснув зубы и задрав голову, чтобы не видеть их. Желудок болезненно сжимался в позывах, в ушах стреляло, а в голове вертелось миллион мыслей о моей скорой кончине.

Когда я проползла почти до середины и оказалась в том месте, где заканчивалась россыпь костей, луч быстро заколебался, и прямо передо мной явилось изображение... герна Зарнара! Как в Хранилище Истории города. Он стоял и широко улыбался. А затем тихо произнес:

— Теперь ты можешь подняться. Ты поняла суть всех подсказок. Дальше идти будет проще. Ты достойна получить право контролировать НЕП. Сейчас же вставь кристалл памяти в его исконное место и отвори путь в город, — сказал он и исчез.

Я медленно подвелась на ноги, потрясенно ширя глаза. Опять загадочные фразы и скорое исчезновение. Не дал даже возможности переспросить что непонятно.

Секунду я еще смотрела на то место, где возник образ герна, потом обернулась к стоящим на пороге людям. Одни смотрели на меня, взволнованно вытянув лица, другие — с облегчением и радостью. Как только я поднялась на ноги, стук в двери прекратился: Забава почувствовала, что мы в безопасности и заставила всех отступить. Я слышала ее голос, как она причитает и ворчит, что так все произошло, а она трусила и не пошла вслед за нами еще в самом начале. Слышала возмущение Лирита и его требование выломать двери. Недоумение Рогора (в последнее время я начала слышать дикого нура все отчетливее и отчетливее). А в голове даже мелькнул образ стоящих у врат ниясытей. Они обступили закрытый вход в Храм и напряженно приподняли над телом полураскрытые крылья.

И уже потом мой взгляд упал на тело мужа. Сердце болезненно сжалось. Теперь его ждет та же участь, что и Нарана. Тот еще был недвижим и причинял другим немало хлопот (хорошо, что было кому его нести!). И во всем этом виноват безумный старикашка. Теперь на смену растерянности пришла дикая злость на Старейшину Зарнара. Значит, вот, чего он жаждал. Скорее всего, он думал, что мне не удастся пройти через линию смерти, и я погибну. Он так привык, что никто и никогда не проходил эту черту, что вероятность того, что я смогу, для него стремилась к нулю. Может быть, неизменность факта того, что Последний Страж никого никогда не пропускает, породила в сердцах жителей Зарнара веру, что ничего и никогда не изменится. Что так и будут они жить в заточении в городе столетиями (ведь уже прошло более пяти тысяч лет!). Что они будут бдеть укоренившиеся традиции и обычаи. И то, что могло пошатнуть веками устоявшийся уклад жизни, было неприемлемым и недопустимым явлением. Его нужно пресекать на месте, вырывать с корнем. А саму идею прихода Ищущего Правду держать для слабых умов как мираж вдалеке, чтобы не допустить бунта и легко ими управлять.

Вероятно, Шихард предполагал, что после моей гибели, остальные придут в смятение и растеряются. Тогда, уложив Лахрета, он считал, что легко покорит оставшихся. По разочарованному выражению его лица, было ясно, что замысел того не исполнился. А его вера в то, что жизнь никогда не изменится и веками хранимая заповедь не исполнится, с дребезгом разбилась о реальность. То, что он давно похоронил в своем сердце как иллюзию, стало явью.

Однако о его чувствах сейчас я абсолютно не думала, поскольку злость внутри возросла втрое от того, что я поняла его умысел. Как он посмел так мною манипулировать?! Почему хочет моей смерти? Почему он отступил от повеления Зарнара? Или же оно в этом и заключалось: во что бы то ни стало, заставить Ищущего Правду пройти последнее препятствие? Как бы там ни было, сейчас я хотела убить старика на месте! За его безумие, за жестокость, за бессердечность.

Стоя все в том же месте, и глядя обиженным взглядом на главу Зарнара, я с силой сжала

кулаки. Я не оставлю его действия безнаказанными. Но как?

Не успела я об этом подумать, смотря с дикой злостью на ликующее лицо главы города, как сзади, над его головой выскочила рука с чем-то тяжелым, и стукнула точно по темечку. Старик даже не успел опомниться, как тут же рухнул мешком костей на пол, выразительно закатив глаза. А рядом, угрюмо хмурия брови, стоял Хим Дан и держал в руках внушительный булыжник. Его ноздри напряженно раздулись, а взгляд горел праведным гневом. За ним, прикрывая спину, стоял молодой человек с модно выстриженной бородкой и ярко-синими глазами. Он поднял свой глушитель на уровень плеча и правил его в ряды облаченных в белое мужчин.

Стражники Зарнара растерялись, и в замешательстве переводили оружие с бунтарей на окруженных. Этим замешательством тут же воспользовалась Фиона и Рэнна. Двигаясь, как пантеры, они синхронно прыгнули в разные стороны. Прижались к полу, спружинили и четкие удары пятками по загривку и в живот мигом уложили двух охранников. Тем временем мужчины тоже не стояли зря. Йен и капитан Виктор навалились прямо на стоящих рядом и умелыми приемами завали еще двоих. Последние два парня успели вовремя сообразить, и, бросив глушители на пол, отскочили в сторону и подняли руки вверх. Исход боя закончился прежде, чем я успела моргнуть.

Вэй Вэй вскрикнула и подбежала к отцу, заглядывая в осунувшееся лицо большими улыбающимися глазами. По губам я прочитала, что она сказала ему что-то вроде: «Ты все сделал правильно».

Теперь преимущество было на нашей стороне. Хим Дан махнул рукой сдавшимся парням и велел им открыть входные двери. В зал ворвались ниясыти и распределились по периметру. Лирит прямым ходом побежал к Лахрету и принялся его обнюхивать. Ноздри нура взволнованно трепетали, а мехи-легкие активно работали, загоня воздух в напряженное от недавних усилий тело. По плечу бежала кровь из глубокого пореза от основания шеи до предплечья, но он ничего не замечал.

Забава же ринулась было ко мне, но я жестом велела ей не шевелиться. Она застыла возле линии раздела и устремила на меня внимательный послушный взгляд. В голове возник взволнованный вопрос, цела ли я? Я заверила ее, что кроме содранных коленей, у меня нет никаких повреждений.

Потом я перевела взгляд на все еще стоящего над Шихардом Хим Дана. Он еще пару мгновений задумчиво смотрел на тело лидера, затем повернулся в мою сторону и кивнул. Я пыталась понять, что он этим хотел сказать? Может, можно ли им уже идти ко мне? Или теперь я могу вернуться без страха?

Я боязливо посмотрела на щели, где покоились смертоносные диски. Но они продолжали находиться в том же положении, что и всегда.

«Дальше идти будет проще», — вновь всплыли последние слова голограммы Зарнара. Вероятно, после того, как я преодолела это последнее препятствие, некий механизм запустил отмену работы дисков. Так ли это, можно проверить только одним способом.

Вздохнув и выдохнув, я сделала первый нерешительный шаг в сторону замерших возле подъема людей. Со страхом покосилась на другую сторону, готовая в любую секунду отпрыгнуть назад. Но ничто не шевельнулось. Ни звука, ни дуновения, ни шороха. Снова глубокий вздох и шаг. Ничего. И так до самого конца. Защитные механизмы этого зала-пещеры уже не реагировали на меня, как на опасность. Но будут ли они пребывать в таком же покое, когда пойдут другие?

Когда я переступила порог, все взволнованно окружили меня, спрашивая о моем самочувствии. Но я их не слышала. Растолкав всех, я протиснулась к лежащему на полу мужу. Над ним, отогнав взбудораженного нура, склонилась Милитана. Она проводила тщательный осмотр на повреждения.

— Что с ним? — спросила я медика.

— То же, что и с Нараном. Жить будет. Придет в себя через часов восемь. Зависит от крепости организма.

Я опустилась рядом на колени и взяла его руку. Его лицо застыло в суровом несогласии, а черные глаза смотрели перед собой строго в потолок.

— Но ведь это так долго, — грустно простонала я и подняла на доктора молящие глаза. — Он должен прийти в себя сейчас. Он нам нужен сейчас!

— Прости, но реанимационной капсулы здесь нет. Он...

— Извините, что вмешиваюсь, — над моей головой сзади раздался голос Хим Дана, — но я знаю один способ... поднять его.

Я запрокинула на него голову:

— Пожалуйста, сделайте что-нибудь! — казалось, мое сердце сейчас выпрыгнет от волнения.

— Я могу, но хочу предупредить, что это очень болезненная процедура. Очень. Очень болезненная...

— И это поможет?

— Это сразу же приведет его в чувство. Гарантирую.

Выбор был не из простых. Я засомневалась и снова перевела взгляд на окаменевшее лицо Лахрета.

— Какая процедура? — поинтересовалась рядом профессиональным тоном Милитана.

— На голове есть определенная точка. Если в неё ввести иглу, активируются резервные силы организма, которые выведут его из паралича. Сначала он ничего не почувствует, но потом, с каждой секундой боль будет нарастать до тех пор, пока не превратится в чудовищные, нестерпимые муки. Чувство будет такое, будто наживо сдирают кожу с мяса. Я знаю, что это. Переживал подобное... Если ты считаешь, Лана, что это необходимо, я сделаю.

— Иглоукалывание, — сжимая в руках теплую ладонь мужа, я понимающе кивнула.

Я знала, что Лахрет не побоялся бы боли. Он страшно ненавидел чувство, когда не мог контролировать ситуацию, и часто делал все возможное, чтобы этого избежать. Но видеть боль и страдания любимого человека... Это страшнее, чем твоя собственная. Поэтому я колебалась.

Не знаю, какими невероятными усилиями он это сделал, но вдруг я почувствовала, как дрогнули его пальцы в ободряющем согласии. Внутри родилась уверенность, что он готов.

— Хорошо, — выдохнула я, еще немного посомневавшись. — Делайте.

Хим Дан опустился рядом на колени у изголовья Лахрета и достал из затянутого узла своих волос иглу. Затем склонился и пальцами нащупал нужную точку. Замер на секунду в раздумье, а потом уверенно вогнал иглу в выбранное место.

Все, окружившие нас, молча и напряженно, смотрели на процедуру. Казалось, никто даже не дышал. Я неотрывно смотрела на Лахрета, сосредоточившись на его мыслях и чувствах.

Сначала, как и говорил, Хим Дан, ничего не происходило. Но вот, прошло полминуты, и

что-то вспыхнуло в глазах Лахрета. И тогда я это тоже почувствовала! Лирит истошно застонал, будто в его сердце вонзили кинжал, и припал к полу, безвольно уронив голову на землю. А у меня возникло ощущение, что в затылок врезался острый стержень и начал буравить мозги. Я ахнула, выронив ладонь мужа, и схватилась за голову. Потом этот стержень, вращаясь, врезался все глубже и глубже, пока не достиг лба, пронзив мозги насквозь. Просто безумная боль. Я никак не ожидала, что и меня так коснется эта процедура, от чего шокировано таращила глаза на лицо Лахрета.

Еще через минуту боль в голове из стержня превратилась в камень, точно бы в черепную коробку кто-то засунул руку и начал сжимать мозги все сильнее и сильнее. До тех пор, пока не стало тяжело дышать. Казалось, что глаза сейчас выпрыгнут из орбит, а тошнота вывернет все внутренности наизнанку.

И тут Лахрет прогнулся дугой в спине и громко захрипел. Пугающий эффект процедуры усилил душераздирающий стон Лирита, который, выпучив глаза, потащил голову по полу и перевернул ее макушкой вниз. А потом запрокинул ее и начал мотать из стороны в сторону и тяжело храпеть.

— Лахрет! Лахрет! — забыв о своей боли, я схватилась за грудки мужа.

От дикой боли он закатил глаза и отвернул искаженное гримасой боли лицо. Потом, словно прорвавшись сквозь некий барьер, он взмахнул руками и поймал меня за запястье. Сжал до едкой синевы так, что показалось, боль в голове сравняется с ужасной болью в руке. Все же я лишь стиснула зубы и терпела. Ему намного больнее.

Еще минута и Лахрет обмяк, расслабив каждую мышцу, а Лирит смолк и бессильно распростерся по полу, задев раскрывшимися крыльями кое-кого из стоявших недалеко людей. Из ноздрей нура вырвался облегченный поток воздуха, а легкие продолжали шумно работать, как меха кузнеца.

Хим Дан вынул иглу из головы и вытер о подол одежды.

— Все. Он придет в себя через несколько минут. Будет еще час мучить слабость, но это временно. И еще около часа небольшое покалывание в конечностях. Болеть больше ничего не будет, — он подвелся на ноги, продолжая смотреть на расслабленное лицо Лахрета. — Только я не могу понять, почему эта ниясыть так реагировала на процедуру, будто его кололи, а не Лахрета?

— Они связаны, — коротко ответила я, не сводя глаз с лица мужа.

— Связаны... хм... очень интересно. Дивные создания, эти ниясыти. Очень дивные, — задумчиво закачал головой хранитель и отступил на шаг, глядя на лежащего рядом Лирита.

— Лахрет?! — вздрогнула я, когда муж глубоко вздохнул и медленно поднял веки.

— Лана...

— Я здесь, любимый! Как ты себя чувствуешь?

— Будто по мне проехал грузовой состав. Что здесь происходит? — он попытался сесть.

Вышло у него это не сразу. Я старалась ему помочь, как могла. С другой стороны помогала Милитана. Последняя покосилась на хранителя Зарнара и задумчиво произнесла:

— У вас очень странные методы оживления. Это ваше иглоукалывание... ошеломляет. Мне у вас нужно поучиться.

Лахрет сел и, скривившись, потер плечо — место, куда попал выстрел.

— Кому я обязан за «приятные» ощущения? — обернулся он к Хим Дану.

Тот не ответил, лишь кивнул на лежащий у линии раздела белый ворох одежды с раскиданными конечностями и посохом вдоль тела. Лахрет нахмурился:

— Значит, мне это не почудилось, — качнул он головой и сурово посмотрел на меня. —

Так ты все-таки пошла за черту?!

— Я должна была! Он грозил убить тебя, если я не пойду!

— И ты решила рискнуть собой и ребенком!

— А что я могла сделать?! Разве ты бы поступил иначе?

Он угрюмо отвернулся, согнув ногу в колене.

— Не сравнивай, — едва слышно буркнул он и вполне свободно поднялся на ноги.

— Но ведь всё же получилось! — прошептала я в оправдание, проводя его движения обиженным взглядом. — Я ведь прошла и вернулась. Теперь мы можем идти дальше! Я знаю, что нужно делать! Я вернулась за тобой и остальными!

Он шумно выдохнул и повернулся в сторону серой пещеры.

— Ладно. Идем. Нечего уже об этом спорить. Лучше скажи, что мы должны делать? Что говорит твой внутренний голос?

Я сглотнула комок обиды и направилась в сторону центрального порога Зала Храма-Врат. Все остальные молчаливо потянулись вслед за нами.

Первой в сумрак пещеры ступила я. Лучистый свет очертил мой образ и сомкнулся позади. Как и прежде, диски в щелях остались недвижимы. За мной шагнул Лахрет и замер на линии раздела. Сердце пропустило удар, и я зажмурилась, готовая лишиться жизни раз и навсегда. Все же ничего не произошло. Лахрет сделал еще шаг и еще, остановившись рядом. Тишина. Тогда он смело взял меня за руку и повел вперед. За нами в полной безопасности последовали остальные. Среди них были и зарнаряне, что еще находились в сознании (других они успели уложить у выхода и поспешить за нами). Завершающими топали ниясыти, настороженно оглядываясь по сторонам. Забава сказала, что до сих пор от нее не отстывает пугающее чувство смерти. Последними шли Натон, на котором все еще лежал обездвиженный Наран, а рядом Ята. Наран уже начал понемногу приходить в себя. Он уже шевелил пальцами и двигал головой.

Когда мы подошли к плите, Зунг обвел ее носом со всех сторон. Обшарил ладонями все выступы и резные линии, смахнул пыль с барельефа и даже попробовал на вкус, желая выяснить состав материала, из которого была создана плита. Никакой надписи не нашел, в чем сильно разочаровался. Отошел на шаг и замер в замешательстве, скрестив руки на груди. Лоб исследователя прорезали морщины глубоких раздумий, а пальцы выбивали нервную дробь по предплечью.

— И что теперь? Лана ты знаешь? — повернул ко мне вопросительный взгляд библиотекарь. — Что тебе говорил здесь Зарнар?

Некоторое время я без звука стояла в трех шагах от изучаемого предмета, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Было такое чувство, что я что-то упустила. Что-то очень важное. Ответ крутился где-то совсем рядом, но уловить его никак не могла. В этих муках я засунула руку в карман запыленной дорогой туники и нащупала граненый предмет. Достала. Это был припасенный рубин «памяти» из Хранилища Истории Зарнара. Покрутила немного его перед глазами и механически вставила в центр книги, которую держал герн. Не знаю, почему я так сделала. Будто кто-то извне двигал меня. Вставив рубин в нужное место, вдавила его и отступила, глубоко удивляясь своим действиям.

— Так вот зачем ты забрала с собой «Память»! — понимающе протянул Хим Дан, стоя справа от Зунга и почесывая подбородок. — Удивительно... просто удивительно.

«Точно, удивительно», — подумала я и прислушалась к пещерной тишине.

Внутри плиты что-то щелкнуло и зашипело. А затем по периметру резко что-то пробежало, лязгая и разгоняя пыль, пока плита не вздрогнула и не начала двигаться вверх. Едва она оторвалась от пола, понизу пахнул холодный ветер, вздыбив тучи вековой пыли, лежавшей на всех возможных выступах и впадинах второй половины Зала Харам-Врат. Многие неприятно закашлялись и позакрывали носы и рты. Вместе с порывом ветра в щель проник яркий солнечный свет и удивительные звуки. Звуки природы, которые усиливались с увеличением щели. Первым я признала шум водопада и шелест листвы. Чем выше поднималась плита, тем громче они становились. Зунг не выдержал и присел. От увиденного он распахнул рот и восторженно присвистнул. Следуя его примеру поприседали и некоторые другие члены группы. Я же упрямо стояла, не в силах от волнения даже вздохнуть.

Плита двигалась медленно. Грохот и треск отражался от свода пещеры глухим эхом. Но вот она, наконец, поднялась на уровень глаз и открыла нам невероятный, восхитительный вид.

Мы стояли у выхода на небольшую пологую террасу посреди высокого плавного склона горного хребта. Склон покрывала густая невысокая растительность. По всей площади его виднелись скальные выступы, осыпи и много промоин. А рядом с выходом из пещеры между гладких бурых валунов шумел водопад. Срываясь с верхнего обрыва, вода белой поволокой падала вниз, натыкалась на уступы, отлетала, создавая молочный густой туман, и продолжала путь дальше, пока не собиралась в сине-зеленой заводи. Далее из заводи выходила узкая река, покрытая белесыми бурунами. Вдоль нее выстроились высокие раскидистые деревья, похожие на земную акацию. С их ветвей свисали неизвестные мне растения прямо до самой воды. Потом река с шумом спешила в удивительную зеленую долину. Она, окруженная высокими скалами, напоминала дно огромной чаши.

Вокруг щебетали птицы, сверчали насекомые, жужжали мухи (или что-то вроде них). Вокруг пахло розами и пионами, вперемешку с дикими травами. Воздух был просто невероятно чистым и приятным.

Раскинувшаяся впереди у подножия горного хребта просто немыслимых размеров зеленая долина, уходила вдаль к голубой дымке горизонта, где тоже виднелись горные вершины. Однако большее впечатление на меня произвело то, что находилось на дне долины у самого подножия утеса, на котором мы стояли.

Это был город! Город с замысловатыми строениями, обломанными воздушными мостами, бульварами и проспектами. Заброшенный, необитаемый. Множественные обломки зданий, затянутые вьющимися растениями, упрямо вырывались из земли и тянулись к небу. Кое-где можно было рассмотреть и нетронутые временем сооружения. Нельзя описать их какими-то геометрическими фигурами, они больше были похожи на всевозможные округлые формы с множеством норок по всей поверхности. К ним можно было бы добраться и по воздуху, и через мосты, или изнутри снизу.

Меня удивило, что дороги города даже с нашего места очень хорошо просматривались. Так, что сверху отлично было видно всю паутину магистралей. Будто кто-то за ними продолжал ухаживать до сих пор. Но кто тогда, если все герны вымерли много веков назад?

Все же самое большое недоумение вызывал широкий переливающийся розовым перламутром поток света. Он вырывался из центра города в самое небо. И где-то там, высоко в атмосфере, зонтом расходился во все стороны, пропадая за горизонтом над вершинами скал. Неужели это и есть источник защитного поля гор Градасса?!

— Я думаю, нам туда, — нарушил первым потрясенную паузу Зунг, указав вниз рукой.

Он уже пританцовывал в нетерпении что-нибудь поисследовать и открыть очередную загадку древних.

— Ну, раз туда, значит, туда, — криво усмехнулся Лахрет и ступил первым вниз.

Я, держась за его руку, потянулась за ним. Он все еще испытывал боль, но не показывал виду. Глядя ему в профиль, я могла лишь восхищаться его изумительной выдержкой и характером. Утешало, что боль уже очень скоро пройдет. И вообще, как он еще ни разу не пожаловался и не подал виду, что ему нелегко? Видно же было, как тяжело Лахрет двигался. Мне иногда казалось, что мой муж сделан из гранита.

Протолкавшись меж замешкавшихся зевак, из пещеры вылезла Забава и поспешила пристроиться рядом со мной, тут же заявив:

— Здесь нет тяжелого воздуха! Мне так хорошо! — сделала паузу, устремив взор на руины города. Потом задумчиво продолжила: — Но что-то здесь не так. Здесь тоже есть следы смерти. Они повсюду. Не такие, как в пещере. Я слышу голос смерти членов моего народа. Они в прошлом, но я чувствую этот голос через зияние...

— Слышишь смерть через зияние? Смерть ниясытей? Странно? Как они могли сюда попасть? И как ты можешь слышать их голоса через зияние???

— Просто могу... — ответила она и прикрыла вторые веки, продолжая рассматривать город и медленно переставлять лапы в темп нашему движению.

Сначала я недоуменно поглядела на клиновидный профиль королевы, потом передала ее заявление мужу и спросила его, что она этим хочет сказать.

Лахрет удивился, вскинув брови:

— Смерть членов ее народа? Разве здесь когда-то были ниясыти? Как они могли сюда попасть? Действительно очень странно. Хотя, — пожал он плечами, — пора бы уже привыкнуть к поразительному на каждом шагу. Хм...

Он крепко задумался, а через минуту все-таки прокомментировал слова Забавы, когда мы уже прошли приличную дистанцию от пещеры Храма-Врат (мы шли впереди всех на достаточном расстоянии, так что нас никто не слышал):

— Полагаю, это связано с гиперпространством. Так как ниясытям приходится пересекать его, они инстинктивно знают его. Ученые считают, что это место находится над пространством и временем. Ведь чтобы преодолеть такие немыслимые расстояния за считанные секунды, надо быть над временем. А значит, все, что проходит через него, не имеет временного описания. Время существует лишь в материальном мире, там, где мы с тобой живем. В зиянии его нет. Мы не знаем, каким образом ниясыти могут контролировать свое там пребывание. Они ведь на самом деле могут контролировать не только свое появление в пространстве, но есть предположение, что они способны видеть поток времени в нем, поэтому могут контролировать также и время выхода из него. Короткие дистанции в пределах планеты, я так полагаю, всегда занимают около десяти секунд. Стандартно. И скорее всего у них это заложено инстинктивно. Никто из существ на Заруне этого не может. А ниясыти могут. Особенно ясно видят время в гиперпространстве королевы... — он сделал еще одну паузу, роясь в закромах памяти, и через полминуты продолжил: — Существует предположение, что ниясыти вообще пришли на Заруну из другого мира. Хотя это лишь гипотеза, все же я думаю, что в ней есть рациональное зерно... может, поэтому нам сложно объяснить их способности. То, что привычно в их мире, поразительно для нас. Если же вернуться к прежней теме, то ниясыти умеют управлять гиперпространством и чувствовать его изменение и влияние на обычную материю. Раз Забава так говорит, она уловила некую

связь между прошлыми событиями, этим местом и гиперпространством, которые оставили свой яркий отпечаток в потоке событий-времени. Значит, здесь что-то такое произошло, что отпечаталось на энергетическом уровне на всех мирах возле Заруны и слышно ниясытям через зияние.

— Ну, ты и закрутил... — расширила я глаза. — Я поняла только слова гиперпространство, Заруна, Забава, материя и время. А то, как ты все это связал, не поняла.

— Думаю, когда мы придем, ты поймешь.

— Угу, лет через тридцать.

— Не стоит себя недооценивать, Лана. Ты вполне способный ученик.

— Да, во сне.

Лахрет засмеялся, приобнял меня, никак не прокомментировав. И мы пошли уже дальше, молча, наслаждаясь приближающимся зрелищем.

Тут над нами мелькнула тень. Мы вскинули головы и увидели, как в небо взмыли все ниясыти, кроме, конечно, Забавы и Натона, который продолжал аккуратно нести на себе своего наездника. Радостно резвясь в воздухе, они вытворяли просто невероятные воздушные пируэты. Зарнаряне задрали головы и восторженно выпучили глаза. Такого зрелища они точно никогда в жизни не видели.

К нам подбежал Март и, учащенно дыша от бега, с широкой улыбкой на лице спросил Лахрета:

— Лахрет, позволь нам с Фионой слетать на разведку. Мы сверху оценим город и узнаем, откуда идет тот поток света. А также проверим, как туда добраться.

Лахрет согласно кивнул. Тогда Март мгновенно развернулся и побежал в сторону. В это же время Нук отделился от основной массы танцующих в воздухе, и спустился к земле, чтобы забрать своего наездника. За ним поспешила Брига, устремившись к Фионе. Вверху остались только одни Лирит и Рогор. Они парили высоко в небе, прямо над нами и всматривались вдаль.

Всадники уже летели в сторону города, когда Забава резко остановилась, так что Лахрету пришлось даже отшатнуться в бок, чтобы с ней не столкнуться.

— Что случилось? — спросила я ее.

— Опасность.

— Откуда? Какая?

Забава прикрыла вторую пару век и внимательно посмотрела в сторону пульсирующего потока света в центре города.

— Оно исходит оттуда. Там появилось какое-то движение. Нас заметили.

Вдруг она вздрогнула и, распахнув со звучным шелестом здоровое крыло, призывно простонала. Сразу же летевшие в сторону города ниясыти развернулись и направились назад, опускаясь все ниже и ниже к земле.

— Забава, что происходит? — спросила я ее вслух, чтобы Лахрет знал о моем вопросе.

Когда Забава действовала самостоятельно, это всегда означало, что обстоятельства требовали незамедлительных действий. И вот, она, не советуясь со мной, зовет разведчиков и, мало того, говорит, как именно им нужно лететь. Ее настороженность мгновенно передалась мне.

Проследив за шевелениями королевы, Лахрет озадаченно сровнял брови. После того, как Забава позвала улетевших, повернулась к нам и ответила:

— Я слышу пугающие стоны из прошлого... Они предупреждают о смерти и ненависти.

— Забава, ты опять пугаешь меня!

— Что она сказала? — спросил Лахрет, положив ладонь на приземлившегося рядом Лирита.

Интересно, слышат ли другие ниясыти то, что слышала Забава?

— Из центра города веет смертью, — ответила я мужу, в то время как внутри все заледенело. Страх королевы сразу же передался мне.

Забава задрала голову и расширила глаза. Грудь ее начала часто вздыматься, а поднятое высоко крыло, просвечивающееся розовым серебром на фоне солнца, наводило еще большее ощущение предчаяния беды. Сзади нас столпились остальные члены группы и переполошено переглядывались. Некоторые до конца не понимали, что означают движения настороженной королевы, но догадывались, что она почувствовала опасность и предупреждает о ней. Разведчики спешили назад, скользя почти над самой поверхностью земли.

И опасность не заставила себя долго ждать. Уже через минуту из центра города послышался далекий отголосок гула, как от пчелиного улья. А возле источника светового потока в центре в небо стало подниматься серое облако. Оно росло и увеличивалось, пока не превратилось в черный рой маленьких приспособлений, которых сложно было рассмотреть издали. Облако пульсировало, надувалось, сжималось, меняло очертания и конфигурацию.

— Небо великое! Что это такое?! — послышалось сзади.

— Мне одному только страшно, или еще кто-то есть такой как я, напуганный?

— Я.

— И мне чего-то не по себе.

— Что это может быть?

— Смотрите! Оно начало двигаться в нашу сторону!

— Бежим обратно в пещеру!

— Надо прятаться!

— А вы случайно не видели в пещере туалет?

— А ты на ходу...

— Йен! Как ты можешь юродничать в такой момент, как Март?

— Прости, случайно вырвалось.

— Так что? Бежим?

— Мужчины не бегут от опасности. Они стойко встречают ее лицом к лицу.

— Эти мужчины дураки и безумцы. А благоразумные — прежде изучают опасность, узнают, как с ней бороться, прощупывают слабые места, а потом уже идут к ней сразиться лицом к лицу.

— Зунг, тебя никто не держит. Беги. Мы недалеко ушли от пещеры. Нам нет пути обратно.

— Идем, я покажу!

Надо бы бояться, но страх внезапно отступил, и я лишь заворожено следила за пульсирующим облаком. Тем временем Забава сложила крыло и вытянулась в указывающей позе, подобно охотничьей собаке.

— Забава! Что ты ещё видишь?! — спросила я ее.

— Они не живые. Они несут опасность! Это они причинили в прошлом смерть моему народу! Много смерти... — потом она прогнула шею так, что теперь голова располагалась над телом, а глаза застелила пелена невыразимой печали.

В этот момент возле нашей компании приземлились Нук с Мартом и Брина с Фионой

Они скоро спешили и поспешили к нам.

— В чем дело? Почему вы вернули нас обратно? — недовольно спросил Март.

Ответом ему была поднятая в указательном жесте рука Зунга. Март повернул голову и остолбенел, распахнув рот.

— Мама моя родная!!! Нхуровы испражнения! Что это за нечисть такая?!!

Рой, постоянно меняя плотность и очертания, видом и звуком напоминая разъяренных пчел, стремительно приближался в нашу сторону. Шорох мелкого щебня позади и шелест травы сообщил, что некоторые решили проверить, не забыли ли они случайно что в пещере. Другие, затаив дыхание, ждали приказа. Лахрет повернулся ко мне и спросил:

— Лана, что ты чувствуешь? Ты должна знать руководство Зарнара. И что говорит Забава?

Я подняла на него глаза:

— Я не знаю... Это все еще лишь смутные ощущения. Забава боится.

Королева оторвала взгляд от роя и произнесла:

— Они точно несут смерть. Они уже однажды убивали здесь. Ими кто-то управлял из города. Ничто от них не спасает...

Я передала ее слова мужу. Лахрет повернул лицо в сторону медленно растущей искусственной тучи. Вроде бы нужно скомандовать всем уходить, но он медлил, как и я. Сощурился и поджал задумчиво губы.

— Что-то здесь не так, — качнул он головой.

— Постой, — удивленно выдохнула я ему в унисон. — Что-то тут не так. Что-то здесь есть... не могу понять... В голове что-то вспыхнуло.

— Что? Ты почувствовала подсказку?

Я вместо ответа оглянулась на Забаву. Та мотнула головой, словно прогоняя остатки наваждения, и сразу же послала мне дивный образ.

Внезапно я увидела ошеломляющее видение, не похожее на те, что часто передавала Забава. Немного размытое и мерцающее. Словно далекое чужое воспоминание. Давно забытое и растревоженное.

Это был тот же город, что и сейчас, только не заросший и разваленный, а совсем другой, обжитый. В центре еще не было потока света, устремленного в синее небо. Но недалеко от того места виднеются два обелиска, между которых, как полупрозрачное полотно натянуто нечто, подобное волнующейся рябью воде. Из него вылетают один за другим ниясыти и мчатся к небосводу. Они перепуганы и растерянны. И боятся чего-то. Потом они опускают взгляды вниз и видят небольшую толпу существ, подобных ящерам с толстыми хвостами. Те существа задрали головы и пораженно смотрят на них, будто совсем не ожидали их появления. Ниясыти некоторое время парят в небе. Разворачиваются и возвращаются к пелене меж обелисков, желая вернуться обратно, но это была дорога с одним концом. Назад она их уже не пускала. Они негодуют. Они хотят вернуться в родной мир, а дороги туда нет.

Дальше картинка меняется. Ниясыти гневаются и хотят убить ящероподобных существ, в которых я узнала гернов. Но только они начинают спускаться вниз, полные лютой решимости лишать жизни из-за того, что их вырвали из родного мира (а кое-кто даже успел задушить одного из крайних), как, вдруг, вокруг гернов разверзается земля черной широкой линией по периметру площади. И оттуда, из щелей начинают подниматься тучи мелких механизмов. Их контролирует один ящер, что стоит у основания обелисков. Лишь по одному движению его руки, эти маленькие беспилотные машины покорным потоком устремляются

на крылатых гостей. Машины начинают убивать разгневанных ниясытей. И ничто не может их остановить. Ни защитное биополе, ни ультразвук. Ниясыти, как подкошенные, извиваясь, падают вниз и перестают дышать. Увидев, сколько полегло сородичей и что ничто не может спасти от страшного неведомого оружия, остальные ниясыти начинают бежать. Тогда машины мчатся за ними и ниясыти уходят в зияние. Кто успел уйти, спасаются, а кто нет — падают замертво. Их было так много, как звезд на небе. Стальные тела укрывают территорию города от площади на сотни метров. Одни распростерлись на проспектах, другие свисают с мостов, перекинутых через дороги. Третьи лежат на крышах и лужайках. Бездыханные и безжизненные.

Слезы побежали по моим щекам. Сердце больно сжалось от дикой жалости о смерти гордых и отчаянных повелителей небес. Столько мертвых ниясытей я никогда в жизни не видела. Никто не мог им помочь. И от этой жуткой неразберихи и вопиющей несправедливости душа безумно болела и горько плакала. Только один вопрос сорвался с моих губ: «Почему?» Я взмахнула руками от шока, вызванного видением, ноги подкосились, и, если бы не вовремя подставленные руки мужа, я точно бы рухнула наземь.

— Что ты увидела? — он догадался, что Забава мне послала какие-то образы.

Я поведала ему. А тем временем беспилотники уже почти приблизились к склону утеса. Небо медленно темнело от бесчисленного количества черных точек. Теперь они двигались ровным строем, равномерно в боевом порядке распределяясь в пространстве. Я оглянулась по сторонам. Все друзья смело взирали на приближающуюся беду. Никто не дрогнул (Зунг замер чуть поодаль в нерешительности, однако остался). Даже девушки стояли лицом к городу. Пусть в глазах их горел страх перед неизвестностью, но они не стали убегать, давно научившись за время нашего долгого похода встречать опасность лицом к лицу.

Рядом хмурил брови Лахрет, мрачно наблюдая за приближающимися маленькими машинами. Лирит, Забава и Рогор стали вокруг нас треугольником и приготовились стоять насмерть. Бежать уже было поздно. Да и внутренний голос меня постоянно останавливал. Но что этот голос хотел сказать? Снова в голове мелькнуло видение небесной баталии многовековой давности. И тот час до меня дошло! Точно! Герн, что руководил этими машинами! Тот, который был у обелисков! Он так походил на Зарнара в Хранилище Истории. Неужели это был он?

Гул от приближающегося роя уже стоял везде. От этого гула кое-где даже посыпался мелкий гравий и с шелестом поспешил вниз. А насекомые испуганно притихли. Лахрет достал свой плазмер из кобуры, другой рукой сжал мое запястье.

— Я поняла, что надо делать... — ровно произнесла я и поймала краем глаза на себе задумчивый косой взгляд мужа.

— Тогда пора действовать, — кивнул он.

Я, высвободив руку, обошла его и остановилась впереди в трех шагах. В голове крутились мысли об уроках пройденного пути.

«Вера, щедрость, смирение, любовь, самопожертвование... — шептала я. — У меня ключи от города гернов. Я должна ими воспользоваться. Зарнар в пещере сказал, что "дальше идти будет легче"».

Тогда я начала думать о хорошем, о том, что пришла с миром и желаю всем только добра. Затем упала на колени и протянула к растущей черной туче руки. Неожиданно я почувствовала, как рядом присела Забава, и поняла, что она словно собирает в один узкий луч и усиливает мои эмоции. Теперь мы вместе. И от этой мысли стало легче. Ее верное

плечо никогда не оставит, не покинет и не подведет. И в печали, и в радости...

Мало того, краем уха я услышала, как зашелестела трава, и почувствовала тепло за спиной. Лахрет положил ладонь на плечо, и в меня стремительным потоком потекло его спокойствие. Он тоже будет стоять рядом до самого конца. И если нужно, первым положит голову в этой неравной борьбе. Разве может быть иначе?

Все же я не хотела думать о плохом. Сердце верило в торжество добра над злом. В благополучное завершение нашей нелегкой миссии. Я закрыла глаза, сосредоточившись на желании остановить мчащиеся к нам беспилотники.

«У! У! У!» — пульсировал рой, заполняя собой синее небо.

Надо бы бояться, но страха уже не было. Как будто в голове заговорил знакомый голос и указывал, что нужно делать. Главное, слушаться его. Вот, он шепнул, и я протянула руки, строго приказав вслух:

— Стой! — и тут же открыла глаза.

Рой, что еще миг назад стремительно приближался, резко остановился и завис в воздухе в десяти метрах от нас. Все вокруг замерло и притихло. Даже ветерок, казалось, дул слабее. Возникло пугающее ощущение ожидания. А все, что окружало нас, знало исход и приготовилось к кровавому исходу, будто такое уже было когда-то здесь и не раз.

Несколько минут ничего не происходило. Сзади, нервно покачиваясь, кашлянул Виктор. Прерывисто выдохнул Йен. Лирит поправил на спине сложенные крылья. Лишь эти звуки нарушали тишину. Да еще стук моего сердца в ушах: «Тук! Тук! Тук!». Или это билось сердце Забавы? Впервые я почувствовала, как от нее исходил благоговейный страх. Никогда моя королева еще так не трепетала перед опасностью, как сейчас. Еще ничто ранее так не внушало ей ужас, как эти маленькие механизмы, что висели в воздухе в десятках шагов впереди.

И вот, один из объектов отделился от общей массы и неторопливо направился ко мне. Опустив одну руку, я ждала, когда он приблизится. Чем ближе объект подлетал, тем лучше его можно было рассмотреть. Оно было незамысловатой формы: стержень его напоминал эллипсоид с заостренным концом, а по бокам треугольные крылья, крепящиеся по всей длине до хвоста. Всё. Однако впечатляло другое. По всей оливковой поверхности, изрезанной замысловатым золотистым рисунком желобков, в определенной периодичности от носа к хвосту отходила светящаяся полоса. Одна за одной, одна за одной.

Подлетев, объект завис прямо подле моей ладони. Тогда я, понукаемая тем же загадочным велением внутреннего голоса, коснулась округлого носа маленького (размером в две человеческие ладони), беспилотного истребителя. Ощущение касания было подобно прикосновению к пелене Грани. Гладкий и холодный атлас. Вдруг, световые полосы, перестав переливаться, устремились в одну точку под мою ладонь. Потом, спустя полминуты, беспилотник дал задний ход, и вернулся к общей массе. И больше ничего. Отчего я немного растерялась. Что с этим множеством самолетиков делать? Тут сверху послышался задумчивый голос Лахрета:

— Вели им опуститься на землю.

Я так и сделала, подумав в себе, что хочу, чтобы они приземлились. И потом механически сделала жест рукой «вниз». Тут же беспилотники послушно среагировали и равномерно распределились в одну горизонтальную плоскость. Потом опустились на большой площади горного склона так, словно на землю бросили рыболовную сеть.

— Невероятно!!! — наконец, позади подал кто-то смелый голос.

За ним продолжили шептать:

— Я чуть штаны не обмазал.

— И я думал это конец.

— Вот это безумные герны. Зачем они создали эти штуки???

— Как зачем? Для защиты города.

Тут от толпы наших спутников отделился Йен и, осторожно двигаясь, подошел к первому из «защитников» Ахель-Итара. Сначала кратковременно коснулся его, потом, после того, как тот не подал никакого признака жизни, поднял в руки.

— Хм... — пытливо протянул инженер, крутя в руках маленький летательный аппарат. — Какой странный рисунок фюзеляжа. — Попробовал поддеть ногтем резную линию. — Ничего... но мне кажется, что там под ним что-то есть...

Я все еще стояла на коленях, когда остальные начали подтягиваться к инженеру и проявлять пугливый интерес к лежащим объектам. Каждый начал выдвигать свои теории причин их создания.

— Мне кажется, что герны их создали не только как защитное оружие города, — начал рассуждать Хим Дан. — Мы их не видели в действии, поэтому трудно сразу определить их функциональные возможности и целевое назначение. Вполне вероятно, что это оружие способно причинять разрушения колоссального масштаба. Интересно, какие? И насколько эффективные?

— Мне интересно, как этот круглый нос может навредить кому-то? — буркнул капитан, любитель всех острых, колющих и режущих предметов.

— Разве только в этом может быть смертоносность? — пожала плечами Рэнна, знаток стрелкового оружия. — Возможно, из него могут выдвигаться маленькие пушки.

— И много может сделать такая пукалка?? — насмешливо фыркнул капитан и презрительно отвернулся. — Примитив какой-то.

— Я бы не сказал, что они такие уж и примитивные, — покачал головой Йен. — Я согласен с Хим Даном. Если вы не видели их в действии, это не значит, что они не могут навредить.

Я подвела на ноги и направилась к остальным. И тут, на пятом шаге, я запнулась и застыла, повернув голову в сторону города.

— Лана, что ты думаешь? — спросил Хим Дан, задумчиво склонив голову набок, когда заметил мои движения. — Ведь ты смогла их остановить. Как ты это сделала?

Я ответила ему не сразу, так как перед глазами мелькнул странный образ. Мелькнул настолько стремительно, как вспышка молнии, что я не успела толком ничего разобрать. Лишь одно. Женский образ и вопросительный взгляд серых глаз. Так как это длилось не больше секунды, я решила не сосредоточивать на этом внимание. Перевела отрешенный взгляд на спрашивающего и протянуто ответила:

— Я слушала внутренний голос... А Забава дала мне способностей. Они подчиняются воле Управляющего... — почему я так сказала, я тоже мало понимала, словно знала это всегда и всё. — В древние времена им был Зарнар.

Остальные повернулись ко мне всем телом, и заинтересованно нахмурились. Все, что я сейчас говорила (и говорила я, чувствую, с лицом, далеким от спокойного состояния, словно вычерпывая чужую память), вызывало у них глубокий интерес.

— Откуда ты это знаешь?

— Я видела прошлое... из памяти Забавы. Она видела, как на Заруну прилетели

ниясыти. Их было так много, что они заполнили собою все небеса. Они всё вылетали и вылетали из огромного портала, что создали герны. Герны испугались их и позвали Управляющего. Он запустил оборонную систему города и начал... убивать. Я никогда не видела столько мертвых ниясытей, — я говорила, глядя перед собой невидящими глазами, а голос печально дрожал. — Ниясыти пришли из другого мира... им открыли путь герны через межпланетный портал... — я вскинула на стоящего рядом Лахрета влажные глаза и потрясенно воскликнула: — Они убивали ниясытей! Убивали, потому что сильно испугались! Ниясыти пришли сюда с другой планеты! Они родом не с Заруны! Они тоже боялись, а герны были сильнее и умнее. Они убивали и убивали. Тела мертвых ниясытей лежали везде... везде...

Лахрет успокаивающе обнял меня, положив ладонь на голову, и прошептал, поглаживая по спине:

— Это было давно... их уже не вернуть...

— Кто такой Управляющий?

— Какой еще межпланетный портал?

— С другой планеты? Дальше всё чудесатей и чудесатей... что не шаг, всё фантастика.

— Как??? Откуда Забава узнала это?

— Она может «читать» историю, — оторвав лицо от груди Лахрета, ответила я. — Она говорит, что слышит ее через зияние. Тот день глубоко отпечатался там. Забава говорит, что после этого герны больше никогда не открывали свой Портал. Они начали бояться нашествия других существ из иных миров. Они не знали, кто такие ниясыти и чего они хотят. Те, кто выжил, ушли в зияние и навсегда остались в плену Заруны. А герны, боясь возвращения летающих убийц, запустили в своем поле специальную ловушку, мешающую ниясытям вернуться на земли гор Градасса. Вот, почему они не могут здесь летать. Это герны устроили эти электромагнитные аномалии, чтобы не пустить сюда ниясытей.

— Но как они могли убить ниясытей?! Ведь у них есть защитное поле!

Тогда я указала на беспилотник в руках Йена.

— Им ни по чем любое поле.

— А что тебе еще сказал этот твой внутренний «голос»? — снова спросил Хим Дан, глядя на меня благоговейными глазами.

Он верил, что так говорил с ними Зарнар. Конечно, никакого потустороннего «голоса» и в помине не было, но некая внесенная мне в мозг еще в карстовой пещере у Грани информация, продолжала руководить мною. Я повела плечами и ответила:

— Не знаю...

— Он тебе не сказал, зачем герны создали их? — спросил Зунг, состроив довольно забавную заинтересованную физиономию за спиной.

Грудь библиотекаря еще часто вздымалась от пережитого страха, но глаза уже привычно блестели любопытными искрами.

— Я же сказала, что Управляющий запустил оборону города. Значит, они ее создали, чтобы защищаться.

— От кого?

— От тараков! — осветил очевидное Хим Дан. — От кого же еще?

— Послушай, Лана, а ты там в этих... в воспоминаниях Забавы не видела тараков? Не ходили ли они там между гернов? — продолжил задавать вопросы Зунг.

— Нет. Герны были одни. И их было немного. Они стояли на огромной площади возле

высоких обелисков, между которыми был открыт Портал и смотрели на появляющихся оттуда ниясытей. Тараков не было.

— Хм... интересно... Портал между обелисками... — заинтригованно почесал подбородок Зунг. — На площади... Значит, ниясыти пришли уже тогда, когда герны изгнали тараков из Ахель-Итара...

— Так вот откуда появились ниясыти! — торжественно воскликнул Йен. — Я так и знал, что они не из нашего мира! Это все герны!

— Так и люди не с Заруны! Забыл что ли историю, которую нам рассказал Хим Дан?

— Иронично как вышло... — качнула головой Рэнна. — Вызвав чужих на планету, они сами ее покинули навсегда...

Все дружно посмотрели на дочь капитана.

— Поэтично ты сказала. Даже непривычно от тебя такое слышать, — хмыкнул Йен.

— Я и не на такое способна! — презрительно скривила губы артиллерист корабля, оскорбленная невысоким мнением о себе.

В то время как остальные начали высказывать свои мысли об оружии гернов и удивительной истории ниясытей, я повернулась в сторону города и задумалась.

Где-то там до сих пор работают некогда запущенные гернами механизмы. Где-то там спрятана лаборатория Зарнара, которая находится в ожидании нашего прихода. Где-то там еще стоят обелиски Портала. Кто знает, может я смогу вернуться обратно домой, на Землю? Ведь через него когда-то ходили герны на мою родину и привели сюда людей. Вот только хочу ли я этого? Хочу ли вернуться туда, где я была никем? Туда, где я была нужной только маме и бабушке и с перспективой жить в большом миллионном городе, где всем всё равно, что происходит в твоей жизни. В городе, где ты пройдешь по улице, и никто не посмотрит тебе вслед. Хочу ли я в тот мир, где ничего не значу?

Мысли об этом захватили мой разум настолько, что не заметила, как лицо мое стало грустным. Предплечья коснулась теплая рука, и я обернулась. Лахрет нежно улыбнулся и поправил непослушный локон у виска, что трепетал на ветру. В этот момент я окончательно поняла, что не хочу обратно на Землю. Мой дом здесь, где Лахрет, где Забава. Я нужна здесь. Здесь меня любят и ценят. Здесь я чего-то, да, значу. Разве Земля может дать такое богатство? Лишь образ мамы и бабушки заставлял совестливо сжиматься сердце. А может, забрать их сюда? Да-да! Точно! Тут я о них смогу позаботиться, и они будут счастливы рядом со своей любимой дочерью! Эта идея засела глубоко в моей голове, и я решила поискать возможные пути ее реализации. Думаю, они будут не против пожить в этом мире. Конечно, сразу удивятся, но потом привыкнут. Этих мыслей Лахрет не увидел, а спросил о том, что больше всего волновало всю нашу группу: куда идти дальше?

— Ты можешь провести нас на ту площадь, что ты видела из воспоминаний Забавы? Думаю, это пока единственная разумная идея о том, куда нам идти. Если ты, конечно, не хочешь направиться в другое место. Что говорит твой внутренний голос?

— Пока ничего. Он у меня возникает в голове только тогда, когда мы сталкиваемся с чем-то из ряда вон выходящим или уже достигли нужного места. Будто он связан с этими важными точками.

— А можно вопрос не по теме? — неожиданно громко произнес Март и тем самым привлек к себе внимание.

— Какой? — первым откликнулся Лахрет.

— А как мы спустимся теперь в город? Эти штуки здесь везде, — махнул рукой в

описывающем жесте брат. — И ступить негде. Вдруг мы кого-то нечаянно раздавим, и они решат защищаться?

Тогда все дружно перевели взгляды на усыпанный равномерным геометрическим узором склон горы. Это был действительно интересный и насущный вопрос. Полюбовавшись сим узором, они обратили молчаливые взоры на меня. Резонный вопрос брата заставил и меня крепко задуматься. А, действительно, как же управлять этими штуками? Я озадаченно наклонила голову и нахмурилась, глядя на маленькие летательные аппараты.

Смотрела, смотрела, пока в голове не стрельнула идея. Попросив Забаву усилить голос моих мыслей, я выпрямилась, подумала о том, что хочу, чтобы беспилотники поднялись в воздух, и сделала жест рукой «вверх». Сразу же послышался тихий гул и все аппараты разом, в гармоничном согласовании, взмыли в небо. Как всё легко оказалось!!! От удивления и детской радости, что у меня все вышло сразу и без напряжения, я пискнула и подпрыгнула. Вслед за моим движением волной колыхнулась и оливковая пелена в воздухе. От этого бурный восторг отозвался в груди скорым ростом. Влекомая этим порывом, я повела рукой вправо, а затем влево. Машины послушно последовали по указанному пути туда и сюда. Как же это меня раззадорило! Я снова восторженно пискнула и сделала круг рукой. Тогда летательные аппараты начали собираться в огромную горизонтальную воронку и по спирали кружить в том же направлении.

Если честно, наверное, я бы еще долго забавлялась так, если бы мою руку не поймал Лахрет и не привлек внимание. Его губы растянулись в понимающей улыбке. Всё же глаза его были серьезны.

— Думаю, их надо отправить на место, где они и находились все это время.

Я с готовностью закивала и сосредоточилась на том, что хочу, чтобы они летели в свой ангар, а рукой сделала жест от себя. Они начали по спирали разворачиваться в сторону города. На миг замерли, словно рассчитывали курс, потом послушно последовали приказу.

— Восхитительно! — протянул Зунг, соорудив на лице нечто подобное восторгу и удивлению — вышло что-то перекошенное.

— Надо же!

— Круто!

— Интересно, а почему эта штука не полетела с остальными? — послышался вопрос Марта.

У инженера в руках всё еще оставался аппарат, что тот поднял. Только теперь он активно переливался и гудел.

— А ты попробуй его отпустить, — предложил кто-то.

Он отпустил, и машина сразу же поспешила за остальными.

— Класс!

— Вот бы таких штук нам побольше, да, с тараканами сразиться! — гроыхнул капитан и тут же привлек внимание всех к себе.

— Так ты ж говорил, что эта ”пукалка” ничего не может толкового сделать!

— Мало ли! — недовольно насупилсь мохнатыми бровями капитан. — А вдруг, действительно могут!

— Интересно, а можно так? — спросил Йен и поглядел на меня.

Я пожала плечами.

— Ладно, путь открыт. Это не первостепенный вопрос. Помните, нам нужно найти лабораторию Зарнара. Для этого надо войти в город. Спускаемся! — скомандовал Лахрет и

махнул рукой в сторону долины.

Теперь в глазах моих спутников не было страха. Лишь исследовательский интерес. Каждый понимал и грел идею, что теперь, когда нам подчиняется такая сила, как те летательные аппараты, ничего уже не страшно.

— Слушайте! Хочу внести предложение, как назвать те улетающие штуки! — громко воскликнул Март после пяти минут спуска.

— Как? Дрон? — улыбаясь, спросила я.

— Нет, «летунчик»... — криво усмехнулся Март. — Но мне больше нравится твой вариант! Все! Решено, будем называть их дронами!

— А почему дрон? — спросил Лахрет.

— Не знаю... Так, по-моему, у меня дома называли аппараты без экипажа.

— Интересно.

— Да, уж... — выдохнула я, поглядев на уменьшающийся рой беспилотников.

*** **

Когда мы переступили границу города, Раголар уже почти коснулся горизонта. Шел к завершению шестой день нашего пребывания в мире гор Градасса. Красный круг солнца через разреженную атмосферу гор казался неестественно ярким. Зарево заката окрасило небо в самые насыщенные и жаркие тона. Ложась теплыми красками на белесые и серые стены замысловатых строений Ахель-Итара, лучи светила окрашивали все вокруг в согревающий уютный мир.

Идя по изумительно вычищенной каменной поверхности проспектов и бульваров города, я каждой клеточкой ощущала атмосферу забвения. Черные входы в покинутые жилища смотрели на нас бездонными зеницами. Заросшие игровые площадки с перекошенными снарядами усиливали эффект пустоты и заброшенности. Обломанные воздушные мосты, некогда соединявшие соседние здания, с оборванных краев которых свисали все те же вьющиеся растения, оставались ненужными сотни веков. Но, несмотря на это, глядя на округлые здания, которые росли из земли и закручивались в неопределенные формы, казалось, они продолжали жить своей тихой жизнью. Было такое чувство, что вот-вот кто-то выйдет нам на встречу и приветливо помашет нам рукой.

Если я увлеченно рассматривала заброшенный мир древних развалин, то другие жарко обсуждали дороги. Зунг все никак не мог осмыслить загадочность их чистоты. Как они могли выстоять против многовековой работы назойливых ползучих растений, да вездесущих семян и корней? Пришли к выводу, что, возможно, в городе существует некая механизированная автоматическая система очистки магистралей и поддержания ее в надлежащем виде.

Когда мы дошли до той самой площади, что я видела в воспоминаниях Забавы, Раголар уже почти скрылся за коричневыми очертаниями далеких вершин гор. О том, где находится эта площадь, подсказывал мне все тот же внутренний компас. Внутри было ощущение, что я уже была в этом городе. Была когда-то, очень давно. Словно я вернулась домой. Однако Забава себя так не чувствовала. Было заметно, как она нервничала и вздрагивала при каждом повороте, словно ей мерещились трупы умерших сородичей. Я лишь понимающе гладила подставленную переносицу и шептала ободряющие слова. Тогда она успокаивалась.

Только последний луч блеснул на горизонте, воздух дрогнул в тихом переливе звенящих колокольчиков. Воины нашей группы насторожились и заняли боевые позиции в готовности защищаться. Звук шел откуда-то из центра города, со стороны источника защитного поля

гор. Перламутровый поток начал равномерно переливаться широкими желтыми полосами в сопровождении такого же синхронного звона колокольчиков.

Каждый из нас затаил дыхание в ожидании и неотрывно смотрел в ту сторону. А потом!!! Как же прекрасно было это зрелище! От каждой золотой полосы равномерно и по строгому порядку начали отделяться большие светящиеся шары. Каждый шар в положенной последовательности стремился в свою, известную только ему, сторону. Сначала я собралась пугаться, привыкнув к тому, что на каждом шагу нас встречают неожиданности и хотят остановить. Но эти шары летели не к нам. Распределившись равномерно по площади всего города, они застыли в замысловатых линиях. Затем, дождавшись, что остальные светящиеся объекты займут отведенное им место, начали так же синхронно опускаться вниз. Они опускались до тех пор, пока не остановились на высоте пяти метров над землей вдоль широких улиц и проспектов города. Теперь каждый закоулок и весь город был ярко освещен, как днем.

— Это же фонари!!! — воскликнул Зунг.

— Потрясающе!

— Как гениально придумано!

— Невероятно! Удивительное освещение города! Даже когда хозяева покинули его, он продолжает выполнять свою работу! А что же тогда чистит дороги?

— Может, скоро увидим и это чудо.

Большие шары диаметром около метра, висели над каждой улочкой без какой-либо видимой опоры. Некая удивительная программа, внесенная однажды проектировщиками города до сих пор неизменно, каждую ночь, выполняла свое дело.

Площадь, на которой мы стояли, была по периметру окружена десятью такими шарами. Так что беспокойство о том, что нам придется "исследовать" в темноте, ушло в сторону. Впереди по центру площади стояло два высоченных, около десяти метров, обелиска. Их основания упирались в ровно скошенный круглый газон, а макушки венчали металлические кольца, сложенные друг в друга по принципу карданова подвеса. Мы стояли между ними ровно посередине и, задрвав головы, рассматривали эти загадочные сооружения. В стороне стояло большое цилиндрическое здание с высоким куполом и антенной по центру, напомнившее мне здание цирка. Фасад строения смотрел строго на эти два обелиска. От газона, где стояли сии высоченные столбы, лежала широкая прямоугольная серая плита, очерченная глубокими желобами. Гладкая, как отполированный мрамор. Она немного поднималась над землей и смотрела на то здание узкой частью.

Наша группа распределилась по всему газону и рассматривала все неровности и вызывающие вопросы объекты. Ниясыги лениво вывернулись по его краю. Натон, с которого осторожно спустили уже пришедшего в себя Нарана, устало уронил голову на лапы и вырубился. Забава, вынеся мне по дороге мозг о том, что дико голодна, в конце концов, тоже отключилась только мы ступили на траву. Рогор остановился подле угла мраморной плиты и замер сторожевым истуканом. Мэнона, застенчиво вертевшийся возле нура в последнее время, старался как можно меньше привлекать к себе внимание. Так что, уразумев, что тот занял охранную позицию, гадак опустился на землю, обхватил руками колени и замер, боязливо оглядываясь по сторонам. Почему-то его пугало это место. Что именно, он сам не знал.

Я подошла к одному из обелисков и, обходя его по кругу, принялась искать на нем какие-нибудь надписи. Лахрет меня покинул, подойдя к Нарану, чтобы узнать его

самочувствие. Там у них развязался долгий диалог, который я решила не прерывать.

Отдельной группой держались наши беловолосые спутники. В большей степени они осторожно оглядывались и молчаливо любовались городом, будто ожидая скрытых ловушек. Они не были особо любопытны. Чего нельзя сказать о моих спутниках. Они бесстрашно шумели с самого начала спуска с горы. А переступив черту города, вообще ничего не стеснялись. Иногда их комментарии вызывали у меня улыбку или даже приступы смеха.

Здесь, на площади обелисков, которую мы наименовали для себя площадью Портала, мы решили передохнуть, перекусить и подумать о том, куда идти дальше. Поэтому никуда не спешили. Некоторые уселись прямо на землю, достали сухие пайки, которых у нас почти не осталось, и принялись жевать. Через некоторое время Милитана спросила, глядя на здание, похожее на земной цирк:

— Интересно, а что то за здание такое?

— Думаю, это какой-то административный корпус.

— А я считаю, что это управленческий центр Портала. А эти колонны — лишь дверь. Все остальное управление должно осуществляться в стороне. Наверное, именно оттуда, так как это удобное расположение для наблюдений за всем, что на площади происходит, — с самым умным выражением лица произнес Март.

— Я с ним согласен, — кивнул Зунг, остановившись возле моего брата. — Это, скорее всего, и есть центр управления Порталом.

— А почему вы решили, что он должен быть обязательно в каком-то помещении?

— Искусственное соединение миров, создание необходимого контролируемого туннеля, я так думаю, требует удаленного доступа к самому месту прохода. Если учитывать рассказанную нам легенду о гернах, они должны были где-то совершать наблюдения и выводить телеметрию о тех местах, куда они посылали свои устройства для наблюдений.

— Логично. Может, нам туда пойти? Тогда мы больше узнаем, об этом месте...

— Давайте, — согласно кивнул Виктор. — Только, может, немного поспим, а завтра утром примемся за исследования. Все уже изрядно устали и нуждаются во сне. Смотрите, ниясыти уже дремлют. Ну, кроме этого... дикого. Он вообще, когда-нибудь спит?

— Капитан, этот нур уже давно не дикий. Сколько вам ещё повторять?

— И чей же он? Не может же быть наша Лана наездницей двух ниясытей? А если он ничейный, то значит, дикий.

— А почему вы решили, что Лана не может быть его наездницей? Он ее слушается во всем и носит на себе.

— Ее носят все ниясыти, стоит ей только попросить. Выходит, она наездница всех ниясытей? Такого не бывает.

В итоге, разгорелся горячий спор о том, что может быть, а чего быть не может. Устав от шума, я поднялась на ноги и снова направилась к обелискам. Что-то мне постоянно не давало покоя. Я знала, что мне что-то нужно здесь сделать, но что, никак не могла сообразить. А с того момента, как Забава задремала, почувствовала, что моя сосредоточенность значительно ослабла. Голова была тяжелой, а глаза непослушно закрывались. День был слишком насыщенным и тяжелым. Силы и нервы были на пределе. Все же от перенапряжения уснуть я не представляла себе возможным, тем более что-то меня постоянно заставляло двигаться. Будто мы достигли новой контрольной точки, за которой следует следующий шаг. Подошла к одному из обелисков и застыла, уставившись на белесую поверхность. Вдруг, в голове что-то вспыхнуло, и я снова увидела странный женский образ с

серыми глазами, что видела еще на склоне по выходу из пещеры. На этот раз видение длилось дольше, чем в первый раз, будто мы стали ближе к какому-то особому месту. Но что означал этот образ? Кто эта девушка? Что она мне хочет сказать? Почему я вижу ее образ?

Я тряхнула головой, желая прогнать необъяснимое наваждение. Затем механически подняла руку и потянулась к основанию. В этот момент, я, как и было уже ранее, действовала по наитию, не осознавая, что делаю. Как только коснулась верхней плоскости квадратного основания обелиска, послышался звон как от разбитого стекла. Я тут же испуганно отпрыгнула назад.

— Что произошло?

— Это ты Лана?

— Опять она что-то запустила.

— Так. Куда бежать?

— Я думаю, вон в то здание... что больше всего похоже на пещеру.

— Что ты сделала?

Сразу же рядом возник Лахрет и принялся бдительно оглядываться по сторонам в ожидании очередной неожиданности. Я прижала перепугано руки к груди и уставилась на светлую поверхность монумента. Винить себя за необдуманные действия я уже давно перестала. Все, что я здесь делала, было следствием внесения в мой мозг нужной информации для преодоления расставленных по всему пути препятствий. Все же каждый раз такие действия во мне вызывали страх и сильный стресс. Иногда мне казалось, что я не справлюсь с возложенной на мои плечи обязанностью. Вот и сейчас. Изнутри волной накатило дикое волнение и ожидание неизвестного. Что на этот раз нам приготовил Зарнар?

Тем временем основание начало переливаться радужным перламутром и делало это в течение полминуты. А потом вернулось в прежнее состояние. И дальше ничего. Сейчас я была похожа на застывшую потрясенную статую. Так страшно было пошевелить даже пальцем. Вдруг, снова что-то зазвенит, задринчит или заклацает?

В течение минуты ничего заметного не происходило. Пока кто-то не воскликнул:

— Что это там за движение возле центрального энергетического потока поля?

Со стороны центрального потока города послышался звон колокольчиков. Тихий и легкий. От середины его отделилась светящаяся полоса длиной около двух метров и потянулась в нашу сторону. Никто не двигался, заморожено глядя, как это светящееся нечто стремительно летело в нашу сторону. Никто просто не знал, что делать. Боятся или радоваться. Прятаться или бежать на встречу?

Когда полоса приблизилась настолько, что ее можно было хорошо рассмотреть, то мы увидели, что это не простой линейный поток света, а выстроившаяся в ряд стая маленьких светлячков! Они летели очень быстро. В тот момент, как они зависли в удивительном светящемся шаре у меня строго над головой, я уже собралась бежать. Но светлячки мирно кружили вверху и никак не угрожали моему здоровью. Где-то минуту они водили завораживающий, волшебный хоровод над нашими головами. А потом, все в том же прекрасном танце стали спускаться вниз. Они мило жужжали и вибрировали, заставляя от восторга сжиматься сердце. Затем они в медленном и спокойном движении облепили меня со всех сторон с ног до головы так, что я стала похожа на праздничное дерево в новогоднюю ночь. И куда бы я не повела рукой или головой, они следовали за мной.

— Что бы это могло значить? — озадаченно протянул Зунг, рассматривая меня как музейный экспонат.

— Что это?

— Почему они сюда прилетели?

— Что им надо?

— А они живые?

И тут позади послышался шорох. Я резко обернулась. Там, громко упав на колени, припав до земли, белели спины зарнарян.

— Чего это они делают?

— Кланяются, что не видишь?

— Зачем?

— Что вы делаете? — возмутилась я и подбежала к ним. — Немедленно встаньте!

Голову поднял Хим Дан и произнес:

— Легенды гласят, что, когда Зарнар уходил в свой последний путь во Внешний мир, его сопровождали светящиеся маленькие огоньки.

— Прикольно.

— А зачем они ему?

— Что же тогда значат эти шутки?

— Никто не знает, что он с ними делал, — ответил зарнарянин. — Но он любил с ними ходить.

Я озадаченно усмехнулась и поднесла к глазам ладонь, где вибрировали два маленьких светящихся шарика. Ни ручек, ни ножек, ни глаз, ни головы. Только свет и все.

— Что вы от меня хотите? — все так же умиленно улыбаясь, спросила я их.

Тут же, словно отвечая на мой вопрос, они дружно оторвались от моих одеяний и соединились, образовав некий остроносый эллипсоид.

— Мне кажется, или они хотят нам что-то показать? — все так же потирая подбородок, протянул Зунг.

— Наверное, они нам что-то указывают.

— Нам надо идти за ними?

— Лана, ты слышишь что-нибудь?

— Нет, — качнула я головой, не отрывая взгляда от маленьких «пришельцев». — Но мне кажется, что нужно идти за ними.

— Тогда, почему мы еще стоим?

— Так мы же собирались отдохнуть...

— Ты видишь здесь кого-то желающего отдохнуть?

Боковым зрением я заметила, что все, кто еще несколько минут назад устало растянулся на траве, окружили меня, и взволнованно рассматривали «гостей». Даже Наран уверенно держался на ногах. И у меня в голове все прояснилось, только появились эти загадочные светлячки. Сон как рукой сняло. И пусть прошедший день был настолько насыщенный, что и шевелиться не хотелось, все же каждый был готов идти дальше.

Поэтому я больше не колебалась. Ведомая ясным желанием идти в указанном направлении, я шагнула в сторону светлячкового облака. Они сразу двинулись дальше.

— Точно! Они нам указывают путь!!!

— Идемте за ними!

Начав шагать вслед за этими дивными шариками, я уже ничего вокруг не слышала и не видела. Остальные вереницей потянулись вслед за мной. Ниясыти, очнувшись еще при первом звуке, лениво пошлепали в арьергарде. В отличие от людей, они сейчас не

испытывали бурного восторга от того, что кто-то прервал их сон.

Мы продвигались по светлым улицам на окраину города, вдаль от всех строений. Минув некогда прекрасный сквер, минут через десять ходу, мы пришли к очередному заброшенному ничем не примечательному зданию. Оно было некогда жилым и находилось вдали от главной дороги, так что свет от парящих фонарей сюда почти не доходил. Позади дома поднималась глинистая поросшая мелкой травой и кустарником крутая гора. По форме оно напоминало нагромождение шариков с чернеющими отверстиями. Главным входом служила арочная дверь из зеленого мрамора. Остановившись у входа, светлячки очертили его широким светящимся контуром. Теперь ее легко можно было рассмотреть. Справа от двери была черная панель размером с ладонь. Она едва виднелась меж свисавших со стен ветвей плетущегося растения, окутавшего почти весь дом.

— Наверное, это жилище Зарнара, — предположил кто-то.

— А зачем мы пришли именно сюда?

— Что мы забыли в этом черном дремучем лесу?

— Разуй глаза, это не лес, а сквер!

— Ага, пять тысяч лет назад это был сквер. А теперь это густой заросший лес с буреломом и хашами!

Все терялись в догадках, зачем светлячки привели нас именно сюда. А я никак не могла оторвать взгляд от черной панели. Вновь внутри возникло указывающее чувство. Однако я не решалась. Тогда один из светлячков, словно ощущая мою нерешительность, скользнул к этой панельки и круговым движением очертил его несколько раз.

— Думаю, оно говорит, что нужно приложить ладонь к той черной пластине, — предположил Зунг, стоящий сразу за Лахретом.

— Попробуй приложить туда ладонь, — согласился с ним муж и легко подтолкнул меня под локоть, после того, как сам проверил на безопасность сей объект.

Я послушно протянула руку и прижала ладонь к панели. Что-то за нею пискунло и вдоль нее пробежала горизонтальная светящаяся полоска, будто сканировала ладонь. Потом за нею что-то два раза пикнуло, и входная дверь затрещала, разгоняя многовековую грязь с поверхности. Через несколько секунд она двинулась в сторону.

— Надо же! Прямо как у нас!

— Я тоже себе недавно на дверях замок-сканер поставил!

— Круто!

— Ну что? Заходим внутрь?

Светлячки отделились от косяков дверей и скользнули в черноту образовавшейся щели. Когда они влетели вовнутрь, комната осветилась. Тогда мы вошли следом.

Здесь пахло сыростью, затхлостью и прелостью. Это действительно было жилищем. Заброшенным и захлавленным, покрытым многолетним слоем грязи, пыли и обрывками корней и листы растений. О том, что здесь когда-то жили, можно было догадаться по некоторым обломкам мебели, выглядывающим из хламных завалов. А в стене можно было различить даже камин!

— Ух ты! Как интересно!

— Это случайно не дом Зарнара?

— Наверное, здесь когда-то было уютно...

— Ой! Это случайно не остатки ковра? Интересно, какого он был раньше цвета?

— Какой корявый стол...

— А это, вероятно, когда-то было креслом...

Помещение было достаточно просторным, так что внутри могли поместиться почти все, кроме ниясытей, которые привычно остались снаружи.

Я остановилась у основания дугообразной лестницы, ведущей вверх, на второй этаж. О том, что это была лестница, можно было судить по некоторым фрагментам перил и ступенчатому подъему. Вверху темнела дверь — вход на следующий этаж. Смотрела вверх и думала, зачем же нас сюда привели эти светлячки? Пока что они только покрыли черный потолок и просто слабо освещали все помещение.

Неяркий свет ложился на разрушенные временем предметы интерьера и длинные тени падали на черноту замусоренного пола. Для меня это было какой-то древней заброшенной пещерой сказочного гнома со старинными стульями, креслами, торшерами, корзинами и сундуками. Фантазия бурно рисовала время, когда все еще здесь жил герн. Приходил уставший вечером домой. Зажигал одинокую свечу. Ставил ее на подставку у камина. Садился в уютное мягкое кресло. Брал в руки книгу и при мерном стуке настенных часов читал, пока не догорит свеча. Из камина доносился треск горящих дров, одаривая теплом уставшие конечности. Теплый, желтый свет из него освещал уютную комнату. А где-нибудь за креслом, свернувшись в клубочек в плетеной корзине, спало пушистое домашнее животное...

Конечно, это было не так. Ведь к тому времени, как Зарнар покинул город, его цивилизация достигла невероятных высот и какие могут быть тут свечи? Всё же я себе всё представляла именно так.

Представляя себе эту картину, я застыла у балясины лестницы и смотрела перед собой невидящими глазами. Остальные тем временем лазили по всей просторной комнате и изучали интерьер. Делились размышлениями и догадками. Я же уже ничего не слышала, отстранившись от окружения.

— Что теперь? — совсем рядом услышала голос мужа и вздрогнула.

Вскинула глаза и пожала плечами:

— Не знаю. Внутренний голос пока молчит. Может, я его плохо слушаю?

— Мне показалась, что сейчас ты именно его и слушала.

— Да? Нет. Я представляла себе время, когда здесь жил Зарнар.

— А ты уверена, что это именно его дом?

— Почему-то да.

— Ясно. Так у тебя нет догадок, почему мы здесь?

Я глубоко вздохнула, качнув отрицательно головой, и оглянулась.

— Может, здесь что-то находится, что необходимо для меня, но что?

Пожала плечами и тут же меня словно озарило. Камин! Что-то в нем не так! Тогда я двинулась в его сторону, сопровождаемая внимательным взглядом мужа. Камин, спустя десятки сотен лет должен был быть засоренным, но он зиял пустотой. До сих пор. Но почему?

Остановившись ровно перед чернотой топки, я потерялась в замешательстве. Тут же под боком возник любопытный Зунг и с горящими глазами спросил:

— Что? Заговорил внутренний голос? Что он тебе шепчет? Может, чем подсобить?

Однако я не ответила ему, словно оглохла. В ушах начало шуметь и громко тукать пульс. Меня охватило такое внутреннее волнение, что казалось сердце выпрыгнет из груди. И все же я продолжала стоять в ошеломлении перед камином и ловить странные образы,

возникающие в голове.

Вскоре за моей спиной собралась почти вся группа и начала с энтузиазмом рассматривать заинтересовавшую меня часть интерьера. У остальных уже давно сформировалась устойчивая привычка сразу же окутывать вниманием все, что хоть немного привлекло мое внимание.

В полусумраке комнаты зев камина казался пугающим и зловещим. Некогда декорированный п-образный портал давно обломился во многих местах, остался нетронутым временем только основной обод, сделанный из неизвестного мне гладкого камня. Что же в нем было не так?

Я стояла и смотрела. Через минуту безрезультатного стояния Наран, казавшийся самым свежим среди всех (фагот хорошо отдохнул благодаря паралитическому действию оружия зарнарян), склонился над топкой и заинтригованно хмыкнул.

— Что? — посунулся Зунг и положил руку на уцелевшую часть декора портала.

— Интересно, — протянул задумчиво фагот. — Из дымохода тянет сильным сквозняком.

— Что здесь интересного? Так и должно быть. Это же дымоход!

— Да. Но прошло уже несколько тысяч лет. Дом старый и засоренный. Дымоход по идее должен быть тоже засоренным...

— Почему должен быть? Может, его гении спроектировали. Герны вообще-то были очень способными инженерами, если ты не заметил.

— Ясное дело, но дом не спешит в первые ряды по гениальности инженерной мысли... Обычное простое жилище. Ничего сверхгениального. Даже весьма примитивно... — покачал головой Наран, продолжая рассматривать черноту топки.

— Значит, для Зарнара камин имел большое значение, — пожал плечами Зунг и выпрямился, заглянув мне в лицо. — Что думаешь, Лана?

Я бросила на него пустой взгляд, но ничего не ответила. Вместо этого шагнула ближе к portalу и положила ладонь на полку. В этот же миг светлячки, все это время висевшие под потолком, чтобы освещать темную комнату, ожили и тронулись с места. В процессе перемещения, они радостно защебетали, словно хотели подбодрить, что я двигаюсь в правильном направлении. Провожаемые любопытными взглядами, они собрались вместе в один шар и полетели к камину. Затем выстроились в ровную яркую линию точно над полкой и снова замерли. В комнате сразу стало темно, а над камином наоборот. Лица друзей осветились желтым светом светлячков, а позади осталась чернота комнаты.

— Мне кажется, они хотят сказать, что там за камином что-то есть, — вслух прокомментировал движения светящихся маленьких шариков библиотекарь. — Может, надо что-то здесь нажать или повернуть? — предположил он и начал носом водить возле серой пилястры камина.

Наран провел ладонью по карнизу, а Лахрет коснулся огневой коробки. Я продолжала стоять и смотреть на полку, словно там был ответ, который я никак не могла обнаружить из-за неясных образов в голове. Сердце продолжало взволнованно биться в груди, а в ушах пульсировать кровотоком. Изнутри волнами наплывали странные картинки, похожие на давно забытые воспоминания. Однако что-то вычленив из них толковое я никак не могла. От этого пробрало раздражением, и вспотели ладони.

Тем временем друзья усиленно обследовали каждый закоулок всех возможных выступов и обломов портала камина. Остальные, кто не мог поместиться возле него, молчаливо

стояли сзади и внимательно следили за каждым движением исследователей.

Я коснулась сознания Забавы, желая просить ее помощи. Каково было мое удивление, когда обнаружила сонный отзыв! Она спала! И Рогор тоже. Все ниясыти крепко заснули! Тогда я коснулась плеча мужа и сказала ему об этом. Он выровнялся. Нахмурил брови и кивнул, что точно все ниясыти спят.

— Странно, — вслух произнес он.

— Что странно? — выровнялся как болванчик Зунг, до этого сидевший у самого основания камина. — Ты что-то заметил?

— Нет. Ниясыти спят. Даже Рогор.

— Наш бдительный Рогор? — вскинул брови библиотекарь.

— Точно, — сидя на корточках у другого основания пилястры камина, кивнул Наран. — Натон тоже не отвечает. Спит.

— Что могло их всех усыпить? — Лахрет всем телом повернулся к распахнутому выходу.

Там, на фоне чернеющих ветвей прилегающего сада лежало шесть спящих свернувшихся клубочков ниясытей. Их глянцева шкура ярко блестела в свете лун Заруны, а бока мерно вздымались в ровном дыхании.

— Я знаю только одну причину, что могла усыпить так скоро ниясыть, — свел брови Лахрет.

— Что?

— Техлону Алибистос.

— Чего?

— Это редчайший цветок, растущий в горах Нодсронского побережья. Когда он цветет, источает сильнейший аромат, который усыпляет ниясытей.

— Но я, кроме плесени и гнили, ничего больше не обоняю! — развел руками Зунг.

Остальные тоже оглянулись к выходу.

— Это тоже странно, — лоб Лахрета прорезала задумчивая морщина.

— С ними же все в порядке?

— Да. Они просто спят...

— Я пойду проверю, — вдруг ожил Мэнона, который все это время постоянно нервничал и с опаской оглядывался по сторонам, будто повсюду на него мог кто-то напасть.

Когда я спрашивала гадака о мыслях, он сказал, что сильно боится и не знает, почему. Рядом с ниясытями он чувствовал себя комфортнее всего. Мне даже смешно стало. Тарак! И прячется за ниясытями — природными врагами. Вот, что значит проведенные рядом с ними годы. Даже кот с собакой могут быть преданными друзьями.

— Хорошо, — кивнула я. — Заодно поправь перевязь Забавы, ладно?

— Да-да, конечно, — раскланялся гадак и поспешил на улицу, нервно оглядываясь на устрашающие силуэты мебели, будто оттуда мог кто-то выскочить и схватить его.

Я провела его задумчивым взглядом, и, в тот момент, когда за косяком скрылся черный силуэт хвостатого существа, в голове яркой вспышкой возникла четкая как день картинка.

Это был герн, что я видела в Зарнаре на голограмме Памяти. Он возник в проеме входа. Над ним роилась уже знакомая стая светлячков и издавала радостное щебетание. Герн прошел, не спеша, по комнате, заложив одну руку за спину. Во второй он что-то нес, похожее на тонкую коробку. Положил предмет на столик. Оглянулся на выход. Махнул рукой, и дверь сама затворилась. Затем он повернулся к камину, подошел к нему и коснулся

середины полки. Надавил на нее и та часть, что находилась у него под ладонью, провалилась, как клавиша на пианино. Затем внутри что-то едва слышно заклацало, и полка камина вместе с прилегающей к ней стеной поднялась вверх до самого потолка, отворив вход в туннель. Он еще раз оглянулся к выходу, словно проверив, никто ли за ним не следит, и вошел вовнутрь. Затем видение как появилось, так же быстро и исчезло.

Все это время я с расширенными невидящими глазами, распахнув рот, следила за перемещениями гадака от входа до камина.

— Лана, что с тобой? Тебе плохо? — Лахрет обхватил меня за плечи. — Ты побледнела как снег.

Я слышала, как с хрипом из горла вырвалось мое дыхание, чувствовала как дрожали руки. Сколько еще мне находить повод для страха? Когда же это закончится?

— Я... Я... — засипел мой голос. — Вы это тоже видели?

— Что видели?

— Герна, что только что вошел?

— Нет. Мы ничего не видели. Ты что-то видела?

— Да. Я видела герна. Он вошел сюда в дверь... Это было так реально! Он был как живой! Вы точно ничего не видели??? — я повернула к выходу взволнованный взгляд и прижалась к груди мужа. — Что это было?

— Видение, — неожиданно ответил Хим Дан, стоявший дальше всех от меня и наблюдавший за происходящими со стороны, как, впрочем, и его спутники.

— Видение?

— Да. Такое бывает у некоторых из зарнарян. Ученые говорят, что это связано с последствиями вмешательства гернов в наши гены. Люди словно видят прошлое. Когда-то герны в ходе своих экспериментов, перед тем как использовать наш генетический материал, чтобы создать гибриды, вводили людям какие-то препараты, которые сближали их генотип с гернским. Потом это отразилось на многих по-разному. Одни видят прошлое. Другие — способности силы или телекинеза. Разве во Внешнем Мире не так?

— Нет, не так... — это ответил Лахрет, крепко прижимая меня к груди.

— Вероятно, — продолжил размышлять Хим Дан, шагнув ко мне поближе, — когда Лана получила ключ, чтобы пересекать границу, ей было внесено в ДНК небольшое изменение. Это позволило ей беспрепятственно проходить через все защитные барьеры гернов. Я думаю, Зарнар оставил именно свою генетическую особенность, чтобы открыть его секреты. Так что Лана видела прошлое, когда Зарнар был еще жив и жил в этом доме. А эти светящиеся шарики привели нас именно к нему домой.

— Логично, — кивнул Лахрет и заглянул мне в лицо. — Что делал этот герн в твоём видении?

— Он вошел в дом, закрыл за собой дверь и подошел к камину... потом он... он открыл вход в туннель через него...

— Как он это сделал?

Вместо ответа я шагнула к камину, протянула руку к тому месту, куда положил ладонь Зарнар, и так же надавила. Как и в видении, послышалось негромкое клацание, раздался неприятный визг несмазанных колес, и механизм поднятия тайной двери пришел в действие. Полка вместе со стеной начала медленно подниматься вверх. Туго, со страшным треском и визгом, она дошла до потолка и застыла. Потом задняя стена камина, покрытая многолетним слоем сажи, грязи и какой-то непонятной нарости, тихо отошла в сторону, открыв

чернеющий проход куда-то вниз.

Неожиданно светлячки, все это время парящие над камином, защебетали, как в видении, и поспешили вниз, осветив длинную узкую лестницу так, чтобы мы могли свободно спуститься.

— Я думаю, нам туда, — заглядывая внутрь, протянул Наран.

— Я с тобой согласен, — кивнул Зунг, но, как и фагот, не двинулся с места.

— Кто первый? — подал сбоку голос Март, нерешительно чухая затылок.

Не дожидаясь энтузиастов, первым в туннель, ведущий куда-то вниз, шагнул Лахрет.

— Кто бы сомневался, — буркнул себе под нос Март, провожая ятгора все тем же нерешительным взглядом.

Когда он ступил на первую ступеньку, ничего не произошло. Путь был безопасным. Мало того сама лестница, в отличие от комнаты, не имела вид ветхости и разрухи. И еще, как только нога Лахрета ступила на лестницу, потолок прохода начал медленно набирать свет. Тогда светлячки, будто его почувствовав, закружились в радостном хороводе и поспешили вниз.

— Путь безопасен, — оглядываясь назад, произнес Лахрет и поманил всех за ним. — Думаю, ловушек быть не должно.

Я, оттолкнув было решившего идти вслед за Лахретом капитана, поспешила первой.

— Подожди! — почти крикнула я ему. — Почему ты так уверен, что ловушек не может быть?

— А зачем? Если бы остальные герны узнали о существовании лаборатории, они бы легко их преодолели. Они — не люди. Ума у них побольше будет.

Хотя мне слова мужа показались логичными, я все-таки опасливо оглядывалась на идеально отполированные каменные стены. Они контрастом смотрелись на фоне очень простого жилища Зарнара. Они были настолько гладкими и чистыми, что никак не вписывались в древний интерьер дома герна. Казалось, будто кто-то тщательно следил за тем, чтобы эта гладь и глянец сохранялись всегда, до скончания века. Не поверив глазам, я протянула руку и коснулась стены. Гладкая и холодная. Но ни привычного гула, ни вибрации не последовало. Простая стена и более ничего.

Продолжая пальцами скользить по стене, я поспешила за Лахретом. Другие неспешно последовали за нами.

Извилистая дорога вниз, длившаяся около пяти минут, действительно, оказалась спокойной и безопасной. Вскоре мы оказались перед тупиком на небольшой пятигранной освещенной площадке. Свет, как и в коридоре, лился сплошным потоком из потолка. Какого-то определенного оформленного источника света не было, будто белый потолок и был светильником. Причем, как только последний человек уходил с определенного участка, за ним сразу свет гас. Коридор словно чувствовал наше присутствие и реагировал на движения. Выходило так, что свет был только на том участке, где были люди. Только мы покидали отрезок лестницы, потолок темнел.

— И что дальше? — поинтересовался у меня Наран, глядя на все те же серые отполированные стены тупика. — Ты больше не видела видения?

— Нет, — качнула я головой, но мне уже и не нужно было никакого видения.

Пока мы спускались, внутри возникло твердое ощущение, что я здесь уже когда-то была. Подойдя к противоположной от лестницы грани стены, я положила на нее ладонь и сосредоточилась на мысли о том, что хочу войти. Стена, как и у скалы у второй печати,

заволновалась и медленно растворилась, открывая вход в огромное помещение.

— Ясно, почему в этом месте нет ловушек. Вход здесь только по пропускам, — негромко прокомментировал Март за спиной.

Помещение, в которое мы попали, оказалось огромной лабораторией. Оно имело форму восьмигранника. У каждой грани по периметру стояла масса аппаратного оснащения, шкафы с медицинскими препаратами и медоборудованием. А одна стена была полностью пустой и отличалась особо глянцевою поверхностью и светлым тоном. Посредине помещения стояла большая горизонтальная капсула с прозрачной дугообразной крышкой.

В то время как многие разбрелись вдоль периметра, я напрямик направилась к ней. Внутри родилось устойчивое чувство, что она — и есть цель нашего путешествия. Она настойчиво манила меня и овладела всем вниманием. Все остальное было лишь бесполезным хламом. Только эта капсула имела для меня значение. Только она стояла в голове и манила. И чем ближе я подходила, тем сильнее было это чувство. Лахрет и Наран последовали за мной.

Когда я подошла, остолбенела.

Ещё у порога лаборатории я снова видела образ незнакомой женщины. Короткий, яркий и размытый. А теперь...

Там, на мягкой нежно-кремовой поверхности лежала женщина! Прекрасная как само небо, женщина. Та самая, что мерещилась все это время по пути. Но больше всего меня поразило другое. От потрясения я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Лахрет и Наран подошли ближе и слегка склонились над камерой. Фагот присвистнул от удивления:

— Невероятно!

— Как такое может быть? — лицо Лахрета искренне вытянулось в изумлении, а ладонь легла на стекло на уровне лица женщины. — Как же она похожа...

— Где?! Что? — тут же у центрального объекта очутился вездесущий библиотекарь. — Ого! Вылитая Лана!

Действительно, черты девушки очень сильно напоминали мои собственные. Вскоре возле камеры собралась вся группа.

— Кто это?

— А почему она так похожа на Лану?

— Разве такое может быть???

— Что это за женщина?

— Почему она спит?

— Она живая?

— Невероятно! Даже жутко как-то...

Некоторые начали оглядываться на меня, желая сравнить и убедиться, что им это не мерещится. А я тем временем медленно поднесла ладони к лицу и коснулась лба, носа, щек.

— Зачем мы здесь? Где подсказки?

— А тут нет никаких охранников? Мы сможем отсюда выйти?

Отойдя от первого потрясения, я шелохнулась и протянула руку к остову камеры. И только я коснулась его, раздался короткий шепот, и тут же рядом у изголовья возникла голограмма герна.

— Ааа! — подпрыгнул на месте стоявший рядом Зунг и поджал ногу к животу в защитном рефлексе, а руками прикрыл рот.

— Твою... — взмахнул рукой капитан и шарахнулся в сторону. — Нечисть какая! Так и

обделаться можно!

Другие тоже воскликнули от неожиданности. Кто отпрыгнул, кто отшагнул в сторону. Лахрет механически загреб меня за спину и отступил от голограммы назад.

— Приветствую тебя, Ищущая Правду, — не замечая произведенного эффекта, произнесла уже знакомая голограмма Зарнара.

Да-да, это был именно он. Я узнала его сразу, и что самое поразительное, я меньше всего испугалась его явлению. Поэтому выскользнула из-за спины мужа и шагнула навстречу голограмме. Он смотрел ровно на меня.

— Позволь выразить удивление, что ты довольно быстро прибыла сюда после того, как преодолела первый Рубеж защитного поля земель Градасса. Не думал, что так скоро пребудешь к месту назначения. Это значит, что ты можешь прислушиваться к внутреннему голосу. Прости, что мне пришлось вмешаться в твой генном, однако по-другому бы ты не прошла. Наши барьеры очень сильны и могут пропускать только гернов. Нет-нет, ты не станешь герном... но теперь у тебя есть участок в ДНК, который необходим для запуска всех устройств, созданных моей расой. Это никак не отразится на твоих физических и биологических процессах. Спасибо, что решилась на такой смелый шаг и пришла в мой дом, чтобы завершить дело всей моей жизни. Ты уже должна была познакомиться с моими электронными уменьшенными копиями, которые привели тебя сюда. Я основная версия искусственного интеллекта, созданная Зарнаром, чтобы ввести тебя в курс дела и завершить начатое. Думаю, вначале я пока должен ответить на все твои вопросы, а потом говорить то, что ты должна знать. Спрашивай.

Сразу со всех сторон посыпался миллион вопросов. В лаборатории поднялся такой балаган, что в ушах зазвенело. Кто что спрашивал: начиная от ловушек на пути, и заканчивая оружием, что уничтожит тараков. Голограмма лишь обводила присутствующих безмятежным взглядом и молчала. И я молчала, да Лахрет с Нараном и некоторыми девушками. У меня всегда так. Только говорят слово «спрашивай» или «говори» начинается полное оупение.

Тогда Лахрет тронул меня под локоть и вскинул руку в жесте призыва к молчанию. Все сразу смолкли.

— Лана, он будет отвечать только на твои вопросы, — сказал он.

— А что мне у него спросить?

— Думаю, правильно будет спросить о цели нашего прихода.

— Об оружии против тараков?

— Да, — кивнул Лахрет и посмотрел на мерцающее полупрозрачное изображение герна.

Тот, услышав мой вопрос, видимо отнес к себе, и сразу ответил:

— Оно перед вами, — он жестом указал на спящую в камере женщину.

— Это и есть оружие??? — мне показалось, что этот вопрос все произнесли хором.

— Да, — коротко ответил герн.

— Кто это?

— Я назвал его «возобновляющийся». Разрабатываемое наноразмерное устройство, способное собирать из отдельных атомов или молекул сколько надо сложные конструкции по вводимому в него плану. На разработку программы для его создания я рассчитал, что нужно потратить все программные ресурсы этой лаборатории. Потом на его образование потребовалось энергии столько, сколько мог накопить генератор лаборатории из источника

защитного поля около ста лет так, чтобы не вызывать вопросов у моих сородичей.

Возобновляющиеся? Я когда-то слышала это лет пять назад... что это было? А! в каком-то фантастическом фильме на Земле! По-другому их называли репликаторами. Но вслух эту мысль я не озвучила. А Зарнар продолжил:

— Я думаю, мне стоит сперва объяснить историю возникновения идеи, принцип и условия работы данного устройства, — он качнул головой в сторону женщины. — История довольно увлекательная.

Герн очень естественно хмыкнул, повел подбородком и нахмурил чешуйчатые брови. Ну, точно, как живой! Потом продолжил:

— В тот день, когда стало ясно, что наши дети... я имею в виду генетический гибрид Т-975 аналог прототипов АР-584 и АК-5, который мы сокращенно называли ТАРАК, начал подавать признаки агрессии, я понял, что мы создали чудовище, которое сможет нас истребить. Я, как член инженерной исследовательской группы, настаивал на том, чтобы уничтожить этот образец. Но меня не послушали, посчитав эту «деталь» незначительным минусом, с которым герны в состоянии справиться. Я думаю, причина была в том, что многие устали экспериментировать и ждали результатов. Первые пробы постоянно оканчивались провалами, а этот образец был не только жизнеспособен, но также мог самовоспроизводиться и развиваться. Многие торжествовали. Вскоре группа специалистов усиленно занялась «усовершенствованием» образца и внесением небольших поправок в его генотип. А потом запуск на полномасштабное воспроизводство. Из капсул Центрального Исследовательского Института генетической практики появилось на свет десять единиц «Потомков». Так мы их называли. Две матки и восемь трутней. Поселили в Специальный Воспитательный центр и начали пристальные наблюдения. Образцы подрастали и вели себя вполне адекватно. Матки проявляли особую сообразительность и смышленость. И уже через пять лет казались полноценными личностями. Еще через пять лет матки вступили в свой первый репродуктивный цикл, спарившись с трутнями, и отложили первые свои яйца. Кстати, хочу отметить, что они начали друг к другу проявлять странные агрессивные действия. И несколько раз даже дрались друг с дружкой, словно выясняя лидерство, так что пришлось их разделить.

Зарнар горестно вздохнул и продолжил:

— К сожалению, первый их помет оказался почти на девяносто процентов стерильным. Лишь десятая часть малышей проклюнулась на свет, и удивила нас не только внешним видом, но и слишком агрессивным поведением. Практически неуправляемым поведением. Их могли контролировать только матки. Это меня испугало не на шутку, и тогда еще больше утвердился в том, что мы создали чудовищ, которые со временем нас погубят. Тогда я начал втайне ото всех работать над оружием, способным уничтожить гибридов. А остальные тем временем, вместо того, чтобы их истребить, занялись вопросом контроля Потомков. Через время узнали о моей работе. Тогда Главный Совет вынес мне порицание и приказал прекратить работу. Я сделал вид, что согласился, а втайне создал эту лабораторию. Мне помогали друзья и соратники Партор и Гариратар. Первым я спроектировал СМУБАП — самоуправляемый беспилотный аппарат, — голограмма герна шагнула к чистой стене, где ничего не было, и махнула рукой.

Стена вспыхнула и на весь свой размер показала изображение летательных аппаратов, которые мы имели честь повстречать перед входом в город, и которых я наименовала дронами. Причем на экране был показан внешний вид, а также рядом его внутренняя схема,

цифровые данные и чертежи. Все в помещении переглянулись и опять посмотрели на огромный монитор лаборатории. Зарнар стоял перед ней и задумчиво глядел на изображение. Мне показалось, или у него на лице мелькнула грусть? Потом он вновь продолжил:

— Помню тот день, когда Совет попросил воспользоваться изобретенным мною оружием. Тогда был запланирован очередной сеанс трансляции телеметрии с новооткрытой планеты через Червоточину — Портала в другие миры. Случилось непредвиденное. С другой стороны кто-то зафиксировал его, и в наш мир ворвалась неизвестная нам инопланетная агрессивная форма жизни, — голограмма снова махнула рукой и на экране задвигалась запись.

И я пораженно уронила челюсть, так как увидела именно то видение, что еще вечером показала Забава на склоне горы. Два обелиска со светящимися шарами над ними, волнующийся воздух, вращающийся по спирали, и оттуда вылетали ниясыти один за другим. Вылетали и приходили в неопишную истерию. Они не понимали, что происходит. А внизу стояли странные существа, похожие на бежевых ящеров, которые смотрели на них с перепуганными лицами. Тогда, виня в непредвиденном, ниясыти, решив, что защищаются, начали нападать на гернов.

— Я запустил первую серию СМУБАПов и они легко атаковали эту форму жизни, — продолжал тем временем повествование Зарнар. — И хоть некоторые сумели сбежать, сумев создать самостоятельно портал, многих мы лишили жизни. Вскоре Портал удалось закрыть и больше мы не рисковали его открывать. Да и не до этого было. На тот момент в Воспитательных Центрах было около пятисот особей ТАРАКОВ. Тогда все и началось. Они подняли мятеж. Не буду описывать, как это происходило. Скажу лишь одно — они истребили почти всех гернов, оставшихся после вынесенного нам Создателем Приговора. Нас осталось около сотни. Благодаря созданному мною оружию, после пролития рек крови и безумия хаоса, мы прогнали таракон со своей территории. Потом мы создали и запустили защитное поле вокруг гор, где мы обитали, чтобы оградить свои последние дни от насилия. Я же понимал, что поле — лишь видимая защита и только для гернов. А люди, что попали во Внешние Земли, обречены на гибель или жизнь на выживание. Тогда я начал работу над планом спасения невинного человечества. Ведь мы были виновниками их беды, забрав их из родного мира. Оружие, которое прогнало таракон из города, имело один большой недостаток — малый объем аккумуляторов. Им необходима была постоянная подзарядка. Поэтому далеко от города они не могли улетать. И были защитой только для города. Необходимо было что-то универсальное и грандиозное, однако управляемое и надежное, чтобы не повторить нашей главной ошибки — восстания творения.

— Работа над новым прототипом усложнялась тем, — говорил Зарнар, — что я основал поселок, где жили спасенные мною и оставшиеся в горах Градасса люди. Когда-то они были исключены из программы "Потомок" еще в начале проекта из-за дефективности генома после влияния некоторых экспериментальных препаратов. Мне пришлось вытягивать их с того света. Там, в поселке, и родилась идея Пути человека из Внешнего Мира сюда, в Ахель-Итар. Спасибо преданной работе Партора и Гариратара. Они успели помочь мне с аппаратным обеспечением этой лаборатории прежде, чем покинули мир живых. Я кремировал их и запустил алгоритм программы. Также разработал условия использования Возобновляющегося андроида и внес главные директивы и протоколы передачи данных в центральную программу нанитов. Потом я планировал уйти во Внешний Мир. Если вы здесь

значит, мне удалось это сделать прежде, чем и я покинул мир живых. Теперь, Избранная, все в твоих руках. Ты должна справиться с возложенной на тебя задачей.

Так легко все и просто звучало в его устах. Так понятно. Все же что-то заставляло меня волноваться не на шутку. И тут я поняла, почему. Мэнона! А что будет с ним, если я запущу эту машину убийства? И вообще, как ею пользоваться, если я с трудом свои мысли контролирую, а если руководить мегасложной машиной? Как? Я не могу взять на себя такую ответственность! Я не справлюсь! Это замешательство ясно выразилось на моем лице.

Тем временем, когда Зарнар смолк, Йен отделился от основной массы зрителей и подошел к экрану. Его не на шутку заинтересовал первый защитный проект гадака. Этот маленький беспилотник, или как я его назвала, дрон, имел примитивный вид, но от увиденной на экране записи сражения, воображение дрогнуло. Если этот механизм свободно проникал за защитное биополе ниясытей, то, что тогда оно может сделать с тараканами? От такого роя сложно защищаться излюбленным оружием ближнего боя тараканов. Другими словами — это смерть для них. Эта мысль захватила умы пришедших. А если подумать, на что способна эта особа, что лежала в капсуле, учитывая возможности ее предшественников... Уму непостижимо.

В то время как другие шепотом обсуждали нашу находку, я все больше и больше приходила в смятение. Потом подняла глаза на голограмму и спросила вопрос, который, уверена, беспокоил каждого:

— Как это оружие действует?

— Принцип ее работы заключается в обнаружении врага и его полном обезвреживании.

— Как?

— Андроид способен расчленяться на множество частей, и проникать в предметы на наноскопическом уровне. Наниты могут воздействовать на ДНК живых организмов и влиять на их работу, как положительную, так и отрицательную. Другими словами, они разрывают объект на мельчайшие частицы, либо полностью изменяют его функции.

Здесь я поняла, насколько страшное и мощное оружие создал герн. Понятно, почему он переживал, чтобы оно не попало в злые руки. Потом я спросила:

— Как им управлять?

Изображение герна дрогнуло, и одобритительно кивнуло:

— Это самая важная часть. Чтобы обезопасить мир от непоправимого вреда влияния одной личности, я внес важные условия в его работу. Им могут управлять только два ума, действующие в полном согласии. Если же между ними будет хоть в чем-то мысленное расхождение, андроид перестает работать, входя в статическое состояние. В остальном процесс управления происходит в таком же порядке, что и все технологии гернов — мысленном, иногда — в жестовом. Система способна обучаться и прогрессировать в отдельных моментах, приспосабливаясь к обстоятельствам. Однако обучение ограничено главными директивами. Одна из них — беспричинное истребление. Основан он на мыслительных процессах живого организма. Если он излучает злобу и агрессию, это повод к решительным действиям. Важной задачей андроида является также защита его Управляющих, — голограмма вновь мигнула, и Зарнар шевельнулся так, будто вспомнил что-то важное. — Хочу отметить еще один важный момент, который не связан с управлением андроида. Так как эта система создавалась в основном для уничтожения тараканов, как расы, не имеющей вообще права существовать на Заруне, хочу отметить один протокол, который я внес в ее функции.

Герн повернулся к экрану и вызвал на него другое изображение, заставив Йена разочарованно выдохнуть. Но я от новой картинки потрясенно вытянула лицо. На меня с экрана смотрел гадак! Такой же невысокий и сутуловатый, как Мэнона, и с такими же добрыми и спокойными глазами.

— Его звали Этона. Он был одним из первых, кто вылутился из яиц самого первого помета маток в самом начале эксперимента ТАРАК. В лаборатории после длительных наблюдений, его выбраковали по многим критериям. Он был физически слабым, его ментальные способности были на весьма низком уровне и он не мог производить потомства. Но у него был один невероятный плюс: просто феноменальная память и талант к математике. В то время как другие его забраковали, я решил, что именно эта черта важна в моих разработках, поэтому настоял на том, чтобы забрать его к себе в лабораторию. После долгих споров, мне уступили. Я был весьма рад, так как Этона мог решать такие задачи за считанные минуты, которые я высчитывал месяцами. Это ускорило мою работу над СМУБАПами. Однако не его невероятные возможности мозга в нем меня больше всего покорили.

Зарнар сделал паузу, продолжая рассматривать изображение гадака на экране, а его глаза выразили самую что ни на есть живую грусть. Потом выдохнул и продолжил:

— Меня покорила его человечность! Да-да, именно человечность. Игра генов обделила его не только физическими данными, но и главным недостатком таракков — агрессивностью. Этона был настолько душевным, преданным, покорным и человеколюбивым, что даже люди ему в этом уступали. Именно этот факт больше всего пугал меня, когда я решил разрабатывать новый проект. Ведь под угрозой истребления попадали и такие особи, как Этона. Я долго не мог решиться, но побудил меня к дальнейшей работе именно Этона. Он заверил меня, что лучше бы ему было не появляться на свет, чем жить и осознавать, что он — ущербный, и что, вообще, не должен был никогда вдыхать воздух Заруны. Его самопожертвование и понимание настолько тронули мое сердце, что я решил создать один важный обходной путь для Истребителя. Этот протокол защищает подобных особей, как личностей. Он запрещает истреблять таких, как Этона, так как дефективные, как их называли в лаборатории, не способны выражать агрессию во всех ее проявлениях. А поскольку они не могут производить потомство, их существование единичное и невозполнимое. Если они уйдут из мира живых, потомков они не оставят после себя. Так я думал. А после того, как Этона погиб во время Восстания таракков, защищая меня, я утвердился в том, что их нельзя просто так истреблять. Его смерть очень подкосила меня, и, как оказалась, была невозполнимой потерей. Это навсегда осталось моей болью и слабостью... — Зарнар смолк, словно этой паузой хотел выразить всю боль утраты, оставленной после гибели гадака.

Даже то, что это всего лишь электронная копия когда-то жившего герна, голограмма смогла выразить всю гамму чувств, испытываемых им. И я прекрасно понимала это, вспоминая Мэнону, что так преданно и неизменно следовал за мной, куда бы я ни пошла. Разве может это существо причинить кому-либо вред? До сих пор он даже мухи не обидел. Мало того, его гениальные способности принесли столько пользы обществу, что и не перечислить.

— Что же тогда? Они будут жить, пока природный цикл их не подойдет к концу? — произнес Наран.

Хоть голограмма не ответила на его вопрос, все понимали, что так и есть.

Лахрет коснулся моего плеча и сказал:

— Спроси у него, как активировать андроида?

Я спросила. Тогда Зарнар подошел к капсуле, где лежала женщина, и провел рукой над консолью управления у изголовья. Из нее выдвинулись две квадратные панельки, сверху которых выделялось нечто, похожее на силиконовые подушечки.

— Вам нужно определить второго кандидата, который вместе с вами будет управлять андроидом. Затем вместе положить ладони на ридеры. Они считают вашу генетическую информацию и соединят ее с основной системой андроида. Затем все элементарно и не требует дополнительных усилий. Совместные мысленные указания — и андроид будет послушно выполнять команды. Совместных указаний нет — он находится в спокойном состоянии. В отношении подзарядки — оно не требуется, так как подключена ротационная система самовозмещения энергии. Наниты черпают его из вакуума. На создание этого процесса ушло масса времени и энергозатрат. Но результат того стоит.

Зарнар нахмурил брови так реалистично, что у меня создалось ощущение, что с нами на самом деле разговаривает не искусственный интеллект, а живое существо. Он повернулся к экрану, будто смотрел на изображение Этона, и произнес, словно что-то снова вспомнил:

— И еще... предполагая, что система андроид может адаптироваться к новым обстоятельствам и изменениям окружающего мира, я продумал один важный для меня нюанс: спасение дефективных тараков. Я имею в виду возможность им выбирать, быть уничтоженными с истребляемой расой или стать... — он снова сделал паузу и посмотрел мне в глаза, — стать человеком.

— Как? — удивленно вскинула я брови.

— При помощи этой камеры, — тот головой указал на капсулу, где лежала женщина-андроид. — В нее внесены некоторые медицинские параметры, так что она может служить не только как камера создания нанитов, но и реанимационная капсула. Благодаря нанитам, способным проникать в самую клетку, возможен процесс воссоздания и изменения ДНК. Другими словами, наниты, имея заданную программу, могут вычленив из ядра клетки основные человеческие гены и восполнить недостающие, удалив гернские, словно бы очищая ее от смещения. Но это я оставил на желание самого дефективного. Захочет ли он стать человеком или нет — его личное решение и право, как личности. О последствиях очеловечивания я не знаю, так как эта программа экспериментальная, — пожал он плечами и снова повернул голову к изображению первого гадака на Заруне. Потом, голограмма печально вздохнула: — Как часто я думал о том, что было бы, если бы Этона дожил до того дня, когда я запустил в работу камеру. Кто знает, может, став человеком, он не страдал так от чувства собственной ущербности. Он никогда не говорил об этом, но я видел, как ему было тяжело.

Затем, повернув снова в мою сторону голову, Зарнар жестом указал на выдвинутые панельки, молчаливо призывая к действию. Я вздрогнула и оглянулась на мужа. Никто из здесь присутствующих не сомневался, что вторым для контроля андроида должен быть именно Лахрет. Даже он сам. Поэтому, в напряженной тишине мы встали у консоли управления камерой и одновременно положили ладони на силиконовые подушечки ридеров. Для меня никаких новых ощущений не последовало, а вот щека Лахрета едва заметно дернулась.

— Дождитесь сигнала, — следя за нашими движениями, продолжил руководить Зарнар.

Через полминуты в камере за панелью управления что-то тихо пискнуло, и ридеры

вернулись внутрь консоли. Загорелись на мгновение приборы и сразу потухли. С шипением поднялась прозрачная крышка камеры. Женщина открыла глаза и села.

— Я создал ее женского пола, так как тараканы всегда питали слабость к женщинам людей. Не знаю, почему, — продолжил объяснять герн. — Тараканы реже убивают женщин, чем мужчин. Эта система создана так, как реальная личность, и будет функционировать так же, как и все люди. Конечно, она не будет нуждаться в воздухе и пище, но во всем остальном она не будет отличаться от людей. Так что принимайте в свои ряды нового члена, господина.

Женщина оглянулась на окруживших ее людей и приветливо улыбнулась:

— Здравствуйте! Я система Н-721-ТРО. Рада приветствовать вас и готова к выполнению поставленной задачи. Жду дальнейших указаний.

Мы переглянулись с Лахретом и снова посмотрели на женщину. Заговорил Лахрет:

— Пока сопровождай нас. При достижении цели, мы дадим тебе необходимые указания.

— Слушаюсь, — снова мило улыбнулась она и выбралась из камеры, которая сразу же закрылась вслед за ней.

— А как ее зовут? — заинтересованно разглядывая так похожую на меня темноволосую женщину, спросил Март, предполагая, что общаться она будет, как и герн, только со мной и Лахретом.

На удивление, заговорила она сама:

— Меня зовут Н-721-ТРО, но если вы присвоите мне другое наименование, я буду откликаться и на него.

— Прикольно, — почесал затылок Март. — Я буду звать тебя Найтро, ты не против?

— Хорошо, — она согласно кивнула.

Воцарилась тишина. Каждый думал о своем, но в целом, об одном и том же. Девушка заинтересованно оглядывала присутствующих и мило улыбалась. Я задумалась над будущим. Лахрет хмурил брови, и я чувствовала, что его мысли тоже были впереди нынешнего времени.

Но вот тишину прервал Наран:

— Что дальше будем делать? Если продолжать по заданной еще в начале схеме наших действий, мы должны вернуться в Ир и на границу Иридании, чтобы использовать по назначению... эээ... Найтро.

Март при упоминании нового имени, которое выпала ему честь придумать, самодовольно растянул губы чуть ли не до ушей.

Лахрет кивнул головой на слова друга и оглянулся к экрану, откуда все еще смотрел на нас Этона.

— Ты прав, но здесь работа тоже не закончена.

— Надо выдвигаться в обратный путь как можно скорее. В Ире идет война, и продолжают гибнуть люди, — нахмурился фагот. — Мы должны вмешаться и остановить наступление тараканов. У нас теперь есть действенное оружие! Ты же помнишь, сколько времени мы потратили на поход сюда? Нельзя медлить ни минуты!

— Я знаю... — недовольно поджал губы Лахрет. — Но действия без плана — могут привести к непоправимым последствиям. Нужно все продумать и...

— По пути продумаем! — с горячностью перебил друга Наран.

— А что, если нам в процессе понадобится помощь Зарнара? Придется возвращаться?

Фагот хмуро осекся и повернул лицо к мерцающему изображению герна. Тот, очень реалистично заложил руки за спину, и следил за участниками спора. У меня еще возникла

мысль, что он все-таки слышит остальных, но почему тогда он игнорировал их вопросы?

— Я думаю, — устало потерев глаза, произнесла я, — что сейчас самое лучшее, что мы можем сделать, это выспаться... — и в продолжение зевнула.

Лахрет глянул на меня и кивнул:

— Ты устала? — обнял за плечи. — Думаю, у нас действительно, был очень насыщенный и непростой день.

Вдруг, я почувствовала, с какой мощной тяжестью рухнула на меня усталость. Теперь, когда мы достигли цели своих поисков, хотелось пока только одного — хорошо выспаться. Лахрет обвел взглядом утомленные, хоть и оживленные лица друзей, и произнес:

— Думаю, сейчас, в самом деле, главное, что нам нужно сделать — это отдохнуть. Обо всем остальном будем думать утром. Поэтому сейчас поднимемся наверх, к ниясытям и там отдохнем.

Все дружно закивали и повернулись к выходу. На пороге, уходя одной из последних, я оглянулась на стоящую возле камеры голограмму. Зарнар все так же смотрел на меня и тепло улыбался. Мне даже показалось, что на лице его было облегчение. Будто голограмма понимала, что долгий его путь, наконец, пришел к своему завершению.

Часть 8. Миссия Найтро

Часть 9. Миссия Найтро (Конец)

Правду говорят, что утро вечера мудренее. После здорового и полноценного сна в голову приходят блестящие и важные решения. Так, главный «совет» нашей экспедиции, состоящий из Лахрета, Нарана, капитана Виктора, Зунга и меня (как бы я не отмахивалась) составил целый список вопросов Зарнару.

Так, мы хотели узнать, существует ли другой и быстрый способ покинуть Ахель-Итар? Можно ли с собой захватить дроны города? Йену хотелось использовать это оружие против тараков, хотя Лахрет считал, что в этом нет необходимости, так как у нас есть Найтро. Но в список этот вопрос все-таки внесли. Потом нам было интересно узнать, можно ли использовать поле гор Градасса для защиты целого континента, а не только гор? Хотелось так же узнать о слабых местах тараков и как лучше всего использовать Найтро? Ведь она одна, а тараков много. Марка беспокоил вопрос о работе над антивирусом, которую он и Мэнона оставили из-за того, что вышли из строя все комы катера, на котором мы прибыли. Поэтому он хотел спросить у Зарнара, нельзя бы как-то нивелировать действие поля гернов? Или же есть возможность работать на главном сервере лаборатории Зарнара. Он верил, что работа над антивирусом всё же очень важна, так как нет гарантии, что Найтро уничтожит всех тараков. А защита от них необходима.

Вопросы возникали и по-поводу дальнейшего пребывания в Ахель-Итаре людей. Об участии зарнарян, и желании изучения самого города, как значимого культурного и исторического наследия Заруны.

Интересно, что Зарнар смог ответить на все наши вопросы.

Так, в отношении защитного поля города он сказал, что возможности его ограничены. Да и принцип его работы сложен и не только энергозатратен, но и нерационален, так как создает серьезные аномальные электромагнитные атмосферные явления, влияющие на природу и функции некоторых приборов. Он предложил наоборот уменьшить его до размеров долины Ахель, где находился город гернов. Тогда нам было бы проще вернуться назад на одном из гернских летательных аппаратов!!! У Йена зашкаливало воображение от полученной информации.

Конечно, герн объяснил, как сузить периметр работы поля и где найти тот самый летательный аппарат. Зарнар сказал, что когда-то, до Восстания тараков, герны работали над созданием космического корабля. Проект был заморожен, но некоторые небольшие летательные устройства, предназначенные для работы в вакууме космического пространства, все-таки уже были построены. Они находились на строительной верфи с другой стороны долины. Поэтому вопрос о сухопутном возвращении отпал сам собой. Важной стала тема овладения навыками работы с оборудованием гернов и уменьшение радиуса работы поля города.

В отношении судьбы зарнарян, вопрос решался автоматически, когда поле сузится до пределов Ахель-Итара. Тогда тем откроются просторы всей планеты, и они будут вольны идти туда, куда душа пожелает. Им уже не нужно будет контролировать рождаемость, и ждать Избранного. Их миссия уже выполнена, и теперь они могут строить свою судьбу так, как сами посчитают нужным.

Зарнар поведал нам и о слабых местах тараков. Оказывается, если лишить их матки, они будут дезориентированы некоторое время, пока власть не примет другая самка. Это же потребует немало времени, так как другие женщины-тараканы в силу своей природы начнут борьбу за власть. И чем неожиданнее будет смерть матки, тем яростнее и ожесточеннее будут сражаться женщины-тараканы.

Если говорить о способностях Найтро, то она только кажется хрупкой и ограниченной. Наниты, составляющие ее тело, рассыпаясь на мелкие частицы, как невидимая песчаная буря, способны смести тысячи тараканов за час. Чтобы убить одну вражескую особь, достаточно тысячи нанитов. В ней же их триллионы! Причем, группа нанитов занимается в первую очередь определением степени агрессивности объекта. Если он не достигает определенного уровня, они оставляют объект нетронутым. На вопрос о том, что же делать с уцелевшими, Зарнар ответил, что эти объекты достойны честного и справедливого суда. Как и выбора своей судьбы.

В отношении дронов, герн сказал, что радиус их работы слишком узок, как и их возможности. Подзарядки они требуют каждые пять часов. Если их вовремя не зарядить, они просто превращаются в барахло. Но у них нет ограничения определения агрессивности. Они просто выполняют приказы Управляющего. Ограничитель находится в голове и совести последнего, как и то, что им является один человек.

А на вопрос Марта о доступе к комам лаборатории, чтобы завершить работу с антивирусом, который ему не давал покоя уже столько дней, Зарнар пожал плечами и сказал, что доступ к ним дает Управляющий. В общем, если я согласна, он может спокойно работать в его лаборатории. Проблема заключалась в том, что все программное обеспечение было на карском языке, в котором братик очень искусно тормозил.

И еще... Мэнона. Когда гадак узнал о возможности стать человеком, лицо его просияло. Оказывается, он втайне всегда мечтал быть человеком! Просто понимал, что этому никогда не случится, поэтому смирился со своей участью и радовался тому, что уже может жить среди людей, как свой. А тут такое! Он чуть не сломал крышку камеры, чтобы поскорее в нее лечь и преобразиться в человека. Я лишь умиленно улыбалась, следя за его взволнованными движениями.

Зарнар объяснил принцип действия капсулы и работу нанитов, а также как запустить процесс. Лахрет легко во всем разобрался и уже через час гадак был погружен в кому, а наниты принялись за работу. Герн сказал, что на весь процесс преобразования уйдет около недели.

А так как «главный банк данных» об антивирусе под именем Мэнона был в отключке, дальнейшая работа над ним была приостановлена, что весьма расстроило Марта. Я посоветовала ему переключиться на что-нибудь другое.

Самым впечатляющим для меня было два момента: посещения Центра Управления защитного поля гор Градасса и строительной верфи космического корабля гернов.

Из-за ограниченности времени, Лахрет решил поделить нашу группу на две части. Одна должна была уменьшить поле, а другая добраться до космического шатла и начать не только разбираться в его работе, но и запустить его.

В первую группу вошли Лахрет, Зунг, Пенна, помощница Зунга, Фиона и, конечно же, я (Лахрет не отпускал меня от себя ни на шаг). Найтро тоже пошла с нами, но вела она себя, как малое дитя. Всему удивлялась, наивно улыбалась и обо всем спрашивала. Я определила как главного ответчика для андроида Пенну. Постоянные вопросы Найтро меня вечно

приводили в замешательство. Помощница библиотекаря же прекрасно с этим справлялась.

Во вторую группу Лахрет определил всех остальных: Йена, Нарана, Яту, Марта Милитану, Рэнну, капитана Виктора, Туву, как талантливое навигатора, и трое зарнарян (Вэй Вэй, Хим Дан и Кан Иду).

Зарнар в подробностях объяснил второй группе о расположении верфи, а также принцип и протоколы входа туда. Указал на местонахождение рабочего шатла и коды доступа к главному искину корабля.

Нам же герн обстоятельно рассказал, как добраться до Центра Управления полем и что нужно делать, чтобы сократить радиус его работы. Коды доступа там были не нужны для нас с Лахретом. Оказывается, главным проектировщиком поля был Зарнар и доступом к главному серверу управления им был его генетический материал, точнее особенность, которая теперь есть как у меня, так и у Лахрета (он ее получил, когда приложил руку к ридеру капсулы). Я, естественно, ничего не запомнила. Но мне это и не нужно было, Лахрет всё прекрасно запомнил за нас двоих. Переводчиком с карского там должен был быть для нас Зунг. А для первой группы — Наран.

Договором было то, что после того, как мы уменьшим защитное поле Градасса, отправимся к докам шатла, где уже во всю должна работать вторая группа.

Так и порешили.

Когда мы добрались до Центра Управления верхом на ниясытях (Забаву нес Лирит, я с Лахретом и Зунгом на Рогоре, а Пенна, Фиона и Найтро на Брине), уже давно перевалило за полдень. Вторая группа тоже захотела лететь верхом на ниясытях, так как дорога была дальняя. В их распоряжении были только мартов Нук и Натон. Благо, можно было перемещаться через зияние в пределах долины Ахель. Поэтому те решили для разведки сначала слетать так и отнести первую партию, потом вернуться через зияние и забрать вторую и третью. Так было много проще, чем шлепать пешком через пересеченную местность. Тем более долина была ой! как немаленькая.

Итак, мы прибыли к Центру Управления. Это было двухэтажное прямоугольное здание, окружавшее площадку в центре. Из нее из-под земли в небо вырывался переливающийся постоянный поток энергии, и шло монотонное тихое гудение.

Когда мы спешили перед фасадом дворца, я некоторое время не могла двинуться от восхищения. Силь, в котором была выполнена отделка строения, напоминала земной ампирический. Восемь коринфских колонн поддерживали помпезный фронтон. Окна и арки украшали головы дивных гривастых животных, а по фризу дворца располагались несколько десятков многофигурных барельефов. Центральную лестницу охраняли все те же чудные создания, что украшали и арки. Сам дворец окружала уже давно высохшая канава, обложенная тесаным камнем. Через нее со всех сторон были перекинuty четыре моста.

Лахрет взял меня за руку и повел по ступеням к главному корпусу здания. Войдя через портик в здание, мы очутились во внутреннем помещении. Двери легко открывались перед нами, стоило только коснуться или мне, или Лахрету панели сбоку. Холл оказался немного проще, чем обещал фасад. Поднявшись по очень длинной закрученной лестнице на второй этаж, мы оказались в главном управленческом помещении. Оно представляло собой длинную просторную комнату с узким длинным окном напротив входа и закругленной в баранку консолью в центре. За стеклом переливался все тот же поток света — источник поля.

Как и объяснял Зарнар, мы подошли к центральной консоли и принялись читать

надписи на мониторах. Точнее, это делал Зунг, чем невероятно гордился. Найдя нужную команду, он ткнул в нее пальцем. Это был изображенный круг на упрощенной карте гор. Чтобы уменьшить радиус поля, необходимо было коснуться сенсорного экрана интерфейса одной рукой, делая жест на уменьшение, а другой, на экране рядом, уменьшить мощность излучателя поля, повернув регулятор вправо. Затем ввести в командную строку нужные параметры, которые продиктовал нам герн, и поле через полчаса начнет уменьшаться до тех пор, пока не достигнет указанных в командной строке координат.

Лахрет справился с этим на отлично. Я лишь стояла рядом и искренне за него болела сжимая кулачки. После сих манипуляций ничего особо не поменялось. Лишь гул за стеклом заметно уменьшился. И всё.

Зарнар сказал, что больше делать ничего не стоит, так как это может сильно повлиять на работу поля. Мы не слишком этим сейчас и заморачивались. Выполнив задачу, развернулись и поспешили покинуть здание. Для нас работа поля и его изучение были не на первом месте.

Вскоре, забравшись снова на спины ниясытей, мы полетели к строительной верфи недоделанного космического корабля, где уже находилась вторая группа.

Еще за сотни километров до цели, мы видели невероятных размеров стапели, эллинги, сборочные цеха и склады. А над всеми ими возвышался наполовину отделанный остов того, что должно было когда-то стать космическим кораблем. От этого грандиозного зрелища сердце ухнуло в желудок и вернулось обратно. И чем ближе мы подлетали, тем мельче я себе казалась.

Как и говорил Зарнар, вход на территорию главного ангара, где хранились два готовых шатла, находился справа от основных цехов. Они на вид походили на серую летучую мышь со слегка обрезанными крыльями. Кто знает, может, они во время полета выдвигаются? Я еще поозиралась по сторонам, может, где Бэтмен прячется? Размерами они достигали пятиэтажного пятиподъездного дома.

Найти остальных нам не составило труда, так как у входа уже дежурили Нук с Натонем. А Забава провела меня и моих спутников прямо туда, где находились Наран, Марк и Тува. Они разбирались с панелями управления на главном мостике второго справа от входа в помещение шатла. Йен отправился в инженерный отсек вместе с Виктором и Рэнной. Милитана и Ята пошли осматривать медблок корабля.

Примечательно, что когда мы с Лахретом переступили порог капитанского мостика, некоторые приборы сами включились, что вызвало на лице Тувы и Нарана замешательство. Март никак не отреагировал, так как бездумно таращился на одну из консолей справа сокрушенным взглядом. После того, как я спросила, в чем дело, он уныло ответил:

— Будь проклят тот день, когда я решил забросить изучение карского языка! Здесь же все на карском! Как разбираться в программном обеспечении корабля на непонятном языке???

— Придется учить, братишка, — улыбаясь, похлопала я его по плечу.

— Придется... — сокрушенно выдохнул он и спросил: — Ну что? Уменьшили поле?

— Да, — кивнула я, опершись о консоль.

Ноги просто гудели от усталости, хотя сегодня я почти не ходила.

Лахрет присоединился к Нарану, а Тува пытался перевести что-то на навигационной панели. Дело пошло быстрее, когда к нему присоединился Зунг. Тепло улыбаясь, Пенна предложила Марту свою помощь в переводе с карского, и брат оживился.

Я же за всем молчаливо наблюдала со стороны. Участвовать в чем-либо совершенно не хотелось. Сегодня меня особо тошнило. Неужели токсикоз? Так рано?

Вскоре, после тщательных исследований и через череду проб и ошибок, мы смогли связаться с лабораторией. Теперь Зарнар мог руководить нами оттуда. Дело ускорилося в разы. А еще через пару часов получилось перенести базу данных голограммы Зарнара в главный процессор шатла. И уже к вечеру мы смогли запустить двигатели. Работая с гернским оборудованием, мы не переставали удивляться, как качественно и на века делали герны свою работу. Ничто не испортилось, не пришло в негодность. Даже спустя тысячелетия, механизмы, установленные ими, сохраняли свою работоспособность и целостность.

Пока мои спутники усердно трудились в рубке, я отправилась путешествовать по кораблю. Нашла каюту. Там обнаружила душевую. Радости моей не было предела. А больше не было предела удивлению, когда вместо воды сверху подуло потоком сухого воздуха. Я некоторое время тупенько попялилась на решетчатое отверстие сверху и покинула помещение. Однако после того как я переступила порог кабинки, в теле возникло приятное ощущение чистоты и легкости. Вот тут я изумилась еще больше. Одевать после этого грязную пропахшую потом одежду было не очень приятно. Благо хоть пахла она ароматным потом ниясытей, а не человеческим. Решила, что как только появится возможность, поменяю ее.

В самой каюте кроме широкой мягкой кровати без быльцев, усланной золотистым простроченным покрывалом и валиком вместо подушки, была только прикроватная тумба и иллюминатор. Укрывшись покрывалом, я улеглась на кровати и уснула крепким богатырским сном. Настолько крепким, что даже не слышала, как Забава ныла, что хочет есть, пока Лирит самостоятельно не отнес ее на одно из озер долины Ахель. Туда же слетали и остальные ниясыти. Так что ко времени старта шатла наши крылатые друзья были сыты и довольны.

Вечером за мной пришел Лахрет и позвал в кают-компанию, где собрались все участники экспедиции. Желудок больно заурчал при виде небольшого ужина, стоявшего на круглом столе. Все уже поели, поэтому, когда я с жадностью набросилась на скудные остатки небогатого стола, другие лишь учтиво наблюдали и продолжили живое обсуждение дальнейших наших планов.

Еще до того, как я пришла, было решено, что нам помогут наши друзья из Зарнара. Хим Дан заверил, что хранители города будут готовы помочь Избранной в ее (то есть моих) любых решениях, направленных на борьбу с тараками. Тем более теперь им открыт путь во Внешний Мир, и нужно налаживать «внешнюю политику» города. Он сказал, что всего в городе насчитывается две тысячи хорошо обученных воинов. Каждый из них обладает отличными боевыми навыками в ближнем бое и в стрельбе. Причем, оказывается, у каждого хранителя есть опыт, так как зарнаррянам часто приходилось сталкиваться с хищниками пустынных земель, окружавших город, а так же постоянными нападениями отщепенцев из Окраин. Это значило, назад мы возвращаемся с серьезной армией.

Что нас ждало впереди, сложно было предугадать. Возникла масса вопросов. Например, смогли ли тараки пробиться через защиту уотов? Если да, то куда они уже добрались на материке, и какой ущерб нанесли Иридании? Что происходит в городах, где был поднят мятеж? Сумели ли Мара и Тирет вернуть себе власть? Если да, то, в каких городах? Продолжается ли до сих пор внутренняя борьба? Меня лично волновал вопрос о

том, кто на нашей стороне? Другие спрашивали, куда надо в первую очередь лететь? В общем, миллион вопросов!

На собрании присутствовала и голограмма Зарнара. Он заверил нас, что шатл может свободно пересечь защитное поле Ахель-Итара, так как частота его поля совпадает с частотой поля города. И тут я его спросила:

— Зарнар, а скажи, герны случайно не создали систему слежения за Внешним миром?

Голограмма герна мелькнула, что бывало всегда, когда его кто-то о чем-либо спрашивал, и он ответил:

— Да.

— И ты все это время молчал?! — потрясенно выпучил глаза Виктор. — Мы здесь уже два часа бьемся над вопросом о том, куда лететь, а ты молчишь?!

— Вы меня не спрашивали.

— Виктор, успокойся, это всего лишь машина. Она отвечает только тогда, когда задаешь правильные вопросы. Она не проявляет инициативы, — поучительно отметил Зунг, лениво развалившись в удобном кожаном кресле.

— Ну-ну, — буркнул капитан и повернулся к голограмме. — И где находится пост наблюдения?

— Мониторинг можно осуществлять в нескольких местах. Один находится в моей личной лаборатории, второй...

— Здесь на корабле можно? — недовольно скривившись, перебил герна Виктор.

— Если установить нужные протоколы в интерфейс, то да.

— Надо было сразу с этого начинать!

— А благодаря чему это возможно? — не удержался Йен.

— На околоземной орбите есть спутник.

— Как? — у Нарана виртуозно вытянулось лицо. — Это не возможно! На орбите находятся только наши спутники, и они не фиксировали присутствия инородных объектов!

— При его установке и запуске была использована программа «тень». Она позволяет отражать любые сканирующие лучи и создавать видимость тени на фоне космоса. В таком случае видимость спутника минимальная.

Все оживились и начали спрашивать Зарнара, как установить протоколы и связаться с гернским спутником. Он сказал, что проще это сделать в рубке, поэтому Тува, Зунг и Март поспешили туда. Остальные остались в кают-компании. Всем туда идти смысла не было.

После того, как связь была установлена, Тува легко вывел на экран в кают-компании необходимую информацию. Через связь он сообщил, где находятся таракы (интересно, что спутник как раз на это и был запрограммирован). Оказывается, враги уже пересекли границу и приближались к двум большим областным городам, находящимся рядом. Это были западные города Варды и Сандрия. Таракы расположились широкой линией фронта и осадили города. Рядом можно было рассмотреть лишь небольшие скопления людей. Значит, западная армия была разбита, и города уже защищать было почти некому. На фотокадрах со спутника было хорошо видно, что осталось позади армии таракков. Это были выжженные земли, разрушенные поселения и мелкие города, и ни одной человеческой души. Также мы увидели опустевшие таракские корабли и берег, усыпанный телами людей и таракков. Никто их не убирал, и они лежали навозом на земле, обдуваемые ветрами и обклеиваемые птицами и насекомыми. Жуткое зрелище.

Еще через связь со спутником мы узнали, что северо-восточные границы Иридании

тоже пали, но там пять уотов продолжали держать оборону и тараки пока не продвинулись от берега дальше нескольких километров. Остальной периметр континента оставался нетронутым: защитное поле еще держалось.

Тогда мы ввели запрос об информации об Ире. Улицы столицы были пустынно. Если там и оставались люди, то лишь мелкие и редкие точки. Понять, живут ли там, что делают, практически нереально. Уяснили мы лишь одно: там тараков пока не было.

Когда мы получили полную картину, сердца многих потрясенно сжались.

— Почему? — проронил Зунг, обхватив в ужасе голову. — Неужели Тирет и Мара этого добивались?! Где они сейчас? Я был уверен, что они знали, как остановить тараков, когда заключали с ними соглашение.

— Ты уверен, что тараки сдержали свои обязательства? По мне, так они воспользовались Тиретом и Марой.

— Может быть...

— Так что дальше? Куда нам лететь? — это был грустный голос Милитаны.

Лахрет поднялся с дивана и подошел к подвешенному к потолку дисплею размером с приличное окно. Остановился перед ним и начал пристально рассматривать карту Иридании, изображенную на нем. Через минуту раздумий он произнес:

— Летим в Сандрию. Там находится уцелевшая воинская часть. Они еще держат город.

— А Варды?

— Они уже практически пали. Когда мы туда прибудем, там уже нечего будет делать.

От этого по спине побежали мурашки, а в душе похолодело. Страшно подумать, что сейчас творится на улицах некогда безмятежного города.

Однако первым делом нужно лететь в Зарнар. Собрать небольшую армию и потом в Сандрию.

Кто-то спросил, а где будут ниясыти? Но так как коридоры и дверные проемы шатла были достаточно велики, вопрос об этом сразу же отпал. Мы позвали ниясытей войти на корабль и найти достаточные и удобные помещения для себя самостоятельно. Что те послушно и сделали. Они обнаружили какое-то небольшое хранилище-склад на самой нижней палубе, и уютно улеглись там. Они же ведь у нас создания сообразительные и умные, поэтому за них мы больше не переживали.

Поскольку на дворе уже перевалило за полночь, решили выдвигаться рано утром, на заре. Поэтому Лахрет велел всем найти себе каюту поудобней и поспать. Мы пошли в ту, что обнаружила я.

Засыпая, я спросила мужа, хватит ли на шатле места для такого количества воинов, которое предложил Хим Дан? На что он ответил, что смотрел проект корабля и обнаружил на нижних палубах жилой комплекс на триста кают. Мы находились на верхней, где были каюты экипажа корабля. Услышав удовлетворительный ответ, я сразу же заснула, что было весьма удивительно, так как я до этого уже спала. Но не в этом суть. У груди мужа мне всегда хорошо спалось.

*** **

В Зарнаре нас приняли довольно радушно, если учитывать, что наемники стражники, что отправились нас провожать в Храм-Врата через полдня притащили бессознательного Старейшину. По какой причине он «потерял сознание» они умолчали, так как боялись, что я вернусь с Хим Даном из Великого Ахель-Итара с могуществом гернов и накажу их за неповиновение традициям предков. Эта их суеверность спасла нам кучу времени. Усилило

их предрассудки эффектное появление из-за гор огромного летающего корабля, зависшего ровно над центральной площадью города. А когда сверху на платформе спустилась группа людей и ниясытей, благоговению зарнарян не было предела. Пришлось их долго убеждать, что мы не боги, а простые люди.

Старейшина все еще находился в реанимационной капсуле и никак не мог нам воспрепятствовать. Поэтому Хим Дану легко было объяснить начальникам военных отделений, что произошло и что требуется. Каково было удивление жителей города, когда они узнали, что теперь «стень» больше нет! Теперь они свободны и могут идти, куда хотят. Смогут ли они преодолеть многовековую, вживленную в само сознание, боязнь Внешнего мира? Сломать целый уклад жизни и построенный на правилах ограничения образ мышления? Спешить они не собирались, и решили проявить благоразумную осторожность. Жители Зарнара прекрасно понимали, что сильно отличаются от людей из Внешнего мира и нуждаются в постепенных изменениях.

Что же касалось борьбы с тараками, начальники военных отделений проявили готовность выступить в тот же день и поддержать ириданцев в войне. Это для них было священным долгом. Поэтому после Срочного Совета они поспешили собрать отряды и все самое необходимое. В отношении организации народа Хим Дану не было равных. Он быстро, четко и эффективно распределил всех и всё в городе и в воинских частях.

Тем временем, пока мужчины решали свои очень важные мужские дела, я умудрилась сбежать в город. Удивительно, как еще меня Лахрет отпустил. Может, потому, что за мной по пятам ходили Забава и Рогор? А теперь еще и Найтро ходила за мной, как прилепленная, разве что не спала со мной. На корабле, правда, она больше общалась с Пенной, которая с удовольствием все ей объясняла. Люди, только завидев ниясытей, теперь осторожно обходили нас десятой дорогой, с опаской поглядывая на крылатых созданий. Не знаю, что уже за легенды сочинили про них зарнаряне, но в их глазах это были уже не просто крылатые чудища, а целые невероятные чудесатые создания.

Сбежав с корабля, который послушно повис в воздухе над городом, я с Вэй Вэй сбежала к ней домой. Она нарядила меня в новые и, конечно же, белые наряды, которые немного отличались от повседневной одежды зарнарян своей легкостью, шелковистостью, мягкостью и нежностью. Вэй Вэй сказала, что это праздничный наряд на всякие торжественные случаи. Она его практически никогда не одевала, так как не любила появляться на люди в такие дни. Нарядили мы и Найтро. Ходить в сильно облегающем сером комбинезоне было неприлично даже по ириданским меркам. Нас и так проводили шокированными взглядами некоторые жители города, когда мы только покинули корабль. А что будет, когда палубы заполнятся большим количеством мужчин, не знающих женского тела? С Найтро-то ничего не будет, а некоторые могут пострадать.

Так же в гостях у Вэй Вэй я приняла душ. Затем мы хорошо подкрепились в месте, которое моя спутница назвала хоко (а по мне, так это было обычное кафе). Там я попросила еду на вынос, поскольку хотела, чтобы Лахрет обязательно попробовал это ни с чем несравнимое блюдо. После того как мы поели, слетали на уже знакомый нам пляж — покормили Забаву и Рогора, точнее они это сделали самостоятельно, а мы с Вэй Вэй и Найтро просто посидели на травке и полюбовались их водными играми. Кстати, во время их трапезы к нам присоединились и все остальные ниясыти, так что зрелище было весьма грандиозное. Дальше, ближе к обеду, мы отправились назад на корабль.

Когда я, белая и летящая, похожая на белоснежное воздушное облако, с торжествующей

улыбкой и сытая, вернулась обратно на шатл, Лахрет уже был на мостике. Вместе с Нараном, Виктором и Хим Даном он обсуждал стратегию дальнейших действий. В тот момент, когда я ступила в помещение, Лахрет оторвал взгляд от экрана и застыл в потрясении. Что его так изумило, я только догадывалась, но когда он бросил все и пошел мне навстречу, затем ласково обнял, поняла, что мое преображение ему пришлось по вкусу. Он только и сказал, что я выгляжу сногшибательно и поцеловал в лоб долгим и нежным поцелуем. Губы мои хоть и манили его, но были запретной темой в это смутное время.

В общем, определив стратегию, подняв на борт тысячу, а не две, как говорил ранее Хим Дан, элитных солдат, запасшись провизией и оружием, мы двинулись в сторону Сандрии. Согласно расчетам Тувы, с возможной в атмосфере скоростью данного летательного аппарата, мы прибудем к месту назначения поздним вечером.

Во время полета я большей частью сидела в обзорной комнате, которую обнаружила Милитана во время одного из своих первых исследовательских путешествий по палубам шатла. Это была просторная овальная комната с длинным мягким диваном и овальным, длиной от стены до стены, иллюминатором. Сидела и смотрела на быстро проплывающие пейзажи за бортом. Через время ко мне присоединились Милитана, Ята, Пенна и Вэй Вэй Зарнарянка очень легко находила общий язык с моими спутниками и очень скоро влилась в коллектив. Ее приняли радушно и тепло, чему она бесконечно радовалась и спешила всем помогать на каждом шагу.

Но вот шатл начал замедлять скорость: мы приближались к месту назначения. От этого сердце волнительно сжалось и опустилось в колени. Каждый из нас прекрасно понимал, что предстояло в скором будущем. Поэтому, как только поняли, что время настало, каждый побежал занимать свои места. Я с Найтро пошла на капитанский мостик, где был Лахрет.

Итак, Сандрия... День возмездия.

Раголар уже спешил к закату, спрятавшись сегодня за серую тяжелую пелену очерчивающих горизонт широкой лентой туч.

*** **

— Что скажешь, Ог. Каковы потери? И что ты думаешь о прогнозе Арогота?

Ганц выпрямился, оторвавшись от карты на широком экране переносного стола временного штаба последнего военного подразделения Западного фронта. На его осунувшемся от измождения и двух бессонных ночей лице появилась скорбная безысходность. Сзади еще стояла Сандрия. Варды вчера пали под мощным натиском тараков. Город спалили дотла, а пленных отправили на грузовом воздушном транспорте на таракские материки. Следующий на очереди — Сандрия.

— Исходя из тенденций последних сражений... — Ог поджал в задумчивости губы. — Завтра последний бой. А потом уже не останется никого, кто мог бы сдерживать с запада тараков. Нас может спасти только чудо...

— Ты веришь в чудеса?

— Нет. Но это единственное, что пришло мне на ум. Мы не имеем ни оружия, ни людей, способных противостоять мощи тараков. Да и ниясыти слишком истощены, чтобы защищать нас. И их... осталось слишком мало...

Все понимали, что помощник Ганца озвучил тайные страхи всех здесь присутствующих. Каждый знал, что завтра будет последний бой. Больше у них нет ни сил, ни ресурсов, ни помощи ниясытей.

— Сколько сегодня прибыло новобранцев?

— Столько, чтобы протянуть до вечера.

— Сандрия уже эвакуирована?

— Да. Остались единицы.

— Думаю, им хватит времени до завтрашнего вечера, чтобы собраться? Потом пусть полагаются лишь на свои силы... — голос Ганца дрогнул и он повернулся к неприкрытому выходу. Немного помолчал, и продолжил, печально кивая головой: — Значит, говоришь, нас спасет только чудо? И где же оно?

— Лорт!!! Мой лорт!! — тут же, словно отвечая на его вопрос, донеслось возле входа, и в тот же момент в штаб-палатку вбежал запыхавшийся молодой человек (видно из новобранцев, слишком уж живое и подвижное у него еще было лицо). — Разрешите доложить!

— Докладывай, — устало кивнул Ганц.

— К нам с востока приближается неизвестный летательный аппарат!

— С востока?

— Тараки?

— Никак, нет! Не тараки! Я таких летательных единиц у них не видел. И движется машина со стороны материка.

— Чей?

— Мне не известно! Я никогда не видел такой летной конфигурации! — паренек потрясенно выпучил глаза.

Это весьма заинтриговало лорта Тилитов. Он нахмурил густые черные брови, и на его широком открытом лбу появилась еще одна напряженная морщина. Больше не медля ни секунды, он поспешил покинуть штаб-палатку. За ним последовали и остальные его советники. Да так и застыл с запрокинутой головой на выходе, так что остальные чуть не врезались друг другу в спины.

На окрашенном заревом небосводе, на фоне двух пирамидальных небоскребов Сандрии, замедляя ход, приближался огромный летающий объект. В высоту около тридцати метров, а в длину до ста метров, оно имело ромбовидную форму с непонятными для лорта очертаниями. Только раскинутые как у ниясыти крылья снизу можно было с чем-то сравнить. Серый глянцевый фюзеляж переливался в свете Раголара золотистыми тонами, и почти неслышно работали двигатели. Кто бы это мог быть? Друг или враг?

Реагировать надо было быстро, поэтому через несколько секунд Ганц громоподобно проревел:

— Слушай мою команду! Стену строй!!!

Солдаты, захлопнув рты, поспешили за своими энергетическими щитами, и уже через минуту вдоль всего края воинского формирования выстроилась длинная шеренга с выставленными вперед щитами. Перед ними на равном расстоянии построились вымушпрованные последними днями ниясыти, грозно прогнув шеи.

— Не стреляя-ааать! — так же громогласно проревел лорт и направился к месту, на которое явно метила летательная машина.

За лортом последовали его пять помощников.

Вот, зашипели сопла обратной тяги и выдвинулись шасси-стойки. Машина замерла, и в тот же момент с легким шипением открылся центральный шлюз и выдвинулся пандусом трап.

— Не стреляаать! — повторил Ганц, крикнув через плечо, и внимательно всмотрелся в

светлое пятно входа.

Каково же было его потрясение, когда он увидел стройный силуэт ниясыти! Она отделилась от прохода и шагнула вперед. Вот ниясыть ступила на трап и на нее легли теплые лучи Раголара. На серебряной шкуре заиграли все оттенки красного. Она двигалась спокойно, плавно и величественно. Ганц неотрывно следил за мягкими и грациозными движениями ниясыти, за достойно поднятой головой и благосклонным взглядом в сторону людей. Удивили округлые бока ее, словно она ждала приплод, и приближались дни яйцекладения, но разве такое может быть? Разве это та самая нира, в благородных чертах которой он признал бывшую королеву? Но только мелькнула в его голове эта мысль, как воздух дрогнул от протяжного приветственного стога стоявших сзади ниясытей его уота. Так они приветствуют только свою королеву.

Волной нахлынули мурашки. Она, гордо вскинув голову, приветственно протрубила в ответ. За нею следом в равнобедренном треугольнике шло двое нуров. Один двигался настороженно и по хищному плавно. А второй достойно и невозмутимо твердо ступал с другой стороны. Так мог двигаться только нур начальника Службы Безопасности Иридания. Рядом Ганц слышал сдержанные потрясенные возгласы помощников:

— Неужели это Забава?

— Она беременна?

— Не может быть!

— Сзади Лирит?

— Он. А чей нур идет рядом? Мне он не знаком...

— Смотрите, в выходе появились люди!

И Ганц перевел взгляд на начало трапа. Во главе стоял мужчина в белом широкополом одеянии. Он невозмутимо смотрел на ровно выстроенное воинское отделение, готовое в любой момент встретить врага. Задержавшись буквально на секунду на пороге, Лахрет, а это был именно он, шагнул вниз по трапу. За ним слева и справа следовали две женщины. Одна, в одеянии, подобном белому шелковому облаку, с кудрявыми светлыми волосами, развевающимися на ветру, держала Лахрета за руку и с волнением смотрела на линию солдат. С другой стороны шла темноволосая женщина, чертами лица похожая на Лану Ноа. Лицо ее светилось приветливой и решительной улыбкой. Вслед за ними шагала группа людей, среди которых Ганц смог узнать только Нарана Ниасу и библиотекаря атконнора Ира. За ними вышли еще трое ниясытей и, спустившись вслед за людьми, поравнялись с первыми, создав линию защиты.

Но больше всего Ганца потрясли те, кто следовал последними. Это было подобно белому потоку. Их белые, как снег волосы с собранными на затылке челками, спадали до плеч и трепетали на ветру. А широкие полы рукавов и подола развевались в такт движениям. Они ровным строем, один в один, мужественные и решительные, покидали корабль. А выйдя, поделились на два фланга.

Ганц долго не мог справиться с потрясением и поверить в увиденное, пока от группы прибывших не отделились трое, что шли первыми: Лахрет с Ланой и девушкой.

Лахрет шагал довольно спешно, так что Лане приходилось чуть ли не бежать за ним. Но вот он подошел к ним и, отпустив руку жены, шагнул навстречу.

— Ганц!

— Лахрет!

Они радостно похлопали друг друга по плечу. Потом лорт Тилитов вежливо перевел

взгляд на девушек:

— Лана! Госпожа! Рад вас видеть в здравии.

— Спасибо, — немного смущенно ответила жена ятгора и мило улыбнулась.

Ганц никак не мог прийти в себя и просто переводил недоуменный взгляд с Лахрета на корабль и обратно.

— Ганц, мы привели подмогу.

Лорт Тилитов благодарно, но вместе с тем скептически ухмыльнулся.

— Что ж. Это поможет нам протянуть еще на один денек больше. Так что умрем мы не завтра, а послезавтра.

— Почему ж так пессимистично? — весело улыбнулся ятгор, а потом заговрщещки подмигнул и, снова хлопнув Ганца по плечу, ответил. — У нас есть секретное оружие!

— Какое? — удивился лорт Тилитов и посмотрел на корабль.

— Увидишь. Скоро увидишь. Позволь мне принять командование.

— Конечно! Я только за! — даже слишком облегченно выдохнул Ганц и повернулся к походной заставе. — Тогда я обязан всех вас пригласить в воинскую часть. Прошу, следуйте за мной.

Лахрет оглянулся на остальных и кивнул, чтобы они двигались за ними.

В штабе уота поместились не все, кто прибыл с Лахретом. Неизвестные воины остались снаружи, окружив центральную палатку с четырех сторон. Белые солдаты стали спиной к временному сооружению и застыли невозмутимыми изваяниями.

В самом штабе развернулась серьезное совещание. И в процессе обсуждения было выявлено много деталей и событий, которые произошли как в горах Градасса, так и на землях Иридании.

Так, Лахрет и его спутники узнали, что после короткого восстания, мятежники быстро захватили власть основных городов. Тирет поспешил на фронт с явным желанием остановить зарвавшихся тараков. Это было на третий день, когда дрогнули ряды выделенных уотов западного направления. Тогда Тирет, высокомерно заявив, что сможет договориться с тараками, взяв с собой небольшой взвод солдат, сел на Гора и отправился к флагману тараков. В итоге, после несостоявшихся переговоров, вернулся лишь один солдат и сообщил, что matka лично вонзила меч в живот бывшего лорта Ира, скоро лишив его жизни. И потом долго злорадно смеялась над его телом. Схватив первого попавшегося сопровождающего лорта юнца, она велела ему возвращаться обратно и передать, что участь Иридании предрешена. Пусть люди готовятся к экспансии и если хотят жить, не сопротивляются. Тогда она будет снисходительна к ним и смерть немногих будет быстра.

Тем временем в Ире, желая навести порядок, Мара активно взялась за руководство. Все боялись ее и слушались. Но у нее участились странные психические приступы, когда она кидалась на людей и наносила им тяжелые телесные увечья. В один из таких приступов под руку ей подвернулась Лия Марахит. Кто знает, может быть, девушка сама искала удобного случая, но свидетели говорят, что она схватила какой-то тяжелый предмет, и, якобы защищаясь, наотмашь заехала им по голове шиасу. Та упала на пол, обливаясь кровью из пробитого черепа. Умерла она практически сразу. Спасти ее было невозможно. Кто-то сказал, что Лия будто бы в тот момент с ненавистью тихо произнесла: «Это тебе за то, что шантажировала меня и заставила предать самого лучшего друга!».

Выходит хорошо продуманное и подготовленное восстание задохнулось само собой, а вот тараки таки не исчезли. Они потянулись лавиной на земли Иридании, и казалось, их

массам нет конца и края. А сражались они неистово и отчаянно, словно в последний раз. Так что уоты таяли на глазах. Сильные и славные воины, вместе со своими ниясытиями, положили головы на полях боя, можно сказать, напрасно. Город за городом приходилось отдавать врагам. И надежда таяла с каждым днем.

*** **

Я всю ночь ворочалась на кровати в своей каюте на шатле, куда вернулась после долгих обсуждений в штаб-палатке уота. Лахрет остался там, а я, устав от информации, решила, что оставшиеся два часа до завтрашнего (или уже сегодняшнего) сражения, нужно поспать. Но я не спала. У меня в голове все крутились слова, что сказала Лия Маре перед смертью. Неужели она предала меня, потому что ее шантажировала Мара? Чем именно угрожала ей бывшая шиасу? Что заставило Лию так поступить?

Еще я не могла успокоиться от того, что именно эта спокойная, ранимая и молчаливая девушка, что всегда была рядом со мной в атконноре, и никогда не выделялась агрессивностью, смогла убить столь властную женщину. Я также подумала о конце самой красивой женщины Ира. Как глупо и страшно закончила Мара свою жизнь...

А как же теперь Кара? Что будет с бывшей Старшей королевой? Ганц сказал, что она пока сидит в Гнездовье, высиживает своих двух! птенцов. Меня потряс и тот факт, что всегда плодовитая королева на этот раз отложила лишь два яйца. Все-таки психическое состояние ее наездницы сильно сказалось на самочувствии королевы. Что будет дальше, неизвестно. На Заруне, когда умирала наездница, королевы обычно покидали мир людей. Куда они улетали, никто не знает. Но что будет делать Кара — загадка. Так как перед тем, как умереть, Мара сильно разругалась со своей королевой. Об этом знали все. Такого раздора между королевой и наездницей еще никто не видел. Мне было даже жаль Кару.

В этих размышлениях я и провалялась на кровати, пока не пропиликал мой ком. Я быстро встала, «ополоснулась» в душе, оделась и побежала на выход, где меня ждали Забава и Найтро. Где провела девушка время, я не спрашивала, но ее Лахрет отослал так же, как и меня.

На совещании еще ранним вечером было решено, что мы выступим в сражение с первыми лучами Раголара. Причем, Лахрет велел всем солдатам выстроиться в ряд, активировав энерго-щиты, и ждать. Чего ждать, он никому не объяснил. Понимали его только те, кто прибыл с нами из Ахель-Итара.

У трапа стоял Лахрет и ждал нас с Найтро.

— Уже? Давай скорее, все уже выступили, — поторопил он нас, протягивая мне руку.

— Я уже готова, — жизнерадостно улыбнулась Найтро, словно мы шли погулять в зоопарк.

Лахрет кивнул ей и повел нас в ту сторону, где располагался стан тараков.

Воздух еще охлаждал утренней свежестью. Пахло скошенной травой. Влага пробирала до костей, а изо рта шел пар. Хотя вокруг было уже светло, но Раголар еще не показал своего лица над горизонтом. А остатки редкого тумана таяли на глазах. Вверху заливалась в волнительной песне полевая птица, напоминая переливы степного земного жаворонка. Из травы доносился стрекот насекомых. В общем, ничего не предвещало беды.

Вот, впереди показались два ровных строя солдат, поднявших над собой энерго-щиты. За ними стояли обученные ниясыти (среди которых я увидела и Рогора!), готовые броситься в бой при первых звуках сигнальной трубы. При виде своей королевы, они коротко издали приветственный негромкий стон. Забава же их одарила лишь благосклонным взглядом и

продолжила величаво вышагивать рядом со мной. Мы были последними.

Воины молчаливо следили за нами от самого нашего появления на видимом горизонте. Наше появление много приободрило их и подняло боевой дух. Подняв сжатые кулаки вверх, они хором приветствовали наше появление, от чего я смущенно потупила взор. А затем также неожиданно замолчали. В этой напряженной тишине мы прошли сквозь строй и вышли вперед на десять шагов. Впереди нас уже встречал ровный ряд тараков. Они были тоже готовы к сражению. Издалека было трудно различить лица врагов, но даже сюда чувствовался их решительный и высокомерный настрой. Они были уверены в себе и в своих силах. Убивать тараканы умели лучше всего и делали это с радостным остервенением. И сейчас напряженное предвкушение битвы исходило с их стороны. Даже я это ощущала.

Я покосилась на лица стоявших рядом людей. Они тоже хранили решимость, пусть и обреченную, но решимость. Каждый из них понимал, что сегодня они должны покинуть мир живых, рано или поздно. Но никто не желал бежать. Ради семей и близких, каждый из солдат готов был положить здесь свою голову.

Затем я перевела снова взгляд на стройные ряды тараков. Что ж, сегодня мы узнаем, ради чего Зарнар потратил чуть ли не половину своей жизни.

Лахрет заглянул мне в глаза и спросил:

— Ты готова?

Я глубоко вздохнула и кивнула:

— Готова.

Тогда он посмотрел на Найтро и велел ей (а я при этом сосредоточилась на том, как хочу, чтобы тараканы исчезли раз и навсегда с этих земель):

— Ты знаешь, что делать.

— Да, — мило улыбнулась девушка. — Знаю. Я поняла ваш приказ.

Затем Найтро развернулась и не спеша пошла в сторону тараканов. Ее сопровождал лишь негромкий стрекот насекомых и заливная песня зарунянского жаворонка. Она шла одна, стройная, гибкая, красивая, без оружия и предметов защиты посреди чистого поля и остатков тумана. Некогда высокая трава, согнутая прежними сражениями, послушно пружинила под ее легким шагом. Сегодня она одела свой прежний комбинезон, поскольку он был спроектирован специально для ее преобразований. Следя за ее легкими движениями, гибкой фигурой, никто бы и не подумал, что это может быть самое страшное в мире оружие. Кто-то из строя даже сдержанно удивленно воскликнул, но ряды не дрогнули.

Со стороны тараканов тоже не следовало никаких действий. Они недоумевали. Зачем в их сторону шла лишь одна беззащитная женщина? Неужели это переговорщик?

Вот, Найтро дошла до середины поля, разделявшего нас с тараканами, и остановилась. Еще раз оглянулась на нас. На ее лице играла широкая торжествующая улыбка. Потом она развернулась к тараканам, раскинула широко руки и громко засмеялась. От ее смеха по спине побежали мурашки.

После этого с нею начало происходить что-то странное. Все началось с рук. Они потеряли четкое очертание, пока не превратились в густое скопление песчинок. И так до самого кончика волос. Вскоре вместо девушки посередине поля в воздухе висело песчаное облако. Далее оно начало закручиваться по спирали и подниматься вверх. Раскрутившись, оно сплюснулось в широкую полосу и на миг замерло. А потом, вдруг, резко сорвалось с места и с легким гулом метнулось в сторону тараканов. Достигнув цели, облако распорошилось на едва заметную серую пелену, разделилось на множество частей и окутало каждого

таракского воина. Они начали недоуменно отмахиваться руками, стрелять во все стороны, кричать. А мы продолжали просто стоять и смотреть. Никто не дрогнул, хотя лица почти каждого солдата потрясенно вытянулись, когда девушка превратилась в песчаное облако. Кто мог знать, кем на самом деле была Найтро. Ведь кроме милой улыбающейся девушки, не представлявшей никакой видимой угрозы, никто ничего не видел. А теперь она бесстрашно отправилась в ряды врага загадочной тучей и начала поражать почти всех тараксов одновременно.

Еще минуту спустя из вражеского стана уже доносились не возмущенные возгласы, а безумные, душераздирающие, холодящие кровь вопли, длившиеся всего около пяти минут. Вопли да лязганье падающего металла.

Затем тишина. Жуткая, смертельная тишина. Тишина да стрекот насекомых.

Прошло еще несколько минут, и от лежащей черной массы тел тараксов отделилась уже знакомая песчаная морось, которая скоро собиралась в одно место. Собравшись в плотное облако, оно начало формироваться в руки, ноги, тело, лицо, пока в том же месте, где и прежде исчезло, оно не вернулось в прежний образ милой темноволосой девушки. Она стояла посреди поля и все так же широко улыбалась белоснежной победоносной улыбкой.

Вслед за этим она двинулась в нашу сторону, сопровождаемая потрясенными взглядами и щебетом полевых птиц, пока не остановилась строго передо мной и Лахретом. Остановилась с горящим глазами и громко произнесла:

— Найтро выполнила поставленную перед ней миссию. Враг поражен. Была обнаружена только одна обходная единица. Жду следующих указаний!

Эпилог

— Здравствуй, сынок, — ласково прошептала я, глядя в черные угольки глаз маленького малыша, что держала на руках. — Я твоя мама...

Высунув пухленькую ручонку из пеленок и отрывисто ею махая, сынок мило улыбался мне в ответ и что-то агукал на своем младенческом языке. Только он увидел свет и вздохнул воздух Заруны, я каждой клеточкой ощутила его ментальный зов. Лишь первый крик новорожденного, а потом тишина и умный взгляд самых прекрасных глаз на планете. Он смотрел мне в лицо и я знала, что он понимал, что я его мама. Вот она, разница рождения зарунынина. Малыш еще не умеет говорить и думать, но он ощущает мать и мгновенно реагирует на окружающий мир. Меня охватил неопишуемый поток нежности и безумного восторга, желания во что бы то ни стало защищать маленького человечка на руках. Защищать от всех бед и невзгод этого мира. Мира Заруны.

— А я твой папа, — у изголовья, склонившись на сыночком, и поправляя пеленку дрожащими от волнения руками и улыбаясь на все тридцать два, произнес Лахрет.

Его глаза были полны невыразимого счастья и трепета перед чудом, что сегодня появилось на свет. Что может быть больше той радости, что испытывают родители, при виде своего новорожденного малыша? Он для них все: мир, сосредоточение любви и глубоких надежд, это их великая радость и долгожданная забота. Это их ребенок.

Назар, так мы называли сыночка, родился в день, когда пришли замечательные новости о смерти последнего тарака. Найтро вернулась с уже привычной фразой: «Найтро выполнила поставленную перед ней миссию. Враг поражен. Жду следующих указаний».

Мы как раз прибыли на материк Арк, где прятался последний улей. Тараки боялись. Еще с первого дня, когда появилась Найтро, в сердцах врагов застыл ужас. Они поняли, что их дни сочтены. Сначала они пытались как-то сопротивляться. Но потом, когда поняли, что это бесполезно, начали искать самые глубокие щели, чтобы укрыться от неминуемой гибели.

Все же, благодаря спутнику гернов на геосинхронной орбите Заруны, никто из них не ускользнул от неизбежного истребления. Лишь немногие гадаки выживали на опустевших вражеских землях. Они сначала приходили в глубокое замешательство, а когда узнавали причину и возможность стать человеком, почти всегда следовали примеру Мэноны. К слову сказано, новый «человек», Мэнона Хаскэ (такое имя дал сам себе мой дорогой и преданный друг), влился в человеческое общество как нельзя быстро и легко. Да и его приняли с душой. Особенно те, кто участвовал в экспедиции к Ахель-Итару. Экспедиции, которая за эти девять месяцев превратилась в легенду и обросла небылицами, обещая вскоре превратиться в миф. Я слушала их и лишь улыбалась. Разве закроешь рты людям? Людям, счастливым от того, что самая страшная угроза ушла навсегда в прошлое. Теперь тараки остались лишь страшным воспоминанием, которое, уверена, через многие поколения превратится в кошмарный сон и, в конце концов, забудется.

Мир Заруны изменился навсегда. И мы с Лахретом, как бы не сопротивлялись, стали легендой. То, что когда-то мы потеряли — власть и влияние — вернулись сторицей. И, по правде сказать, меня это не обрадовало. Поскольку возложило на наши плечи слишком много обязанностей. По мне — непосильных обязанностей. Особенно сейчас, когда я стала

мамой. Да и Забава стала мамой. Только немного раньше. После положенного срока она отложила свои обещанные пять королевских яиц, из которых вылупились пять полноценных королев. Это было событием века! В день Церемонии Единения в Ире было не продохнуть. Молодые королевы выбрали себе наездниц, все как одна. Никто не остался без пары. Причем, они выбрали девушек, которые участвовали в нашей легендарной экспедиции. Даже Ята обрела свой второй шанс! Конечно, пришлось ее долго уговаривать, но, когда она ступила, полная нерешительности на площадку Церемонии, все ее сопротивление растаяло как пар. Лишь только она услышала зов одиночества своей будущей королевы Логороны, она забыла обо всех своих сомнениях.

Другие четыре малышки выбрали Пенну, Рэну, Милитану и Вэй Вэй! Молодая зарнаржанка умоляла меня принять ее в претендентки на Церемонию. И ее желание быть наездницей исполнилось. Ее Сола выбрала одной из первых.

Если говорить о Зарнаре, то жизнь в городе круто изменилась. Как и жизнь Отверженных. Не буду рассказывать, каких усилий требовалось, чтобы наладить с ними контакт, но, когда они убедились в том, что им ничего не угрожает и есть возможность изменить жизнь, радости их не было предела. Конечно, как и везде, были недовольные и бунтари, но в целом, каждый получил возможность начать новую жизнь в «новом мире». После небольшого обучения с целью введения их во Внешний мир и общество, каждый мог выбрать, чем будет заниматься и где именно.

Лахрета завалили работой. Конечно, ему пришлось оставить место начальника Службы Безопасности Иридании (его занял вполне логично Наран Ниасу) и принять титул Верховного Лорта, возглавив Верховный Совет страны. Но он понимал, что другого выбора у него не было. Человек, превосходящий по интеллекту и нравственным качествам других, помимо своей воли должен взять на свои плечи ответственность за окружающих. Глядя на умные глазки нашего новорожденного сына, я понимала, что такая же участь ждет и Назара.

Наран с Ятой нашли, наконец, долгожданное счастье. И свершилось чудо! Ята забеременела (конечно, не без особых стараний Мэноны). Бывший гадак, вдохновившись успехом Забавы, решил помочь своей «Шуке», воспользовавшись базой данных города Зарнар. Правда, женщине пришлось немного полежать в капсуле-рекодировщике Зарнара (герна) в Ахель-Итаре. Но это того стоило. Теперь эта красивая пара ждала своего первенца. Как же изменился Наран!!! Не передать словами. Даже меня перестал подкалывать. Но это было скорее из-за моего нового положения, как Главной шиасу страны, чем из-за уважения. Где-то в глубине души он по-прежнему относился ко мне как к наивной глупышке, что встретил когда-то в небольшом поселке близ Ира.

Кстати сказать, мои названные родственники искренне гордились, что когда-то приняли в свой дом никому не известную девушку и помогли войти в этот чуждый мир. Теперь каждый зарунянин с глубоким почтением относился к семейству Арамсов, и им открылась дорога всюду, куда бы они не пошли. Стоило им лишь назвать свое имя и все взволнованно начинали расшаркиваться перед ними, поскольку каждый в Иридании знал историю Главной шиасу Ира наизусть.

О моей истории ходило много споров. Но в целом она походила на правду. Лишь истина о моем происхождении и прошлом осталась под занавес. Все же изобретательные люди придумали историю за меня. Ведь не может же легенда начинаться со сказочного явления героини из ниоткуда! Они придумали, что дескать, я родом из Отверженных и попала в поселение Со из окраин Зарнара, когда гуляла вдоль города. Там столкнулась с аномалией

защитного поля, и меня выкинуло за Грань. В процессе потеряла память и так ее не восстановила.

Что ж, если им так легче, пусть верят в эту сказку. Это более правдоподобно, чем то, что я пришла с другой планеты. Верили в эту историю люди много больше, чем в легенду Зарнара о происхождении человечества на Заруне, хотя Ахель-Итар и был тому доказательством с его Порталом в центре.

Город гернов посещать могли не все. Только избранные. Ахель-Итар стал не только культурным достоянием, но и местом, которое люди про себя называли Лоном Заруны.

В нем часто пропадал Зунг, продолжая свои исследования. Всякий раз, когда я находила его в каком-нибудь пыльном помещении, грязного, обтянутого паутиной и с горящими глазами, он демонстрировал мне новое открытие и очередную безделушку гернов. Ему в исследованиях помогала целая группа ученых, состоящая наполовину из ириданцев, а наполовину из зарнарян. Таков был наш договор с Зарнаром. Старейшиной этого города стал отец Вэй Вэй Хим Дан, чего и следовало ожидать. Ему пришлось со многим справляться практически в одиночку. Это было и разрушение стереотипов горожан, и обучение правилам окружающего мира, и ломание традиций и предрассудков, глубоко укоренившихся в сердцах каждого зарнарянина.

Первое время ему помогал Кан Иду, жених Вэй Вэй. Но потом, когда она прошла Церемонию Единения со своей Солой, он перебрался в Ир. Оттуда Лахрет его отправил в Тилиты, где проходила Церемония Единения с малышами Старшей королевы города. Он был выбран маленьким нуром Караном. После этого вернулся в Ир и женился на Вэй Вэй.

Мой братец Март начал усиленно ухаживать за Фионой и в последнее время у них начало что-то получаться. Не скажу, что в выборе девушки большое значение не сыграло родство молодого человека с правящей парой, но и чувства у нее тоже появились. Скоро будет Подписание брачного контракта.

За это время произошло еще много событий. И еще много, знаю, произойдет. Ведь жизнь идет и многое не стоит на месте. Однако я знаю одно, когда рядом любимые люди и создания, она никогда не будет скучной и безвкусной. Всегда будет что-то меняться и происходить. И я уверена, что я не буду стоять в стороне. Ведь я — Лана Ноа, наездница Старшей Королевы Заруны, Забавы, Главная шиасу Ира... Нет, всей Заруны...

Больше книг на сайте - Knigolub.net